

ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Материалы
XIII Международной научной конференции

Санкт-Петербург

30 октября — 1 ноября 2018 г.

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт лингвистических исследований Российской академии наук

ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНОГО ВОСТОКА, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Материалы XIII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 30 октября — 1 ноября 2018 г.

LESEWA

Санкт-Петербург
2018

- Я41** Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XIII Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 октября — 1 ноября 2018 года): [сборник статей] / Отв. ред. Е. Н. Колпачкова. С.-Петерб. гос. ун-т, Восточный факультет, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Институт лингвистических исследований РАН: [печатается в авторской редакции]. — СПб.: Издательство ЦСО, 2018. — 327 с.

ISBN 978-5-906623-34-8

Тематика конференции сфокусирована на значимом параллелизме в морфосинтаксических и семантических структурах языков Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки, который не может быть объяснен ни генеалогическим родством языков, ни ареальными факторами: так, например, для языков этих ареалов характерно использование тонов как смысловоразличительного фактора, преобладание аналитической модели в грамматике, общее тяготение к «изолирующему типу».

Результаты, полученные в ходе анализа конкретных языков, а также оригинальных изысканий в области типологии и универсальной грамматики, имеют первостепенное значение для раскрытия внутренней логики строения и развития языка как такового. В последние годы тематический спектр конференции расширился путем включения проблем сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики, этнолингвистики и обогатился за счет применения к описанию языков Юго-Восточной Азии и Западной Африки типологического и терминологического аппарата современной функциональной и типологической лингвистики.

ББК 81-3

David Sehnal
Universität Heidelberg

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КЛАССАМИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данный доклад предлагает способ, как по простым и достаточно однозначным критериям распределить словарный состав древнекитайского языка по частям речи, учитывая при этом их отношения в иерархическом плане. В процессе их поэтапного выделения широко используются взгляды Санкт-петербургских синологов С. Е. Яхонтова и Т. Н. Никитиной.

Keywords: *Old Chinese, Word Classes, Parts of Speech, Syntactic Function, Causative Construction, Common and Special Functions.*

Проблемой классификации слов древнекитайского языка по частям речи занимались многие исследователи, принадлежащие к разным поколениям китаеведов. В данном докладе я хочу предложить свою классификацию, которая исходит из научных результатов Санкт-петербургских китаистов Т. Н. Никитиной и С. Е. Яхонтова с некоторыми уточнениями, которые были сделаны в моей диссертации «Книга Лаоцзы. Перевод с филологическим комментарием», изданной в 2013 году в Праге. Новизна состоит в попытке показать, каким способом можно иерархически соотнести друг с другом классы слов и как они постепенно выводятся из общей массы древнекитайской лексики. В настоящем докладе я затрону только знаменательные слова древнекитайского языка, оставив служебные слова на этот раз в стороне.

В своей неопубликованной докторской диссертации «Синтаксический строй древнекитайского языка» Т. Н. Никитина делит знаменательные слова на 5 классов:

- 1) существительные;
- 2) прилагательные;
- 3) глаголы;
- 4) числительные;
- 5) локативы.

Ее критерии заключаются в синтаксических свойствах каждого из классов слов, их поведении в основных (обычных) и вторичных (необычных) функциях и в их сочетаемости с другими словами. По мнению Т. Н. Никитиной, семантическая классификация должна подтверждать классификацию синтаксическую. В системе Т. Н. Никитиной, как и у С. Е. Яхонтова, большую роль играет различие так называемых «обычных» и «необычных функций» классов слов. Необычные функции при этом не являются *ad hoc* употреблением какого-либо слова в той или иной вторичной функции, а представляют собой стройную систему, которая позволяет предсказывать значения слов в этих функциях и регулярным способом выводить значения друг из друга.

Для Т. Н. Никитиной возможность употребления слова в необычной функции является одновременно критерием его отнесения к знаменательным или служебным словам: все классы знаменательных слов употребляются в необычных функциях, а у служебных слов такого употребления не наблюдается или почти не наблюдается. У каждого знаменательного класса слов есть помимо лексического значения еще и его основное категориальное значение: для существительного — это значение предметности, для прилагательного — значение качества, для глагола — процесса, для числительного — количества, для локатива — ориентации во времени или пространстве. При употреблении в необычной функции лексическое значение слова не меняется; то, что меняется — это как раз его категориальное значение. Итак, прилагательное 大 *dà* — большой, будучи употреблено в именной функции, получает предметное значение большой человек или что-то большое. Но при этом, согласно этой теории, не происходит образования нового слова, в этом случае слово 大 *dà* остается прилагательным, только оно употреблено в своей вполне регулярной вторичной функции. Это очень важно для отслеживания идентичности древнекитайских

лексем, лексикографии и других практических задач, в том числе педагогических.

В работах Т. Н. Никитиной есть одна важная особенность: в отличие от ряда других исследователей, она не делит древнекитайские глаголы на переходные и непереходные. Аргументируя свой взгляд, она справедливо отмечает, что, если классификацию проводить по структурным критериям, в качестве которого должна выступать возможность управлять дополнением или возможность образовать пассивную конструкцию добавлением предлога 於 *yú* между глаголом и дополнением, то такая классификация будет неубедительной, так как непереходные глаголы могут во вторичной функции иметь при себе дополнение, и в древнекитайском языке пассивная конструкция используется редко, она не составляет параллельную парадигму к активной конструкции как в европейских языках.

В отличие от Т. Н. Никитиной, С. Е. Яхонтов в своей книге «Древнекитайский язык» пишет: «Может быть, предикативы в древнекитайском языке удобнее делить не на две, а сразу на три основные группы: переходные глаголы, непереходные глаголы и прилагательные» (Яхонтов 1965: 41). С. Е. Яхонтов, к сожалению, далее не объясняет доводы в пользу такого деления, но при таком подходе переходные и непереходные глаголы были бы не двумя подклассами глаголов, а образовали бы наравне с прилагательными два самостоятельных класса.

Во вступительной статье к своей работе по Лаоцзы, опубликованной отдельно на английском языке в сборнике «Проблемы китайского и общего языкознания», я прихожу к выводу об оправданности теории С. Е. Яхонтова. Дело в том, что, если подробнее посмотреть, как ведут себя глаголы в необычных функциях, то мы обнаружим, что непереходные и переходные глаголы ведут себя параллельно, что исключает их объединение в один класс.

Хорошо известно, что непереходный глагол в своей необычной функции может управлять дополнением, получая при этом каузативное значение. Например, глагол 去 *qù* — уйти, получив дополнение, приобретает значение заставить кого-либо уйти, изгнать кого-либо. С другой стороны, типичный переходный глагол может в тексте быть употреблен без дополнения. При этом могут в основном возникнуть две ситуации:

1) Дополнение после глагола опущено, его можно восстановить из контекста. Это случается чаще всего, если при глаголе имеется

отрицание 不 *bù*, но опущенное дополнение мы иногда встречаем и в положительных предложениях, например:

候得而獻東周 (Zhanguoce, 1, 26) Стража его поймала и доставила ко [двору] Восточного Чжоу.

2) Дополнение совершенно отсутствует, его восстановить невозможно. Эти употребления я считаю как раз теми случаями, когда переходный глагол использован в своей необычной функции непереходного глагола. В таком случае глагол получает значение заниматься той или иной деятельностью, например:

耕而食 (Zhuangzi, 9, 1) [Народ] пашет и [так] питается.

Сравним:

食之 *shí zhī* — Он съел это.

不食 *bù shí* — Он не съел этого.

Но:

不食 *bù shí* — Он не ел.

В последнем примере действие, выраженное глаголом 食 *shí*, не направлено на какой-либо конкретный объект, оно обозначает общий процесс заниматься едой, питаться. Значит, тут, на мой взгляд, наблюдается использование переходного глагола в функции глагола непереходного. Переходные и непереходные глаголы ведут себя, как разные классы слов, один можно использовать во вторичной функции другого. Это позволяет также объяснить неоднозначность формы 不食 *bù shí* и ей подобных, которые реально широко распространены в текстах.

От одной необычной функции может иногда образоваться вторичная необычная функция, это служит для нас критерием того, что произошла лексикализация первой из необычных функций. И в нашем примере можно от непереходной функции глагола 食 *shí* образовать каузативную конструкцию 食之 *sì zhī* — Он заставил его есть, Он накормил его. Итак, иероглиф 食 обозначает как минимум два глагола: переходный глагол

есть что-то и непереходный глагол есть что угодно, питаться. Вопрос, образует ли каузативное значение последнего в силу измененного произношения отдельную древнекитайскую лексему или нет, мы оставим в стороне, так как это другая проблема, не связанная непосредственно с темой настоящего доклада.

Слова других классов также могут использоваться в необычной функции то переходного, то непереходного глагола. Например, уже упоминавшееся прилагательное 大 *dà* — большой регулярно употребляется в каузативном значении с дополнением сделать что-то большим, увеличить что-то, но может быть употреблено в качестве непереходного глагола в значении стать большим, увеличиться.

Из предикативов древнекитайского языка я выделил еще один класс слов — слова состояния. Слова состояния обычно объединяются в один класс с прилагательными, но отличаются от них по нескольким базовым признакам: а) они не могут сочетаться с отрицаниями и б) они не могут употребляться в сравнительной конструкции. В качестве отдельного класса слов их впервые выделил китайский профессор Чжу Дэси. Они часто обозначают разные состояния тела и мысли, например, 顛顛 *hūsù* — дрожать от страха и т. п.

Итак, мой модифицированный список классов знаменательных слов древнекитайского языка выглядит следующим образом:

1) существительные; 2) прилагательные; 3) непереходные глаголы; 4) переходные глаголы; 5) слова состояния; 6) числительные; 7) локативы.

Т. Н. Никитина в своей диссертации высказывает одну очень важную мысль, но в дальнейшем к ней уже больше не возвращается. Синолог отмечает, что только глаголы активного воздействия на объект, имея при себе дополнение, не получают каузативного значения. Т. Н. Никитина дальше пишет: «...в этой связи (т. е. в связи с каузативным и некаузативным употреблением слов — *примечание мое*) выделение глаголов активного воздействия на объект в отдельную группу имеет смысл, но группа будет противопоставлена не другим, непереходным глаголам, а всем другим знаменательным словам древнекитайского языка» (Никитина 1985: 30).

В этом положении исследовательницы я нашел подтверждение целесообразности выделения переходных глаголов как самостоятельного класса слов и попробовал проверить подход Т. Н. Никитиной:

1. Словарный запас

[могут использоваться в необычных функциях?]

+ Знаменательные слова

– Служебные слова

2. Знаменательные слова

[Могут образовать каузативную конструкцию?]

+ Знаменательные слова I

– **Переходные глаголы**

3. Знаменательные слова i

[Могут отрицаться с помощью отрицания 非 *fēi*?]

+ Знаменательные слова II

– Знаменательные слова III

4. Знаменательные слова II

[Могут быть использованы в качестве послелога?]

+ **Локативы**– **Существительные**

5. Знаменательные слова III

[Могут отрицаться с помощью отрицания 不 *bù*?]

+ Знаменательные слова IV

– **Слова состояния**

6. Знаменательные слова IV

[Могут образовать конструкцию со счетным словом?]

+ **Числительные**

– Знаменательные слова V

7. Знаменательные слова V

[Могут быть использованы в сравнительной конструкции?]

+ **Прилагательные**– **Непереходные глаголы**

Сомнение вызывают как раз слова состояния, поскольку неясно, могут ли они тоже использоваться в каузативных конструкциях. Теоретически нельзя исключить образования типа 穀觥之 — Он заставил его дрожать от страха, но в реальности таких примеров мне не встречалось. Если окажется, что слова состояния не допускают образования такой конструкции, то следует подкорректировать нашу схему:

1. Словарный запас

[*Могут использоваться в необычных функциях?*]

+ Знаменательные слова

– Служебные слова

2. Знаменательные слова

[*Могут образовать каузативную конструкцию?*]

+ Знаменательные слова I

– Знаменательные слова II

3. Знаменательные слова II

[*Могут управлять дополнением?*]+ **Переходные глаголы**– **Слова состояния**

4. Знаменательные слова I

[*Могут отрицаться с помощью отрицания 非 fēi?*]

+ Знаменательные слова III

– Знаменательные слова IV

5. Знаменательные слова III

[*Могут быть использованы в качестве послелога?*]+ **Локативы**– **Существительные**

6. Знаменательные слова IV

[*Могут образовать конструкцию со счетным словом?*]+ **Числительные**

– Знаменательные слова V

7. Знаменательные слова V

[*могут быть использованы в сравнительной конструкции?*]+ **Прилагательные**– **Непереходные глаголы**

В качестве критериев выделения классов слов были использованы не все признаки, характерные для каждого из них, а только те, которые Т. Н. Никитина называет «специфическими функциями» классов слов. Такие специфические функции в ее системе занимают очень важное место. Т. Н. Никитина пишет: «Для противопоставления частей речи

большое значение имеют конструкции, характерные только для слов данного класса или подкласса. Специфические конструкции обычно принадлежат к числу редких (хотя и не всегда)» (Никитина 1985: 38). В выше приведенных схемах в квадратных скобках выделены курсивом те из специфических функций, которые применяются Т. Н. Никитиной в ее диссертации, остальные добавлены мной.

Таким образом, мы можем по достаточно однозначным критериям распределить словарный состав на 7 знаменательных классов. На первый взгляд из их иерархии видно, например, близкое соотношение между существительными и локативами, с одной стороны, и между числительными, прилагательными и непереходными глаголами, с другой стороны. Данная схема является конечно пока предварительной и в процессе дальнейшего исследования может подвергаться тем или иным изменениям.

Литература

Никитина Т. Н. Синтаксический строй древнекитайского языка (докторская диссертация). Л.: ЛГУ, 1985.

Sehnal D. Kniha Laozi. Překlad s filologickým komentářem. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2013.

Sehnal D. Analysis of “full” words in Classical Chinese based on the Book of Laozi // Проблемы китайского и общего языкознания. СПб.: СПбШУ, 2016. С. 578–614.

Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965.

Tsankova A. D.

Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria

QUANTITATIVE SURVEY ON THE CORRELATION OF BASIC FACTORS FOR THE FUNCTIONING OF THE ASPECT-TENSE MARKERS IN MODERN CHINESE

The study presents a statistical account of the influence of basic linguistic factors for the usage of the markers 了, 过, 着 in Modern Chinese. The set of relevant factors include semantic and syntactic properties of predicate and argument, sentence type, speech mode, discourse position, and the aspect-tense meaning expressed by the phrase. An experimental text with 1062 potential positions of aspect-tense marking was surveyed among 20 native speakers in order to assess the degree of variability in the intuitive choice of the markers. The analysis through multiple regression (SPSS) on correlation models, combining values of the factors under study explores a series of positive and negative correlations that may influence the explication of the aspect-tense markers in actual speech situation.

Keywords: *aspect-tense marking, quantitative survey, correlational analysis, Modern Chinese*

The aspect-tense markers in Modern Chinese are subject to a substantial degree of non-regularity and variability in use, due to reasons of linguistic and extra-linguistic nature. In linguistic studies the functioning of these formal elements have been approached from various perspectives in order to reveal the mechanisms of explication of the markers in the conditions of their grammatical optionality (see Li, Thompson 1981: 184–299, Solntsev 1982, Solntseva 1982, Shutova 1982, Huang 1987, Li Xingya 1989, Fang 1992: 453–467, Tan 2002: 346–568, Zheng et al. 2004: 1–94, Liu et al. 2006: 361–407, Chu 1998: 35–87, Ljungqvist 2007, Kolpachkova 2011 etc., among others). Apart from theoretical studies on this topic, there are several experimental surveys, aimed to assess certain quantitative and comparative aspects in the functioning of the markers (Solntseva, Solntsev 1965), including pragmatic properties of the studied forms (Spanos 1979(a),

1979(b)). Some of the surveys present experimental studies on the acquisition of aspect-tense forms by learners of Chinese as a second language (Duff, Li 2002; Ma 2006: 172–189), or by Chinese students of English language (Hawkins, Liszka 2003).

As far as we have researched, there still hasn't been presented an experimental study on the overall functioning of the three main grammatical aspect-tense forms 了, 过 and 着, taking into account different factors for their irregular explication in identical lexical and grammatical context.

The aim of the current study is to evaluate the influence of basic linguistic factors for the variance of the markers 了, 过, 着 in close-to-real speech conditions, implementing correlational statistical analysis based on an original experimental survey.

The research questions that we address in the current study are:

First, whether the explication of the verbal formatives is determined by the basic and commonly discussed linguistic factors?

Second, what is the degree of determination of the most efficient correlative models for the variance in usage of the formatives?

Third, what is the relative contribution of each relevant factor within the correlative models to the performance in usage of the formatives?

Research methods:

The analysis is based on an experimental study, designed in four variants aiming to assess the minimal and the maximal intuitive usage, as well as the minimal and the maximal conscious usage of the markers.

The experimental material is a literary text of 11 832 characters (approximately 22 standard pages) excerpted from the contemporary Chinese novel „改写人生“¹, 2008 ('Re-writing One's Life Story', 2008) by 徐奇峰 (Xu Qifeng) with a total number of 1062 observed positions of possible appearance of aspect-tense markers (post-verbal and sentence-final positions). The respondents in the study are native speakers, graduate students in Chinese Philology and Teaching Chinese as a Foreign Language majors or university professors in the same field of study in educational institutions in Beijing and North-East China.

The first two variants of the study, aimed at assessing the intuitive usage (in minimal and maximal degree) are used as a base for the correlational

¹ 徐奇峰. 改写人生. 2008 [Electronic source] URL: <http://www.du7.com/html/0/856/326466.html>.

analysis, considering that the conditions of the intuitive usage are mostly close to real speech conditions.

The research procedures were carried out in the following steps:

Stage I

Experimental surveys

Variant I: Minimal intuitive usage (20 informants)

All existent in the original text markers were **deleted**, the respondents were **not informed** about these changes or the aim of the study, and they had to review the text and make necessary changes according to their own language feeling as native speakers.

Survey II: Maximal intuitive usage (10 informants)

Aspect-tense markers 了, 过 and 着 were **inserted in all positions** of possible appearance (post-verbal and sentence-final positions), the respondents were **not informed** about these changes or the aim of the study, and they had to review the text and make necessary changes according to their own language feeling as native speakers.

Stage II

Indexing of the observed positions

All the potential positions of appearance of the markers (post-verbal and phrase-final, 1062 in total) are indexed in the two variants, evaluating the degree of identical marking/unmarking of every position (ranging from 0% to 100 %) according to the intuitive choice of the native speakers.

Stage III

Factors definition and indexing

A set of basic linguistic factors that may be relevant to the functioning of the aspect-tense markers was defined (based on Yakhontov 1957: 73–114, Solntseva 1982, Korotkov 1968: 206–266, Li & Thompson 1981: 184–299, Shutova 1982, Xiao, McEnery 2004: 18–88, Ljungqvist 2007, etc.), as follows:

1. Position of marking:

1.1. Post-verbal

1.2. Phrase-final

2. Type of predicate:

2.1. Telic

2.2. Atelic

2.3. Resultative

2.4. Delimitative

2.5. Static

3. Type of argument/post-verbal component:

3.1. Specified

3.2. Unspecified

3.3. Clause

3.4. None

4. Sentence type:

4.1. Simple sentence

4.2.1. Complex sentence — main clause

4.2.2. Complex sentence — subordinate clause

5. Discourse position:

5.1. Beginning

5.2. Middle

5.3. End

6. Speech mode:

6.1. Narrative

6.2. Dialogue

7. Type of event (the aspectual meaning, expressed by the form in the text):

7.1. Preceding event

7.2. Accomplished event

7.3. Backgrounded event

7.4. Durative/progressive event

7.5. Referential event

7.6. Simultaneous events

7.7. Imperfective event — state/habitual/repetitive event

7.8. Expected event /irrealis situation

7.9. Change of state /perfect/ inchoative event

7.10. Experiential event

The last of the factors (Type of event) represents the variants of aspectual semantics that are commonly differentiated through the usage of different linguistic forms, including the unmarked (neutral) verbal form. The aim of including these properties in the correlational analysis is to assess to what degree the expression of these aspect-tense meanings motivates the usage of the relevant marker in actual speech conditions.

Stage IV

Correlational analysis

The presented linguistic factors with their exponents were defined as independent, or the predictor variables, and the degree of regularity in the usage of the aspect-tense markers was defined as the dependent, or the outcome, target variable.

Before implementing the statistical analysis, the independent variables were tested for outliers, residuals and **multicollinearity**, and proved to be eligible for carrying out correlational analysis.

We applied SPSS Statistics multiple regression method to evaluate the influence of these factors on the explication of the aspect-tense markers.

Series of analyses were carried out, exploring different combinations of the predictor variables to find out the most determinative models of correlation for every separate marker 了, 过 and 着.

Stage V

Interpretation of the research results:

I. Variation analysis of the markers 了₁ and 了₂

The marker 了 is presented in Modern Chinese by two homonymous variants — the so-called 了₁ (basically a perfective marker), used in post-verbal position, and 了₂ (basically a marker of currently relevant state), used in phrase-final position. In cases when the verb is in final position without any argument, the markers overlap structurally and sometimes functionally, depending on the semantics of the predicate and the situation of speech.

Accordingly, we apply separate analyses for the two different variants of 了.

1. The appearance of 了₁ (post-verbal position, followed by arguments) covers 340 positions, which were analyzed as a separate part of the whole data.

Combining the factors in different correlational models, we defined a representative correlational model with relatively high degree of determination to the resultative variable.

The most important statistical values, highlighted in the tables, are as follows:

R — The cumulative correlation coefficient. It measures the degree of prediction of the dependent variable. There are three standard levels of prediction (i.e. dependence on the factors) — low, medium and high.

Fig. 1. Variation of $\mathcal{T}_1$ — Correlational Model I**Model Summary**

Model 1	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
	0,520	0,271	0,257	220,990

Coefficients

Model 1	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
Factor Variables					
(Constant)	−0,780	20,592		−0,301	0,764
Type of event: Completed event	180,410	30,020	0,335	60,096	0,000
Type of predicate: Telic	160,595	20,870	0,279	50,781	0,000
Type of argument: Specified	70,331	20,654	0,135	20,762	0,006
Type of sentence: Complex — main clause	−0,361	20,865	−0,007	−0,126	0,900
Discourse position: End of discourse	60,161	40,017	0,073	10,534	0,126
Speech mode: Dialogue	−30,764	50,490	−0,032	−0,686	0,493

R² (R Square) — The coefficient of determination. It represents the proportion of variance in the dependent variable that can be explained by the influence of the factors in the model.

Beta — The standardized coefficient, which refers to how many standard deviations a dependent variable will change, per standard deviation increase in the predictor variable. In other words, it measures the influence of every separate factor in the model to the total variance explained. The dependence is directly proportional, i. e. the higher the value of the coefficient, the greater the effect of the factor on the resulting variable.

Sig (t) — The coefficient of significance, which measures the significance probability. The common standard assumes that a correlation is statistically significant if the value of Sig (t) is lower than the standard error $\alpha = 0.05$.

Correlational model I (Fig. 1) presents the dependence of using 了_1 on the expression of completed event with telic predicates, followed by specified (definite) argument in the main clause of a complex sentence, representing the end of the discourse, in a dialogical mode. The model presents relatively higher multiple correlation coefficient R in comparison with other tested models. In this case, the value of R is 0,52 which is standardly determined as a medium level of correlation (from 0,3 to 0,7). The coefficient of determination R^2 (R Square) is 0,271, which means that 27 % of the 了_1 marking depends on the factors, included in the model. The influence of every separate factor within the model is evaluated by the coefficient Beta. We can conclude that the highest degree of influence on 了_1 marking in the model is shared by the factors: (1) type of event — completed event, (2) type of predicate — telic, (3) type of argument — specified. The other three factors in the model are not statistically significant, as their coefficients of significance (Sig.) are higher than the standard error ($\alpha = 0,05$).

2. The appearance of 了 in phrase-final position (i. e. 了_2) can actualize two basic aspectual functions and different modal and emphatic meanings that may be expressed either combined or differentiated in the parameters of the context and the situation of speech.

The distinction between the two main aspectual functions of 了 in phrase-final position is based on the type of the predicate. When combined with verbs, denoting actions, 了_2 marks perfect or perfective event, and in such conditions it may appear together with 了_1 in one sentence (e. g. 我买了水果了. 'I've bought fruits.'). or be under certain conditions interchangeable with 了_1 (e. g. in the dialogue: — 你昨天做什么了? 'What did you do yesterday?' — 我参观了几个博物馆. 'I visited some museums'). It is generally assumed that the functional difference between the two markers, laying in their core semantic meaning, is that 了_1 signals "completed and bounded event", which results in perfective or aorist aspect-tense meaning, while 了_2 marks "currently relevant state", which in case with dynamic predicates results in perfect event, relevant to the current moment. Apart from that, it is observed that the usage of 了_1 and 了_2 with dynamic predicates depends to a great degree on the qualities of the argument (specified or unspecified), and in cases like the last example, the two variants of 了 convey the same aspect-tense meaning. In the absence of arguments, when the verb is in a final position, the two markers naturally overlap and it is assumed that in certain conditions $\text{了}_{(1+2)}$ can combine the functions of both

markers, and generally the final aspect-tense interpretation depends on the context and the situation of speech.

When used in phrases with static (non-action) predicates, or in phrases denoting habitual and recurring situations or statements in negative or irrealis mood, the marker signals the so-called “change of state” meaning. Such types of predicates can only be marked with 了_2 , because they are not compatible with 了_1 .

We separately assessed the variance of 了_2 in the two different cases — first, when used with dynamic predicates (in 275 positions) and second, when applied to phrases, denoting non-dynamic situations (in 432 positions).

Fig. 2. Variation of 了_2 with dynamic predicates — Correlational Model II

Model Summary

Model 2	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
	0,402	0,161	0,146	230,137

Coefficients

Model 2	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	100,488	30,228		30,249	0,001
Type of predicate: Telic	30,236	20,909	0,062	10,112	0,267
Type of argument: Specified	-90,163	20,859	-0,183	-30,205	0,002
Type of sentence: Complex — main clause	10,442	30,104	0,026	0,465	0,643
Discourse position: End	30,355	30,622	0,053	0,926	0,355
Speech mode: Dialogue	290,293	50,129	0,325	50,711	0,000

In these conditions of the usage of 了_2 we test basically the same predictor variables as for 了_1 in order to compare the possible correlations.

As we can observe from the statistical results, there are substantial differences in the motivating factors for the usage of 了_2 , compared to 了_1 . The factor “telicity” of the predicate that is significant for the post-verbal 了_1 appears to be not determinative for the phrase-final 了_2 marking, being statistically

insignificant. Another basic factor that influences the appearance of $\overline{\text{J}}_1$ is the specified (definite) type of argument, but in the case of $\overline{\text{J}}_2$ it shows opposite correlation, i. e. in case of definite argument $\overline{\text{J}}_2$ tends to be rarely used. This is another evidence of the general rule that in sentences with dynamic predicates, when $\overline{\text{J}}_1$ and $\overline{\text{J}}_2$ may express quite similar aspectual meaning of completed event — perfect or perfective, the choice between the two variants depends to a great degree on the properties of the argument (definite $\leftrightarrow$ indefinite).

In contrast, again, to the factors for $\overline{\text{J}}_1$ marking, in the case of $\overline{\text{J}}_2$ we observe that the factor “Speech mode — dialogue” is statistically significant, and it shows the highest degree of determination, compared to the other factors in the correlational model (with Beta = 0,325). This is to prove that the usage of $\overline{\text{J}}_2$ is more typical for direct speech, which is justified by the prototype semantic meaning of $\overline{\text{J}}_2$, denoting a “currently relevant state” (Li, Thompson 1981: 240), i. e. a situation relevant usually to the time of speaking.

The next step in our analysis is to examine the correlations in the usage of $\overline{\text{J}}_2$ with **non-dynamic predicates**. In this respect, we shall discuss **two representative models** for $\overline{\text{J}}_2$ with non-dynamic predicates:

In the current model we include basically the same factor variables as in the representative models for $\overline{\text{J}}_1$ and for $\overline{\text{J}}_2$ with dynamic predicates, with the

Fig. 3. Variation of $\overline{\text{J}}_2$ with non-dynamic predicates — Correlational Model III

Model Summary					
Model 3	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate	
	0, 218	0, 048	0, 039	170, 738	

Coefficients					
Model 3	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	20, 084	10, 435		10, 452	0, 147
Type of predicate: Telic	0, 822	30, 117	0, 013	0, 264	0, 792
Type of sentence: Complex — main clause	20, 419	10, 762	0, 067	10, 373	0, 170
Discourse position: End	70, 683	20, 192	0, 169	30, 505	0, 001
Speech mode: Dialogue	40, 124	20, 022	0, 098	20, 040	0, 042

exception of the variable “type of argument”, which is not aspectually relevant for predicates denoting states, repetitive, negative or irrealis situations. The factors that prove statistically significant in this model are: (1) The speech mode — dialogue, which was reported also significant for 了_2 with dynamic predicates. (2) In this model we observe for the first time a significance of the factor “End of discourse”, which is really defined as a specific text-forming function of 了_2 , which is to mark the end of the speaker’s statement (Li, Thompson 1981: 283–290). This factor is not significant to the rest of the studies markers.

We propose one more correlational model for the usage of 了_2 with non-dynamic predicates, in phrases to express the specific aspectual meaning “change of state”.

Fig. 4. Variation of 了_2 with non-dynamic predicates — Correlational Model IV

Model Summary

Model 4	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
	0,533	0,284	0,277	150,385

Coefficients

Model 4	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
(Constant)	10,106	10,431		0,773	0,440
Type of predicate: Static	0,855	10,629	0,022	0,525	0,600
Type of event: Change of state	320,625	20,763	0,493	110,807	0,000
Discourse position: End	50,313	10,897	0,117	20,801	0,005
Speech mode: Dialogue	20,217	10,745	0,053	10,271	0,205

This model has the highest correlational coefficient among all tested models for both 了_1 and 了_2 , which is $R = 0,533$, the correlation is also within the medium level. The coefficient of determination R^2 (R Square) = 0,284, which means that 28,4% of 了_2 marking under such conditions is determined by the factors in the model. We have to note the relatively high degree of correlation with the factor “type of event — change of state”, which means that in expressing this aspectual meaning with static predicates, the usage of the marker is relatively more regular and functionally motivated. Apart

from that, we may observe that the factor “end of discourse”, retains its significance as in the first model for 了₂ with non-dynamic predicates.

II. Variation analysis of the marker 过

The marker 过, like the marker 了, belongs to the perfective aspectual zone, its core aspectual meaning is to denote experiential event. In certain contextual conditions this basic semantic component can be neutralized, and thus 过 may also express the standard perfective meaning of “completed event in the past” and thus be interchangeable with the more common marker 了. The prototype experiential meaning of the marker in some cases may be expressed by other, lexical or contextual means. In such conditions its explication appears to be grammatically optional. Therefore, the scope of variation in the usage of the marker is substantial.

In conveying the multiple factor analysis for the variation of 过, like the analyses of the marker 了, different combinations of the factor variables were tested, and resultantly a representative model with a relatively high degree of multiple correlation was defined.

Fig. 5: Variation of 过 — Correlational Model V

Model Summary					
Model 5	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate	
	0,477	0,228	0,224	30,355	

Coefficients					
Model 5	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
Factor Variables					
(Constant)	−0,334	0,291		−10,146	0,252
Type of event: Experiential	160,906	0,976	0,469	170,316	0,000
Type of predicate: Telic	0,702	0,249	0,076	20,815	0,005
Type of sentence: Complex — main clause	0,029	0,212	0,004	0,138	0,890
Discourse position: End	0,095	0,280	0,009	0,339	0,735
Speech mode: Narrative	0,363	0,294	0,034	10,234	0,217

As we can see from the parameters of the model, the overall correlational coefficient is $R = 0,477$, which presents also a medium level of correlation. The coefficient of determination R^2 (R Square) = $0,228$, which means that 22,8 % of 过 marking in the experimental text can be explained by the factors in the model.

The preliminary analysis of the possible factor combinations showed that among the defined types of aspectual meaning only the “experiential event” is determinative for 过 marking (Beta = $0,469$). As for the factor „Type of predicate” we observe statistically significant, although relatively low level of correlation with the variable „telicity” (Beta = $0,076$). The other factors do not show significant relevance to the variance of 过.

III. Variation analysis of the marker 着

The marker 着 belongs to the imperfective aspectual zone with its main aspectual function to express durative or simultaneous event (with atelic predicates), or a state/position that has occurred after the accomplishment of a single action (expressed by telic predicates of certain semantic groups). The marker is often used in certain types of fixed syntactic constructions and may convey additional emphatic and modal shades.

Implementing the multiple regression method to different combinations of predictor variables, we defined the significant factors that influence the usage of the marker 着.

This model displays higher correlational coefficient $R = 0,654$ (which is also in the medium range), and a higher degree of determination: R^2 (R Square) = $0,428$, which suggests that 42,8% of 着 marking in the experimental text can be explained by the influence of these the factors.

The preliminary analysis of the possible factor combinations showed that among the researched variants of event types there are three significant factors — the expression of durative event (Beta = $0,353$), simultaneous event (Beta = $0,064$), and backgrounded event (Beta = $0,561$). The last of them has relatively high determinative coefficient Beta and motivates the explication of the marker 着. The other independent variables show no significant influence on the usage of the marker. In the current table we have presented the exponents with relatively higher performance for each factor. For example, for the factors “type of predicate” and “type of argument” the analysis displays relatively higher correlation with static predicates, without

Fig. 6: Variation of 着 with non-dynamic predicates — Correlational Model VI

Model Summary					
Model 6	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate	
	00,654	00,428	00,423	80,614	

Coefficients					
Model 6	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error	Beta		
Factor Variables					
(Constant)	-0,780	20,592		-0,301	0,764
Type of event: Durative event	180,238	10,219	00,353	140,961	0
Type of event: Backgrounded event	390,04	10,648	00,561	230,693	0
Type of event: Simultaneous event	100,626	30,924	00,064	20,708	00,007
Type of predicate: Static	00,262	00,691	00,011	00,379	00,705
Type of argument: None	00,475	00,647	00,02	00,734	00,463
Type of sentence: Simple	00,595	00,962	00,016	00,619	00,536
Discourse position: Beginning	00,443	00,59	00,018	00,75	00,453
Speech mode: Narrative	00,229	00,812	00,007	00,282	00,778

arguments after the predicate. Regarding the factor “position of the phrase in the discourse”, the marker shows positive though weak correlation with the “beginning of discourse”, and a negative correlation with the variable "end of discourse." On this basis, we can justify that 着 — marked sentence does not play an ending role in the discourse of the narrative.

In conclusion, we can summarize the results of the correlational analysis on the basic linguistic factors for the variation in usage of the aspect-tense markers 了, 过 and 着 as follows:

The explication of the post-verbal 了₁ correlates with the semantic type of predicate — telic, and the type of argument — specified. The usage of sentence-final 了₂ differs depending on the type of predicate. When applied to dynamic predicates, 了₂ has a positive and significant correlation with dialogical speech mode and a negative correlation with the variables specified

argument and narrative mode. The usage of 了₂ with static predicates correlates with dialogical mode and the position “end of discourse”. The appearance of 过 shows a correlation with experiential type of event and telic type of predicate, while the other factors are not significant. The usage of 着 is determined by the expression of progressive, simultaneous or background event. Other factors considered are not statistically significant.

The results of the analysis prove that the cumulative correlation coefficient (R) even in the most productive factor models vary in the range of 0.3–0.53. The degree of determination (R²) of the tested models shows that only about 25% to 42% of the usage of the markers can be explained by the impact of factors on semantic, syntactic and text-forming level. This proves that the functioning of the aspect-tense forms in speech is to a greater degree dependent on extra-linguistic and pragmatic factors.

References

Chu 1998: *Chu C. C.* A Discourse Grammar of Mandarin Chinese. New York: Peter Lang Publishing, 1998. 484 p.

Duff, Li 2002: *Duff P. A., Li Duanduan.* The acquisition and use of perfective aspect in Mandarin // *The L2 Acquisition of Tense–Aspect Morphology*. Amsterdam: John Benjamins B. V., 2002. P. 417–454.

Fang 1992: 房玉清 实用汉语语法. 北京: 北京语言学院出版社, 1992. 743 p.

Hawkins, Liszka 2003: *Hawkins R., Liszka S.* Locating the source of defective past tense marking in advanced L2 English speakers // *The interface between syntax and lexicon in second language acquisition*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 21–44.

Huang 1987: *Huang L.* Meei-jin. Aspect: A general system and its manifestation in Mandarin Chinese. PhD dissertation. Rice University, 1987. 305 p.

Kolpachkova 2011: *Колпачкова Е. Н.* К типологии аспектуальной системы китайского языка: нейтральный вид или факультативность // *Новый университет. Сер. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук*, 2011, №1. С. 18–22.

Korotkov 1968: *Коротков Н. Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка. Грамматическая природа слова. М.: Наука, 1968.

Li, Thompson 1981: *Li C. N., Thompson S. A.* Mandarin Chinese, a functional reference grammar. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1981. 691 p.

Ljungqvist 2007: *Ljungqvist M.* Le, guo and zhe in Mandarin Chinese: A relevance–theoretic account // *Journal of East Asian Linguistics*, 2007. V. 16. N. 3. P.193–235.

Li Xingya 1989: 李兴亚, 试说动态助词“了”的自由隐现, 《中国语文》第5期, 1989. P. 334–340.

Liu et al. 2006: 刘月华, 潘文娉, 故鞅. 实用现代汉语语法. 北京: 商务印书馆, 2006. 1003 p.

Ma 2006: *Ma Lixia*. Acquisition of the perfective aspect marker Le of Mandarin Chinese in discourse by American college learners. PhD dissertation. University of Iowa, 2006. 199 p.

Shutova 1982: *Шутова Е. И.* Относительно факультативности (на материале китайского языка) // Восточное языкознание. М., 1982. С. 138–143.

Solntsev 1982: *Солнцев В. М.* О понятии «факультативность» // М: Восточное языкознание, 1982. С. 92–102.

Solntseva 1982: *Солнцева Н. В.* К вопросу о факультативности // М: Восточное языкознание, 1982. С. 103–107.

Solntseva, Solntsev 1965: *Солнцева Н. В., Солнцев В. М.* Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках (на материале китайского языка) // Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965. С. 85–97.

Spanos 1979(a): *Spanos G.* Contemporary Chinese usage of LE — A survey and a pragmatic proposal // Journal of the Chinese Language Teachers Association, 1979. V. 14. N. 1. P. 36–70.

Spanos 1979(b): *Spanos G.* Contemporary Chinese usage of LE — A survey and a pragmatic proposal // Journal of the Chinese Language Teachers Association, 1979. V. 14. N. 2. P. 47–102.

Tan 2002: *Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

Xiao, McEnery 2004: *Xiao R., McEnery T.* Aspect in Mandarin Chinese: A Corpus-based Study. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. 305 p.

Yakhontov 1957: *Яхонтов С. Е.* Категория глагола в китайском языке. Л.: ЛГУ, 1957. 182 с.

Zheng et al. 2004: 郑懿德, 马盛静恒, 刘月华, 杨甲荣. 汉语语法难点释疑. 北京: 华语教学出版社, 2004 (1992年第一版). 245 p.

Stella T. Zhivkova

Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria

SOUND SYMBOLISM OF JAPANESE ONOMATOPOEIA AS A DETERMINING FACTOR FOR THE EFFECTIVENESS OF KUCHISHOGA (SOLFEGE-MNEMONIC SYSTEM FOR TRADITIONAL JAPANESE MUSICAL INSTRUMENTS)

The often claimed "uniqueness" of Japanese culture is not a mere catchphrase. On the contrary, a great variety of examples adduced from different cultural spheres substantiate the claim that Japanese culture does have a particular character. It has long been my belief that Japanese culture possesses a certain aptitude to generating images of various character. I refer to this common feature using different terms: image-evoking loci, foci of imagistic intensity, image-laden foci, image-charged foci etc. (Zhivkova 2006). In the present paper examples taken from the verbal aspect of the culture in question are discussed: 1) Mimetic and onomatopoeic words, which encapsulate sensual information evoking a clear-cut vision of how something happens; 2) Onomatopoeic-like solfège syllables used in teaching traditional musical instruments which due to sensory information carried by the vowels and consonants enable the music learner to memorize efficiently pitch, hand-movement and melody. Both onomatopoeic words from language and the mnemonic syllables serve as recognizable icons that guide imagination and help picture a situation or a gesture.

Keyword: onomatopoeia, gitaigo, sound-symbolism, Japanese culture, image-evoking loci, image-predilection

1. Mimetic and Onomatopoeic Words as Snapshots of Situations and Gestures

Throughout my overall research on Japanese culture I regard the phenomenon of Japanese onomatopoeia as yet another illustrative example of imagery in Japanese culture.

Onomatopoeic words are broadly referred to as "iconic" or "mimetic", imitations of sounds from the outside world such as voices and noises. In the literature on the subject, these words are usually classified into three

main groups: *giseigo* (擬声語), *giongo* (擬音語), and *gitaigo* (擬態語) (see by Tamori 2003). The first two groups can be defined as “sound-imitating words”. *Giseigo* are words which imitate human voices and animal cries such as “*wan-wan*” (*bow-wow*) for the barking of a dog, whereas *giongo* imitate natural sounds; *shito-shito*, for example, is used for gently falling rain. *Gitaigo* echo situations or actions in full and are often called “mode-imitating words” (Kindaichi 1978: 8). The importance of onomatopoeia for expressing meaning in Japanese is evident in the great number of such words and expressions found in its vocabulary. For example, according to Noma (Noma (1998:31) Japanese holds the second place in the world (after Korean) in terms of its extensive use of sound-symbolic forms (employing 2,348 words vs. 8, 286 in Korean (Tamamura 1982). It is important to point out that *gitaigo* are radically different from all other word classes: they do not simply describe actions, emotions, or appearances; a *gitaigo* is rather an integral image where action, emotion and appearance are combined to create and express an idea through language, they have dramaturgic function and simulate an event, an emotion, a perception through language (Voeltz 2001: 1–8).

My argument of onomatopoeia as image-evoking loci starts with Osaka’s description (1999) of *gitaigo* as “image-inducing” and talks about their potential power (Osaka 1999: 21, 36, 71). to evoke the image of a certain situation or mode of action (Osaka 1999: 3). They describe “physical actions by way of quoting them iconically” (Hamano 1998: 16). Thus acquiring mode-elucidating characteristics. The reason for the peculiarity of *gitaigo* is in its phonetic structure, as well as in the intrinsic sound-symbolic qualities of the vowels and consonants, which is consolidated into patterns and loaded with meaning for the native Japanese speaker.

In order to grasp the relationship between the phonological units of onomatopoeic words (vowels and consonants) and their semantics, a main issue will be treated, that is — the intuitive awareness and natural aptitude of Japanese native speakers for the sound-symbolism of such words. To those who have studied Japanese language it is clear that for the native Japanese speaker onomatopoeia are an important and indispensable part of the language and the basic phonological units of onomatopoeic words are a kind of sound-symbolic code that speaks volumes. Hamano’s “The Sound-Symbolic System of Japanese” makes a concerted effort to “present the totality of systematic phono-semantic associations and conclusively

demonstrate that sound-symbolic phenomena in the Japanese language constitute a linguistic system with rigid phonological constraints and semantic consistencies” (Hamano 1998: 6). The author re-opens the ostensibly settled linguistic discussion about the arbitrariness of the relation between sound and meaning (De Saussure 1959), also: Hockett (1960) and Hockett C. F. and R. Ascher (1964), returning to the issue of iconicity, that is — the property of symbols to replicate physical features of the objects that they represent (Hamano 1998: 4). By giving a plethora of telling examples Hamano challenges the tenet of modern linguistics that the relation between sound and meaning is arbitrary (Saussure 1916).

Let us return to the most intriguing onomatopoeic subgroup — that of *gitaigo*, which are not imitative of *sounds* but, as Kindaichi (Kindaichi 1978) puts it, they are “*mode-mimicking*” words. Hamano also makes the point that the sound-symbolism of both Japanese and Korean is very systematic (Hamano 1998: 5) and that the mimetic words used in these languages are not mere collections of curious oddities but form coherent systems (Hamano 1998: 217). According to her, such sound-symbolic systems do not consist of haphazard sound-mimicking, but of highly structured properties (Hamano 1998: 6). She states: “Vowels in general control the semantic dimension of the shape of an object and the size of the affected area” (Hamano 1998: 100). Hamano continues her reasoning listing the vowels and their iconic properties. They are said to symbolize: /i/ — straightness; high-pitched sound; /u/ — small protruded opening; /o/ — small area; inconspicuousness; modestness; /a/ — large area; totality of the object; conspicuousness; /e/ — vulgarity. The following example sentences will illustrate the sound-symbolic properties of Japanese vowels:

/a/ *mizuwogabu-gabunomu* ‘gulp down (a lot of) water’

/i/ *atamani pin tokonai* ‘does not ring the bell’

/u/ *kusu-kusuwarau* ‘giggle, chuckle’

/o/ *koro-koro korogaru* ‘tumble down rolling’

/e/ *hera-hera warau* ‘smirk, leer’

Here I will discuss only the third example sentence, as I regard it as being clearly indicative that in speech the way of sound production reflects what words semantically express. The initial consonant in *kusu-kusu*, /k/, is produced by a fricative sound on the velum and indicates “friction on a hard

surface". The second consonant contributes to the "softness" of the *kusu-kusu* laughter. Thus, the meanings of the first and second obstruents are apparently iconically rooted in the tactile properties and motor aspects of the articulators. Similarly, the liquid glide /r/ connotes "rolling" (Hamano 1998: 170-1). In this way, the pronunciation of onomatopoeic words replicates physical features of the objects they represent. The points raised so far can be brought together under the general concept of interaction of human anatomy and speech acoustics; the result of this interaction is what I call sound-iconicity, namely, the mode-mimetic properties of Japanese onomatopoeic words rooted in the intrinsic sound-symbolism of their vowels and consonants.

Being "words before other words", "bodily words", and "sensitivity words" (Osaka 1999:1, 11) onomatopoeic words are simple forms of speech which reflect bodily sensations; and since humans become aware of physical sensations long before they start to understand the sounds of language, onomatopoeic words are "sensed" rather than "understood." The latter is the cornerstone of my reasoning about language acquisition, understanding, and the consequent active use of mimetic words. According to Osaka, onomatopoeic words are the first elements to take clear-cut shape in the lexical apparatus of infants (Osaka 1999: 11).

Another author, Hinata, ascribes them the function of evoking what he calls "physiognomistic images" (Hinata 1986). The original Japanese definition is *sōbōtekiimeejikanki* (相貌的イメージ喚起). Osaka addresses the image-evoking power and extreme expressiveness of onomatopoeic words with their extremely narrow realm of application (Osaka 1999: 17). Although mimetic words are highly charged with emotional and sensual meaning, they have a quite limited connotative use. Thus, the use of a certain onomatopoeic word is also restricted to predictably similar circumstances. Consequently, the use of a certain mimetic word in certain situations contributes to the establishment of predetermined connotations of the word itself, as well as of the sounds which constitute it.

By means of activating the sensory imagination, *gitaigo* and *giongo* set the brain and body to work in reconstructing what is described by them. It is right to believe that onomatopoeic words enforce the lexical memory by supplying sensitive elements to words to animate them with extra-rational feelings. Thus *itaigo* and *giseigo* are easy to memorize and recollect; they invoke "echoes" of situations and moods. They are easily incorporated in comic books because by their nature they are image-generating. I find it very

九	六	空
七	段	一
八	の	二
七	調	三
八	子	四
七	初	五
六	段	六
七	五	七
一	三	八
五	二	九
三	一	十
二	〇	十一
一	〇	十二
〇	〇	十三
二	三	十四
五	八	十五
二	七	十六
六	六	十七
一	一	十八
五	五	十九
七	三	二十
〇	二	二十一
ハ	一	二十二

Fig. 1. *Rokudan no shirabe* in its original notation. *Kuchishōga* are the smaller characters printed to the left of the original notation, signified by numbers indicating which string of the *koto* harp is to be played

tempting to interpret such words as “sensory” or “sensorial” words. What I imply is that onomatopoeic words are used to describe the way one *feels* when performing an action or merely witnessing it as a hearer or viewer. Although the underlying mechanism of onomatopoeic words’ effectiveness has not been fully studied yet, they are said to be effective thanks to their ability to arouse emotional response by affecting the human sensorium. Another intriguing application of onomatopoeia as conveying extra-verbal image-rich meanings is *kuchishōga*.

Kuchishōga

Kuchishōga (口唱歌) is a word, which structurally suggests ‘oral singing’ (the first character indicates ‘mouth’, ‘oral’; the second and the third mean to ‘sing’, ‘chant’, ‘intone’). In fact, *kuchishōga* is a series of syllables sung by music instructors when teaching a new tune to an apprentice.

Although the aspects of *kuchishōga* that deserve consideration are numerous, here I shall focus on how onomatopoeia and *kuchishōga* closely resemble each other in terms of their function as imagination and memory aids. Both *kuchishōga* and onomatopoeia are “vocal gestures” (Voeltz and Kilian-Hatz 2001: 3) of the same language and culture. Thus it is reasonable to assume that a close correlation exists between the ways they stir our “imaginative sensibility” (Gokak 1950: 44), namely, between the way onomatopoeic words prompt the imagination and enhance memorization and further recollection, and the similar role played by *kuchishōga* in music teaching.

A significant feature of the onomatopoeic syllables employed in *kuchishōga* is that they are not simply a means of rote memorization or solmization. Because the vowels and consonants represent and symbolize, *kuchishōga* is a highly effective teaching method, in which the sounds form a story rather than a melody. Of course, there is no logical sequence in this

“story”; only the ingrained emotional impact of sounds borrowed from language. Thus, remembering a melody by means of *kuchishōga* is not a mere process of solmization, but a creative process of forging sounds with a frame of reference into a complex image packed sensorium.

For the sake of brevity, analysis only of the initial mnemonic syllable of the famous *Rokudan no Shirabe* will be performed. The first syllable is *ten*. It is played by the basic forward plucking of the string with the thumb (Kawada 1986: 163). The only embellishment here is the *hikiro*¹. The initial consonant *t* is among the initial obstruents, which convey the idea of something light, small, fine, or thin (Hamano 1998: 83). It can be said that the role of the *t* sound in this syllable is to provide the melody with a mellow and elegant opening. The following vowel *e*, which is of particular linguistic interest, is unanimously claimed to carry connotations of vulgarity and inappropriateness (Tamori 2003: 165). In common language, there is some restraint on the usage of this vowel in onomatopoeic words. It only tends to express some negative extremity as in the examples: *gessoriyaseru* to become very thin; *kerakerawarau* to laugh in an impolite manner.

Hamano points out that *e* is markedly less frequently found in *gitaigo* and *giongo* words and has an evaluative meaning that the other vowels do not possess (Hamano 1998: 47, 76). In the elegant opening of the famous melody this “vulgar” wide-open vowel is probably meant to exert a powerful inaugural impact on the listener.

As a final element of the first syllable, *n* indicates that the direction of the motion or the quality of the sound changes toward the end. In other words, *n* could be said to represent the reverberation between the sounds the initial movement (Hamano 1998: 67). Pronunciation of the Japanese *n* is indeed a result of sonorous reverberation produced in the nasal cavity. Tamori makes an analogy between this very common in all types of mimetic words nasal sound and the deep, lingering sound of the temple bells (Tamori 2003: 136). The physical characteristic of *n* determines the expressive nasal quality of the sound and accounts for its usage in cases such as: *pun-punniou* to reek (stink) aloud, *kun-kunkagu* to sniff.

The sound-symbolic characteristics of the elements of the first *kuchishōga* syllable of *Rokudan no Shirabe* represent the sound of the first stroke played

¹ *Hikiro* is a left-hand technique which is played by pulling the string on the left of the bridge supporting the string. Played after plucking the string with the plectra, this pulling technique contributes to producing a softer after-tone.

on the *koto*. The *e* vowel gives verve that then is restrained by the initial *t* and the additional effect of the *hikiro*, thus mellowing the effect of the initial tone of the melody. With the final *n* the tone starts sinking toward the end of the second beat.

Standing on the firm foundation of the *kuchishōga* tradition in musicology established by Kikkawa (Kikkawa 1973) and Kawada (Kawada 1986), I would like to go a step further and suggest looking at the issue from a linguistic perspective. Hughes (Hughes 1989, 1991, 2000) puts forward a similar idea but the novelty of the approach I suggest lies in my examination of *kuchishōga* via the mimetic words used in Japanese. I analyze the secret of *kuchishōga*'s effectiveness through various data borrowed from linguistic research. I firmly believe that the abundance of onomatopoeic words in Japanese has influenced *kuchishōga* in terms of choice and construction of the syllables. Unfortunately, it is hardly possible to trace the roots of *kuchishōga* because the musicians who use this teaching device are vaguely, if at all, aware of the underlying sound-symbolism and its principles.

Thus, examined in a wider context, especially within the network of synaesthetic interrelations between different sensory spheres, and between different verbal and non-verbal sounds, as well as some other sonic and non-sonic spheres, *kuchishōga* reveals itself as an important aspect of the sound in Japanese culture (Kawada 1998:166). To draw a parallel, we could say that in the language *gitaigo* and *giongo* are used to verbally express non-verbal phenomena, while *kuchishōga* is used to do the same in the music teaching. In the course of their usage, these words grow fixed to certain contexts, forming intrinsic interrelations for the native Japanese speakers, allowing them to find or recognize the appropriate feeling for certain situation. Such words tend to be highly-contextual.

The consideration of mimetic words in language and as solfege device and my own inclination to consider image-aptness as one of the most typical features of Japanese culture gave rise to the claim that onomatopoeic words can be taken as an example of the Japanese predilection for image-generating expressive means. I regard these words as phono-semantic symbolizations of feelings, sounds, or modes of action that are otherwise hard to depict in detail. Thus, onomatopoeic words can be said to evoke attitudes by the sound qualities of their elements (vowels and consonants), and to reflect fixed relationships between phonological units and abstract semantic units. Such relationships are reconstructable and rest on the experience of the speaker in using the language.

Mimetic words are “verbal icons” for sounds and modes and consider them to be of paramount importance for the imagery and expressiveness found in Japanese language and art and Japanese culture as a whole. The examples serve to reveal the traces of sound-iconicity in Japanese language, and show the arresting correspondence between two phenomena of Japanese culture: the image-inducing onomatopoeic words in language and the *kuchishōga* device in traditional music. Onomatopoeic words owe their powerful effect to the fact that their constituents are vowels and consonants, which due to their repeated use in certain contexts, to some extent have become representative of those contexts. In this way they function as recollective stimuli to summon up a situation, including its emotional and sensational aspects.

The *kuchishōga* device, employed in music teaching, substantially benefits from the use of mimetic and onomatopoeic words in everyday language. I support Osaka’s suggestion that onomatopoeic words intensify and reinforce memory (Osaka 1999), as well as the onomatopoeic words supply a non-verbal element to human speech, making it more descriptive and colored. Such interpretation is indeed truly favorable to my treatment of the Japanese language as being highly figurative and imagistic. I draw on results obtained not exclusively from research on Japanese music, thus providing substantial proof for my hypothesis about the image-inducing character of the *kuchishōga* syllabary. My contribution to the *kuchishōga* discussion lies in proving my educated guess that the vocal sounds used in *kuchishōga* have an image-evoking power due to their previously fixed meaning in the onomatopoeic lexicon of the language. In *hōgaku* (邦楽, lit. “Japanese traditional music”), *kuchishōga* represents timbre and playing techniques (Kikkawa 1973), leading the trained listener towards a finer appreciation of the musical work. Having based my theory of iconicity of Japanese culture as well as on the results achieved in the studying onomatopoeic words, I ascertain that *kuchishōga* is yet another aspect of the rich multifaceted imagistic apparatus relying on the abundance of figurative elements in the Japanese culture.

Literature

De Saussure F. Course in General Linguistics. New York: McGraw-Hill. 1959. [De Saussure, Ferdinand (1916) Cours de linguistique generale].

Gokak V. K. The Imaginative approach to Language. London: Oxford University Press. 1950.

Hamano Shoko. The Sound-Symbolic System of Japanese. Tokyo:Kurosio& Stanford, California: CSLI Publications, 1998.

Hinata Shigeo. 日向 茂男 (1986) 「マンガの擬音語・擬態語(1)」、『日本語学』、5の7、57—67.

Hughes D. W. No Nonsense: the Logic and Power of Acoustic-iconic Mnemonic Systems, In: British Journal of Ethnomusicology, 9, (2): 93–120. 2000.

Hughes D. W. Oral Mnemonics in Korean Music: Data, Interpretation, and Musicological Application, In: Bulletin of the School of Oriental and African Studies 54 (2), 307–335. 1991.

Hughes D. W. The Historical Uses of Nonsense: Vowel-pitch Solfege from Scotland to Japan, Ethnomusicology and the historical dimension, 3–18. 1989.

Hughes D. W. 2001 (with S Jones) East Asia (Encyclopedia entry), In: Sadie and Tyrrell (eds.), The New Grove Dictionary of Music and Musicians, 2nd Edition, Macmillan, 837–841.

Kawada Junzō // [川田順 (1998) 『聲』、東京:筑摩書房].

Kindaiichi Haruhiko. 浅野 鶴子、金田一 春彦 (1978) 『擬音語・擬態語辞典』、東京:角川書店.

Koike Seiji, Ivanova G. 小池 清治、ゲルガナ・イワノワ (2002) 「日本語の擬態語に関する基本問題」 In: 『宇都宮大学国際学部研究論集』 v. 14, 63–77.

Noma Hideki. 野間 秀樹 (1998) 「最もオノマトペが豊富な言語」、『月刊言語』 27の5.

Osaka Naoyuki. 苧坂 直行 (1999) 『感性のことはを研究する — 擬音語・擬態語に読む心のありか—』、東京:堀江 香.

Osaka Naoyuki, Fukuda Kanae, Kawaguchi Atsuo, Osaka Mariko, Suga Masako, Tsuji Hitoshi, Takahashi Masanobu. 苧坂 直行、福田 香苗、川口 敦生、苧坂 真理子、菅真 佐子、苧坂 直行、辻 斉、高橋 雅延 (1987) 『擬音語・擬態語の認知 (4) 単文記憶における擬音語・擬態語の機能』、日本教育心理学会第29回総会発表論文集、900–901

Tamamura Fumio. 玉村 文郎 (1982) 「語彙および語の構造」 In: 『講座日本学: 外国語との対照』、東京: 明治書院

Tamori, Ikuhiro. 田守 育啓 (2002) 『オノマトペ 擬音語・擬態語をたのしむ <もっと知りたい! 日本語>』、東京:岩波書店

Voeltz F. K. Erhard, et al. (eds.) Ideophones, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, 2001

Zhivkova S. T. Expression in Japanese Culture: An Inquiry into the Phenomenon of Image-laden Loci Observed in Language, Music and Poetry, A dissertation submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Literature, Osaka University, 2006.

Андреева В. А.

Институт языкознания РАН, Москва

ИСКОННО ВЬЕТНАМСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Статья посвящена исконно вьетнамским фразеологическим единицам (идиомам, поговоркам, пословицам). С точки зрения происхождения фразеологизмы вьетнамского языка делятся на исконно вьетнамские и заимствованные единицы, с точки зрения лексического состава компонентов — на исконно вьетнамские и ханвьетские. В исконно вьетнамских фразеологизмах нашли отражение разные стороны жизни вьетнамского общества: труд, повседневный быт, нравы и обычаи, религиозные представления, наблюдения над животным и растительным миром. Источником ряда фразеологизмов являются произведения фольклора и художественной литературы. В структурном плане исконно вьетнамские фразеологические единицы делятся на два больших класса: параллельной и непараллельной структуры. В настоящее время исконно вьетнамские фразеологизмы активно употребляются как в исходном, так и в трансформированном виде.

Ключевые слова: вьетнамский язык, исконно вьетнамские фразеологизмы, источники фразеологизмов

Фразеологический состав вьетнамского языка, как и фразеология других языков, неоднороден по своему происхождению. Говоря о фразеологическом составе вьетнамского языка, мы исходим из широкого понимания фразеологии, при котором вьетнамская фразеологическая система включает в себя идиомы *thành ngữ*, пословицы *tục ngữ*, вызывающие споры среди вьетнамских лингвистов промежуточные единицы *thành ngữ* со структурой предложения, условно аналогичные нашим поговоркам, грамматические фразеологизмы *quán ngữ*, устойчивые сравнения *thành ngữ so sánh*, крылатые слова *danh ngôn*, мудрые изречения, афоризмы, прецедентные имена.

С точки зрения происхождения фразеологические единицы вьетнамского языка делятся на исконные и заимствованные. Во всех языках существует слой заимствованных фразеологизмов, появившихся

в результате культурно-исторических контактов, взаимодействия и взаимовлияния языков. Однако во вьетнамском языке доля заимствований во фразеологии — в основном это заимствования из китайского языка — особенно велика, что связано с многовековой зависимостью от Китая, с влиянием китайского языка, китайской культуры, литературы и философии. Во вьетнамской лингвистике традиционно деление фразеологизмов на исконно вьетнамские и ханвьетские, под которыми обычно понимаются фразеологические единицы, составными компонентами которых являются ханвьетские лексические элементы, то есть заимствованные из китайского языка лексические единицы, имеющие особое чтение, называемое ханвьетским. Понятия ханвьетских фразеологизмов и заимствованных из китайского языка фразеологизмов не тождественны (либо тождественны лишь частично). Заимствование фразеологических единиц из китайского во вьетнамский язык происходило следующими путями: а) исходные фразеологические единицы заимствовались в неизменном виде (структурный и лексический состав фразеологизма, его образная основа и семантическое содержание не менялись), например: *tâm đầu ý hợp* «души сходятся, мысли совпадают» жить душа в душу; *bách chiến bách thắng* «сто сражений, сто побед» непобедимый, победоносный; б) фразеологизмы подвергались вьетнамизации, то есть различным лексическим, структурным и композиционным изменениям: один компонент заменялся другим (*nhập hương tùy tục* — *nhập gia tùy tục* «вступил в деревню, следуй ее обычаям — вступил в семью, следуй ее обычаям» в чужой монастырь со своим уставом не ходят); заменялись два или более компонента (*kính thiên động địa* — *kính trời động đất* «устрашать небо, потрясать землю» громкий, оглушительный, потрясающий; ханвьетские единицы *thiên* «небо» и *địa* «земля» заменяются на аналогичные вьетнамские *trời* и *đất*); изменялся порядок следования компонентов, частей фразеологического оборота (*xà khẩu phật tâm* «змея на устах, Будда в душе» — *khẩu xà tâm phật* «на устах змея, в душе Будда» злой на язык человек, но добрый в душе); в) исходные китайские единицы калькировались полностью или частично. Многие из таких единиц чрезвычайно употребительны во вьетнамском языке, и зачастую употребляющие их даже не подозревают об их иноязычном происхождении. Можно привести в пример такие употребительные идиомы и пословицы, как *đàn gảy tai trâu* «играть на музыкальном инструменте перед ушами буйвола» метать бисер

перед свиньями (кит. *đổi ngưi đàn cầм*), *uống nước nhớ nguồn* «пьешь воду — помни об источнике» (кит. *ẳm thủy tư nguyên*), *một chữ cũng là thầy, nửa chữ cũng là thầy* «одно слово — учитель, полслова — тоже учитель» (кит. *nhất tự vi sư, bán tự vi sư*), *họ hàng xa không bằng láng giềng gần* «дальние родственники не равны близким соседям» близкие соседи лучше дальних родственников (кит. *viễn thân bất như cận lân*).

В то же время имеется некоторое количество фразеологических единиц, в которых используются ханвьетские компоненты либо реалии и артефакты культуры и истории Китая, при этом аналогичные единицы отсутствуют в китайском языке. Являясь ханвьетскими по лексическому составу, эти фразеологизмы тем не менее были созданы вьетнамцами, то есть, строго говоря, являются исконно вьетнамскими. Например: *cao lương mỹ vị* «вкусная еда, изысканный вкус» деликатесы, изысканные блюда; *đa nghi như Tào Tháo* «недоверчивый, как Цао Цао» (полководец эпохи Троецарствия); *phúc đức tại mẫu* «добродетель зависит от матери» счастье, успехи и благополучие детей зависят от матери; *chạy rống Bái Công* «бежать и вопить, как Бай-гун (одно из имен основателя династии Хань)» броситься наутек, бежать без оглядки.

Таким образом, во вьетнамском языке существуют фразеологические единицы, лексический состав которых составляют исконно вьетнамские компоненты, но в целом эти единицы являются заимствованными, поскольку представляют собой кальку с исходного китайского оборота (идиомы, пословицы). Также существуют единицы, которые, напротив, имеют в своем составе ханвьетские элементы, но при этом не являются заимствованиями. Следовательно, исконно вьетнамские фразеологизмы одновременно являются частью двух исследовательских парадигм — диахронической парадигмы «исконно вьетнамские — заимствованные фразеологизмы» и синхронической парадигмы «исконно вьетнамские — ханвьетские фразеологизмы». Исконно вьетнамские фразеологические единицы созданы самими носителями вьетнамского языка преимущественно из исконно вьетнамского лексического материала, а также с возможным участием ханвьетских элементов (как широко употребляющихся в современном вьетнамском языке, так и вышедших из активного употребления).

Возникновение фразеологизмов является результатом определенных структурно-семантических процессов, происходящих в языке, итогом метафорического переосмысления свободных сочетаний. По опреде-

лению В. М. Телия, «фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отражающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» (Телия 1993: 302). В пословицах также отражена народная мудрость и народная оценка окружающей действительности, закреплён общественно-исторический опыт народа, воплощены его духовные ценности, нравственный кодекс, этические нормы взаимоотношений людей, дано философское осмысление жизни.

Исконно вьетнамские фразеологизмы составляют основу фразеологического фонда вьетнамского языка. В них нашли отражение разные стороны жизни человека и социума. Прежде всего их порождали материальная жизнь общества, тяжелый крестьянский труд, быт деревенской общины. Например: *chân lấm tay bùn* «ноги измазаны, руки в грязи» тяжело работать в поле, заниматься тяжелым крестьянским трудом; *cổ cày vai bừa* «на шее соха, на плечах борона» заниматься тяжелым крестьянским трудом, тяжело работать в деревне; *thức khuya dậy sớm* «поздно ложиться, рано вставать» работать от зари до зари (с раннего утра до позднего вечера); *bờ xôi ruộng mật* «межа как клейкий рис, земля как мед» плодородные земли.

Немалое количество фразеологизмов связано с традиционной хозяйственной деятельностью, с профессиональной речью лиц различных профессий: ремесленников, рыбаков, речников, ткачей, торговцев и т. п. Например: *cưa đứt đục suốt* «пилить до конца, долбить насквозь» действовать решительно, окончательно решить все вопросы; *trông gió bỏ buồm* «увидев ветер, опустить парус» действовать своевременно, уметь выждать нужный момент; *mất cả chì lẫn chài* «потерять и грузило, и невод» все потерять; *ăn như tằm ăn rồi* «есть, как прожорливо едят гусеницы тутового шелкопряда» есть много и с жадностью, жадно набрасываться на еду.

Во многих фразеологизмах нашли отражение наблюдения над явлениями природы, животным и растительным миром: *nước chảy bèo trôi* «вода течет, ряска плывет по течению» пустить дело на самотек, плыть по течению; *tre già măng mọc* «старый бамбук дает молодые побеги» молодое поколение приходит на смену старшему; *chuồn chuồn đập nước* «стрекоза топчет воду» поверхностно, лишь для видимости; *dại như đĩa* «прилипчивый, как пиявка» назойливый, надоедливый.

Значительное число фразеологических единиц связано с нравами и обычаями, религиозными представлениями и верованиями, нормами общественной жизни и морали: *giữ như giữ mã tổ* «беречь, как берегут могилу предков» беречь больше всего на свете; *bụt chùa nhà không thiêng* «Будда своей пагоды не святой» нет пророка в своем отечестве; *hồn vía lên mây* «душа поднялась в облака» сильно испугаться; *cha mẹ đặt đâu con ngồi đấy* «куда родители посадят, там ребенок и сидит» дети должны подчиняться воле родителей в вопросах бракосочетания.

В исходно вьетнамской фразеологии отразился повседневный быт, уклад жизни, культура одежды и особенно культура еды, занимающая большое место в жизни вьетнамцев: *bữa rau bữa cháo* «один раз есть овощи, другой раз — кашу» кое-как перебиваться, едва сводить концы с концами; *có cháo đòi che* «есть каша, требует сладкий десерт» алчный, все мало, руки загребушие; *ăn cháo đá bát* «съев кашу, отшвырнуть пиалу» быть неблагодарным, отплатить черной неблагодарностью; *áo rách quần manh* «рваная рубашка, тонкие брюки» бедняк, оборванец; *chó cắn áo rách* «собака кусает рваную рубашку» и так беден, так еще и собака искусала, на бедного Макара все шишки валятся.

Заметным источником пополнения вьетнамского языка фразеологизмами являются художественная литература, произведения фольклора, например: *nói dối như Cuội* «врать, как Куой» мастерски врать, заливать (как персонаж вьетнамской народной сказки Куой); *xấu như Thị Nở* «страшный, как Тхи Но» безобразный, уродливый, страшный как черт (как героиня рассказа писателя Нам Као).

В структурном плане, подобно фразеологизмам вьетнамского языка в целом, исконно вьетнамские фразеологические единицы подразделяются на два больших класса: параллельной и непараллельной структуры. Фразеологизмы параллельной структуры (как идиомы, так и пословицы и поговорки) состоят из четного количества (чаще всего четырех) компонентов (слов либо морфем) и строятся на принципах грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма: *tay làm hàm nhai* «руки работают, челюсти жуют» кормиться собственным трудом; без труда нет плода. Грамматический параллелизм выражается в одинаковой синтаксической структуре звеньев фразеологизма (имя — предикатив), лексико-семантический — в принадлежности компонентов частей фразеологизма к одному лексико-семантическому полю (рука — челюсть, работать — жевать), фонети-

ческий — обе части идиомы состоят из компонентов равных тонов, имеется контактная рифма *lăm/hăm*.

Фразеологизмы непараллельной структуры представляют собой довольно многочисленную группу. Они исключительно разнообразны по составу компонентов и структуре. Относительно немногочисленны двухкомпонентные фразеологизмы, например: *mày râu* «(густые) брови и борода» мужчины, сильный пол; *mắt lươn* «глаза угря» узкие глазки-щелочки; *đầu bò* «голова быка» упрямый, упертый. Фразеологизмы, состоящие из трех компонентов, более многочисленны. Здесь можно выделить следующие сочетания: субстантивные (*bàn tay vàng* — золотые руки; *da bọc xương* «кожа, обтягивающая кости» кожа да кости), адъективные (*thẳng ruột ngựa* «прямой, как кишки лошади» чересчур прямолинейный), адвербиальные (*vai kề vai* «плечо соприкасается с плечом» плечом к плечу, бок о бок; *mặt đối mặt* «лицо противостоит лицу» лицом к лицу) и глагольные (*tức lộn ruột* «злиться (до того, что) вывернулись кишки» кипеть от злости; *kề miệng lỗ* «находиться рядом с краем ямы» стоять одной ногой в могиле; *cướp cơm chim* «отбирать рис у птиц» отбирать последние крохи у бедняков). Среди фразеологизмов непараллельной структуры, состоящих из четырех и более компонентов, преобладают глагольные фразеологизмы: *đi guốc trong bụng* «ходить в деревянных сабо в животе» видеть кого-л. насквозь, читать чьи-л. мысли; *ăn chó cá lông* «есть собаку вместе с шерстью» патологически жадный; *bắt chạch đằng đuôi* «ловить выюна за хвост» начинать не с того конца, действовать неправильно; *đuổi gà cho vợ* «гонять кур для жены» заниматься домашним хозяйством (о никчемном муже, не занимающимся серьезным важным делом) и т.п.

Отдельную группу фразеологических единиц, по нашему мнению, составляют тханьгы (идиомы) со структурой предложения, которые не содержат идеи всеобщности, совета, нравоучения и т.п. и не основаны на общем знании социума, то есть не являются пословицами. Условно такие единицы можно считать аналогичными нашим поговоркам. Это единицы типа: *cá đã cắn câu* «рыба клюнула» клюнуть, попасться на чью-л. удочку, поддаться на уговоры; *gậy ông đập lưng ông* «своей палкой ударить по своей спине» стать жертвой собственных интриг, сам себя высек; *gà trống nuôi con* «петух выкармливает цыплят» отец-одиночка с детьми на руках; *ăn mày đòi xôi gấc* «попрошайка требует клейкий рис

с плодами момордики (праздничное блюдо)» предъявлять непомерные требования, зарываться.

Пословицы тукнгы (*tục ngữ*) имеют сходное с идиомами композиционное построение. Пословицы обычно состоят из двух и более частей, хотя встречаются и одночастные пословицы. Они могут быть как построенными на принципах грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма, так и не иметь параллельной структуры. Как правило, в пословицах различной структуры также присутствуют рифма и ритмическая организация.

По своей стилистической окраске исконно вьетнамские фразеологизмы как правило относятся к нейтральному, разговорному и просторечному стилям речи и используются в разговорном языке, художественной литературе, средствах массовой информации, в то время как ханвьетские фразеологические единицы обычно имеют книжный характер и используются преимущественно в публицистическом, официально-деловом стиле.

В настоящее время исконно вьетнамские идиомы, пословицы и поговорки все более активно употребляются в разговорной речи и в языке вьетнамских средств массовой информации — газет, телепередач, Интернет-сайтов. Наблюдается также относительно новое явление, характерное и для других языков, — активное переосмысление традиционных фразеологических единиц и употребление их в трансформированном виде, что делает еще более актуальным их изучение для понимания ценностных предпочтений современного вьетнамского социума и прослеживания динамики изменений ценностной картины мира вьетнамцев.

Литература

Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.

Đỗ Thị Thu Hương, Nguyễn Đức Tồn. Truy tìm nguồn gốc của một số thành ngữ thuần Việt có nhiều cách giải thích // Ngôn ngữ, số 9, 2012, p. 3–26.

Đỗ Thị Thu Hương. Về cơ sở hình thành thành ngữ tiếng Việt // Ngôn ngữ, số 3, 2017, p. 49–58.

Антонян К. В.

Институт языкознания РАН, Москва

О СТАТУСЕ ФЕНОМЕНА «КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК»

В докладе рассматривается статус лингвистического феномена, который лингвист и антрополог Цин Чжан называет «космополитическим китайским языком». Исследовательница называет так речь высокооплачиваемых сотрудников иностранных компаний в КНР. Их речь отличается рядом фонетических и лексических особенностей. В докладе концепция Цин Чжан подвергается критическому анализу. Выдвигается тезис, что рассматриваемый феномен нельзя рассматривать как самостоятельную разновидность общенационального китайского языка в силу гетерогенности его фонетических и лексических особенностей.

Ключевые слова: общенациональный китайский язык, глобализация, «космополитический китайский язык».

В работе пойдет речь о феномене, который современная исследовательница — лингвист и антрополог Цин Чжан в монографии, посвященной языковым и социальным переменам в Китае (Zhang 2018), называет *Cosmopolitan Mandarin* (СМ) «космополитический китайский язык».

Автор книги родилась, выросла и получила высшее образование (степень магистра) в КНР, степень доктора — в США. В настоящее время она работает в Школе антропологии в университете Аризоны в США.

В Китае за годы реформ сформировался социальный слой людей, работающих в иностранных компаниях, имеющих хорошее образование и высокий уровень доходов. Их называют китайскими яппи (*yuppie*), или, сокращенно, чаппи (*chuppie* — *Chinese yuppie*), по-китайски — *yapishi*.

Уровень жизни работающих в иностранных корпорациях и добившихся там успеха весьма высок. Они живут в элитных жилых кварталах, имеют автомобили представительского класса, обязаны придерживаться дресс-кода и покупать одежду только солидных и дорогостоящих фирм, иметь дорогие часы. Свободное время они проводят в клубах,

а также, например, играют в гольф. Покупки делают только в дорогих торговых центрах.

Речь этих людей характеризуется рядом особенностей, как фонетических, так и лексических, в том числе большим количеством заимствований из английского. Именно на этом основании Цин Чжан называет их язык «космополитическим китайским», отмечает, что СМ имеет надрегиональный характер, и высоко оценивает роль СМ в процессе дальнейшего развития и диверсификации китайского общества. Это отражено даже в подзаголовке книги: “Undoing Commonness through Cosmopolitan Mandarin”.

Исследование Цин Чжан является отчасти социологическим, отчасти культурно-антропологическим, отчасти — лингвистическим.

В исследовании произведено сопоставление аудиозаписей интервью пекинцев, работающих в иностранных компаниях (*waiqi*), с аудиозаписями интервью пекинцев, работающих в государственных организациях (*guoqi*). Было проведено 28 интервью по 45 минут, соответственно — по 14 интервью из каждой группы. Для интервью было взято две темы — (1) работа и карьера, (2) особенности пекинского уклада жизни, пекинской традиционной культуры и, в частности, пекинской речи (Zhang 2018: 63).

Речь *waiqi* и *guoqi* сравнивается по ряду фонетических и лексических параметров, в том числе — по наличию/отсутствию четырех фонетических особенностей (*phonetic variables*): (1) так называемой эризации финалей; (2) ослабления (*lenition*) ретрофлексных инициалей, обозначаемых в пиньинь как *zh*, *ch*, *sh*: они реализуются как г-образный аппроксимант; (3) интердентальной реализации дентальных инициалей, обозначаемых в пиньинь как *z*, *c*, *s*; а также (4) полнотонированного произнесения слогов, которые в пекинском и по нормам путунхуа должны произноситься нейтральным тоном (Zhang 2018: 61–76).

Первые три признака характерны для местной пекинской речи. Чжао Юаньжэнь и Дж.Норман отмечали ослабление ретрофлексных инициалей как особенность слогов нейтрального тона, но, по наблюдениям Цин Чжан, оно происходит и в слогах, в которых редукции тона нет. Четвертый признак — полнотонированное произнесение слогов, которые по нормам путунхуа должны произноситься нейтральным тоном — характерен для гонконгского и тайваньского произносительных стандартов (т. н. *Gang-Tai qiang*).

Выяснилось, что речь *waiqi* и *guoqi* существенно различается. *Waiqi* избегают местных (пекинских) словечек, в их речи также значительно меньше представлены упомянутые выше фонетические особенности пекинской речи. Все это, по мнению *waiqi*, может показаться руководством, клиентам и партнерам по бизнесу «деревенским». В то же время в речи *waiqi* часто встречается полнотонированное произнесение слогов нейтрального тона, что объясняется сознательной подстройкой под гонконгско-тайваньский произносительный стандарт. По мнению Цин Чжан, гонконгско-тайваньский стиль речи всегда считался престижным, стильным и элитарным, в то время как общенациональный язык путунхуа (и, соответственно, нормативное произношение) таким статусом, по ее мнению, никогда не обладал.

Как нам представляется, с автором исследования не во всем можно согласиться.

Мы полагаем, что особенности речи *waiqi*, отмечаемые Цин Чжан, еще не позволяют говорить об этом феномене как о некоем отдельном языке (или варианте общенационального языка). По сути дела, Цин Чжан ставит понятие СМ в один ряд с региональными вариантами общенационального китайского языка, например, с сингапурским. Между тем выявленные ею особенности — это именно особенности речи определенной социальной группы.

Встает вопрос о том, насколько велика эта социальная группа. Нам удалось выяснить, что, по данным Государственного статистического управления КНР (National Statistics Bureau), в 2013 году занятые в иностранных компаниях составляли приблизительно 9,8% от общего числа работающих в организациях, являющихся юридическими лицами, то есть даже не всего населения Китая (Xu et al. 2016).

Все отмеченные Цин Чжан особенности СМ являются либо фонетическими, либо лексическими (заимствования). Грамматических особенностей у СМ не отмечается. Отмечаемые же фонетические особенности СМ гетерогенны и объясняются отчасти влиянием пекинской речи, которому *waiqi*, впрочем, оказывают сопротивление, а отчасти — их сознательной ориентацией на гонконгско-тайваньский произносительный стандарт. Все четыре особенности являются отклонением от норм путунхуа.

Отметим, что в восточных и южных районах Китая людей, занятых в иностранных компаниях, больше, чем в северных. Логично пред-

положить, что в речи восточных и южных *waiqi* будут представлены какие-то другие, местные фонетические особенности, что опять же ставит под вопрос существование СМ как отдельного и целостного лингвистического феномена.

Мы полагаем, что конституирующими признаками феномена СМ являются именно социальные характеристики определенной группы людей. Он может восприниматься как особый феномен только в силу четкой очерченности этой социальной группы, а не в силу своих собственно лингвистических особенностей.

Литература

Xu Xiaojuan et al. Zhongguo waizi jingji fazhan ji yingxiang xiaoying yanjiu. DOI: 10.13778/j.cnki.11-3705/c.2016.03.001. Date: 17.03.2016. (Сюй Сяоцзюань и др. Исследование динамики развития иностранного капитала в Китае и его экономического эффекта) // National Bureau of Statistics of People's Republic of China: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjsj/tjcb/dysj/201603/t20160317_1332348.html (дата обращения к сайту: 29.05.2018).

Zhang Q. Language and Social Change in China. Undoing Commonness through Cosmopolitan Mandarin. N. Y., London: Routledge, 2018. 198 pp.

Банкова Л. Л.

Нижегородский государственный лингвистический университет,
Нижний Новгород

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ 天干地支 В КАЧЕСТВЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассмотрен вопрос о правомерности отнесения традиционных китайских символов Небесные стволы и Земные ветви к имени числительному. В качестве порядковых числительных они могут как обозначать даты и время, выполняя функцию летоисчисления, так и ранжировать разряды, классы, структуры.

Ключевые слова: китайский язык, числительные, Небесные стволы, Земные ветви.

Древнейшие иероглифы из комплектов Небесные стволы (天干) и Земные ветви (地支) (далее — 天干), являясь частью китайской культуры, традиционно привлекают внимание исследователей. В комплект Небесных Стволов входят следующие десять иероглифов: 甲 (jiǎ), 乙 (yǐ), 丙 (bǐng), 丁 (dīng), 戊 (wù), 己 (jǐ), 庚 (gēng), 辛 (xīn), 壬 (rén), 癸 (guǐ). Земные Ветви представлены двенадцатью символами: 子 (zǐ), 丑 (chǒu), 寅 (yín), 卯 (mǎo), 辰 (chén), 巳 (sì), 午 (wǔ), 未 (wèi), 申 (shēn), 酉 (yǒu), 戌 (xū), 亥 (hài). Данная работа сфокусирована на исследовании Небесных стволов и Земных ветвей в качестве числительных, рассматривая их с языковедческой точки зрения, являющейся наименее изученным аспектом. Несмотря на то, что в различных учебных пособиях 天干 часто упоминаются в разделе числительных, актуально представить тому теоретические основания. Поэтому задачами работы являются, во-первых, доказать принадлежность 天干 к числительным, во-вторых, рассмотреть способ их функционирования в этой роли.

Для ответа на вопрос о принадлежности 天干 к числительным следует дать определение числительного. Самым полным в отечественной синологии нам представляется определение В. И. Горелова, приведенное в учебном пособии «Теоретическая грамматика китайского языка», где он пишет, что «числительное — часть речи, обозначающая

отвлеченные числа, количество предметов или порядок предметов при счете» (Горелов 1989: 42). Китайская лингвистическая традиция определяет числительные в том же ключе, как «表示数目和次序的词» (刘莘 2013: 122–123). Таким образом, для того, чтобы иметь право быть отнесенными к числительным, 天干 должны выполнять функции количественного подсчета и/или определения порядка при счете.

Действительно, современные исследователи в качестве основной функции Небесных Стволов и Земных Ветвей на первом месте называют обозначение последовательности, порядковости. В этом вопросе единодушны как китайская лингвистическая традиция («...天干地支也是一种序数» (刘月华 2001: 125)), так и отечественная («В качестве порядковых числительных используются также 天干地支...» (Щичко 2016: 52)). Все это дает основания утверждать, что 天干 представляют собой числительные.

Рассмотрим функционирование Небесных Стволов и Земных Ветвей в обозначенном качестве в китайском языке. Ярчайшим проявлением порядковости является обозначение Небесными стволами и Земными ветвями летоисчисления.

Являясь результатом наблюдений древних китайцев за движением Земли вокруг Солнца и своей оси, 天干 сначала использовались для обозначения дней, затем годов (刘月华 2001: 125). Несмотря на то, что в современном Китае даты записываются арабскими числами или сочетанием арабских чисел и иероглифов по формуле x 年, y 月, z 日, запись дат с помощью Небесных Стволов и Земных Ветвей по-прежнему актуальна. Так, в периодическом издании «Жэньминь жибао» (《人民日报》) наряду с современной записью даты присутствует запись года посредством 天干: например, 2014年5月26日 и 甲午年四月廿八. Данная запись даты произведена в соответствии с сельскохозяйственным (лунным) календарем, который по-прежнему актуален.

Сочетание Небесных Стволов и Земных Ветвей являет собой фиксацию непрерывной временной цепи из 60 часов, 60 дней, 60 месяцев и 60 лет. Согласно учению 阴阳五行, нечетные числа-символы 甲, 丙, 戊, 庚, 壬 у Небесных Стволов сочетаются с нечетными 子, 寅, 辰, 午, 申, 戌 у Земных Ветвей. Четные символы Небесных Стволов 乙, 丁, 己, 辛, 癸 сочетаются с четными символами Земных ветвей 丑, 卯, 巳, 未, 酉, 亥. Такое сочетание дает 60 обозначений, называемых 六十甲子. Перечислим их: 甲子, 乙丑, 丙寅, 丁卯, 戊辰, 己巳, 庚午, 辛未, 壬申, 癸

酉, 甲戌, 乙亥, 丙子, 丁丑, 戊寅, 己卯, 庚辰, 辛巳, 壬午, 癸未, 甲申, 乙酉, 丙戌, 丁亥, 戊子, 己丑, 庚寅, 辛卯, 壬辰, 癸巳, 甲午, 乙未, 丙申, 丁酉, 戊戌, 己亥, 庚子, 辛丑, 壬寅, 癸卯, 甲辰, 乙巳, 丙午, 丁未, 戊申, 己酉, 庚戌, 辛亥, 壬子, 癸丑, 甲寅, 乙卯, 丙辰, 丁巳, 戊午, 己未, 庚申, 辛酉, 壬戌, 癸亥.

Все обозначения времени, будь то китайская или западная традиция, так или иначе связаны с 60 циклами: в одной минуте 60 секунд, в одном часе — 60 минут. И даже современное деление суток на 24 часа тесно связано с их древнекитайским делением на 12 частей: каждая такая часть называлась 时辰, то есть «большой» час, представлявший собой одну двенадцатую части суток и равный 2 часам в современном понимании. В Китае применялся пятидневный цикл времяисчисления, так называемый “五日一候”. За пять дней с двенадцатью часами в каждом это как раз и составляло 60 «больших» часов. Для их обозначения использовались двенадцать Земных Ветвей.

Обозначение летоисчисления посредством 天支 теснейшим образом связано с обозначением исторических дат и легло в основу исторической номенклатуры. Приведем хрестоматийный пример. В 1911 году, который обозначается символами 辛亥, в Китае произошла революция, в результате получившая название Синьхайской (辛亥革命).

В результате исследования методом сплошной выборки из таких лексикографических источников, как Большой русско-китайский словарь (он-лайн), 现代汉语词典 (汉英双语), были зафиксированы следующие словосочетания, отображающие исторические реалии с помощью 天支:

- 戊戌变法 Сто дней реформ, или Реформы года у-суй (июнь-сентябрь 1898 года) (варианты: 戊戌政变记; 戊戌维新);
- 戊戌政变 переворот 1898 г., положивший конец периоду Ста дней реформ;
- 戊戌六君子 шесть ведущих реформаторов Ста дней реформ 1898 года;
- 甲午战争 война 1894–1895 годов;
- 辛丑条约 Боксерский протокол 1901 года;
- 壬辰倭乱 Имчжинская война между Кореей и Японией в 1592–1598 гг.;
- 甲申政变 корейский дворцовый переворот, организованный в 1884 году Западниками против консерваторов, подавленный войсками династии Цин;

- 丁卯战争 (丁卯胡乱) первое маньчжурское вторжение в Корею (1627);
- 丙子战争 (вариант: 丙子胡乱) второе маньчжурское вторжение в Корею (1636);
- 庚子国变 Национальное бедствие 1900-го года — пик Ихэтуаньского восстания (варианты: 庚子国难; 庚子之变; 庚子拳乱; 庚子事变);
- 庚子赔款 «боксерская» контрибуция.

Употребление Небесных стволов и Земных ветвей при летоисчислении и обозначении исторической номенклатуры закреплено государственным стандартом «Общие правила написания числительных в публикациях» (《中华人民共和国国家标准 GBT 15835–2011 出版物上数字用法的规定》).

Анализ материала показал, что наиболее полное описание 天干 в функции порядковых числительных дано в «Современной практической грамматике китайского языка» («实用现代汉语语法») Лю Юэхуа (刘月华). Согласно данному источнику, помимо летоисчисления, в качестве порядковых числительных Небесные стволы и Земные ветви используются для обозначения:

- успеваемости (成绩): 甲, 乙, 丙 и т. д.;
- действующих лиц в театральных постановках (剧中人物): 甲, 乙, 丙 и т. д.;
- разрядов, классов (等级): 甲等, 乙等 и т. д. или 甲级, 乙级 и т. д.;
- организационной структуры (组织机构): 甲班, 乙班, 丙班, 丁班 и т. д., 甲组, 乙组, 丙组, 丁组 и т. д.;
- (для Земных ветвей) «большого часа» (时辰): 子时, 丑时, 寅时, 卯时 и т. д. (刘月华 2001: 125).

Причисление Небесных стволов (天干) и Земных ветвей (地支) к числительным в китайском языке не вызывает сомнений ввиду выполнения ими функций ранжирования и обозначении порядковости при летоисчислении. 天干 представляют собой уникальное явление, поскольку, несмотря на существование нескольких комплектов цифр, они прочно заняли свою нишу в китайском языке и культуре.

Литература

Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» М.: Просвещение, 1989. 318 с.

Щичко В. Ф. Практическая грамматика современного китайского языка / В. Ф. Щичко. 2-е изд. М.: Издательство ВКН, 2016. 208 с.

刘苹 / 数词分类研究述论. 重庆邮电大学学报 (社会科学版). 2013年03月, 第25卷第2期, 122 - 127 页。

实用现代汉语语法 / 刘月华等著. 增订本. 北京:商务印书馆, 2001. 1005 页。

中华人民共和国国家标准 GBT 15835 - 2011 出版物上数字用法的规定。
Государственный стандарт КНР GBT 5835-2011. Общие правила написания числительных в публикациях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-8106148835604.html>.

Лексикографические источники

Большой китайско-русский словарь он-лайн. www.bkrs.info.

现代汉语词典 (汉英双语) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编。北京: 外语教学与研究出版社, 2002, 2698页。The Contemporary Chinese Dictionary (Chinese-English Edition). Foreign Language Teaching and Research Press, Beijing, 2002, 2698 p.

ЗАПАДНЫЕ ДИАЛЕКТЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена анализу грамматических особенностей и роли западных диалектов в японской языковой системе. Значительные различия между восточной и западной ветвью диалектов японского языка с точки зрения фонетических, грамматических и лексических характеристик существовали с давних времен. Грамматические особенности западных диалектов, противопоставляемые аналогичным характеристикам восточных диалектов, стали одним из основополагающих факторов при создании классификации диалектов японского языка. Западные диалекты, в частности языки Киото и Осаки, обладают особой значимостью в истории японского языка в качестве стандартного языка эпохи Хэйан. Описываемые диалекты продолжают употребляться в современной Японии и не демонстрируют тенденции к исчезновению.

Ключевые слова: *территориальные диалекты, грамматические особенности, классификация диалектов.*

Все существующие в японоведении описания и исследования диалектов японского языка со времен становления диалектологии как науки в японском языкознании подтверждают существование двух основных ветвей диалектов японского языка, западных (западной ветви) и восточных (восточной ветви), которое фиксируется с давних времен. Одно из первых подтверждений дифференциации диалектов японского языка в японском языкознании обнаруживается в известном «Большом словаре японского языка» («Нихон дайджитэн») португальского миссионера Жоао Родригеса, составившегося в 1604–1608 гг. (Сибата 1988: 609). Родригес приводит поговорку, бытовавшую в японском языке еще со времен эпохи Камакуры и лаконично подтверждающую грамматические различия между группами диалектов, на которые могли быть разделены диалекты японского языка в ту далекую эпоху: *Кё: хэ Цукуси ни*

Ханто: са. В пословице фиксируются показатели падежа направления, употреблявшиеся в период создания словаря, в Киото (*хэ*, совр. *э*), на острове Кюсю (область Цукуси, *ни*), в Осаке и на востоке Японии (*са*). Нетрудно заметить, что в наши дни эти показатели, или форманты, сохранились в японском языке, но употребляются иначе. Формант *хэ* в форме *э*, когда-то характерный лишь для Западной Японии, распространился по всей стране. Формант *са* вышел из употребления на востоке Хонсю за исключением района Тохоку. Формант *ни* продолжает употребляться ныне не только на Кюсю, но и во всех других регионах Японии. В эпоху создания словаря Родригесом еще отсутствовали классификации диалектов, но о различии двух основных ветвей диалектов, восточных и западных, упоминалось во многих литературных памятниках более ранних эпох.

Две эти ветви (группы) различаются в значительной степени с точки зрения фонетических, грамматических и лексических особенностей. Говоря о различиях фонетического характера, следует прежде всего отметить, что акцентуация в восточных и западных диалектах японского языка характеризуется противоположностью высоты тона в одних и тех же слогах в словах с одинаковым слоговым и фонемным составом, что может создавать определенные сложности с пониманием сказанного носителем западного диалекта в ситуации устной коммуникации с собеседником, говорящим на общем языке *кё:цу:го*. В стандартном японском языке, который используется по всей стране в форме общего языка, нормативной является акцентуация токийского типа, которая в свою очередь основана на акцентуации, характерной с давних времен для восточных регионов Японии. Язык жителей Эдо, ныне называемого Токио, на протяжении столетий характеризовался акцентуацией, в основном совпадающей с распространенной в восточных диалектах. Подобная идентичность акцентуации столицы Японии и ряда других префектур объясняется географическим фактором, а именно расположением столичной префектуры в восточной части острова Хонсю, где и распространены диалекты восточной ветви. Отмечаются и многие другие различия фонетического характера между восточными и западными диалектами, но они не являются объектом анализа в данной статье. Описание западных диалектов приобрело особое значение в японской диалектологии прежде всего в связи с тем, что именно эти территориальные разновидности японского языка, в частности языки Киото

и Осаки играли роль стандартного языка в эпоху Хэйан (794–1185 гг.) На страницах романов, написанных в то время знаменитыми женщинами-писательницами, читатель может встретить доказательства пренебрежительного отношения к носителям восточных диалектов, статус которых в японском языке был весьма невысок в отличие от современной эпохи. Но вот обратный вариант, негативное или недостаточно почтительное отношение к языку западных регионов, никогда не фиксировался в японском обществе. Употребление в речи форм этих диалектов даже в долгий послевоенный период насильственного вытеснения любых диалектов, лишь в последние десятилетия сменившийся признанием их ценности, никогда не вызывало насмешек, неприятия и отторжения. Особое место не только в ветви западных диалектов, но и в целом в японской языковой системе, несомненно, занимает язык Киото как язык наиболее изящный и благозвучный, пусть речь носителей этой территориальной разновидности языка и отличается старомодностью и замедленным темпом речи. Представляется, что немалую роль в столь пиетическом отношении по крайней мере к языку Киото как основному западному диалекту сыграл высокий статус западных диалектов в качестве стандартного языка, который был им присущ в прошлом, а также уважение к самому Киото как центру японской культуры.

К ветви западных диалектов со времен разработки Тодзё Мисао концепции классификации диалектов японского языка, вошедшей в японское языкознание как *хо:гэн кукаку рон*, относят пять диалектов: Хокурику, Кинки, Тюгоку, Умпаку, Сикоку. Путь к этой классификации был достаточно долгим: первый вариант классификации был создан Тодзё Мисао в 1927 г., второй — в 1934 г., третий и заключительный — в 1953 г. (Кибэ 2014: 9). Впоследствии классификация была уточнена и детализирована другими поколениями диалектологов, но основные принципы выделения групп, или ветвей, диалектов и их количество сохраняются в сущности в соответствии с концепцией Тодзё Мисао. Примером более позднего дополнения может служить уточнение, внесенное Сато Кадзуюхико в отношении группы западных диалектов. В группе диалектов Кинки он выделяет и, таким образом, добавляет к этой группе диалекты Ёсино-Тоцугава-Куманогава, а в группе диалектов Сикоку наряду с ними дополнительно указывает диалекты Инан — Коти (Сато 1996: 167). Это лишь один

из нескольких примеров уточнений, дополняющих классификацию Тодзё Мисао, но существенно не меняющих ее общую концепцию. Исследователями отмечается также некоторое сходство диалектов Кюсю и диалектов западной ветви, несмотря на то, что эти диалекты во всех классификациях отнесены к различным группам. Предполагается, что в течение длительного времени примерно до начала эпохи Муромати западные диалекты и диалекты Кюсю составляли одну большую группу, но постепенно различия между ними возрастали и они разделились на две различные группы. Доказательством может служить то, что в диалектах Кюсю и в настоящее время отмечаются архаичные грамматические формы, характерные для языка Киото в эпоху Муромати (1336–1573 гг.) В Киото они не сохранились, но факт функционирования подобных форм в современных диалектах Кюсю подтверждает определенную историческую общность этих диалектов и диалектов западной ветви.

Ведущую роль в западной ветви диалектов играют диалект Кинки (*Кинки хо:гэн*), или Кансай (*Кансай хо:гэн*), и прежде всего языки Киото и Осаки. Естественно, что возникает вопрос о том, какой же термин правильнее употреблять, говоря об этом диалекте, *Кинки хо:гэн* или *Кансай хо:гэн*. С точки зрения административного деления Японии район Кинки в сущности совпадает по количеству включаемых в него префектур с районом Кансай. Различие заключается в том, что Кинки — официальное название района, а Кансай — название, которое использует народ, то есть народное название. Отсюда вытекает и разница в употреблении соответствующих терминов: в научной классификации диалектов фигурирует термин *Кинки хо:гэн*, в их описании в научно-популярной литературе, учебниках и учебных пособиях этого диалекта, в бытовой речи — *Кансай хо:гэн*. При этом по отношению к языку Осаки нередко используется термин *бэн* «диалект, наречие», обычно обозначающий меньшую по распространенности территориальную разновидность языка, чем *хо:гэн*, а. значит, менее значительное языковое явление. Язык Киото никогда не характеризуется как *бэн* вследствие особо почтительного отношения к нему, о чем уже упоминалось выше. Говоря о языке Киото, употребляют термины *Кё:того* «язык Киото» или *Кё:то хо:гэн* «диалект Киото». Вместе с тем диалект Осаки нередко называют *Кансай-бэн*, отождествляя его с названием диалекта целого района.

Грамматические особенности диалектов Киото и Осаки наряду с их фонетическими и лексическими особенностями характеризуют в той или иной степени все западные диалекты, но в речи жителей Киото и Осаки они выражены наиболее ярко, и, если можно так сказать, наиболее «нормативно» для западных диалектов, что и позволяет рассматривать их как ведущие диалекты западной ветви. В то же время эти же характеристики, дифференцирующие восточные и западные диалекты, послужили основой для создания классификации диалектов японского языка (Быкова 2016: 177–186).

Грамматические особенности западных диалектов могут быть обобщены следующим образом: окончания *ну* и *н* в отрицательных формах настоящего времени глаголов (при этом между основой глагола и окончанием может вставляться формант *хэ*, восходящий к *сэ*, использовавшемуся в более ранние эпохи, а также эпизодически *сэ*) по типу *икан/икахэн* «не иду» от глагола *ику* «идти»; употребление отрицательных форм прошедшего времени на — *нанда*, *дзатта* и др. по типу *икананда/икадзатта/иканкатта* «не ходил»; употребление связок *я* и *дзя* (эквивалент *да*) ; употребление связок *дасу* и *досу* (эквивалент *дэсу*); ассимиляция *омбин* (удлинение гласных звуков с одновременным эллипсом одного согласного) при образовании деепричастных форм и форм прошедшего времени глаголов, оканчивающихся в заключительной форме на два гласных звука, по типу *ко:тэ* «купив», *ко:та* «купил» (эквивалент форм *каттэ* и *катта* от глагола *кау* «покупать» в стандартном языке), а также глаголов, заканчивающихся на *-му* в заключительной форме, по типу *но:дэ* «выпив», *но:да* «выпил» от глагола *ному* «пить»; ассимиляция и одновременный эллипс согласного звука *с* при образовании аналогичных форм от глаголов, основа которых заканчивается на *-с*, по типу *даитэ* «выставив» и *даита* «выставил» от глагола *дасу* «выставлять, вынимать»; ассимиляция *омбин* при присоединении глагола *нару* «становиться» к соединительной форме т.наз. предикативных прилагательных по типу *тако:нару* «стать высоким; подорожать», когда одновременно с удлинением гласного звука выпадает согласный звук *к* в этой основе (эквивалент формы *такаку* *нару* в стандартном языке); спряжение глаголов типа *кариру* «одалживать, брать займы» по типу *кару* аналогично глаголам т.наз. первого спряжения в терминах базовой грамматики; образование форм повелительного наклонения с помощью *ё* и *и* по типу *миё/мии* «смотри» от глагола *миру* «смотреть»; употребление

в качестве служебного глагола *ору* «быть, находиться» при образовании форм длительного вида глаголов различных спряжений по типу *ориёру* (соединительная основа *ори* глагола *ориру* «спускаться; выходить» + глагол *ору*) или *оттору* (стяженная форма того же глагола) (Судзуки 1995: 242–243). Явление ассимиляции *омбин* отчасти было заимствовано стандартным японском языком, хотя носители современного японского языка вряд ли задумываются над тем, каково происхождение клише *аригато:годзаимас* «спасибо» или *охаё:годзаимас* «доброе утро». Если же основываться на анализе вышеперечисленных особенностей западных диалектов, очевидным становится то, что эти единицы восходят к формам *аригатаку годзаимасу* и [o]хаяку *годзаимасу*, которые на каком-то этапе в соответствии с правилами *омбин*, по которым происходит удлинение гласного звука в соединительной основе предикативных прилагательных с одновременным эллипсом согласного превратились в ныне использующиеся приветствия и другие клише.

Большинство произведений современной японской литературы написано на общем языке и, как свидетельствует анализ диалогов в современных романах и повестях, а также фильмов и телепостановок, их герои чаще всего говорят на кё:цу:го с использованием форм токийского языка, в наши дни значительно отличающегося от общего языка. Но диалекты Киото и Осаки, пожалуй, занимают следующую за языком столицы позицию по распространенности в японской художественной литературе. Одним из тех авторов, в чьих произведениях наиболее часто «звучит» Кансай-бэн, был знаменитый японский писатель Танидзаки Дзюнъитиро. Так, подобными формами насыщен его роман «Сасамэюки» («Мелкий снег»). Несомненно, использование диалектальных форм в этом произведении, как, впрочем, и в некоторых других романах Танидзаки следует рассматривать прежде всего как художественный прием, позволяющий читателю ощутить атмосферу, в которой действуют персонажи. Но вместе с тем высокая частотность использования персонажами романа форм западных диалектов позволяет проводить лингвистический анализ функционирования их в речи носителей этих диалектов. Приведем лишь один короткий диалог из указанного произведения (Танидзаки 1968: 255):

- Сорэ дэмо Кои-сан, Итакура о до: *омо:тэру* но н? (эквивалент формы *омо:тэру* в кё:цу:го — *омоттэру*) «И все же, что Вы, Кои-сан, думаете об Итакуре?»

- Анна хито, мондай ни *ситэхэн* ва. Ути, Кэй-тян но йу ё:на ими то тигау кэдо, Итакура ни ва канся-ситэру нэ н. Иноти тасукэра-рэта ондзин но кото, варуку *омо:тара суман сакаи* ни (*ситэхэн* = *симасэн*, *суман* = *суманай*, *сакаи* = *кара*) «С ним никаких проблем. Я благодарна Итакуре, хотя и в другом смысле, нежели Кэй-тян. Ведь это благодетель, спасший мне жизнь, и непростительно дурно думать о нем».

Несмотря на несомненное существование тенденции к отмиранию ряда территориальных диалектов японского языка, диалекты западной ветви, в частности Киото и Осаки не только не отмирают, но, напротив, продолжают функционировать в неформальной обстановке общения. В связи с этим необходимо учитывать фактор четкого различения носителями японского языка ситуаций коммуникации: в официальной обстановке используется общий язык, в неофициальной — родной диалект. Кроме того, носители ряда диалектов оценивают родные диалекты гораздо выше общего языка, и жители района Кинки, пожалуй, выделяются особенно трепетным отношением к родному языку. Яркой иллюстрацией к этому утверждению могут служить данные, полученные Танака Юкари в 2012 г. (Кибэ 2014: 108–111). Проведя анкетирование 1347 человек в возрасте от 17 лет и выше, она выяснила, что носители нескольких западных диалектов, а именно жители Кинки, Тюгоку и острова Сикоку (группа активных носителей диалекта, или группа 1 по классификации Танака Юкари) любят родной диалект и используют его во всех ситуациях общения, но при этом не слишком хорошо различают ситуации, когда следует говорить на общем языке, когда — на диалекте, не слишком высоко оценивают кё:цу:го и в целом относятся к нему скорее негативно. Во всех ситуациях общения говорят на общем языке жители столичной префектуры Токио и на Хоккайдо, но и они не различают четко ситуации использования диалекта как такового и общего языка. Кстати говоря, жители ряда других регионов Японии, северного Канто, Хокурику, района Токай, как и носители западных диалектов, также не питают привязанности к общему языку, хотя говорят на нем в ситуациях формального общения. Оказалось, что довольно неожиданно, положительно относятся к общению на общем языке окинавцы, жители Кюсю, района Тохоку и частично Тюгоку (отдельные области, не входящие в группу 1), то есть районов, где распространены наиболее сложные для понимания диалекты японского

языка и где всегда предпочитали общаться на родной разновидности японского языка. При этом они вовсе не отказываются от общения на диалекте в домашней обстановке, но различают ситуации употребления общего языка и диалекта. Носители западных диалектов, говоря на диалекте, сохраняют в своей речи все их особенности, в т.ч. грамматические, о которых шла речь выше.

Литература

Быкова С. А. Теоретические основы классификации диалектов японского языка // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Труды научной конференции. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 177–186.

Кибэ Нобуко, Такэда Ко:ко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. Хо:гэнгаку ню:мон (Введение в диалектологию). Токио: Сансэйдо:, 2014. С. 9, 108–111.

Сато Такэёси. Тэмбо: гэндай но нихонго (Современный японский язык: перспективы). Токио: Хакутэйся, 1996. С. 167.

Сибата Такэси. Хо:гэнрон (Диалектологическая теория). Токио: Хэйбонся, 1988. С. 609.

Судзуки Кадзухико, Хаяси О:ки, Иида Харуми, Накаяма Рокуро:. Гайсэцу нихонгогаку (Японское языкознание. Общее описание). Токио: Мэйдзи сёин, 1995. С. 242–243.

Танидзаки Дзюньитиро:. Сасамэюки (Мелкий снег). Токио: Кавадэ сёбо:, 1968. С. 255.

Виноградова Т. И.

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ АКАДЕМИКА В. М. АЛЕКСЕЕВА: ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО «СИНОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТОТЕКИ»

Основная масса работ академика В. М. Алексеева в области языкознания до сих пор остается неизданной. В статье предпринята попытка ввести в научный оборот архивные материалы из так называемой «Синологической картотеки» ученого, касающиеся его исследований в области экспериментальной фонетики китайского языка.

Ключевые слова: Академик В. М. Алексеев (1881–1951); Н. А. Спешнев; китайский язык; экспериментальная фонетика; искусственное нёбо; аббат Руссло (Rousselot Jean-Pierre, 1846–1924); транскрипция.

Из всего необъятного научного наследия академика В. М. Алексеева (1881–1951) до сих пор остаются неизданными его труды в области языкознания, хотя разговоры о необходимости их публикации ведутся очень давно. Некоторые сведения об этой стороне научной деятельности В. М. Алексеева можно найти в статье Н. А. Спешнева (Спешнев 1972). Материалы так называемой «Синологической картотеки» В. М. Алексеева дополняют приведенную Н. А. Спешневым информацию. «Синологическая картотека» — единственный сохранившийся каталог с кратким описанием бумаг ученого на карточках, составленный им самим. Каталог организован по предметно-тематическому принципу. В настоящее время каталожный куб с этими материалами находится в помещении библиотеки Института восточных рукописей РАН, куда он был перевезен после смерти ученого.

Рубрика «Фонетика» «Картотеки» проработана В. М. Алексеевым весьма основательно. Первые записи относятся к 1898 г., т. е. ко времени учебы в Университете и свидетельствуют о рано возникшем интересе к звуковому составу китайского языка.

«Фонетические» записи за «Хуэ Фаном» в 1898 г. (здесь и далее курсивом набраны записи из «Синологической картотеки» — Т. В.) /

Первое фонетическое ослобнение. Лектор «Хуэ» Фан и записи за ним. «Слова» из Лунь Юя.

Таинственный «Хуэ» Фан — очевидно, один из тех преподавателей-китайцев, которых, по свидетельству самого В. М. Алексеева, «было сколько угодно вокруг меня в 1902 г.!» (Алексеев 1982: 297). Результатами их работы, как и общим уровнем своей языковой подготовки, ученый был крайне недоволен. Отправленный по окончании университетского курса в Европу для «подготовки к профессорскому званию», В. М. Алексеев сразу же занялся разработкой методики преподавания китайского языка. Под фонетическими штудиями или студиями подразумевалась особая форма фонетической записи, «нотации» китайских текстов, нужная для того, чтобы учащиеся уже в первый год обучения имели возможность читать настоящие китайские тексты в транскрипции, т. е. без иероглифики. Фонетическому методу преподавания китайского языка В. М. Алексеев был привержен всегда, несмотря на многочисленную критику.

В Париже В. М. Алексеев работал с так называемым «искусственным нёбом» (palais artificiel) аббата Руссло (Rousselot Jean-Pierre, 1846–1924), основоположника экспериментальной фонетики. Принципы работы прибора изложены в статье Н. А. Спешнева (Спешнев 1972: 68–69). Запись в «Синологической картотеке» позволяет установить имя «подопытного» китайца — Жуй Сян: *Тексты-речи, излучавшиеся мною на аппарате Руссло за 銳祥-ом в Париже 1911 г.*

«Случайно найденный мною китаец был уроженцем Юга, но говорил он не на своем наречии, а на модном северном, сохраняя, конечно, свои особенности. За неимением лучшего, я вынужден был обратиться к нему, чтобы хоть приблизительно узнать, какой эффект производят на регистрирующий аппарат резкие особенности китайской речи» (Алексеев 1910: 935) — писал позднее В. М. Алексеев об этом человеке, с которым он продолжил работу во время второго визита в Париж в 1911 г.

Выводы, которые сделал В. М. Алексеев на основании первых опытов с искусственным нёбом, касались особенности фиксаций тонов китайского языка, выявлению общего и различного в произношении китайских согласных и согласных европейских языков. В «Синологической картотеке» работа с искусственным нёбом отражена следующим образом: *Мое искусственное нёбо. Коробка / Рисунок моего неба /*

Материал для проектирования искусственного нёба на бумаге / Мои подражания китайским звукам искусственного нёба / Конфигурация китайского тона.

По результатам экспериментов В. М. Алексеев готовил французские статьи: *Набросок французской статьи о моих фонетических опытах 1906 и 1911 г. / Начало моей статьи на французском языке о китайской фонетике (1906 г.)*

В годы стажировки в Китае (1906–1909) недостатка в носителях языка, согласных на участие в фонетических опытах, не было, но были проблемы с искусственным нёбом. Из отчета о пребывании ученого в Китае явствует, что ему «посчастливилось» приобрести прибор в Пекине (Алексеев 1982: 273). Однако Н. А. Спешнев свидетельствует, что аппарат был изготовлен по заказу В. М. Алексеева «заезжим дантистом», вывезен в Россию и хранился в семейном архиве ученого (Спешнев 1972: 70). Какова последующая судьба аппарата, установить пока не удалось. В Пекине В. М. Алексеев сосредоточился на изучении фонетики пекинского диалекта: *Мои первые фонетические наблюдения в Пекине и ключевые знаки / Ли Лин — пекинские записи, использованные для фонетических наблюдений в 1906–1907 гг. Первые опыты теории звуков / Основной фонд фонетических наблюдений / Систематизация отрывочных наблюдений по фонетике / Программа пекинских фонетических занятий 1 основная (параллели к опытам с искусственным нёбом). 2 коробки / Фонетические опыты (с искусственным нёбом) со слугой Ли. Пекин, 1907 / Согласные вне нёбных опытов / Фонетические опыты искусственного нёба с сяньшэном 孟錫爵 (Мэн Сицзюэ) / 小孩歌 (детские песенки — ТВ). Транскрипция 3-х у Барбье 1907.*

И в Париже, и позднее в Пекине В. М. Алексеев привлекал к опытам с искусственным нёбом и фонетическим диктовкам не только носителей китайского языка, но и иностранцев, как знающих, так и незнающих китайский язык; а также предлагал китайцам транскрибировать звуки русской речи. Необходимость этого обосновывалась следующим образом: транскрибирование «русских звуков китайскими знаками, производимым различными китайцами, не знающими никаких иностранных языков. Опыты подобного рода являлись для меня весьма ценными, ибо показывали воочию, каких русских звуков китаец совершенно не слышит, какие сопоставляет со своими и как замещает неверно

улавливаемые» (Алексеев 1910: 937). «Третий способ моих фонетических наблюдений заключался в восприятии слухом, уже достаточно изощренным, всевозможных звуковых комбинаций китайской речи. Отдельные комплексы выслушивались мною в разное время и у разных лиц, заносились в виде разных приемов транскрипции и комментировались также каждый раз особо, чтобы всячески избежать накопления предвзятости» (Алексеев 1910: 937–938). Все эти эксперименты отражены в «Картотеке» следующим образом:

РУССКИЕ ЗВУКИ: Русские звуки, мною произносимые. Искусственное нёбо / Русские звуки в произношении Ю. М. Васильева. Пекин, 1907 / Программа, по которой велись в Пекине испытания китайцев в транскрибировании русских звуков под произносимыми на слух иероглифами. 2 — дополнения к коробке 1 / 2 коробки. Русские звуки в китайской фонетической транскрипции. См. еще конверт / Русские звуки в китайской транскрипции. Этюд к опытам, собранным в коробке 2.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗВУКИ : Французские звуки в китайской транскрипции. Blanchet и 童 (Тун — фамилия неустановленного лица — ТВ) / Текст русских и французских речей, записанных на аппарате Руссло в Париже (1911). Я и Cl. Blanchet / Phonetica а) опыт китайской транскрипции восьмилетней Лидуси Барбье; в) первые опыты моих наблюдений; с) серия опытов Васильева /

В путешествиях по Китаю В. М. Алексеев не прекращает своих фонетических наблюдений: *Фонетические записи в путешествии 1907 г. / Фонетические записи в Учане / Следы переписки о печати моих фонетических текстов в Шанхае. 1908 г. / Фонетические записи шаньдунского(?) диалекта (отдельные фразы) (Вопросительный знак поставлен самим Алексеевым —ТВ) / Фонетические записи Фучжоуского диалекта. 1912 г. / Объявление о звукозаписи (студия, где я «наговаривал» пластинки).*

Вернувшись в Россию, В. М. Алексеев сразу начинает преподавать подготовленный в Китае курс «Учение о звуках пекинского диалекта». Вот как это выглядело на практике: *Курс 1910, весна. Учение о звуках пекинского диалекта. Фонетическая таблица, чтение текстов, транскрипция фонетическими знаками / Запись Невского. Учение о звуках пекинского диалекта. Курс 1910–1911 г., отличная запись (по ней готовлю лекции) / Мой курс по фонетике в записи студ. А. А. Колпакова / Программа вопросов по фонетике для зачета (1 к.) осеннего полугодия*

1910 г. и черновики ее / Фонетический текст вопросов к лектору при начале занятий с ним. Ред. 10.12. 1925 / Программа занятий «Фонетический курс китайского разговорного языка» на 1-м курсе ЛВИ (1929). Сост. Драгунов / Фонетические тексты (стр. 19/20) на которых 19.1.31 я высчитал количество моносил. и биномов и пришел к выводу относительно китайского языка / 1 курс. Б. Совместный с лектором показательный практикум. 1 курс. Фонетическая студия: ЛВИ, 1 курс — 1934 г. / Образец неуспешности моих фонетических диктовок / Систематический курс китайской разговорной речи (фонетический материал). Учение о звуках китайской речи (нац.яз.). Чтение и диктовка нотированных текстов. Грамматика разговорного китайского языка / 1 семестр. Учение о звуках пекинского диалекта. Сравнение их со звуками иных диалектов Китая, а также языков Европы. Критика систем европейских транскрипций. Чтение текстов, изложенных на пекинском диалекте и записанных фонетическими знаками. Кроме того, требуется приобрести навык к экспериментальному исследованию китайских звуков и регистрации их под руководством приват-доцента Л. В. Щербы (ист.-фил. фак). 2 семестр. Чтение фонетически записанных образцов пекинского диалекта, упражнение в наблюдении звуков и их регистрации / Принципы русской фонетической нотации пекинского диалекта / Курс на востфаке осень 1944. Фонетический метод и систематический курс китайского языка.

Для чтения со студентами рассказов В. М. Алексеевым было сделано фонетическое переложение текстов некоторых рассказов Ляо Чжая: Нотации фонетические 考城隍. Писал Ю. К. Щуцкий (1918 и др. гг.) / Литографированные тексты фонетических записей (разговорных переложений повестей Ляо Чжая).

Нашли отражение в записях картотеки и планы научных статей и докладов по фонетике: Пекинская лекция 1926 г. A phonetic method of teaching Chinese / Литографированная таблица моей транскрипции. В дубликатах / Табеллярное представление системы звуков Пекинского наречия / Рукопись 44. Китайская фонетическая хрестоматия / О звуковом тождестве в произношении иностранной речи (статья) / Учение о звуках китайской речи и фонетическая студия / Гектограф. Сводная таблица перехода от фонетической нотации к условной транскрипции больших словарей. Ред. 19 окт. 1925 г. / Сводная таблица перехода от синологической условной транскрипции к фонетической

нотации (парафраз моей таблицы) окт. 1925 / Стенограмма моего доклада в ЛВИ 17.6.34. Фонетический метод в изучении китайского языка / Китайский тон и русская интонация / Фонетический метод как особая система изучения китайского языка / В защиту точного произношения / Китайские гласные в музыкальном и других отношениях.

Из всего этого реализовано немного, а то, что опубликовано, труднодоступно за давностью лет. Меж тем материалы архива академика В. М. Алексеева (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, фонд 820, опись 1) содержат сведения о количестве собранного В. М. Алексеевым экспериментальным путем материала: Дело № 136. Учение о звуках пекинского диалекта. Конспекты лекций и материалы к ним. 1910–1911, 1925, 1934. 386 листов; Дело № 137. Фонетическая хрестоматия. 645 листов (в опубликованном в 1910 г. варианте — 32 страницы); Дело № 144. Полевые фонетические записи, сделанные в Пекине. 1906–1907. 226 листов; Дело 151. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом. Фотокопии записей фонографа. 1910. 42 листа.

Остается надеяться, что опубликование записей В. М. Алексеева о его фонетических опытах вызовет интерес у специалистов и побудит к внимательному изучению имеющихся материалов.

Литература

Алексеев В. М. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906–1909) // Известия Императорской Академии наук. 1910. Сер. VI, второй полутом. С. 935–942.

Алексеев В. М. Русский аспирант-китаист в начале XX в. (1902–1909) // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 295–301.

Спешнев Н. А. В. М. Алексеев как фонетист // Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. М.: ГРВЛ, 1972. С. 67–72.

Дмитренко С. Ю., Спатарь Н. М.

ИЛИ РАН / СПбГУ, Санкт-Петербург

СОЮЗ DAOJ-SA: В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ¹

Средства выражения значения причины в кхмерском языке, насколько нам известно, описаны достаточно неполно и фрагментарно. В грамматиках (Еловков 2006: 360–361) и (Khin Sok 1999), где данной теме уделяется определенное внимание, приводятся списки показателей причины (при этом списки совпадают не полностью) и даются примеры употребления этих показателей. В популярной грамматике Дж. Хаймана проблематика маркеров причины затрагивается скорее вскользь (Haiman 2011: 92–94). Между тем, в современном кхмерском языке существует целый набор союзов (или единиц, выступающих в функции союзов), вводящих придаточное причины. К таковым, за вычетом форм явно устаревших или диалектных, могут быть отнесены: *daoj-sa*., *haet-tae*², *maok-pi*., *tbət*, *bamnac-tae*, *(pi:-)pruəh*, *sa:m-nuŋ* (...) *pha:ŋ*, *asraj(-tɿw)-lɿ:*, *daoj-jɔ:k-lɛ:h-tha*. В этот список не включены нарративные показатели или дискурсивные слова (*ba:n-ciə*, *tɿ:p*, *ka:*, а также, возможно, некоторые другие), которые также могут употребляться в бипредикативных конструкциях со значением причины, но маркируют не ситуацию-причину, а ситуацию-следствие, входя в состав главной клаузы (кроме того, их сфера функционирования не ограничивается причинными конструкциями). Перечисленные причинные союзы (и их аналоги) имеют различную структуру, историю и частотность употребления. Что касается существующих дистрибутивных или семантических различий между маркерами причинности, то их выяв-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Мы чрезвычайно признательны Н. М. Заике, прочитавшей первый вариант этого текста и высказавшей ряд ценных замечаний.

² В состав некоторых из перечисленных союзов входит формант *tae*. В других случаях его можно «добавить» к союзу (*pruəh tae*, *tbət tae* и т. д.)

ление, в конечном счете, и является целью исследования, на начальном этапе которого мы находимся сейчас. В предлагаемых ниже заметках рассматривается только один союз причины — *daoj-sa:*, который, по нашим наблюдениям над современным кхмерским устным и письменным языком, является одним из двух наиболее употребительных маркеров причины (наряду с союзом *rgoəh*). Пример (1) демонстрирует типичный случай употребления *daoj-sa:*

- (1) **daoj-sa:** sat nih hael ba:n lʔə: viə a:c sap
 REAS животное этот плавать мочь хорошо 3 мочь хватать
 trəj ɣɯ: kaŋkaep ba:n
 рыба или лягушка мочь

‘Поскольку это животное хорошо плавает, оно может ловить рыбу и лягушек’.

Союз *daoj-sa:* является составным, включая два компонента. Компонент *daoj* — исконная мон-кхмерская единица, восходящая к прото-монкхмерскому глаголу ‘следовать, сопровождать’, реконструируемому Х. Л. Шорто в формах **t₁uɯ/*t₁uɯy/*t₁uəy* (Shorto 2006: 395). Лексические единицы (глаголы с соответствующими значениями), связанные с данной протоформой, мы встречаем в ряде мон-кхмерских языков разных групп: мнong (рэлам) *tu:j*, нгек *to:j*, рианг *tɔj*¹ (представляют, соответственно, бахнарическую, катуическую и палаунгическую группы) и др. Также данная единица была заимствована в несколько материковых австронезийских языков (тямский, роглай) (*Ibid.*) и в несколько юго-западных тайских языков (тайский, лаосский)¹. Если обратиться к истории кхмерского языка, то обнаруживается, что интересующее нас слово встречается в древнекхмерских эпиграфических памятниках начиная с VII в. (его орфографическая форма этого периода транслитерируется как *toɯ*). Ниже приведены два фрагмента стел IX–X вв. (раннеангкорский период), демонстрирующие употребление *toɯ* в качестве самостоятельного глагола (2)² и употребление в качестве

¹ В тайском и лаосском, заимствованная из древнекхмерского единица *doj*, является, в том числе, маркером значения причины. См. об этом также: Uraisi Varasarin 1994.

² В составе глагольного бинорма *thve toɯ* ‘слушаться, подчиняться’, который можно интерпретировать как сериальную конструкцию или аналог сложного глагола. Заметим, что не сохранившееся в современном языке древнекхмерское слово *roɦ/roɦh/roh/roha/raɦ*, на базе которого появился причинный союз *rgoəh* (заимствованный впоследствии в тайский и лаосский языки, см., в частности, см. об этом также: Uraisi Varasarin 1994:

вспомогательного элемента (3), вводящего зависимую клаузу (правда, не с причинным значением).

- (2) *ge noḥ ta vvaṃ thve **toy** dau*
 3 тот ATR NEG делать следовать удаляться
dvātrīśanaraka ... (K.868B:4, 974 г.)
 тридцать.два.ада
 ‘Те, кто ослушаются, попадут в тридцать два ада ...’¹

- (3) *vraḥ₁ ’ājñā₂ pre mratāñ śrī vikramayudha □ □ □*
 королевский.указ_{1,2} повелевать господин Шри Викрамаюдха
*dau oy śapata ’anak ta sruk pvaṇ **toy***
 удаляться давать присяга человек ATR уезд 4 CONJ
taṇṭyañ ’aṃṇuñ bhūmi taṃvon sañ gol... (K.878:6–7, 898 г.)
 определять размер земля тампуан воздвигать межевой.столб
 ‘Королевский указ повелел господину Шри Викрамаюдхе принести присягу жителям четырех уездов, дабы уточнить размеры земли тампуанов (народ бахнарической группы, проживающий на северо-востоке нынешней территории Камбоджи) и установить межевые столбы’.

В современном языке также сохраняется употребление лексемы *daoj* как самостоятельного глагола и служебного слова, выполняющего целый ряд функций (в другой трактовке — имеющего различные прочтения, определяемые контекстом). Возможные функции/ прочтения *daoj* подробно изучены в работе Д. Пайара (Paillard 2013). Обратим внимание на то, что *daoj* само по себе также способно к употреблению в качестве маркера причинного значения, однако такие конструкции интерпретируются носителем языка как не слишком употребительные, допустимые в разговорной речи, но едва ли возможные в нормативном литературном языке (4). См., впрочем, примеры, приводимые Д. И. Еловковым и демонстрирующие упо-

294), имеет близкое к *toy* значение ‘путь, способ, порядок’. По мнению специалиста по древнекхмерскому доктору Миак Боура (личное сообщение) в ряде случаев глагол *goḥ* может интерпретироваться и в значении ‘следовать’.

¹ Все примеры из древнекхмерского языка взяты из корпуса древнекхмерских текстов, размещенного по адресу: <http://sealang.net/ok/corpus.htm>.

требление *daoj* в художественной литературе именно как причинного союзы (Еловков 2006: 360).

- (4) **daoj** kɔat rəvuəl tɰ:p kɔat pum a:c thvɜ:
 REAS 3 быть.занятым NARR 3 NEG мочь делать дело
 kəsska: nih ba:n tɛ:
 этот мочь NEG

‘Поскольку он занят, он не сможет этого сделать’.

Компонент *sa:* представляет собой санскритское заимствование (*sāra* ‘сердцевина, сила, сущность, ценность, богатство’). Древнекхмерская форма этого слова, появляющаяся в эпиграфике также с VII в., выглядит как *sāra* или *sār*, сохраняя, вероятно, тот же круг значений, что и в санскрите, см., например, (5). В надписях встречаются ее морфологические производные, в том числе, появившиеся уже в кхмерском языке и содержащие аффиксы австроазиатского происхождения (*kaṃsar* ‘тот, кто обладает силой, могуществом’).

- (5) *bhūmi* *canlat=tai ti* *mrateñ* *hrdayabhāva* *chmām*₁
 участок.земли TN земля господин PN смотритель.двора_{1,4}
*vrah*₂ *kralā*₃ *phdam*₄ *nā*₅ *trīñi*₆ *samlāp* *tamrya* ***sār*** *naï* *kaṃsteñ*
 третий.ранг_{5,6} убить слон сила POSS титул
vyar *hetu* *cya* *srūv* *man* ’*yat* *taṃmrya*
 два REAS есть рис (растение) REAS не.иметь слон
nu *soñ* *taṃmrya* *kaṃsteññ* *oy* *bhūmi*
 дабы отплатить слон титул давать участок.земли
canlat=tai *sthāpanā* *śivaliṅga* *ta* *gi* *saṃ* *gaṇa*
 TN воздвигнуть линга ATR COP быть.подобным группа
nu *liṅgapura* *sot* (K.257S:33–35, 979 г.)
 в TN FP

‘Земля Чанлат Тай принадлежала господину Хрдайабхаве, стражу королевских опочивален третьего ранга. Он убил двух мощных слонов, принадлежащих Его Высокопреподобию, потому что они поедали рис на полях. Поскольку у него не было слонов, чтобы возместить ущерб Его

Высокопреподобию, Хрдайабхава отдал ему землю Чанлат Тай, где была воздвигнута Линга Шивы, подобная тем, что находятся в Лингапуре'¹.

При этом из эпиграфических памятников нельзя сделать вывод, что сочетание компонентов *toy* и *sāa* в древнекхмерском уже использовалось для маркирования причинного значения. Возможно, это значение развивается только в постангкорскую эпоху, в т.н. «среднекхмерском» языке. Так, в только что вышедшем словаре среднекхмерского языка (Pou Saveros 2017) отмечено сочетание *toy sār* уже именно в причинном значении ('*du fait de*', '*du fait que*')².

Сочетание *daoj-sa*:, функционирующее в качестве подчинительного союза, в современном языке является регулярным маркером причинного значения, оформляя придаточное предложение со значением причины или именную группу, которую в этом случае следует рассматривать как свернутую клаузу (6). Поскольку в причинных конструкциях кхмерского языка зависимая клауза со значением причины и именная группа со значением причины оформляются абсолютно одинаково, мы далее будем рассматривать их вместе, не оговаривая это специально.

- (6) *kəat* *slap* ***daoj-sa***: *səmjɔː*
 3 умереть REAS болезнь
 'Он умер из-за болезни'.

Менее частотными вариантами того же союза следует считать сочетания *daoj haet*, *daoj sa: tae*, *daoj haet tae*, *daoj sa: tha:*. Таким образом, компонент *sa:* может заменяться компонентом *haet* с похожим значением (← санскр. *hetu* 'мотив, причина'). Также в состав причинного союза может входить частица *tae*, сочетающаяся (или входящая в состав) большей части служебных слов кхмерского языка и показатель зависимой клаузы *tha:* (исторически — глагол 'говорить'). Как показала работа

¹ Мы позволили себе привести столь пространный пример полностью еще и потому, что в нем представлены две причинные конструкции с различными маркерами причины (союзы *hetu* и *man*).

² Среднекхмерским языком принято называть язык постангкорской Камбоджи XIV–XVIII/XIX вв. К сожалению, в цитируемом выше словаре не приводятся ссылки на памятники, фиксирующие случаи функционирования лексем и контексты употребления, как это принято в существующих словарях древнекхмерского языка, поэтому точное время появления обсуждаемой единицы остается нам неизвестным.

с информантом, практически любой причинный союз кхмерского языка в большинстве контекстов может быть заменен на *daoj sa:*.

Будучи чрезвычайно употребительной единицей в современном языке, *daoj sa:* покрывает широкий спектр частных значений, связанных с семантикой причины. Это, например, значения непосредственной причины (1), опосредованной причины (7), мотива (8), логического вывода (4), инференциальное значение (10).¹

- (7) *borəh mneak ah ci:vit daoj-sa: ruət chla:ŋ*
 мужчина один.человек исчерпать жизнь REAS бежать пересекать
phləw mun mɔ:l chve:ŋ sdam
 дорога NEG смотреть лево право
 ‘Один человек распрощался с жизнью из-за того, что переходил дорогу, не глядя по сторонам’.

- (8) *kəat tuŋ ka:dou cu:n mda:y daoj-sa: thŋaj nih ciə thŋaj*
 3 покупать подарок давать мать REAS день этот COP день
kaŋnaut rəbah mda:j kəat
 рождаться POSS мать 3
 ‘Он купил матери подарок, потому что у нее сегодня день рождения’.

- (9) *khnom ciə saw rəbah kəat daoj-sa: kəat ciə əw-puk*
 1 COP внук POSS 3 CAUSE 3 COP отец
rəbah mda:j khnom
 POSS мать 1
 ‘Я его внук, поскольку он отец моей матери’.

- (10) *khnom kɔt tha: kəat təw camka: hauj daoj-sa:-tae khnom*
 1 думать что 3 удаляться огород IAM REAS 1
at ba:n khɔ:ŋ moutou rəbah kəat nɔw ti: nih
 NEG PRF видеть мотоцикл poss 3 находиться место этот
 ‘Я думаю, что он ушел на огород, потому что я не вижу на месте его мотоцикла’.

¹ Анализ причинных конструкций кхмерского языка проводился на основе типологической анкеты, подготовленной в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН в рамках проекта по типологии причинных конструкций.

Как и все прочие подчинительные союзы кхмерского языка, *daoj-sa*: занимает позицию в начале придаточного предложения. Обычно придаточное предложение, вводимое данным причинным союзом, следует за главным, но достаточно примеров и обратного порядка следования (заметим, что для многих других типов придаточных кхмерского языка — условных, уступительных, таксисных — немаркированным является предшествование придаточного главному). В случае, если придаточное предложение предшествует главному, в письменной речи возможно выдвижение группы подлежащего в позицию перед союзом (11), что следует интерпретировать как дополнительную топикализацию подлежащего. Также, в случаях, когда зависимая клауза предшествует главной, в составе последней могут (хотя и не слишком регулярно) появляться показатели типа *tx:p* (4), *ba:n-ciə* (12), *ka:* (13) которые представляют собой корреляты причинных союзов в составе главной клаузы (см. об этом также: Khin Sok 1999: 484).

- (11) *borəh mneak daoj-sa: ruət chla:ŋ phləw*
 мужчина один.человек REAS бежать пересекать дорога
mun mɔ:l
 NEG смотреть
chve:ŋ sdam trəw la:n bok slap
 лево право PASS машина бить умереть
 ‘Один человек был насмерть сбит машиной из-за того, что переходил дорогу, не глядя по сторонам’.

- (12) *daoj-sa: haet-phal nih tɛ:tau ba:n-ciə ma:ri:ma: nuŋ pdəj mun*
 REAS причина этот PTCL NARR PN CONJ муж NEG
a:c thvɔ:-ka: ciə-muəj-knia (news.sabay.com.kh)
 мочь работать вместе
 ‘Именно по этой причине Марима и ее муж не могут работать вместе’.

- (13) *daoj-sa: luŋ 1 ə:rou ka: phtuh ka: tɔ:va: laun*
 REAS деньги 1 евро NARR вспыхнуть NOM сориться подниматься
 (camnews.com.kh)
 ‘Из-за монеты в один евро вспыхнула ссора’.

Главная клауза причинной конструкции может представлять собой не только простое предложение, но также императивную, пассивную и каузативную конструкции. Последняя встречается достаточно часто и легко «порождается» информантом.

- (14) **daoj-sa:** phliəŋ thleak cəuŋ thvɜː aɔj kamrət tuək laʊŋ
 REAS дождь падать много делать CAUS уровень вода подниматься
 khpuh bamphot
 высокий самый
 ‘Из-за того, что шли сильные дожди, вода поднялась до самого высокого уровня’.

Субъекты главной и зависимой клаузы, связь между которыми маркирована при помощи союза *daoj-sa:*, могут быть как кореферентными, так и разнореферентными, ср. (7) и (14). Кроме того, данный союз не чувствителен к оценочному компоненту значения: описываемое говорящим положение дел может рассматриваться говорящим как благоприятное, нейтральное и неблагоприятное, ср. (8), (1), (11). Эти, а также ряд других особенностей данного союза, будут подробно проиллюстрированы в докладе.

Список сокращений

REAS	причина
ATR	показатель определения
NEG	отрицание
CONJ	союз
NARR	нарратив
TN	топоним
PN	имя собственное
POSS	принадлежность
COP	связка
FP	конечная частица
DIR	прямая речь
REL	относительное слово
INTRJ	междометие
CAUSE	каузатив
PRF	перфект
IAM	иамитив
PASS	пассив

Литература

Еловков Д. И. Структура кхмерского языка. Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Haiman J. Cambodian. Khmer. John Benjamins Publishing Company, 2011.

Khin Sok. La grammaire du Khmer moderne. Paris: Editions You-Feng, 1999.

Paillard D. About polyfunctionnality in khmer: The case of *daoy*. [2013]. <http://www.jseals.org/seals23/paillard2013polyfunctionnalityh.pdf>

Pou Saveros. Un Dictionnaire du Khmer-Moyen. Phnom Penh: Institut Bouddique, 2017.

Shorto H. L. A Mon-Khmer Comparative Dictionary. Canberra: Pacific Linguistics. Research School of Pacific and Asian Studies. The Australian National University, 2006.

Uraisi Varasarin. Les éléments Khmers dans la formation de la langue Siamoise. Paris: SELAF, 1994.

О ЛАБИЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются глаголы китайского происхождения в японском языке, проявляющие лабильность, т. е. способные употребляться в переходных и непереходных конструкциях без изменения формы. Лабильность в японском языке наблюдается преимущественно среди глаголов китайского происхождения, которые, в отличие от исконно японских глаголов, не образуют пар по переходности. В статье приводятся примеры употреблений глаголов, проявляющих т.н. декаузативную лабильность, при которой переходное и непереходное употребления глагола семантически соотносятся как каузатив и декаузатив. Отдельно анализируются употребления некоторых лабильных фазовых глаголов китайского происхождения.

Ключевые слова: японский язык, заимствования из китайского языка, каузатив, декаузатив, лабильность, переходность, фазовые глаголы.

Значительную часть словаря современного японского языка составляет пласт лексики китайского происхождения, представленный словами, заимствованными из китайского языка, а также словами, образованными из морфем (в основном корневых) китайского происхождения. Отмечается, что этот пласт лексики включает в себя преимущественно лексемы с именными свойствами — существительные, прилагательные и предикатные имена (Kageyama, Kishimoto 2016). Предикатное имя, однако, может употребляться в предложении в качестве сказуемого, присоединяя вербализатор *su-ru*¹, *восходящий*

¹ Отмечается, впрочем, что предикатное имя может употребляться в качестве сказуемого (способно управлять падежом) и без вербализатора — в частности, при присоединении показателей типа *-toshi* (...中) «во время», *no sai* (...の際) «в случае» и др. (Kageyama, Kishimoto 2016: 59).

к глаголу *su-ru* со значением «делать». Например: *kenkyuu~su-ru* 研究する «исследовать», *ryokoo~su-ru* 旅行する «путешествовать» и т. д. Глагол, имеющий в своем составе предикатное имя китайского происхождения и вербализатор *su-ru*, мы условимся называть глаголом китайского происхождения.

Одной из особенностей глаголов китайского происхождения является то, что они не образуют оппозиций (пар) по переходности. Между тем такие оппозиции характерны для исконно японских глаголов. В работе Ю. Конума сообщается о существовании среди японских глаголов примерно 280 пар, члены которых объединены общим корнем, «формально различаются оператором каузативации и/или декаузативации и семантически соотносятся как каузатив и декаузатив» (Конума, 2011:100). Например: *ak-u* 開く «открываться», *ak-e-r* 開ける «открывать»¹; *kae-r-u* 返る «возвращаться», *kae-s-u* 返す «возвращать» и т. д. (Там же). Глаголы китайского происхождения могут образовывать формы пассива и каузатива и таким образом понижать или повышать синтаксическую валентность. Однако некоторые из таких глаголов проявляют лабильность, т. е. способность употребляться как в переходных, так и в непереходных конструкциях без изменения формы. Как отмечают некоторые исследователи, именно отсутствие у глаголов китайского происхождения формальных коррелятов синтаксической переходности/непереходности, которые обнаруживаются у исконно японских глаголов, способствует их лабильности (Kageyama 1996, Jacobsen 1992). Заметим, что в классе исконно японских глаголов случаи лабильности наблюдаются крайне редко.

Выше мы определили лабильность как способность глагола выступать в переходной и непереходной конструкциях без изменения формы — это определение используется в исследованиях наиболее часто. Оно уточняется в работе А. Б. Летучего (Летучий 2013), который предлагает отличать собственно лабильность, при которой семантические роли субъектов переходного и непереходного употреблений различны, от таких смежных явлений, как, например, опущение актанта. Автором также выделяется несколько типов лабильности по соотношению между употреблением; эти типы в основном

¹ В парах типа *ak-u/akeru* наблюдается противопоставление типов спряжений; иными словами, в глаголе *ake-ru* показатель -е- является показателем спряжения (Конума 2011).

соответствуют актантным деривациям (как понижающим/повышающим, так и интерпретирующим) и залогам. С типологической точки зрения наиболее частотным типом, как отмечает автор, является декаузативная лабильность. При этом типе лабильности «прямой объект переходного употребления выполняет в ситуации ту же роль, что и субъект непереходного употребления, причем семантически переходное употребление является каузативом от непереходного» (Летучий 2013: 99). Ниже мы покажем, что этот тип лабильности характерен и для некоторых глаголов китайского происхождения в японском языке.

В работе Т. Кагэяма (Kageyama 1996) приводится список глаголов китайского происхождения, способных выступать в переходной и непереходной конструкциях без изменения формы. Приведем список тех из них, которые, как мы считаем, проявляют декаузативную лабильность.

- (2) *kakudai~su-ru* (拡大) «увеличивать/-ся»; *syukusyoo~su-ru* (縮小) «уменьшать/-ся»; *bunkai~su-ru* (分解) «расщеплять/-ся»; *henkei~su-ru* (変形) «трансформировать/-ся»; *seizyooka~su-ru* (正常化) «нормализовать/-ся»; *tenkai~su-ru* (展開) «развивать/-ся»; *zitugen~su-ru* (実現) «воплощать/-ся»; *kaisyoo~su-ru* (解消) «разрешать/-ся (о проблеме и т. п.)»; *gutaika~su-ru* (具体化) «конкретизировать/-ся» и др.

(Kageyama 1996: 202)

Т. Кагэяма утверждает, что непереходные употребления таких глаголов «являются декаузативами, образованными от переходных употреблений»¹ (Там же: 204). В работе демонстрируется ограниченность непереходных употреблений некоторых подобных глаголов, которая связана, очевидно, с сущностью декаузативации, при которой Агенса устраняется из ситуации. Приводятся примеры переходного и непереходного употреблений глагола *bunkai~su-ru* (分解), который является лабильным в значении «расщеплять/-ся» («раскладывать/-ся»), но не является таковым в значении «разбирать на части». Заметим, что виду близости этих значений, невозможно признать эти употребления разными лексемами.

¹ Все цитаты из литературы на иностранных языках даются в переводе автора — Е. З.

(3)a. 水を分解すると水素と酸素に分かれる

mizu o bunkai-su-ru to
 вода ACC расщепление-VRB-NPST COND

suiso to sanso ni wakare-ru
 водород и кислород DAT раскладываться-NPST

‘Если разложить воду, она распадется на водород и кислород’.

b. 水が水素と酸素に分解した

mizu ga suiso to sanso ni bunkai-si-ta
 вода NOM водород и кислород DAT разложение-VRB-PST

‘Вода разложилась на водород и кислород’.

c. 時計をばらばらに分解した

tokee o barabara ni bunkai-si-ta
 часы ACC на.части DAT разбор-VRB-PST

‘(Я) разобрал часы на части’.

d.* 時計がばらばらに分解した

* *tokee ga barabara ni bunkai-si-ta*
 часы NOM на.части DAT разбор-VRB-PST

* ‘Часы разобрались на части’.

(Kageyama 1996: 203–204)

Причиной, по которой не допускаются употребления типа (3d), считается то обстоятельство, что ситуации, описываемые ими, не предполагают «самопроизвольности или внутреннего контроля участника над ситуацией» (Там же: 204). Что касается случаев (3a) и (3b), то в них, как несложно убедиться, мы действительно имеем дело с двумя употреблениями глагола, семантически противопоставленными как каузатив и декаузатив; при этом Пациент выступает в синтаксической роли прямого дополнения при непереходном употреблении глагола (3a) и в роли субъекта — при непереходном употреблении (3b).

Т. Кагэяма приводятся также примеры переходного и непереходного употреблений глагола *kakudai~su-ru* (拡大) «увеличивать/-ся», в отношении которого, по всей видимости, справедливы те же выводы.

- (4)a. ナポレオンがフランス領土を拡大した
naporeon ga huransu ryoodo o kakudai-si-ta
 Наполеон NOM территория Франция ACC увеличение-VRB-PST
 ‘Наполеон увеличил территорию Франции’.

- b. フランス領土が拡大した
huransu ryoodoo ga kakudai-si-ta
 территория Франция NOM увеличение-VRB-PST
 ‘Территория Франции увеличилась’.

(Там же: 203)

Можно утверждать, что глагол *syukusyoo~su-ru* (縮小) «уменьшать/-ся» из списка (2), употребления которого не описываются в работе Т. Кагэяма, также проявляет декаузативную лабильность, что подтверждается нашими примерами¹.

- (5)a. 政府が、適切な国民所得の再分配政策を導入し、格差を縮小した
seihu ga tekisetu na kokumin syotoku no
 правительство NOM подходящий ATR население доход GEN
saibunpai seisaku o doonyuu-s-i
 перераспределение политическая.мера ACC введение-VRB-CNV
kakusa o syukusyoo-si-ta
 экономическое.неравенство ACC сокращение-VRB-PST
 ‘Правительство приняло адекватные меры по перераспределению доходов населения и сократило экономическое неравенство’.

- b. 富裕税などにより、格差が縮小した
huyuuzei nado ni yori
 налог.на.богатство PL DAT по.причине

¹Приводимые в работе примеры, если их источник в тексте не указан, получены из сети Интернет с использованием поискового инструмента «DepFinder», разработанного на базе лаборатории автоматической обработки естественного языка Курохаси-Кавахара университета Киото (URL: <http://lotus.kuee.kyoto-u.ac.jp/depfinder/search> Дата обращения: 07.06.2018). Грамматичность примеров дополнительно проверялась анкетированием носителей японского языка.

<i>kakusa</i>	<i>ga</i>	<i>syukusyoo-si-ta</i>
экономическое.неравенство	NOM	сокращение-VRB-PST

‘Благодаря налогу на богатство экономическое неравенство сократилось’.

Однако не все случаи лабильности в японском языке возможно описать в терминах декаузативной лабильности. Отдельно следует рассмотреть, в частности, случаи лабильности фазовых глаголов, т. е. глаголов обозначающих начало, продолжение или завершение ситуации.

В работе Т. Кагэяма приводятся примеры переходного и непереходного употреблений некоторых фазовых глаголов китайского происхождения — в частности, глагола *syuuryoo~su-ru* (終了) «завершать/-ся».

(6)a. (議長が) 会議を終了する¹

(gityoo	ga)	kaigi	o	syuuryoo-su-ru
председатель	NOM	совещание	ACC	завершение-VRB-NPST

‘Председатель завершает/завершит совещание’.

b. 会議が終了する

kaigi	ga	syuuryoo-su-ru
совещание	NOM	завершение-VRB-NPST

‘Совещание завершается/завершится’.

(Kageyama 1996:203)

Представим также наши примеры переходного и непереходного употреблений континуативного глагола *keizoku~su-ru* (継続) «продолжать/-ся».

(7)a. 国民銀行への捜査が継続するもようだ

kokumin	ginkoo	e	no	soosa	ga
«Кокумин»	банк	DAT	GEN	расследование	NOM
keizoku-su-ru		moyoo	da		
продолжение-VRB-NPST	EVD	COP			

‘По всей видимости, расследование по делу о банке «Кокумин» продолжится’.

¹ В японской речи нередко опущения разных членов предложения, в т.ч. подлежащего. Цитируемый пример (6) в работе Т. Кагэяма представляет собой предложение с невыраженным подлежащим, которое для более наглядного представления аргументной структуры рассматриваемого глагола мы изменили, добавив подлежащее.

b. 警察が捜査を継続する予定だ

keisatu ga soosa o keizoku-su-ru
 полиция NOM расследование ACC продолжение-VRB-NPST
 yotee da
 план COP

‘Полиция планирует продолжить расследование’.

А. Б. Летучий отмечает, что, ввиду особенностей своей семантики, фазовые глаголы нередко проявляют лабильность даже в языках с неразвитой лабильностью (Летучий 2013). Утверждается, что, даже когда фазовые глаголы демонстрируют мену модели управления, их переходное и непереходное употребления не соотносятся как каузатив и декаузатив. Во-первых, переходные употребления фазовых глаголов имеют в качестве одного из своих актантов ситуацию, которая переходит в определенную фазу в результате неких действий участника, непосредственно вовлеченного в данную ситуацию. Действительно, в японском языке невозможны предложения типа (8) и (9), в которых каузатор, выраженный подлежащим, не участвует в ситуации, выраженной прямым дополнением.

(8) *人事部長が営業部の会議を終了した

* zinzibutyoo ga eigyoobu no
 начальник.отдела.кадров NOM отдел.продаж GEN
 kaigi o syuuryoo-si-ta
 конференция ACC завершение-VRB-PST

* ‘Начальник отдела кадров завершил совещание отдела продаж’.

(9) *花子が警察が捜査を継続する予定だ

* hanako ga keisatu no soosa o
 Ханакo NOM полиция GEN расследование ACC
 keizoku-su-ru yotee da
 продолжение-VRB-NPST план COP

* ‘Ханакo планирует продолжить расследование полиции’.

Впрочем, даже буквальные переводы предложений (8, 9) на русский язык подсказывают, что нельзя ожидать, чтобы в подобных контекстах

был использован переходный глагол (а не маркированный каузатив). Ср. русское предложение **Большевики начали разграбление города рабочими*, приводимое А. Б. Летучим как пример в принципе невозможного, по всей видимости, ни в одном языке переходного употребления фазового глагола (Летучий 2013: 178). Такие предложения (если бы они были возможны) представляли бы собой подлинно каузативное употребление фазового глагола, которое выражало бы ситуацию, в которой каузатор воздействует на другого участника, но при этом сам не участвует в каузируемом событии.

Во-вторых, как отмечает А. Б. Летучий, для фазовых глаголов противопоставление по параметру агентивность/самопроизвольность, наблюдаемое в парах каузативного и декаузативного употреблений лабильных глаголов, часто оказывается нерелевантным (Там же). Действительно, нельзя говорить, что непереходные употребления рассмотренных выше фазовых глаголов являются декаузативами. Такие ситуации, как «завершение совещания» в (6) выше и «продолжение расследования» в (7) выше в принципе не могут иметь места без действия агентивного каузатора. В свою очередь, Т. Кагэяма также указывает на агентивность подобных глаголов, которая подтверждается невозможностью их употребления в контекстах типа (10) и (11), предполагающих самопроизвольность ситуации.

(10) *梅雨が終了する

* *tsuyu* *ga* *syuuuryoo-su-ru*
сезон.дождей NOM завершение-VRB-NPST

* 'Сезон дождей завершается/завершится'.

(11) *伝染病が継続する

* *densenbyoo* *ga* *keizoku-su-ru*
инфекционная.болезнь NOM продолжение-VRB-NPST

* 'Инфекционная болезнь продолжается/продолжится'.

(Kageyama 1996: 203)

По всей видимости, те же особенности имеют употребления других лабильных фазовых глаголов, выделяющихся некоторыми исследователями (см.: Narrog 2016): *kaisi~su-ru* (開始) «начинать/-ся», *tyuudan~su-ru* (中断) «прерывать/-ся», *teisi~su-ru* (停止) «приостанавливать/-ся», *kanryoo~suru* (完了) «завершать/-ся» и т. д.

Выше были рассмотрены глаголы китайского происхождения, проявляющие декаузативную лабильность, а также ряд лабильных фазовых глаголов китайского происхождения в японском языке. В заключении еще раз отметим, что лабильность в японском языке наблюдается преимущественно в классе глаголов китайского происхождения. При этом можно утверждать, что употребление большинства глаголов китайского происхождения в японском языке стилистически ограничено и характерно преимущественно для письменного регистра речи. Так, Х. Кобаяси в исследовании, проводившемся на материале газеты «Асахи» за 1989 г., установил наличие в корпусе исследуемых текстов 1750 *различных* предикатных имен китайского происхождения (Kobayashi 2004: 24). В то же время, по наблюдению Х. Наррог, из 728 базовых глаголов, представленных в «Словаре использования базовых глаголов японского языка» (Nihongo kihon dooshi yooohoo jiten 1989), только 154 являются глаголами китайского происхождения (Narrog 2016: 279). Таким образом, можно заключить, что лабильность в японском языке, наблюдаемая в ограниченном по употребительности классе глаголов, является скорее периферийным явлением. Этот факт отчасти служит объяснением тому обстоятельству, что лабильные глаголы японского языка ранее нечасто становились темой исследований и остаются по-прежнему недостаточно хорошо описанными.

Условные обозначения

- ACC — аккузатив;
- ATR — атрибутивная форма;
- CNV — конверб;
- COND — условная форма;
- COP — копула;
- DAT — датив;
- EVD — эвиденциальность;
- GEN — генетив;
- NOM — номинатив;
- NPST — непрошедшее время;
- PL — множественное число;
- PST — прошедшее время;
- VRB — вербализатор.

Литература

Конума Ю. Японский каузатив и категория аспекта: понятие суперлексемы А. А. Холодовича // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 100–105.

Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Jacobsen, W. M. The Transitive Structure of Events in Japanese. Tokyo: Kurosio, 1992.

Kageyama T. Dooshi imiron. Tokyo: Kurosio, 1996.

Kageyama T., Kishimoto H. (eds.). Handbook of Japanese lexicon and word formation. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.

Kobayashi H. Gendai-nihongo no kango-dooimeishi no kenkyuu. Tokyo: Hitsujishoboo, 2004.

Narrog H. Japanese transitivity pairs through time — a historical and typological perspective // Kageyama T., Jacobsen W. M. (eds.). Transitivity and valency alternations. Studies on Japanese and beyond. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. P. 249–287.

Nihongo kihon dooshi yoohoo jiten / Koizumi T. et al (eds.). Tokyo: Taishukan-shoten, 1989.

Капарушкина Д. И.

Университет «Сон Мун», Асан, Южная Корея

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОСТАНОВКИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ КОРЕЙСКИМ УЧАЩИМСЯ

В настоящей статье рассматриваются основные формы и методы постановки произношения русских звонких и глухих взрывных согласных корейским студентам. В статье предлагаются конкретные пути решения проблем в приобретении правильных навыков произношения русских звонких и глухих взрывных согласных корейскими учащимися. Автор показывает, что с помощью определенных методических и логопедических подходов к постановке и коррекции произношения звуков, использованных в комплексе, возможна выработка правильного произношения трудных звуков.

Ключевые слова: *русские взрывные согласные, звонкие и глухие согласные, постановка и коррекция произношения, корейские студенты, методика РКП.*

Особенности корейского языка, влияющие на работу над русским произношением

Обучение любому иностранному языку вне сомнения предполагает формирование необходимого уровня лингвистической и социокультурной компетентности иностранца, которая в дальнейшем обеспечит адекватность участия иностранного гражданина в межкультурной коммуникации. Более того правильное произношение иностранного обучающегося говорит об уровне его подготовки и степени уважения к изучаемому иностранному языку, что повышает его оценку в глазах носителей языка. Однако неправильное произношение вызывает у носителей языка сомнение в достаточной языковой компетентности иностранного специалиста.

С целью решения проблем, возникающих в процессе обучения русскому произношению в корейской аудитории, и оптимизации обу-

чающего процесса в настоящей статье автор предлагает конкретные методы постановки произношения выявленных в ходе исследования трудных для корейских учащихся русских звонких и глухих взрывных согласных ([б]-[п], [д]-[т], [г]-[к]). (Капарушкина 2016: 126–130)

Среди всех особенностей консонантной системы корейского языка прежде всего следует назвать **отсутствие дифференциального признака глухость-звонкость**. Трудности усвоения русских взрывных звонких и глухих согласных корейскими учащимися, как в произносительном, так и перцептивном аспекте, обусловлены именно отсутствием в корейском языке дифференциального признака глухость-звонкость и **наличием троек глухих взрывных согласных**, различающихся по признакам напряженности-ненапряженности и придыхательности-непридыхательности ([p]-[p']-[p^h], [t]-[t']-[t^h], [k]-[k']-[k^h]). (Там же 68) Данная особенность корейского языка не могла не повлиять на выбор форм и методов постановки русских звонких и глухих звуков в корейской аудитории. В методике, представленной в настоящей работе, из трех имеющихся способов постановки и коррекции звуков (имитационный, сопоставительный и артикуляционный) не используется сопоставительный способ и отсутствуют сопоставительные упражнения для русских и корейских взрывных согласных. В случае с преподаванием произношения русских звонких и глухих взрывных согласных в корейской аудитории сопоставление неприемлемо.

Помимо указанной выше особенности в авторской методике преподавания произношения корейским учащимся существует целый ряд других отличий от традиционной методики постановки русских звонких и глухих согласных, которые необходимо использовать для успешного формирования правильного русского произношения у корейских учащихся.

Работа над исправлением типичных произносительных ошибок корейских учащихся

Как показало исследование, корейские учащиеся совершают типичные ошибки при произнесении русских взрывных согласных: 1) оглушают звонкие согласные, 2) вместо взрывного [п], произносят щелевой [ф], 3) конечный взрывной согласный произносят как импловивный, 4) при стечении нескольких гласных вставляют между ними дополнительный звук [ы]. (Там же 103–106) Данные ошибки

являются результатом интерференции, что также нельзя не учитывать при выборе форм и методов постановки трудных звуков. Далее рассмотрим основные из них.

1. Постановка звонких звуков. Как правило, исправление оглушения звонких звуков начинают с фрикативных звуков. Объясняется это тем, что фрикативные согласные произносятся более длительно, чем взрывные. При более длительном произнесении согласных создаются лучшие условия для определения голосового компонента, чем при условии мгновенного взрыва при произнесении смычных. (Филичева, Чевелева и др. 1989: 65) Обычно в качестве исходных берутся звуки [с] и [з], [ф] и [в]. Преподаватель протяжно произносит глухой звук [ф] или [с], а затем, не прерывая выдоха, включает голос и переходит на звук [в] или [з]. При этом он обращает внимание обучающегося не только на различие в звучании звуков, но и на то, что в момент произнесения твердого звука [в] можно, прикоснувшись рукой к гортани, ощущать ее вибрацию. При произнесении звонких согласных учащийся ощущает вибрацию гортани, контролируя голосовое звучание, что помогает ему установить связь между мышечным и слуховым ощущениями.

Трудности в постановке звонких взрывных согласных корейским учащимся возникают из-за отсутствия в корейском языке губно-зубных звуков [ф] и [в] и звонкого зубного [з]. В корейской аудитории начинать постановку звонких согласных целесообразно со специфической гимнастики для голосовых связок, вызывая артикуляцию «голоса». Учащимся предлагается кашлять, зевать, стонать, издавать звук, похожий на [м]. При этом важно ощущать вибрацию голосовых складок. На данном этапе работы важно поставить артикуляцию «голоса» при помощи зеваний, мычаний, укрепить полученное звучание, добиться ровного и спокойного, сильного и громкого голоса. Так, например, преподаватель предлагает выполнить следующее упражнение: «Протяжно произнесите звук [м]. У вас получится стон. Затем постепенно присоединяйте к нему гласные звуки: [и-э-а-о-у-ы]. Непрерывно на одной ноте произносите «м-мммм», иногда через ровные промежутки времени прерываемое короткими гласными: «Мммм-И-ммм-Э-ммм-А-ммм-О-ммм-У-ммм-Ы».

На следующем этапе выполнения упражнений, преподаватель просит, чтобы учащиеся, продолжая «стонать» на звуке [м], произнесли слитно, как одно слово, следующую фразу: «Мам, мам, молока

бы нам». Слегка открывая рот на гласных, и сразу возвращая рот в исходное положение на «м-стон». Фраза произносится на «стоне»: *ммамм — ммамм — ммолокабыннамм* (Ром 2007). Опыт показывает, что это упражнение весьма эффективно в корейской аудитории.

2. Последовательность введения звуков. Приступая к постановке конкретного звука, автор рекомендует в корейской аудитории начинать с постановки русского звука [д], т. к. он наиболее близок по артикуляции к корейскому слабому ненапряженному звуку □ [t], что подтверждено результатами экспериментально-фонетического исследования (Капарушкина 2016: 128). Однако главная трудность работы со взрывными согласными состоит в том, что они произносятся мгновенно, коротко, из-за чего учащимся труднее найти правильное голосовое звучание, чем при произнесении щелевых согласных. В таком случае учащимся следует предложить трехкратно произнести слог «да»: [да-да-да]. При этом, для лучшей установки голосового аппарата на звонкость, можно произносить звуки-помощники: [н] для [д] и [м] для [б], не доводя [д] до взрыва, тянуть звук как можно дольше [Брызгунова 1963]. Следует дать учащемуся возможность воспринимать этот слоговой ряд не только на слух, но и с помощью осязания вибрации гортани. Точно такие же принципы используются в тренировочных упражнениях для звуков [б] и [г]. Использование звуков-помощников в практике постановки произношения сводит к минимуму контраст между знакомой уже артикуляцией звука-помощника и не усвоенной еще артикуляцией отрабатываемого звука.

3. Работа над слухо-произносительной дифференциацией. Добившись воспроизведения звонких согласных в слогах, необходимо в процессе упражнений на материале разнообразных слогов, слов и фраз закрепить их в речи и выработать у учащихся навык дифференциации этих звуков с парными глухими [п]-[б], [т]-[д], [к]-[г], т. к. в произношении корейскими учащимися русских согласных звуков в паре звонкий-глухой наблюдаются дефекты оглушения звонких. Работа по дифференциации также должна проводиться поэтапно: 1) дифференциация звуков в слоге: *па-по-пу-пэ-пы; ба-бо-бу-бэ-бы; на-ба, по-бо, пу-бу, пэ-бэ, пы-бы* и т. д.; 2) дифференциация звуков в слове: *дом-том, дочка-точка, у дочка-уточка, трава-дрова, добрый вечер; бочка-почка, был-пыль, зuby-супы, баба-напа, браво-право, будьте добры; Галина-калина, угол-укол, глаз-класс, гласный-классный,*

грóмко-крóмка; 3) дифференциация звуков в свободной речи, например: 1) — *В понедельник вы будете бегать в парке?* — *Думаю, что, да. В понедельник я буду бегать в парке.* 2) — *Вы подарите другу подарок на свадьбу?* — *Да, я подарю другу подарок на свадьбу.*

4. Работа над различением корейскими учащимися взрывных и щелевых. Еще одна трудность работы над произношением в корейской аудитории, помимо указанных выше случаев, состоит в том, что в русской речи корейских студентов проявляется неразличение не только взрывных согласных [б] и [п] по звонкости/глухости, но и взрывных согласных от щелевых ([б]-[п]-[в]-[ф]) по участию/участию зубов в артикуляции (Капарушкина 2012: 179). Поэтому автор предлагает сначала проделать упражнения на противопоставление звонких и глухих, щелевых и взрывных звуков, чтобы учащиеся осознали их артикуляцию, а потом использовать комплекс упражнений, в которых бы до автоматизма доводилось произношение этих звуков и их восприятие на слух.

5. Устранение ошибок в произношении сочетаний русских согласных. Следующий этап формирования слухо-произносительных навыков звонких и глухих согласных проводится на материале, отражающем основную особенность фонологической системы русского языка — сочетание согласных, что в большинстве случаев вызывает затруднения у корейских учащихся, которые зачастую вставляют между двумя согласными звук [ы], поскольку стечения согласных с ассимиляцией звуков или без нее не свойственно корейскому языку. На этом этапе преподаватель проводит подготовительные упражнения на автоматизацию произносительных навыков при сочетаниях согласных. Преподаватель предлагает сначала произнести за ним слоги со звуками-помощниками для каждого из звуков (губной [б] — звук-помощник [м], переднеязычный [д] — звук-помощник [н]), а потом постепенно усложняет задание, переходя с уровня слога на уровень слов. Например: 1) *мба-мбо-мпа-мпо, нда-ндо-нта-нто* и далее 2) *самба-комбо-компаньон-лимпомпо-команда-тэквондо-санта-соренто* и т. п.

Также в корейской аудитории следует выполнять упражнения со словами, где трудными звуками являются звонкие звуки, находящиеся в разных позициях. Так, оглушение и озвончение согласных в определенных позициях на уровне одного слова не вызывают особых проблем, но ассимиляция согласных на стыке слов, чаще

всего на стыке предлога и значимого слова, требует специального осмысления. В данном случае следует прибегнуть к дополнительным гласным звукам и призвукам для образования открытого слога и слоговым упражнениям, в которых отрабатывается произнесение слогов с начальными и конечными согласными, разделение согласных внутри фонетического слова по разным слогам и собирание слова из морфем. Для этого автор настоящей работы использует на своих занятиях самодельные кубики с наклеенными на их поверхность частями изучаемых слов (приставками, корнями, суффиксами, окончаниями). Например, занятие по фонетике можно совместить с изучением глагольных приставок: 1) *по-*, *пере-*, *под(о)-*, *об(о)-*, *до-*, *в(о)-*, *вы-*, *за-*, *у-*, *при-* с глаголами *бежать*, *бегать*, *плыть* и др.; 2) *раз-*, *под-*, *до-*, *недо-*, *пере-*, *при-*, *за-* с глаголами *говорить*, *писать* и др.; 3) *за-*, *вы-*, *от-*, *пере-*, *с-*, *под-*, *до-*, *на-* с глаголами *бросить* и др.

6. Работа над достаточным напором воздушной струи и плотностью смычки. Во многих случаях иностранный акцент в речи корейских учащихся создается не только неразличением артикуляции отдельных звонких и глухих звуков, но и неразличением их в слоговых структурах. Так, в структуре корейского слова отсутствует конечнослоговой шумный согласный, что в русской речи приводит к искажению и смешению словоформ, например: слово *пять* кореец произносит как *пяти*, *дверь* — как *двери* и т. п.

Более того, следует обратить внимание на то, что не все пособия по фонетике учитывают при постановке артикуляции звуков напор воздушной струи и плотность смычки. Между тем ослабление силы воздушной струи при образовании смычных согласных приводит к образованию импловзивных звуков, особенно в позиции конца слова, например: *вот* — *во[тʰ]*, *снег* — *сне[кʰ]*. Усиление напора воздушной струи приводит к появлению придыхания, что не характерно для артикуляции русских смычных [т], [п], [к]: [тʰак], [пʰакт]. Ослабление смычки при образовании смычных губных делает русские губно-губные близкими по звучанию к губно-зубным фрикативным согласным: *был* > [выл], *пил* > [фил] (Касько 2000: 130).

7. Выполнение специальной артикуляционной гимнастики и использование логопедических методов коррекции произношения. Все перечисленные выше особенности неправильного русского произношения в речи корейских учащихся говорят о том, что в корей-

ской аудитории необходима тщательная работа над каждым русским взрывным звуком. В данном случае на помощь приходит специальная артикуляционная гимнастика. С учетом типичных ошибок произношения корейских учащихся артикуляционная гимнастика должна выполняться в целях развития подвижности, гибкости и точности движений языка и губ, а также в целях выработки правильного дыхания. Например, корейским учащимся полезны упражнения 1) для укрепления мышц губ (для звуков [б] и [п]); 2) для выработки плотности смычки (для звуков [б] и [п]); 3) для укрепления мышц языка (для звуков [д] и [т]); 4) для вдоха и выдоха (для звонких звуков [б], [д], [г]); 5) для развития звонкости и силы голоса. (Конкретные упражнения приведены в авторской диссертационной работе).

Следует отметить, что выработка правильной артикуляции у учащихся требует от преподавателя не только фонетических, но и логопедических знаний. Логопедия предоставляет в распоряжение преподавателя русского языка, работающего в иностранной аудитории, большое количество средств, предназначенных для выявления и исправления различных нарушений речи. Опытный преподаватель-фонетист, владеющий логопедическими методами, наблюдая ошибки в речи иностранца, может дать конкретный совет по исправлению данной ошибки, не прибегая к сложной терминологии.

8. Соблюдение принципа коммуникативности на уроках по практической фонетике. Преподавателю следует всегда помнить, что при изучении системы русских согласных не следует задерживаться на их классификации, но следует уделить больше времени освоению их артикуляций и оппозиций. В то же время увлечение артикуляционной стороной может привести к нарушению главного обучающего принципа — принципа коммуникативности. Чрезмерное повторение слогов, не имеющих лексического значения, отбор коммуникативно незначимой лексики на основании того, что в ней содержится проблемный звук, или заучивание пословиц, скороговорок или стихотворений, не имеющих выхода в реальную коммуникацию, снижают мотивацию учащихся к изучению фонетики. Значит, овладение произносительными навыками должно быть неразрывно связано с развитием речи. Методически обоснованно включение в процесс обучения произношению таких фонетических упражнений, которые являются коммуникативно значимыми и актуальными для студента на каждом из этапов обучения. Например,

в такие упражнения следует включать формулы этикета: приветствия («*Добрый день*»), просьбы («*Будьте так добры*»), вежливого отказа («*Спасибо, больше не хочу*») или же названия различных российских реалий или станций метро, содержащих тот или иной звук, с которыми чаще всего приходится сталкиваться учащимся. Например, в упражнения на звуки [б] и [п] можно включить названия станций метро: *Беляево, Баррикадная, Ботанический сад, Белорусская; Парк Победы, Парк Культуры, Павелецкая, Пушкинская, Площадь Революции* и др.

Таким образом, на основании вышесказанного автором признается острая необходимость в пересмотре традиционной методики постановки произношения в применении к корейской аудитории и разработке практического курса русской фонетики для корейских учащихся, учитывающего все особенности корейской консонантной системы и делающего акцент на постановку русских звонких и глухих взрывных звуков.

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: МГУ, 1963.

Капарушкина Д. И. Методология и методика обучения корейских студентов произношению русских глухих и звонких взрывных согласных. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. М.: РУДН, 2016.

Капарушкина Д. И. Некоторые проблемы изучения взрывных согласных современного корейского языка // *Язык и личность в поликультурном пространстве: Сборник научных статей серии «Молодой филолог»*. Вып. 2. Севастополь: Рибэст, 2012. С. 100–105.

Капарушкина Д. И. Особенности консонантной системы корейского языка: обзор корейской научной литературы // *Москва: Вестник РУДН*, 2014. № 2. С. 35–42.

Касько Н. Н. Некоторые аспекты обучения нефилологов русскому произношению // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей / Ред. Красных В. В., Изотов А. И.* М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С. 128–136.

Ром Н. Хочу говорить красиво! Техники речи. М.: Студия Ардис, 2007.

Филичева Т. Б., Чевелева Н. А., Чиркина Г. В. Основы логопедии. М.: Просвещение, 1989.

Касевич В. Б., Костина Е. А., Мазарчук А. В.,
Яхонтова Н. С., Инюшкина Е. И.

СПбГУ, Санкт-Петербург

ЦЕЛОСТНОСТЬ И СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

В сообщении представлены промежуточные результаты работы над проектом, в рамках которого изучаются механизмы связности и целостности ряда языков Азии. Различаются фоновая связность, когда связность выступает как побочный результат использования тех или иных грамматических категорий, и синдематическая, когда в языке существуют специальные дискурсивные слова — коннекторы, и др., обеспечивающие связность текста.

Ключевые слова: *связность, целостность текста, синдемы, тематическая структура клаузы, иконичность.*

1. В настоящем кратком сообщении представлены некоторые новые данные по изучению проблем связности и целостности текста (преимущественно на материале языков Азии), начатого в рамках проекта «Линейные и нелинейные средства обеспечения целостности и связности восточного текста». Основным материалом для исследования послужили тексты на арабском, бенгальском, китайском, монгольском, тибетском и японском языках объемом около 6000 слогов каждый, которые можно охарактеризовать как «событийный нарратив». Подробнее об особенностях текстов и методике работы с ними см. (Касевич и др. 2016: 106–107).

В основе порождения связной речи лежат механизмы, обеспечиваемые собственно грамматическими средствами, что мы называем *фоновой связностью*. Это морфологические и синтаксические подсистемы языка: помимо выполнения «внутренних» задач, морфологические и синтаксические механизмы превращают неупорядоченный набор слов и других единиц в пронизанный многообразными связями *текст*. Как нетрудно понять, насыщенность текста соответствующими средствами имеет ярко выраженную типологическую окраску, что мы

оставляем в стороне, как и вклад просодических средств, в первую очередь интонации.

Разумеется, в реальных процессах речевой деятельности вектор развития имеет противоположное направление по сравнению с тем, что говорилось выше: не от «набора слов» к структурированному целому, а от глубинных смысловых структур к цепочкам поверхностных.

Наряду со средствами, связывающее действие которых можно, с известными оговорками, считать побочным, существуют иные, для которых это центральная задача; нечто подобное имел в виду, вероятно, С. Д. Кацнельсон, вводя понятие *синдемы* (Кацнельсон 1986: 188). К сожалению, эта мысль не получила развития. Многие лексемы, позже ставшие известными как *дискурсивные слова*, определенно связаны с выполнением синдематической функции.

2. В наших результатах можно увидеть и новые грани тема-рематических структур. Неоднократно указывалось на близость понятий «тема» и «рема» к классическим понятиям «субъект» и «предикат» соответственно. Уже из этого видно, что мы имеем здесь дело не с «членением предложения», актуальным или нет, а с описанием семантико-коммуникативной структуры, которая, вообще говоря, не дана в прямом наблюдении.

2.1. В то же время некоторые экспериментальные и статистические подходы позволяют увидеть, что однозначного решения здесь нет. Участникам проекта, выступающим в данном случае в роли испытуемых, предлагалось «раззять» высказывания (или абзацы) на две части таким образом, чтобы затем можно было наиболее легко восстановить исходную целостность. Как правило, выполняемые через известное время действия с легкостью давали «запрограммированный» результат, из чего, по-видимому, следует, что испытуемые оперировали не семантическими сущностями, а в некотором смысле материальными конструкциями. Иллюстрацией может служить фрагмент монгольского текста (табл.), где правая граница расположенных «в столбик» тематических структур практически полностью воспроизводит левую границу структур рематических.

2.2. Для большинства авторов выделение темы и ремы представляет собой строго двоичную процедуру. Специфична в этом отношении позиция лингвистов Пражской школы, которые ввели в обиход понятие

Таблица. Тема и рема в каждой клаузе рассказа «Малютка и Пеструшка» (на примере первых 23 клауз)

№ клаузы	Текст	Перевод текста	Тема	Рема
1	Энэ хот айлынхан Тоодой, Цоохондой хоёрыг ав адилхан хайрладаг байлаа	Жители этого айла одинаково любили Малютку и Пеструшку	хот айлынхан 'соседи'	Тоодой, Цоохондой хоёрыг ав адилхан хайрладаг байлаа 'одинаково любили Малютку и Пеструшку'
2	Нэг нь тохойн чинээхэн биетэй, тоодойсон бор охин	Одна — маленькая, росточком с локоток, смуглая девочка	нэг 'одна' (девочка)	тохойн чинээхэн биетэй, тоодойсон бор охин 'маленькая, росточком с локоток, смуглая девочка'
3	Нөгөө нь нявталхан үстэй нялх цоохор ишиг	Другая — пестренькая, недавно родившаяся козочка с редкой шерсткой	нөгөө 'другая' (козочка)	нявталхан үстэй нялх цоохор ишиг 'пестренькая, недавно родившаяся козочка с редкой шерсткой'
4	Хоёулаа өнчин,	И обе — сироты,	хоёулаа 'обе' (девочка и козочка)	өнчин 'сироты'
5	хоёулаа балчир амьтад	обе — маленькие существа	хоёулаа 'обе' (девочка и козочка)	балчир амьтад 'маленькие существа'
6	Тоодойг төрүүдхээс болж хоёрхий ээж нь өөд болжээ	Из-за того, что [мать] родила Малютку	Тоодой 'Малютка' (девочка)	төрүүдхээс болж хоёрхий 'из-за того, что родила'
7	хоёрхий ээж нь өөд болжээ	бедная матушка ее скончалась	ээж 'мать'	өөд болжээ 'скончалась'
8	Ямар бэрх хэцүү байсныг охин яаж мэдэх билээ	[Но] как могла девочка знать о том, как было тяжело [матери]?	[ээж 'мать']	ямар бэрх хэцүү байсныг охин яаж мэдэх билээ 'как могла девочка знать о том, как тяжело было'
9	Ялахдаа аав нь байхгүй	К тому же отца нет	аав 'отец'	байхгүй 'нет (отсутствует)'
10	Эх орны алс зүүн хязгаарт одоод	[Он] уехал на дальнюю восточную границу родины и	[аав 'отец']	эх орны алс зүүн хязгаарт одоод 'уехал на дальнюю восточную границу родины'
11	сураг чимээгүй	пропал без вести	[аав 'отец']	сураг чимээгүй 'пропал без вести'
12	Гамшигт дайн эхлээгүй бол	Если бы не началась война, при- несшая столько несчастий,	дайн 'война'	эхлээгүй бол 'если бы не началась'

13	эх эндэж, элэг эмгэлсэн ийм явдал тохиолдохгүй байсан ч байж мэднэ	то возможно, и не случилось бы такой истории с гибелью матери и раздирающей душу	явдал 'пронсештвие'	тохиолдохгүй байсан ч байж мэднэ 'не произошло бы, возможно'
14	Тэр хавар муухай их хавсрага салхи тавьжээ	Той весной поднялся ужасный, холодный, пронизывающий ветер с пылью	хавар 'весна'	муухай их хавсрага салхи тавьжээ 'поднялся ужасный, холодный, пронизывающий ветер с пылью'
15	Хоёр хөгшин гэрээ хэр чадлаар дулаалж	Говорят, как только двое стариков свою юрту ни утешали,	хоёр хөгшин 'два старика' (дедушка и бабушка)	гэрээ хэр чадлаар дулаалж 'как только ни утешали свою юрту'
16	гайгүй сайн тэнчээлж	ни уравнивали	[хоёр хөгшин 'два старика' (дедушка и бабушка)]	гайгүй сайн тэнчээлж 'хорошо уравнивали'
17	бэхэлсэн авч	и ни укрепляли,	[хоёр хөгшин 'два старика' (дедушка и бабушка)]	бэхэлсэн авч 'укрепляли свою юрту'
18	бүрээс туургыг нь гэнэт дайрсан хуй салхин хуулан авч	внезапно налетевший вихрь содрал ее войлочные стены и покрытие	бүрээс туурэг 'войлок (юрты)'	бүрээс туургыг нь гэнэт дайрсан хуй салхин хуулан авч 'внезапно налетевший вихрь содрал ее войлочные стены и покрытие'
19	хаясан юм гэдэг	и разбросал	[бүрээс туурэг 'войлок (юрты)']	хаясан юм гэдэг 'разбросал'
20	Ийм л нэгэн золгүй явдал тэднийхийг нөмөрч,	Такое вот несчастье накрыло их семью;	золгүй явдал 'несчастье'	тэднийхийг нөмөрч 'накрыло их семью'
21	тун сахан нярайлаад байсан залуу эхийн хөлстэй нялх биеийг түмэн төмөр зүү шиг хүйтэн салхи шивчихсэн хэрэг	холодный ветер, как десять тысяч железных игл, колот юное, покрытие испариной тело молодой матери, которая только что родила	ээж 'мать'	түмэн төмөр зүү шиг хүйтэн салхи шивчихсэн хэрэг 'холодный ветер, как десять тысяч железных игл, колот'
22	Хүүхдэд эхгүй болохоос илүү зовлон байхгүй	У ребенка нет большего горя, чем остаться без матери	хүүхэд 'ребенок'	эхгүй болохоос илүү зовлон байхгүй 'нет больше горя, чем остаться без матери'
23	Чингэдэ охин өвөө, эмээ хоёртойгоо үлдэв	А тут так получилось, что девочка осталась с дедушкой и бабушкой	охин 'девочка'	өвөө, эмээ хоёртойгоо үлдэв 'девочка осталась с дедушкой и бабушкой'

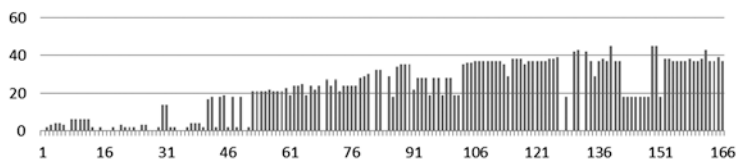

Рис. 1. Темы клауз 1–166 рассказа «Кубинский нож» (китайский язык)

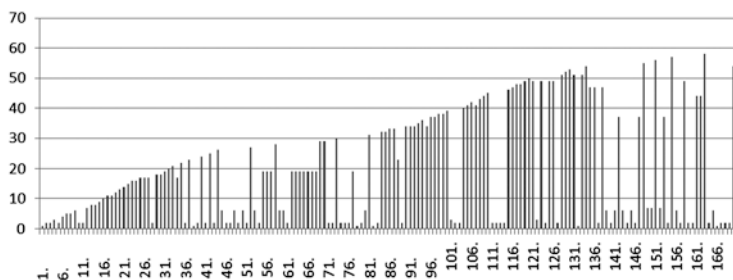

Рис. 2. Темы клауз 1–170 рассказа «Однажды, когда-нибудь» (бенгальский язык)

«коммуникативного динамизма» (см., например: Firbas 1971); согласно этим представлениям (которые мы даем в несколько отредактированном виде), между темой и ремой существует переходный участок, в рамках которого напряжение, созданное введением темы, разряжается с появлением ремы. Возможно, такие представления чересчур прямолинейны. Но использование простых статистических средств, отражающих распределение тем в пространстве текста, позволяет визуализацию данных, связанных с вкратце описанным подходом. Примером могут служить графики для фрагментов китайского (рис. 1) и бенгальского (рис. 2) текста, которые показывают тематические сгущения/разряжения, отражающие достаточно регулярные повышения тематической плотности в пределах соответствующих текстов и субтекстов. По оси абсцисс расположены номера клаузов, по оси ординат — номера тем. Для большей наглядности и удобства восприятия в обоих случаях приведены гистограммы для 1/3 текста.

3. Еще один результат нашей работы — это обнаружение заметной роли, которую играет в восприятии речи степень *иконичности* текста. К сожалению, мы не располагаем экспериментальными данными,

демонстрирующими степень иконичности текста и связанное с ней, например, время реакции. Однако уже сама по себе тенденцию к преобладанию иконических структур в «нормальном» тексте можно рассматривать как «склонность» языка оперировать иконичными структурами. Здесь есть явная связь с работами Хомского и Миллера (Chomsky, Miller 1963; Miller, Chomsky 1963) которые еще в 1960-е годы экспериментально показали, что ядерные конструкции, не прошедшие трансформационный субкомпонент, требуют для своего восприятия меньших временных затрат, чем, скажем, пассивные отрицательные конструкции.

Литература

Канцельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1986. 297 с.

Касевич В. Б., Инюшкина Е. И., Костина Е. А., Лакунина Д. И., Розов В. А. О новых параметрах для типологических/универсальных классификаций / квалификаций текстов // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XII Международной конференции (Москва, 16–17 ноября 2016 г.). М.: Языки Народов Мира, 2016. 268 с. С. 105–114.

Chomsky N., Miller G. A. Introduction to the formal analysis of natural languages // R. D. Luce, R. R. Bush, E. Galanter (Eds.), Handbook of Mathematical Psychology, Vol. 2, Wiley, Amsterdam, 1963. pp. 269–321.

Firbas J. 1971. On the concept of Communicative Dynamism in the theory of Functional Sentence Perspective // Sbornik prací filosofické fakulty brněnské universiti A 19/71, 135–144.

Miller G. A., Chomsky N. Finitary models of language users // R. D. Luce, R. R. Bush, E. Galanter (Eds.), Handbook of Mathematical Psychology, Vol. 2, Wiley, New York (1963), pp. 419–491.

Клименко С. Б.

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ЗАЛОГА В ТАГАЛОГЕ НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛА ‘БОЯТЬСЯ’

Данная работа посвящена вопросу о факторах, определяющих выбор залога в отдельно взятой залоговой парадигме в тагалоге — глагола ‘бояться’. Парадигма состоит из трех залоговых форм: акторной, каузальной и реципиентной. Рассматриваются утверждения, сделанные в недавних работах относительно принципов выбора залога в тагалоге, а также ряд факторов, выдвинутых ранее как играющих роль в данном процессе: синтаксическая дистрибуция, интенсивность, информационная структура, референтность, формальность. Также рассматриваются два новых фактора, ранее в литературе не обсуждавшихся: сочетаемость с существительным, обозначающим материальный объект, в подлежащем, и сочетаемость с видовыми формами глаголов в подлежащей глагольной конструкции.

Ключевые слова: тагалог, залог, причинные конструкции, филиппинские языки, референтность

1. Глагол ‘бояться’ и метод¹

Цель настоящей работы — проверить адекватность существующих представлений о факторах в основе выбора залога в тагалоге и попытаться обнаружить ранее не упоминавшиеся факторы. В отличие от других исследований, рассматривающих принципы выбора залога для широких классов глаголов, эта работа ограничивается одной залоговой парадигмой от корня *takot* ‘бояться’. Эта парадигма включает 3 залоговые формы: акторная *ma-takot*, каузальная *ika-takot* (‘бояться из-за

¹ Я благодарю за помощь в настоящем исследовании Aureen Abcede, Jei Ente, Joanna Tuazon, Kerry Faith Guyguyon Bangadon, Kristina Gallego и Norman de los Santos.. Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 18–18–00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология».

ч.-л.') и реципиентная *ka-takut-an* ('бояться ч.-л.')¹. Различие между двумя последними формами видно в (1):

- (1) “Ang naglalagay//p<in>ag-la~lagay ng bakod, sa
 NOM² AV[<IPFV>STEM-IPFV~ставить GEN забор OBL
 ganang aki='y yon=lang mi
 доля 1M. ACT=TOP DIST.NOM=только EXIST
 ik<in>a-ta~takot at k<in>a-ta~takut-an,”
 <IPFV>CV-IPFV~бояться и <IPFV>STEM-IPFV~бояться-RV
 sabi=niya.
 сказанное=3M.ACT
 ‘«Что касается тех, кто ставит заборы, по-моему, только им есть из-за
 чего и чего бояться,» — сказал он.’ (букв.: ‘...есть то-из-за-чего-боятся
 и то-чего-боятся...’)

Данные для исследования взяты из корпуса тагалога FilipinoWaC на sketchengine.co.uk, составленного методом автоматического сбора данных в интернете (почти 27 миллионов словоупотреблений). Для некоторых конструкций также были получены суждения об их приемлемости у 5 носителей тагалога.

2. Существующие исследования

В качестве факторов, определяющих выбор залога в тагалоге, выдвигался целый ряд свойств субъекта и объекта. Наиболее широко представленной в литературе точкой зрения является представление

¹ Идентичность залогов устанавливается на основании сравнения формального маркирования участников, которые могут быть помещены в позицию подлежащего, в неподлежащей позиции (Клименко 2017: 329–373).

² Список использованных сокращений: 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ACQ — приобретение; ACT — акторная форма; AV — акторный залог; bg — исходная информация; COL — собирательная форма; ct — контрастная тема; CV — каузальный залог; DIST — дистальная форма; EXIST — предикат наличия; f — рема; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; LK — лигатура; M — минимальное членство; MOD — модальность; NEG — маркер отрицания; NEUT — нейтральный вид; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PFV — перфектив; PL — множественное число; PROSP — проспектив; PV — пациенский залог; RV — реципиентный залог; STEM — основообразующий префикс; t — тема; top — топик; TOP — маркер границы топика; UV — неакторный залог; V — глагол.

о том, что при наличии в конструкции определенного или конкретного объекта именно он должен занимать позицию подлежащего при сказуемом-глаголе неакторного залога (Schachter and Otnes 1972: 60). Данное представление, однако, в строгой формулировке неверно (Rafael 1978: 38; Клименко 2011: 323; Latrouite 2016: 299).

В последние годы появилось несколько экспериментальных исследований факторов, определяющих выбор залога в тагалог. Эксперимент по выбору носителями тагалоба между AV и PV для описания изображений с контролем трех условий — определенности актора, определенности пациенса и одушевленности пациенса (Tanaka 2015) — показал, что наибольшую роль играет одушевленность пациенса, затем — определенность пациенса и актора. В ситуациях, где актор и пациенс были (i) оба неопределенные, (ii) оба определенные, (iii) неопределенный пациенс при определенном акторе наблюдалось сильное преобладание PV при одушевленном пациенсе. При неодушевленном пациенсе в тех же ситуациях наблюдалось почти равное распределение выбора залога. При определенном пациенсе и неопределенном акторе вне зависимости от одушевленности пациенса наблюдалось сильное преобладание PV (Tanaka 2015: 5).

В ряде других исследований (Latrouite 2011; Latrouite 2016; Latrouite and Riester 2018) постулируется трехуровневая модель выбора залога в тагалог для двухместных глаголов-сказуемых с пациенсом: (i) референтность, (ii) структура события, (iii) информационная структура.

На уровне референтности утверждается два возможных случая выделенности одного аргумента: (i) один аргумент имеет более высокое значение по шкале референтности, чем другой; (ii) оба аргумента равно референтны, однако референтность одного из них менее ожидаема, что делает его более выделенным, т. е. существует тенденция к более высокой референтности актора и низкой референтности претерпевающего (Latrouite and Riester 2018: 250).

На уровне структуры события проводится разделение между (i) глаголами, ориентированными на актора (содержат информацию о действии, выполняемом актором, или его состоянии); (ii) глаголами, ориентированными на претерпевающего (содержат информацию только о конечном состоянии претерпевающего, но не о действии, выполняемом актором); и (iii) нейтральными глаголами (Latrouite 2016: 310–311; Latrouite and Riester 2018 250–251).

На уровне информационной структуры имеет значение тема-рематический статус (определяемый в соответствии с новизной информации (Latrouite and Riester 2018: 255)) претерпевающего и актора. Для последнего данный параметр имеет также третье значение: контрастивная тема (в примерах, приводимых авторами, выражается топиком¹ (Latrouite and Riester 2018: 255–275).

Табл. 1. Выбор залога на уровне информационной структуры

		претерпевающий	
		f	t
актор	f	AV	AV
	ct	AV	AV (Vf) / UV (Vbg)
	t	определяется на других уровнях	UV

Приоритетом обладает уровень информационной структуры, за ним — структура события, и в последнюю очередь — референтность (Latrouite 2016: 312; Latrouite and Riester 2018: 250–251).

В другой работе (Nuhn 2016) представлено экспериментальное исследование факторов, определяющих выбор каузального и инструментального залогов в тагалоге. На основании полученных данных автор делает следующие выводы: (i) определенность причины не играет роли при выборе между акторным и каузальным залогом, т.к. существуют множественные примеры конструкций акторного залога с определенной причиной и инструментом; (ii) каузальный залог предпочтителен при тематичности причины (при упоминании причины в предыдущем предложении большинство информантов сделало выбор в пользу каузального залога, тогда как при упоминании причины, в одном случае тремя предложениями ранее для большего числа информантов оказался приемлемым и акторный залог); (iii) формы каузального залога некоторых глаголов более приемлемы для информантов, чем аналогичные формы других глаголов; (iv) многие информанты воспринимают формы каузального залога как более формальные и соответствующие письменному дискурсу (Nuhn 2016: 11–12, 32–34, 43–44).

¹Топик — факультативная единица линейной структуры предложения, которая занимает начальную позицию и никогда не входит в состав ремы. От последующей части предложения отделяется паузой или (только в формальном дискурсе) показателем *ay*.

3. Глагол ‘бояться’ в корпусе

Поиском по корпусу был составлен список всех употреблений глаголов *ma-takot*, *ika-takot* и *ka-takut-an* (табл. 2). Отдельно подсчитаны случаи использования глаголов в позиции сказуемого независимой клаузы, субстантивированной позиции (маркированной падежным показателем или предикатом наличия/отсутствия) и в позиции сказуемого релятивной клаузы, так как в последних двух выбор залога зависит от того, какой партиципant обозначается субстантивированным глаголом или определяемым, к которому относится глагол.

Табл. 2. Все случаи использования глагола ‘бояться’ в корпусе:

	Всего	<i>ma-takot</i>	<i>ika-takot</i>	<i>ka-takut-an</i>
Все случаи	3451 (100%)	2731 (79%)	150 (4%)	570 (17%)
Сказуемое	2833 (82%)	2582 (91%)	26 (1%)	225 (8%)
Субстантивированный	386 (11%)	80 (21%)	110 (28%)	196 (51%)
Релятивная клауза	232 (7%)	69 (30%)	14 (6%)	149 (64%)

4. Факторы выбора залога

Как видно из Таблицы 2, наиболее частотной функцией неакторных форм *ika-takot* и *ka-takut-an* является обозначение какого-либо участника ситуации в субстантивированной позиции или релятивной клаузе. Ниже рассматриваются другие факторы, которые могут определять выбор залога в позиции сказуемого.

4.1. Интенсивность

В (Rafael 1978: 43) утверждается без приведения каких-либо тестов, что форма каузального глагола *ika-lungkot* ‘печалиться’ указывает на интенсивность испытываемой субъектом эмоции, тогда как у формы акторного залога *ma-lungkot* ‘печалиться’ такое значение отсутствует. Наличие такого значения у форм каузального залога можно опровергнуть на основании сравнения их сочетаемости с определением *nang kaunti* ‘немного’ (2) и несочетаемости с данным определением существующих в языке специализированных конструкций, маркирующих интенсивность действия, например, конструкции с присоединением лигатурой *nang* полного повтора глагола (Schachter and Otanes 1972: 398–399) (3):

- (4) Kadalasan=g, mas k<in>a-ta~takut-an=pa
 часто=LK больше <IPFV>STEM-IPFV~бояться-RV=еще
 ng mga babae ang pag-taba kaysa sa digmaan=g
 GEN PL женщина NOM NMLZ-толстеть чем OBL война=LK
 nuclear,..
 ядерный
 ‘Зачастую женщины боятся растолстеть даже больше, чем ядерной войны,..’

Согласно (Latrouite and Riester 2018), в конструкциях с актором-темой и претерпевающим-ремой выбор залога происходит на уровне структуры события или референтности. Как замечено в (Nuhn 2016: 12), маловероятно, что уровень структуры события в каком-либо виде играет роль при выборе «периферийных» залогов (с сирконстантными участниками в подлежащем (Nuhn 2016: 1, 8)), которые включают и каузальный залог, т. к. не существует глаголов, семантически ориентированных на причину. Глагол ‘бояться’ является ориентированным на актора, т.к. не содержит информации о состоянии претерпевающего (Latrouite and Riester 2018: 250). Следовательно, выбор неакторных залогов в данной парадигме, согласно обсуждаемой модели, должен определяться на уровне референтности.

Среди 13 конструкций с глаголом *ika-takot* с актором-темой и претерпевающим-ремой только 1 конструкция содержит определенную причину-подлежащее при определенном одушевленном акторе, тогда как в остальных случаях причина является неопределенной или нереферентной, как в (5):

- (5) Hindi=mo ika~ka-takot ang kinabukasan.
 NEG=2M.ACT CV~PROSP-бояться NOM завтра
 ‘Ты не будешь бояться из-за завтрашнего дня.’

Среди 35 аналогичных конструкций с глаголом *ka-takut-an* только 5 конструкций включают определенного реципиента (4 при определенном одушевленном и 1 при нереферентном одушевленном акторе), тогда как остальные включают неопределенный или нереферентный реципиент, как в (6):

- (8) Ik<in>a-takot=ko na
 <PFV>CV-бояться=1M.ACT LK
 nakita/m<in>a-kita=ko=siya kahapon.
 PV[<PFV>MOD-видеть]=1M.ACT=3M.NOM вчера
 ‘Я испугался из-за того, что я увидел ее вчера.’
- (9) K<in>a-takut-an=ko na
 <PFV>STEM-бояться-RV=1M.ACT LK
 nagkakasakit/p<in>ag-ka~ka-sakit=siya buwan~buwan.
 AV[<IPFV>STEM-IPFV~ACQ-болезнь]=3M.NOM COL~месяц
 ‘Я испугался того, что он заболевает каждый месяц.’

5. Заключение

Наиболее частотной функцией форм каузального и реципиентного залога глагола 'бояться' является употребление в субстантивированной позиции и релятивной клаузе. Утверждения о наличии значения интенсивности у форм каузального залога в данном случае не находят подтверждения. Трехуровневая модель, представленная в (Latrouite and Riester 2018) не соответствует данным. Вероятно, рассматриваемые неакторные формы являются более формальными. Форма каузального залога не сочетается с личными местоимениями и существительными, а также существительными, обозначающими материальные объекты. Неакторные формы в корпусе не используются с глагольными конструкциями с глаголом в форме перфектива или имперфектива, хотя информанты оценивают такие конструкции как приемлемые.

Литература

Климченко С. Б. Аккузативность и эргативность в тагальском языке // Pilipinas muna! Филиппины — прежде всего! (Маклаевский сборник. Вып. 4). Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 306–346.

Клименко С. Б. Категория залога в филиппинских языках (на материале языка йаттука). Канд. дисс. СПб: ИЛИ РАН, 2017. 571 с.

Latrouite A. Voice and case in Tagalog: The coding of prominence and orientation. Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf PhD thesis. 2011. 250 p.

Latrouite A. Shifting Perspectives: Case Marking Restrictions and the Syntax-Semantics-Pragmatics Interface // Jens Fleischhauer, Anja Latrouite & Rainer Osswald (eds.), *Explorations of the syntax-semantics interface*. Düsseldorf: DUP, 2016. P. 289–318.

Latrouite A. and A. Riester. The role of information structure for morphosyntactic choices in Tagalog // S. Riesberg & A. Shiohara (eds). Perspectives on information structure in Austronesian languages. Studies in diversity linguistics. Berlin: Language Science Press, 2018 P. 247–284.

Nuhn P. Towards a Better Understanding of Peripheral Voice in Tagalog: A Case Study. Bachelor Thesis. Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf, 2016.

Rafael T. C. Topic in Tagalog revisited. Studies in Philippine Linguistics 2:1, 1978. P. 36–48.

Schachter P. and Fe T. Otanes. Tagalog Reference Grammar. University of California Press, 1972. 678 p.

Tanaka N. Focus preferences by adult speakers of Tagalog. Unpublished manuscript / Manoa: University of Hawai'i, 2015. 7 p.

ИРРЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе предлагается обзор языковых средств, указывающих в современном китайском языке на статус описываемой ситуации относительно реальности происходящего. В условиях очень ограниченного набора особых глагольных форм, обслуживающих соответствующую зону значений, наблюдается широкое употребление для этих целей неспециализированных форм. Ирреальность, представленная как особая семантическая зона, охватывает не только модальность, но и ряд значений, в синологии традиционно с неактуализованными ситуациями не связывавшихся. К таковым, кроме значений, выражаемых конструкциями возможности/невозможности, императива и прохибитива, следует отнести и значение будущего времени, развившееся у модальных глаголов, и хабитуальную семантику как результат некоторого обобщения предшествующего опыта.

Ключевые слова: китайский язык, ирреальность, модальность.

Настоящий доклад является попыткой выйти за рамки сложившейся в синологии описательной традиции и рассмотреть материал современного китайского языка (СКЯ) с точки зрения особенностей организации такой неоднозначной семантической области, как ирреальность. Последнее десятилетие типологически ориентированный подход к исследованию и описанию частнолингвистического материала исходит из существования «универсального грамматического набора» как некоторого множества значений, используемых в языках мира для формирования грамматических категорий и черпаемых из единого семантического источника» (Плунгян 2011: 142). Традиционно понимаемая категория наклонения, указывающая на мнение говорящего относительно принадлежности ситуации, называемой глаголом, либо к реальному миру, либо к возможному, в китайском языке отсутствует, однако существует целый пласт единиц, описывающих гипотетические

или неактуальные ситуации, и модальность как семантическая зона, связанная с выражением долженствования, необходимости, возможности, желания и т.п., в данной системе безусловно присутствует, формы потенциальной возможности, императивные и прохибитивные конструкции всегда включаются в грамматические описания СКЯ. При этом предикации с отрицанием, описывающие ситуации, не относящиеся к реальному миру, или с хабитуальным значением, описывающие вероятно повторяемые, но не актуализованные действия, могут также быть отнесены к зоне ирреальности, если понимать «ирреальность» в широком ключе.

Оставляя в стороне обсуждение терминологических предпочтений еще не окончательно устоявшегося в данной области понятийного аппарата, несмотря на отсутствие в СКЯ грамматикализованного противопоставления глагольных форм в зависимости от их отношения к реальному или нереальному миру, мы предполагаем наличие в данной языковой системе особой семантической зоны ирреальности, устройство которой оказывается гораздо сложнее организации других областей. Список элементов предикации, указывающих на статус описываемой ситуации относительно реальности происходящего и обслуживающих зону ирреальных значений, включает не только традиционно описываемые в грамматиках модальные глаголы, но и императивные и прохибитивные конструкции, отрицательные частицы, частицы и союзы с семантикой условия, уступки и др. Ирреальное значение может навязываться и без использования каких-либо специализированных средств за счет лексического окружения или общего контекста.

Регулярно выражаемые значения модальности, полярности, вида и времени выражаются в СКЯ отдельными, не организованными в формализованные категории показателями. Соответствующие значения реализуются на sententialном уровне, где определенный вес имеют не только порядок слов, синтетические и аналитические средства выражения значений, но и неглагольные средства, способные влиять на реализацию грамматических значений в предложении, вызывать семантический сдвиг или навязывать реинтерпретацию, как, например, аспектуально релевантные адвербиалы. К зоне ирреальных значений относится и такой семантический компонент, как «отсутствие результата», выражаемый в СКЯ с помощью отрицания и модификаторов при глаголе в составе результативной глагольной конструкции (РГК).

Зона ирреальности охватывает прежде всего ситуации, которые не имеют места в реальной действительности, описываясь с помощью модальных глаголов и отдельных самостоятельных показателей, регулярно выражающих значения будущего времени, но не образующих грамматические категории в традиционном понимании. Граница между модальностью и футуральностью в СКЯ сильно размыта: и волиитивность, и семантика необходимости легко могут быть переосмыслены в значение футуральности.

Значение будущего времени в СКЯ развили модальные глаголы 会 *huì* со значением внешней возможности и 要 *yào* с семантикой необходимости, а также предикат со значением желания 想 *xiǎng*, у которых проспективная направленность в будущее сосуществует наравне с их исходными модальными значениями. У глагола 要 *yào* обнаруживается значение интенционального проспектива, описывающего внутреннее состояние субъекта будущего действия (1), тогда как глагол 会 *huì* отсылает к некоторому положению дел, предопределенному внешними обстоятельствами вне связи с намерениями участников (2):

- (1) 明天我要去看歌剧。

Míngtiān wǒ yào qù kàn gējù
Завтра 1Sg FUT пойти смотреть опера
'Завтра я иду в оперу'.

- (2) 这些问题过去有过，现在有，将来也还会有。

Zhèxiē wèntí guòqù yǒu-guò, xiànzài yǒu,
DEM-CLSF проблема в_прошлом иметься-EXP сейчас иметься
jiāng lái yě hái huì yǒu
в_будущем тоже еще FUT иметься
'Эти проблемы были раньше, есть сейчас и в будущем тоже будут'.

Предикаты в футуральных конструкциях видо-временными показателями не оформляются, глагол в таких контекстах стоит в немаркированной форме, называя действие не реализованное, а только ожидающееся или вероятно повторяющееся. Интересно, что предикации с 会 *huì* часто дополняются фразовой частицей 的 *de*, которая обычно используется для описания ситуаций, уже имевших место в прошлом и сохраняющих

свою актуальность к моменту речи, что, по-видимому, свидетельствует о семантической симметричности данных конструкций относительно точки отсчета (момента речи).

Конструкция с 要 *yào* в значении близкого будущего часто дополняется фразовой частицей 了 *le* и наречием 快 *kuài* ‘скоро’ в конструкции 快要...了 *kuài yào ... le* для указания на наступление ситуации в ближайшем будущем (3):

(3) 要下雨了。

<i>yào</i>	<i>xià yǔ</i>	<i>le</i>
FUT	идти_дождь	PTCL

‘(Вот-вот) пойдет дождь’.

Для выражения абсолютного будущего времени используется относительно грамматикализированный показатель будущего времени 将 *jiāng*, который этимологически также восходит к зоне волитивной модальности, однако в современном языке модальным глаголом практически уже не является, его употребление ограничено стилистически: 将 *jiāng* редко встречается в разговорной речи, с фразовыми частицами 了 *le* и 的 *de* он не сочетается:

(4) 我将在一分钟之内给你把锁打开。

<i>Wǒ</i>	<i>jiāng</i>	<i>zài</i>	<i>yī</i>	<i>fēnzhōng-zhī-nèi</i>
1Sg	FUT	PREP	один	минута-ATTR-LOC

<i>gěi</i>	<i>nǐ</i>	<i>bǎ</i>	<i>suǒ</i>	<i>dǎ kāi</i>
DAT	2Sg	ACC	замок	открыть

‘Я открою тебе замок за минуту’.

Эпистемическая модальность со значением футуральности не коррелирует, утверждая лишь определенное отношение субъекта к действию. 该 *gāi* как основное средство выражения эпистемической модальности, подчеркивающей уверенность говорящего в истинности сказанного, в независимых клаузах специализируется главным образом на передаче значений ирреальности с оттенком сожаления об упущенной возможности, о действиях, которые не могут быть осуществлены; в этом случае 该 *gāi* в значении ‘следовало’ требует наличия в предложении фразовой частицы 了 *le*:

- (5) 天气冷了, 该穿大衣了。

Tiānqì lěng le, gāi chuān dàyī le
 Погода холодный PTCL следовать одеть пальто PTCL
 ‘Похолодало, следовало (бы) надеть пальто’.

Глаголы 会 *huì* и 要 *yào* могут употребляться для описания внутренних и внешних возможностей участников ситуации или указания на повторяющуюся ситуацию, так, в (6) 会 *huì* характеризует физическую способность и описывает качественную ситуацию, а 要 *yào* в (7) указывает на итеративный характер ситуации, причем наличие адвербиалов хабитуальной семантики не является обязательным требованием, часто достаточно генерического квантора, типа 都 *dōu* ‘все, весь’, 总 *zǒng* ‘всегда’ и т. п.:

- (6) 冰块儿会溶化。

Bīngkuàir huì rónghuà
 Льдинка MOD таять
 ‘Ледышка растает’.

- (7) 我吃完饭总要喝杯好茶。

Wǒ chī-wán fàn zǒng yào
 1Sg пить-RES еда всегда MOD
hē bēi hǎo chá
 пить CLSF хороший чай
 ‘После еды я всегда выпиваю чашу хорошего чая’.

Ирреальная семантика обнаруживается в предикациях с хабитуальной семантикой и вне связи с модальными глаголами, поскольку такие предложения являются предположением, построенном на обобщении известных говорящему ситуаций, имевших место ранее и с долей вероятности возможных в будущем. Как отмечалось в (Givon 1984), ирреальный характер хабитуальной ситуации связан с нереферентным статусом ее аргументов:

- (8) 公司每年都组织旅游。

gōngsī měi nián dōu zǔzhī lǚyóu
 Компания каждый год все организовать путешествие
 ‘Компания ежегодно организует путешествия’.

К зоне ирреальности относятся императивные и прохибитивные значения, передающие волеизъявление, которое в момент речи относится к несуществующему положению вещей. В СКЯ специализированные формы императива отсутствуют, повеление выражается формами, имеющими в качестве основного какое-то иное значение. В функции императива, выражающего категоричное требование, употребляются немаркированные формы глагола (9). Среди неспециализированных форм, используемых в СКЯ для выражения волеизъявления, также обнаруживаются глаголы в сочетании с некоторыми направлятельными модификаторами (10) и суффиксальные формы с 着 *-zhe* у глаголов местоположения (11):

- (9) 走! 走! 走! 我们快回去。

Zǒu! Zǒu! Zǒu! Wǒmen kuài huí-qù

Идти Идти Идти 1Pl скоро возвращаться-DIR

‘Пошли! Пошли! Пошли! Домой нам пора!’

- (10) 坐下!

Zuò-xia!

сидеть-DIR

‘Сядь!’

- (11) 您坐着! 我下一站就到了!

Nín zuò-zhe! Wǒ xià yí-zhàn jiù dào-le!

2Sg сидеть-DUR 1Sg следующий один-остановка уже прибыть-PRFV

‘Сидите, сидите! Я на следующей остановке выхожу!’

Как императив, выражающий вежливое приглашение или мягкую просьбу, употребляются редулицированные формы глагола, основным значением которых является делимитативное (12). Употребление местоимений при прямом императиве смягчает категоричность повеления, как и добавление фразовых частиц (吧 *ba*, 啊 *a*) (13):

- (12) 帮帮我!

Bāng-bāng wǒ

Помогать~ IMPR 1Sg

‘Помоги мне, пожалуйста!’

(13) 你们快走啊!

Nimen kuài zǒu a
2Pl скоро идти IMPR
'Идите скорее!'

Переход от категоричного императива к вежливому приглашению реализуется присоединением к исходным императивным формам перформативного глагола 请 *qǐng* 'приглашать, просить', выступающего в таких контекстах этикетным «показателем вежливости» (14):

(14) 请转告他。

Qǐng zhuǎngào tā
IMPR передавать 3Sg.M
'Пожалуйста, передай ему!'

请 *qǐng* также используется как императив 3-го лица, выражая косвенное побуждение, направленное на отсутствующее или не участвующее в беседе лицо. Подобные юссивные употребления обнаруживаются и у каузативного глагола 让 *ràng*, при этом снимаются типичные для императива ограничения на контролируемость ситуации и, соответственно, акциональный класс глагола, в юссивных конструкциях возможны предикаты, называющие неконтролируемые ситуации (15):

(15) 激励你的团队，让他们更加积极!

Jīlì nǐ de tuánduì,
Подбодрить 2Sg ATTR команда
Ràng tāmen gèngjiā jījí
Пусть 3Sg.Pl еще_больше активный
'Подбодри свою команду, пусть они будут поактивнее!'

Прохибитив представляет собою комбинацию императива и отрицания и реализуется в СКЯ на сентенциальном уровне. Специализированная форма для выражения отрицательного императива образуется присоединением показателя 别 *bié* к глаголу в препозиции (16), менее категоричным функциональным аналогом выступает 甬 *béng*, заимство-

ванный в путунхуа из диалектов (17). К неспециализированным формам выражения прохибитива относится употребление модальных глаголов с отрицанием 不要 *bùyào* ‘не надо’, 不用 *bùyòng* ‘не стоит’, 不许 *bùxǔ* ‘не разрешается’ и др. с различной степенью категоричности волеизъявления (18). Прохибитивы с модальными глаголами выражают более умеренный запрет, часто оформляясь фразовой частицей 了 *le* (19):

- (16) 别走,你先坐一坐跟我们谈谈。

Bié zǒu Nǐ xiān zuò-yī-zuò

PROH идти 2Sg пока сидеть-один~IMPR

Gēn wǒmen tán-tán

PREP 1Pl говорить-IMPR

‘Не уходи. Присядь, поговори с нами’.

- (17) 甭说了!

Béng shuō le

PROH говорить PTCL

‘И не говори!’

- (18) 不要给别人看

Bùyào gěi biérén kàn

PROH DAT другие смотреть

‘Не показывай никому!’

- (19) 不用送了!

Bùyòng sòng le

PROH провожать PTCL

‘Не стоит (меня) провожать!’

Наличие или отсутствие фразовой частицы 了 *le* в предикациях с отрицательным императивом разграничивает в СКЯ прохибитив и превентив. Если в предложении с отрицательным императивом имеется 了 *le*, то речь идет о предупреждении со стороны говорящего о том, что может произойти нежелательное событие, которого лучше избежать (20), тогда как без 了 *le* это будет чистый отрицательный императив (21):

- (20) 别切断了 (电线) !

Bié qiē-duàn le (diànxian)

PROH резать-RES PTCL (кабель)

‘(Смотри,) кабель не перережь!’

- (21) 别切断电线!

Bié qiē-duàn (diànxian)

PROH резать-RES (кабель)

‘Кабель не перережай!’

Широкий круг ирреальных значений включает ситуации, которые не имели места в реальности ранее и/или не имеют места в настоящее время, описываемые с помощью отрицательных предикаций. Категория полярности в СКЯ представляет собой категорию клаузы и реализуется как сентенциальное отрицание с помощью 没 *méi* и 没有 *méiyǒu* (22); состояния, хабитуальные и вневременные ситуации отрицаются с помощью 不 *bù* (23):

- (22) 王刚也没有说什么。

Wáng Gāng yě méiyǒu shuō shénme

Ван Ган тоже NEG говорить что

‘Ван Ган так ничего и не сказал’.

- (23) 奶奶身体不舒服。

Nǎinai shēntǐ bú shūfú

Бабушка тело NEG комфортный

‘Бабушке не здоровилось’.

К ирреальным относятся контексты употребления отрицания с результативной глагольной конструкцией (РГК), выражающей в СКЯ значение результативности, которая является особо релевантной для данной системы функциональной категорией. Результативность встраивается в кластер значений, описывающих смену качественно различных фаз у динамических — прежде всего предельных — ситуаций, для указания на предполагаемый результат используются различные полисемичные модификаторы, присоединение которых в зависимости от акционального класса и семантики исходного глагола имеет неодина-

ковый семантический эффект. РГК описывают реальную ситуацию — переход к финальной результирующей фазе и логическому завершению действия каким-либо ожидаемым состоянием, но нормальный ход событий может быть нарушен, и это нарушение во многих случаях прагматически может оказаться более значимым, чем достижение результата, такая ситуация характеризуется как нереальная.

Отрицание одной из двух подситуаций, «встроенных» в семантику РГК как «процесс + результат», реализуется в двух возможных вариантах: как указание на неактуальность ситуации с помощью 没 *méi* и 没有 *méiyǒu* в препозиции к РГК и в конативном прочтении с акцентом на неудавшейся попытке достижения соответствующего результата путем постановки отрицания 不 *bù* между глаголом и модификатором в РГК. Этот тип отрицания описывает ситуацию частичного или неполного достижения результата, реализуя «партитивно-результативную» семантику из зоны антирезультативных значений. Ср.:

- (24) 她没有唱起来。

Tā méiyǒu chàng-qǐ-lái

3Sg.F NEG петь-DIR-DIR

‘Петь она не начала’.

- (25) 她唱不起来。

Tā chàng-bù-qǐ-lái

3Sg.F петь-NEG-DIR-DIR

‘Она (все никак) не может начать петь’.

Естественным ирреальным контекстом в СКЯ также представляются формы потенциальной возможности, образующиеся путем постановки показателя потенциалиса 得 *de* между компонентами в РГК, когда ситуация мыслится говорящим как гипотетически возможная: 听懂 *tīng-dǒng* ‘понять’ (‘слушать — понимать’) => 听得懂 *tīng-de-dǒng* ‘мочь понять, в состоянии понять’ (‘слушать — POTN-понимать’) (26):

- (26) 窗外什么也看不见，只听得见“唰唰”的雨声。

Chuāng-wài shénme yě kàn-bù-jiàn, zhǐ

Окно-LOC ничто тоже смотреть-NEG-RES только

Tīng-dé-jiàn shuāshuā de yusheng
 Слышать-POTN-RES кап_кап ATTR звук_дождя

‘За окном ничего не было видно, только можно было услышать шум дождя’.

Традиционно к зоне ирреальных значений относят условные и уступительные конструкции, в которых речь идет о высоковероятных и потенциально возможных ситуациях, которые могут реализоваться, а также о невозможных ситуациях в случае предположения говорящего о желательном, но нереализованном положении дел, противоречащем реальной ситуации (контрфактическом условии):

(27) 要是有电，灯就会亮。

Yàoshi yǒu diàn, dēng jiù huì liàng
 Если иметься электричество лампочка тогда MOD светить

‘Если будет электричество, лампочка зажжется’.

(28) 要是有电，灯就亮了。

Yàoshi yǒu diàn, dēng jiù liàng le
 Если иметься электричество лампочка тогда светить PTCL

‘Если бы было электричество, лампочка бы зажглась’.

В силу размытости семантики внутри зоны ирреальности и факультативности грамматических показателей в китайском языке, сюда попадают не только условные, уступительные, но и условно-временные предложения, поскольку все они описывают потенциально возможные ситуации, которые носят гипотетический характер и могут быть реализованы в дальнейшем. Зависимая часть условных предложений в СКЯ чаще стоит на первом месте и может маркироваться союзами и союзными словами, но их наличие не является обязательным условием для данного типа предложений, союзы могут и опускаться; главная часть (следствие) часто содержит какую-либо частицу (就 *jiù*, 也 *yě* и др.), но и это требование не является обязательным.

Специализированные глагольные формы для выражения ирреальных значений в предложениях условия и уступки в СКЯ отсутствуют, эта зона обслуживается теми же видо-временными формами, что и в предикациях, описывающих ситуации из реального мира, временная

локализация обеспечивается стандартным набором глагольных форм (29), (30), лексическими средствами или контекстуально, так, в бессоюзных предложениях, традиционно относимых к условно-временным, возможны немаркированные формы в обеих частях, как в главной, так и в зависимой (31):

- (29) 如果他来了, 请事先通知我。

Rúguǒ tā lái-le qǐng
Если 3Sg.M приходить-PRFV IMPR
shìxiān tōngzhī wǒ
заранее уведомить 1Sg
'Если он придет, известите меня заранее'.

- (30) 你再这么盯着我, 我生气了。

Nǐ zài zhème dīng-zhe wǒ,
2Sg еще DEM уставиться-DUR 1Sg
wǒ shēngqì le
1Sg сердиться PTCL
'Будешь так пристально на меня смотреть и дальше, я рассержусь'.

- (31) 你来, 我们滚。

Nǐ lái wǒmen gǔn
2Sg приходить 1Pl катиться
'Если/Когда ты придешь, мы уберемся (отсюда)'.

Поскольку в условной конструкции речь идет о гипотетической ситуации, которая вполне может быть реализована, для следствия типично использование модальных глаголов 能 *néng*, 会 *huì*, 得 *děi* как указание на возможность ситуации или отсылка к будущему времени (32):

- (32) 青少年只有刻苦学习, 将来才能成就大业。

Qīngshàonián zhǐyǒu kèkǔ xuéxí,
Молодежь только_если усердно учиться
Jiānglái cái néng chéngjiù dàyè.
в будущем только MOD преуспеть великое_дело
'Только при условии усердного обучения молодежь сможет в будущем преуспеть'.

Контрфактические ситуации, представляющие положение дел как нереальное, относятся к прошлому, на это часто указывают адвербиалы типа 当时 *dāngshí* ‘тогда’, 那天 *nàtiān* ‘в тот день’, 昨天 *zuótiān* ‘вчера’, 早 *zǎo* ‘раньше, прежде’ в зависимой части, условие маркируется перфективными формами или РГК, при поддержке контекста возможны немаркированные формы, но не какие-либо другие грамматические показатели:

- (33) 要是早把那钱花完了，也不会有现在的麻烦。

Yàoshi zǎo bǎ nà qián huā-wán-le,

Если раньше ACC DEM деньги тратить-RES-PRFV

yě bù huì yǒu xiànzài de máfan

тоже NEG MOD иметься сейчас ATTR хлопоты

‘Если бы потратил те деньги, то и не было бы вот этих проблем сейчас’.

- (34) 昨天要是下一场雨，庄稼就不会干死了。

Zuótiān yàoshi xià yī-chǎng yǔ,

Вчера если идти один-CLSF дождь

zhuāngjià jiù bù huì gànsǐ le

посевы тогда NEG MOD засохнуть PTCL

‘Если бы вчера прошел дождь, посевы бы не погибли’.

- (35) 我要是有钱了，就不听你废话了。

Wǒ yàoshi yǒuqián le, jiù bù tīng

1Sg если богатый PTCL, тогда NEG слушать

nǐ fèihuà le

2Sg вздор PTCL

‘Если бы я разбогател, я б не стал слушать твой вздор’.

Другой возможный вариант, когда контрфактическое прочтение обеспечивается отрицанием 没 *méi*, 没有 *méiyǒu* или 不 *bù*. Наличие невыполнимой возможности в нереальных условных конструкциях привело к появлению в СКЯ специализированных союзных слов 要不是 *yào bùshì* ‘если бы не, без’, 假设不 (是) *jiǎshè bù (shì)* ‘если бы не’ для указания на контрфактическое условие. В главной части для отсылки к нереальности описываемого говорящим действия, которое

представляется уже неосуществимым, используются модальные глаголы с различной временной локализацией (36)–(38):

- (36) 他要是没有在那个村子住过，就不会认识那儿的人了。

Tā yàoshi méiyǒu zài nà-gè
3Sg.M если NEG PREP DEM-CLSF

cūnzi zhù-guò, jiù bù huì
деревня жить-EXP тогда NEG MOD

rènshì nàr de rén le
знать там ATTR человек PTCL

‘Если бы он не пожил в этой деревне, он не познакомился бы с тамошними людьми’.

- (37) 要不是听你说,我还不知道这件事情。

Yàobùshì tīng nǐ shuō, wǒ hái
Если_бы_не слушать 2Sg говорить 1Sg еще

Bù zhīdào zhè-jàn shìqíng
NEG знать DEM-CLSF дело

‘Если бы ты мне не сказал, я бы так и не знал об этом.’

- (38) 要不是老伴走了,他一定会和我一起坐在这儿看小芳比赛。

Yàobùshì lǎobàn zǒu-le, tā yīdìng huì
Если_бы благоверный умереть-PRFV 3SG.M обязательно MOD

hé wǒ yìqǐ zuò zài zhèr kàn Xiǎo Fāng
с 1SG вместе сидеть PREP здесь смотреть Сяо Фан

bǐsài

соревнование

‘Если бы супруг не умер, он обязательно сидел бы тут рядом со мной и смотрел соревнования Сяо Фан’.

Таким образом, инвентарь входящих в зону ирреальности в СКЯ компонентов обширен и неоднороден по своему составу, что затрудняет отнесение соответствующих значений к какой-либо одной зоне грамматических значений. Несмотря на ограниченность языковых средств, специализирующихся на маркировании ситуаций, относимых

не к наблюдаемой действительности, а к некоторому вероятностному, гипотетическому или нереальному миру, и невозможность в ряде контекстов однозначно охарактеризовать ситуацию как принадлежащую к одному из этих типов, важность ирреальной семантики для данной системы сомнений не вызывает. Наблюдающаяся полифункциональность глагольных форм, которые реализуют ирреальные значения, наиболее ярко проявляется в полипредикативных предложениях, когда одна ситуация оказывается определенным образом связанной с другой, однако значение ирреальности обнаруживается и в независимых употреблениях, зачастую в зависимости от прочтения, навязываемого той или иной форме грамматическим, лексическим и общеситуативным контекстом.

Материал, связанный с выражением ирреальных значений, представляется интересным для дальнейшего изучения, как с точки зрения анализа функционирования специализированных грамматических средств для выражения ирреальной семантики в СКЯ, так и с точки зрения поиска в системе тех «горячих точек», наличие которых предписывает включить соответствующее значение в зону ирреальности.

Условные обозначения:

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо;

ACC — аккузатив;

ATTR — атрибутивный показатель;

CLSF — счетное слово;

DEM — указательное местоимение;

DIR — направительный модификатор;

DUR — дуратив;

EXCL — эксклюзивный;

FUT — футурум;

IMPR — императив;

LOC — локатив;

MOD — модальный глагол;

NEG — отрицание;

PL — мн. число;

POTN — потенциалис;

PREP — предлог;

PRFV — перфектив;

PROH — прохибитив;

PTCL — частица;

RES — результатив;

SG — ед. число;

Литература

Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004.

Плунгян В. А. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 142–145.

Типология условных конструкций / В. С. Храковский (отв. ред.). СПб: Наука, 1998.

Яхонтов С. Е. Условные конструкции в китайском языке // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В. С. Храковского. / Отв. ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 496–514.

Brinton L. J. The aspectual character of states and habits // *Folia Linguistica* 21 (2/4), 1987, pp. 195–214.

Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2004.

Givón T. Syntax: a Functional-Typological Introduction. Vol. 1 Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1984.

Коровина Е. В.

Институт Языкознания РАН, Москва

МЕЖДУ ПАПУАСАМИ И АВСТРОНЕЗИЙЦАМИ: ЧЕГО БОЛЬШЕ В БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКА МАИСИН?

В работе анализируется состав базисной лексики языка маисин. Демонстрируется количественное преобладание океанийской (австронезийской) лексики над лексикой, характерной для языков бинандере (одна из папуасских семей). В то же время показывается, что довольно большой процент лексики на данный момент не удается этимологизировать. Результат согласуется с традиционным взглядом на то, что язык маисин относится к группе языков юго-восточной оконечности Новой Гвинеи (Рариан Тир) океанийской подгруппы.

Ключевые слова: маисин, Новая Гвинея, сравнительно-историческое языкознание, базисная лексика, «смешанные» языки.

0. Постановка проблемы

О проблеме существования на территории Папуа-Новой Гвинеи так называемых смешанных (австронезийско-папуасских) языков известно с начала XX века. Одним из таких языков, для которых утверждается смешанное происхождение (или в зависимости от исследователя австронезийское или папуасское) является достаточно хорошо документированный язык маисин. Дискуссия об этом языке началась с работы (Strong 1911), который продемонстрировал, что этот язык является редким примером того, когда грамматика происходит из двух разных источников, в данном случае папуасского и австронезийского, но поскольку видел в лексике этого языка большое количество очевидно австронезийских слов, предполагал, что язык относится к меланезийским. В работе (Ray 1911) напротив утверждалось, что поскольку папуасский компонент особенно в грамматике значительно превосходит австронезийский, то язык следует отнести к папуасским.

В (Dutton 1971) основываясь помимо прочего на географическом распределении австронезийских языков на Новой Гвинее и сравнивая случай маисин со случаем магори (другим примером «смешанных» языков) писал, что с его точки зрения, вероятно, прав был В. Стронг, а не С. Рэй. В работе (Capell 1976) демонстрируется смешанный характер языка и приводится большое количество папуасских черт в грамматике, но также сохраняет 20–23 % протоокеанийской лексики. В дальнейшем в работах (Lynch 1977), (Ross 1984), демонстрировался исторически австронезийский характер этого языка. М. Росс (1988) поместил этот язык в ядерную подгруппу языков юго-восточной оконечности Папуа-Новой Гвинее (Papuan Tip), а в работе (Ross 1996) был показан и возможный папуасский язык-донор — кофаре (один из языков бинандере), также был показан возможный сценарий такого взаимодействия. В связи с чем вопрос об австронезийской принадлежности языка был фактически закрыт.

Так, в частности, в (Blust 2000) этот язык приводится в выборке, демонстрирующей то, насколько сильно различается сохранность базисной лексики в малайско-полинезийских языках, варьируя от 58 % для малайского до 5,2 % для языка каулонг. Так, по данным Р. Бласта маисин сохраняет всего 9,3 % (18 из 193 слов списка) базисной лексики, что является крайне низкой величиной. К сожалению, в работе отсутствуют какая бы то ни было демонстрация конкретного языкового материала. В связи с этим работа по сбору и этимологизации базисной лексики (списка Сводеша) представляется весьма осмысленной, поскольку позволит получить данные о том, какой лексики в австронезийской или папуасской больше в языке маисин, что и составляет цель данной статьи.

1. Насколько полна австронезийская реконструкция?

Перед тем, как перейти к этимологизации базисной лексики языка маисин следует сделать несколько замечаний относительно полноты наших знаний об австронезийской и уже малайско-полинезийской реконструкции на данный момент, поскольку качество этимологического анализа напрямую зависит от этого. Следует отметить, что слова языка маисин полностью отсутствуют в сравнительном австронезийском словаре (ACD) (Blust&Trussel in progress), и довольно sporadически появляются в прото-океанийском лексиконе (Rose, Pawley, Osmond 1998),

так в томе животные лишь для 1 слова приведен его рефлекс в маисин. Помимо этого существуют 2 работы посвященные собственно реконструкции подгруппы языков юго-восточной оконечности Папуа-Новой Гвинеи (Ross 1988) и (Schlossberg 2012), однако в обоих случаях лексическая реконструкция не выходит за пределы базисной лексики.

Случай маисин однако не является уникальным для австронезийской реконструкции. Для сравнения ниже приводятся сведения о количестве рефлексов различных австронезийских языков, относящимся к различным группировкам, имеющихся в базе Р. Бласта.

Подгруппа	<1000	<100	<50	<20	<10	<5	Прочее	Медиана
Формозские	0	15 (25%)	2 (3%)	14 (24%)	6 (10%)	4 (7%)	18 (31%)	28
Западно-малайско-полинезийские	23 (6%)	70 (18%)	25 (6%)	64 (16%)	37 (10%)	33 (8%)	161 (41%)	16
Филиппинские	11 (13%)	31 (36%)	5 (6%)	20 (23%)	5 (6%)	3 (3%)	11 (13%)	93,5
Центрально-малайско-полинезийские	0	24 (24%)	13 (13%)	27 (28%)	7 (7%)	6 (6%)	25 (26%)	34
Южно-хальмахерские западно-новогвинейские	0	3 (11%)	1 (4%)	14 (50%)	7 (25%)	2 (7%)	1 (3%)	28,5
Океанийские	0	48 (12%)	31 (8%)	62 (15%)	30 (7%)	41 (10%)	201 (49%)	6

Видно, что для подавляющего большинства представленных языков, особенно для языков океанийской подгруппы, степень имеющейся реконструкции не очень высокая. В связи с чем можно предположить, что часть даже вполне потенциально хорошо реконструируемых корней могла не попасть в эту базу данных, что не может не отразиться на точности этимологизации данных языка маисин.

2. Базисная лексика языка маисин

Ниже приводится список Сводеша для языка маисин, собранный на основе словаря этого языка (Frampton2007). Важно отметить, что в языке маисин принято различать два близких диалекта косирава

и уиаку, имеющийся словарь сделан на основе диалекта уиаку. Носители варианта уиаку живут около побережья, в то время как носители варианта косирава живут дальше от побережья и полностью окружены носителями языка баруга (бинандерские языки). Данные по диалекту косирава приводятся по работе (Capell 1976). Подробные комментарии к списку не приводятся. Реконструкция форм для прото-папуан-тип дается по работе (Schlossberg 2012), хотя следует отметить, что в ряде случаев эта реконструкция, вероятно, нуждается в серьезной доработке. Протоокеанийская реконструкция приводится по работе (Blust 1993). Жирным выделены формы языка маисин, которые могут быть возведены к прото-папуан-тип или прото-океанийской реконструкции (хотя это и сугубо предварительное отнесение) и для более точного нужно существенное улучшение реконструкции. Также в этом случае в поле «комментарии» ставился '+'. В случае если у слова обнаруживалась папуасская параллель, она также выписывалась в данное поле, для поиска папуасской лексики использовалась база transnewguinea.org Д. Гринхилла, которая в той или иной степени охватывает все языки региона.

	ENG	RU	Маисин уиаку	Маисин косирава	PPT	POc	Коммен- тарии
1.	all (omnis)	все (omnis)	seseke	bese	*udolu	—	
2.	ashes	зола	ambu	isáni	*ravu, *kavu	*qapu	+
3.	bark	кора	ando (= <i>'кожа'</i>)	ai yandori	—	—	
4.	belly	живот	tina	tínayi	*boga	*tian	+, гаина tini
5.	big, large	боль- шой	bejji, nombo	djo:ndjayi	*lapa(t)	*lapa	гаина nembo
6.	bird	птица	fii (= <i>'непо'</i>)	fíyi	*manuq	*manuK	
7.	to bite	кусать	karabusi, karafe	—	*(k,q)arati	*kaRat	+
8.	black	черный	gambubi	gambubi	*dubaduba	*ma-qetom	
9.	blood	кровь	taa	ta:ri	*daraq	*nraRaq	+
10.	bone	кость	tukakki	eituri	*turiqa	*suRi	+
11.	breast	грудь	susi	emi:yi	*susu	*susu	+

	ENG	RU	Маисин уиаку	Маисин косирава	PPT	POc	Коммен- тaрии
12.	to burn (trans.)	жечь, сжечь	vekke	karati	*tunu, *gabu, *qarat	*tunu	+
13.	cloud	облако	forogi	go:soyi	*(q,y)aroq	*Rapun taqe ni lajit	гаина poroga, goso
14.	cold	холод- ный	turuki	kórorogi	—	*ma-rinriŋ	
15.	to come	прихо- дить	rai	ra(ɣi)	*laqoma, *mai	*mai, *maRi	+
16.	to die	умирать	mako, mati	—	—	*mate	+
17.	dog	собака	taru	taruyi	*kwauak	?	маилу tari
18.	to drink	пить	kun	umi	*inum	*inum	
19.	dry	сухой	mamasa	—	*mamasa	*ma-Raŋo	+
20.	ear	ухо	kariya	kariayi	*taliŋa	*taliŋa	+
21.	earth	земля	yabu	yabuyi	*tano(q)	*tanaq tanoq	гаина busu
22.	to eat	есть	kan	a:ni	*kani	*kani	+
23.	egg	яйцо	munju	miúndjuri	*qatolur	*qatoluR	гаина munju
24.	eye	глаз	mata	matayi	*mata	*mata	+
25.	fat	жир	gou	jejauwi	*(mo)mona, *diyar	*moñak	
26.	feather	перо	fii (= <i>‘nmuɣa’</i>)	vuvudi	*vulu	*pulu	
27.	fire	огонь	iriri, woo	wo:ri	*qaiu	*api	
28.	fish	рыба	mana	manáyi	*iqan	*ikan	
29.	to fly	лететь, летать	rufi	lulufi	*rovo	*Ropok	+
30.	foot	нога	ke	ke(u)yi	*qaqe	*waqe	+
31.	full	полный	diyen	—	—	—	
32.	to give	давать	mei	meni	—	—	
33.	to go	идти	ro, rau	ri	*laqo	*lako pano	+
34.	good	хоро- ший	goresi, tauban	taubani	*namwa	*ma-pia	бапуга taubana

	ENG	RU	Маисин уиаку	Маисин косирава	PPT	POc	Коммен- тarii
35.	green	зеленый	sibomundi (cp. sibo 'глубо- кий')	—	*karawa	*kesa (?)	
36.	hair	волосы	kesa	sawi	*vulu	*nraun ni qulu	
37.	hand	рука	fake	fakeyi	*lima	*lima	
38.	head	голова	jira	jilayi	*qulu	*qulu	гайна jigo
39.	to hear	слы- шать	ruwa	ruayi	*loŋor	*roŋoR	
40.	heart	сердце	obun	—	—	—	баруга obua
41.	horn	рог	—	—	—	—	
42.	I	я	a	a	*yau	*aku	
43.	to kill	убивать	nawi	—	—	—	
44.	knee	колени	—	—	—	—	
45.	to know	знать	—	—	—	—	
46.	leaf	лист	fara	falayi	*rau	*ndraun	
47.	to lie	лежать	—	—	*qeno	*qenop qinop	
48.	liver	печень	katera	obumi	*qate	*qate	+
49.	long	длин- ный	mosse	ya:fabeyi	*malawa	*anaruq	
50.	louse	вошь	tun	tuma	*qutu	*kutu	маилу tuma
51.	man (male)	муж- чина	tamati	tamatti	*mwaruqane, *tau	*maRuqane	
52.	man (person)	человек	—	tamatti	*tau, *tam(wa,o) ta(u)	*tau taumataq	+
53.	many, a lot of	много	jo	—	—	—	
54.	meat	мясо	viso	—	*visiqo	*pinsiko	+
55.	moon	луна	tambun	yamayi	*vula(n)	*pulan	корафе tambuno
56.	mountain	гора	woyan	woyani	—	—	

	ENG	RU	Маисин уиаку	Маисин косирава	PPT	POc	Коммен- тarii
57.	mouth	рот	kava	kavayi	*ɲudu, *qawa	*papaq qawa	+
58.	nail	ноготь	fake ji	—	—	—	
59.	name	имя	asa	numbwe	*(q)adan	*ɲajan	
60.	neck	шея	iko, ketu (‘задняя часть шеи’)	ketuyi	*gado	*Ruqa liqoR	
61.	new	новый	waun	vauni	*variqu	*paqoRu	
62.	night	ночь	foin	tumba:yi	*boɲi, *ravi	*mpoɲi	+
63.	nose	нос	isu	isuyi	*isu	*isuɲ	+
64.	not	не	isa—ka	sa—ka	—	—	
65.	one	один	sesei	sesei	*tasa, *qai	*isa tasa	
66.	rain	дождь	borun, ombi	—	*qusan	*qusan	корафе borija
67.	red	красный	muu (=ripe)	muri	—	*(me)- meRaɲ	
68.	road	дорога	darei, yeta (‘про- пинка’)	yetáyi	*jalan	*salan	
69.	root	корень	vesukka	(ka) riti	*ramu	*wakaR wakaRa	
70.	round	круглый	vekiviri	—	—	—	
71.	sand	песок	mangu	udumuɲi	*qone	*qone	
72.	to say	сказать	ifi	—	—	—	
73.	to see	видеть	kite	ti	*kita	*kita	+
74.	seed	семя	rare, vaso	—	—	—	
75.	to sit	сидеть	tauke	taka-	—	*nopo	
76.	skin	кожа	ando (= ‘кора’), funaa (= ‘телo’)	—	*kwapu	*kulit	гаина andiso
77.	to sleep	спать	matu	matruri	—	*tiruR turuR	
78.	small, little	малень- кий	raati, ratti	mirirati	*kiki(d)u	*rikiq	

	ENG	RU	Маисин уиаку	Маисин косирава	PPT	POc	Коммен- тарии
79.	smoke	дым	kasu	kasu:γi	*qasu	*qasu	+
80.	to stand	стоять	veise (= <i>‘ходить’</i>)	seri	—	*tuqur	
81.	star	звезда	damana	damaneyi	*vituqun	*pituqon	бапуга damana
82.	stone	камень	kamora, kimati (= <i>‘деньги’</i>)	bengini	*vatu	*patu	орокаива karuma
83.	sun	солнце	ya	fefeladji	—	—	
84.	to swim	плыть, плавать	yewari	yewani	—	*kakaRu (?)	
85.	tail	хвост	foyan	foyani	*giqu	*siku	
86.	that	тот	nen	—	—	*ina	
87.	this	этот	in	—	*ite, *ina	*ni ani	+
88.	tongue	язык	me	me(u)γi	*maya, *mea	*maya	+
89.	tooth	зуб	nuwa	nuwayi	*nivo	*nipon	+
90.	tree	дерево	kaa (= <i>‘лодка’</i>)	ka:γi	—	—	
91.	two	два	sandei	sindei	*rua	*rua	
92.	warm	теплый	fufufi (<i>‘горячий’</i>)	—	—	*ma-panas	
93.	water	вода	tambuta	yumi	*wair, *nanu	*danum waiR	
94.	we	мы	aiti (incl.), an (excl.)	aiti (incl.), anga (excl.)	*qita, *qa(m)i	*kita (incl.), *kami (excl.)	
95.	what	что	avan	avaini	*rava	*sapa	
96.	white	белый	fwee	kasayī	*poti	*purak	
97.	who	кто	ser-	sarayi	*sai	*sai sei	
98.	woman	жен- щина	sauki	sauki	*vavine	*papine	
99.	yellow	желтый	gabo	—	*yaŋo	*aŋo	
100.	you (thou)	ты	e	e	*qo(e)(ni)	*iko	

Согласно данным спискам около 26 слов маисин могут быть возведены к прото-океанийскому или хотя бы на уровень подгруппы. Около 13, возможно, происходят из различных языков группы бинандере (в частности, баруга, орокаива, гаина, однако не ограничиваясь этими языками), а 2 имеют параллели в языках майлу. В случае слова 'живот' возможно предположить 2 возможных сценария, заимствование из какого-либо языка бинандере или же сохранение праокеанийского слова. Остальные слова списка т. е. большая его часть не имеют очевидной этимологии. В отдельных случаях можно пытаться привести параллели из других папуасских языков, так слово *fake* 'рука' напоминает слово нингил *fe:k* с тем же значением, но язык нингил распространен в совершенно другом регионе и, вероятнее всего, это случайное сходство.

3. Заключение

Из приведенных данных видно, что большая часть этимологизируемой лексики в языке маисин происходит из австронезийского источника, однако присутствие бинандере-лексики весьма значительно. Однако количество пока не поддающейся этимологизации лексики также велико.

Литература

Blust R. Central and central-eastern Malayo-Polynesian // *Oceanic Linguistics*, 1993. С. 241–293.

Blust R. Why lexicostatistics doesn't work: the 'universal constant' hypothesis and the Austronesian languages // *Time depth in historical linguistics* 2, 2000. С. 311–331.

Blust R., Trussel S. Austronesian comparative dictionary. <http://www.trussel2.com/acd>.

Capell A. Austronesian and Papuan "Mixed" Languages: General Remarks // *Stephen A. Wurm (ed.), New Guinea Area Languages and Language Study Vol 2: Austronesian Languages*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1976. С. 527–579.

Dutton T. Languages of South-East Papua // *Papers in New Guinea Linguistics* 14, 1–46. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1971. С. 1–46.

Frampton J. Maisin Lexicon. [Manuscript], 2007-. <http://www.sil.org/pacific/png/abstract.asp?id=48966>.

Lynch J. Notes on Maisin — an Austronesian language of the Northern Province of Papua New Guinea? University of Papua New Guinea. Mimeo, 1977.

Ross M. Maisin: A Preliminary Sketch // *Papers in New Guinea Linguistics* 23. Canberra: Pacific Linguistics, 1984. С. 1–82.

Ross M. Proto-Oceanic and the Austronesian languages of western Melanesia. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1988.

Ross M. Contact-Induced Change and the Comparative Method: Cases from Papua New Guinea // *The comparative method reviewed: regularity and irregularity in language change*. New York: Oxford University Press, 1996. С. 180–217.

Ross M., Pawley A., Osmond M. The lexicon of Proto Oceanic, 1998-.

Sidney H. R. Comparative Notes on Maisin and Other Languages of Eastern Papua // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 1911. № 41. С. 397–405.

Schlossberg J. Lexical reconstruction of Papuan Tip (Western Oceanic). MA thesis, 2012.

Strong W. M. The Maisin Language // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1911. № 41. С. 381–396.

Greenhill S. Database of the languages of New Guinea. <http://www.transnewguinea.org>.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ АДЛОГОВ В ГВИНЕЙСКОМ ПУЛАР

Большинство адлогов в гвинейском пулар (фула) являются результатом грамматикализации разных частей речи. В статье рассматриваются адлоги и их источники, а также механизмы их трансформации. Также рассматриваются вопросы, являются ли адлоги отдельной частью речи, какие из них требуют участия вспомогательных элементов, а также насколько завершен в каждом случае процесс грамматикализации.

Ключевые слова: пулар, фула, синтаксис, грамматикализация, адлог.

Гвинейский пулар — это один из идиомов западноатлантического макроязыка пулар-фульфульде (также известного как фула), распространенного на обширной территории Африки южнее Сахары, от Сенегала до (по некоторым данным) Сомали. Несмотря на весьма дисперсную природу ареала пулар-фульфульде, его идиомы являются, в общем, взаимопонимаемыми; различия между ними наблюдаются в основном областях контактного влияния местных языков.

Тема адлогов в пулар подробно не изучена ни в одном из опубликованных источников, поскольку основной интерес исследователей-фуланистов до сих пор был сосредоточен в других областях, таких, как глагольная и именная система, а также лексическая картина языка. Система адлогов в пулар является довольно строгой и ограниченной, однако представляет интерес с точки зрения происхождения адлогов: абсолютное большинство из них (точнее, все, кроме двух) — это в разной степени результаты грамматикализации других частей речи. Это влечет за собой закономерный вопрос поставленный нами в исследовании: достаточна ли степень грамматикализации для того, чтобы считать адлоги отдельной частью речи.

Классические параметры и процессы грамматикализации описаны в (Hopper, Traugott 1993, Bybee 1998, Lehmann 2015), большинство грамматикализованных адлогов в пулар соответствуют приведенным описаниям процессов. Ниже, в таблице, приведен полный список рассмотренных в исследовании¹ адлогов. В него вошло более полутора тысяч контекстных примеров, в неравномерной степени иллюстрирующих большинство адлогов пулар; к сожалению, некоторые адлоги (три) встретились в исследуемых источниках лишь по одному-два раза и не могут быть учтены в достоверной статистике. Также необходимо отметить, что адлоги в фулар-фульфульде имеют исключительно предложную форму.

Таблица. Список единиц, грамматикализованных в адлоги в пулар

Форма	Значение	Буквальное значение
baawo	за	спина < N
binde	рядом с	край < N
dow	над	наверху < Adv
fewndo	возле	на одном уровне < Adv
gila	начиная с	начинать < V
hakkunde	среди	середина < N
hoore	на	голова < N
ittude	начиная с	происходить < V
iwi	из	выходить < V
ley	под	земля < N
nder	внутри	внутри < Adj
rewi	через	пересекать < V
takko	около	возле < Adv
yeeso	перед	лицо < N

Классическая схема грамматикализации локативных предлогов, встречающаяся во многих языках мира, не обошла стороной и пулар. Образование предлогов *yeeso* ‘перед’, *baawo* ‘за’ и *hoore* ‘на’ стало результатом грамматикализации соответствующих существительных в полной форме, с сохранением классного показателя (см. примеры 1–3). Поскольку генитивная группа в пулар строится по беспредложному принципу, исключительно с помощью порядка слов, необходимо отметить, что при исследовании часть речи лексемы проверялась особо, с учетом управления каждого глагола, поскольку некоторые лексемы могут нести трехзначную омонимию — имя, предлог и наречие; такова,

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 17–78–20071.

например, лексема *yeeso* (см. пример а-с). Также необходимо обратить внимание, что в языковых данных, использованных в исследовании, предлог *hoore* встретился лишь в составе предложной группы, сопровождаемый вспомогательными предлогами *e* и *ka* (подробнее о локативных конструкциях с *e* и *ka* в пулар см. (Косогорова 2015)). Они не несут специальной семантики, но указывают, что процесс грамматикализации в данном случае не завершен. Однако есть основания считать *hoore* предлогом наравне с *yeeso* и *baawo*, поскольку данные, не включенные в исследование (устные источники, в противоположность опубликованным), указывают на возможность использования *hoore* и без вспомогательных элементов.

- (1)а. o wall- in- i mo yeeso makko
3Sg лежать- Caus- Act.Pfv.w DO.3SgO Prep IO.3SgO
'Она положила его перед собой'.
- б. o loot i yeeso makko
3SgO мыть- Act-Pfv.w лицо.SgNGO Poss.3SgO
'Она помыла себе лицо'.
- с. o wubb- i yeeso
3.SgO бросаться- Act.Pfv.w вперед
'Он бросился вперед'.
- (2)а. paykun an no ar- a baawo don
ребенок.SgKUN Poss.1Sg Cop* идти- Act.Pot* {*Prog} Prep там
'Мой ребенок идет позади'.
- б. o loot- i baawo makko
3SgO мыть- Act-Pfv.w спина.SgNGO Poss.3SgO
'Он помыл себе спину'.
- (3) а. ndu diw i e hoore Sari
3.SgNDU прыгать- Act.Pfv.w Prep Prep заяц
'Она [гиена] прыгнула на зайца'.

- b. o loot- i hoore makko
 3SgO мыть- Act-Pfv.w голова.SgNDE Poss.3SgO

‘Он помыл себе голову’.

Аналогичным образом образованы предлоги *hakkunde* ‘среди’ и *binde* ‘рядом’, с той разницей (см. примеры 4 и 5), что грамматикализации в их случае подверглись не части тела, а другие существительные. Впрочем, если *binde* имеет свойства, сходные с *ueeso*, то есть, омонимичные формы для полнофункционального существительного, наречия и предлога, различающиеся только с помощью контекста, то ситуация с *hakkunde* имеет ряд отличий: явно заимствованное происхождение существительного обусловило его нестандартное поведение с точки зрения образования классов (наращивание показателей поверх базового), а также отсутствие наречия с деривированным значением. Из этих предлогов *binde* должен находиться в составе предложной группы, а *hakkunde* — нет, хотя отметим, что количество контекстов с предлогом *binde* весьма ограничено, и то может свидетельствовать как о непопулярности предлога в целом (язык имеет ряд возможностей заменить его другим предлогом), так и, ввиду недостаточности данных, о невозможности уверенно постулировать обязательность предложной группы для него.

- (4) dimmal ngal ko «stop» ka binde ðate
 второй.SgNGAL Def.SgNGAL Cop “stop” Prep Prep дорога.PIDE
 cele
 поворот.PIDE

‘Второй знак «стоп» поставлен рядом с перекрестком’.

- (5) sub- u hakkunde biɓbe maa tato
 выбирать- Imp.Sg Prep дети.PIDE Poss.2Sg три.Pers
 ‘Выбирай между своими тремя детьми’.

Отдельно следует отметить предлог *ley* ‘под’, также образованный от существительного, но в процессе грамматикализации физически утративший свой классный показатель. Таким образом, этот адлог соответствует всем четырем параметрам грамматикализации, указанным в (Heine 2011: 697), включая эрозию, нехарактерную для адлогов пулар.

Про *ley* также можно с уверенностью сказать, что он всегда требует вспомогательного элемента *e* либо *ka*.

- (6) o inn- i jooni non won- ee ka ley
 3.SgO говорить- Act.Pfv.w теперь вот быть- Imp.Pl Prep Prep
 danki
 кровать.SgKI
 ‘Он сказал: «Теперь будьте под кроватью»’.

Следующий класс предлогов — это грамматикализованные наречия. Наречия сами по себе являются довольно узким подмножеством лексем в пулар, и наличие значимого, по меркам этого подмножества, количества случаев грамматикализации весьма показательно. К таким предлогам относятся *dow* ‘над’, *fewndo* ‘во время’ и *takko* ‘около’.

- (7) Saara no jood- ii dow ton
 Саара Cop* сидеть- Act.Pfv*{*St} Prep там
 ‘Саара сел на это’.
- (8) hino dar- ii fewndo dambugal
 3Sg.Cop* стоять- Md.Pfv*{*St} Prep вход.SgNGAL
 hoggo
 хижина.SgNGO
 ‘Он остановился возле входа в дом’.
- (9) nde jood- ii takko nyaam- oo- be ben
 3Sg.NDE сидеть- Md.Pfv.w Prep есть- Act.Pot- PlBE Def.PlBE
 ‘Он сел рядом с евшими’.

Отдельно от наречных предлогов стоит предлог *nder* ‘внутри’. Он единственный представляет собой грамматикализованный адъектив, причем, как и в случае с *ley*, утративший циркумфиксный показатель класса (аффиксальная часть физически утрачена, а анлаут застыл в смычно-преназализованной ступени).

Если углубляться в диахронические процессы, стоящие за предлогами, образованными от наречий и прилагательных, то можно отметить,

что все эти лексемы являются, фактически, второй производной от имен существительных, застывших в определенной форме. Так, про *nder* можно сказать, что он с большой долей очевидности был образован от имени *reedu* ‘живот’, с использованием ныне утратившего продуктивность чередования анлаутов *r-/d-/nd-* и, по-видимому, далее подвергся фонетическому расподоблению.

- (10) moodi mun won- i ka nder poorewal
 муж.SgO Poss быть- Act.Pfv.w Prep Prep сумка.SgNGAL
 ‘Ее муж был в мешке’.

И наконец, часть предлогов в пулар оказалась грамматикализированными предикатами, что встречается в языках мира, но не является повсеместным. К таким предлогам относятся *iwi* ‘из’ < *iwude* ‘выходить’, *rewi* ‘через’ < *rewude* ‘пересекать’, *gila* ‘начиная с’ < *gilude* ‘начинать’ и *ittude* также ‘начиная с’ < *ittude* ‘убирать’. Все эти предлоги внешне представляют собой застывшие глагольные формы, причем разные. В случае с *iwi* и *rewi* это финитная форма слабого перфектива, *gila* является финитной формой слабого потенциалиса (имперфектива), а *ittude* — инфинитивом. Отметим, что все эти предлоги встречаются в пулар довольно редко; это, а также отсутствие определенной формы предиката, подвергающейся грамматикализации, указывает на возможную незавершенность этого процесса. Более того, в определенных контекстах (см. пример 11 b-c) формы *iwi* и *rewi* могут быть проанализированы двояко, хотя интерпретация *iwi* как предлога скорее требовала бы причастной формы.

- (11)a. ko teren iwi Konaakiri
 Praed поезд.SgO Prep Конакри
 ‘Это поезд из Конакри’.

- b. Mohammodu yëtt- i ndiyan iwi suudu
 Мохаммад брать- Act.Pfv.w вода.SgDAN Prep дом.SgNDU
 ‘Мохаммад взял воду из дома’.

- c. Mohammodu yëtt- i ndiyan iw- i
 Мохаммад брать- Act.Pfv.w вода.SgDAN выходить- Act.Pfv.w

suudu

дом.SgNDU

‘Мохаммад взял воду и вышел из дома’.

(12)

ngol laawol naʔ- i mo
Dem.SgNGOL путь.SgNGOL уводить- Act.Pfv.w DO.3.SgO
rewi buruure
Prep лес.SgNDE

‘Та дорога провела его через лес’.

(13)

ko gila nden nyannde hay-gooto
Foc Prep Dem.SgNDE день.SgNDE никто
wi`-            ataa            yi`- ii jinnaaru
говорить- Act.Pot.Neg видеть- Act.Pfv.s джинн.SgNDU

‘С того дня никто не скажет, что видел джинна’.

(14)

hino goll- a dɔn ittude septamburu
3Sg.Сор* работать- Act.Pot*{*Prog} тут Prep сентябрь

‘Он работает тут с сентября’.

Рассмотрев, таким образом, все адлоги пулар, являющиеся результатом грамматикализации, мы можем предложить решение задачи, обозначенной в начале статьи, касающейся определения предлога в пулар. Дело в том, что ни один рассмотренный нами контекст грамматикализованных единиц в функции адлога не допускает трактовки этого элемента как другой части речи, поскольку это противоречит синтаксису языка. И напротив, необходимость предлога во всех контекстах обусловлена управлением предиката. Оба этих фактора указывают на то, что грамматикализованные единицы в данных контекстах являются именно адлогами и не могут считаться другими частями речи даже с учетом внешнего и (частично) функционального сходства.

Список сокращений:

1 — 1 лицо;

3 — 3 лицо;

Act — активный залог;

Caus — каузатив;
Cop — копула;
Def — определенный артикль;
Dem — демонстратив;
DO — прямообъектное местоимение;
Imp — императив;
IO — непрямообъектное местоимение;
Md — медиальный залог;
Neg — отрицание;
O — лично-сингулярный именной класс;
KI DAN KUN NDE NDU NGAL NGOL NGO — нелично-сингулярный именной класс;
BE DE — плюральные именные классы;
Pers — личное числительное;
Pfv — перфектив;
Pl — множественное число;
Poss — посессивное местоимение;
Pot — потенциалис;
Prep — предлог;
Prog — прогрессив;
s — сильный подвид;
St — статив;
Sg — единственное число;
w — слабый подвид.

Литература

- Bybee J. L.* A Functionalist Approach to Grammar and Its Evolution. Evolution of Communication, Vol. 2, Iss. 2, John Benjamins, 1998. С. 249–278.
- Heine B.* Grammaticalization in African languages // The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Lehmann C.* Thoughts on grammaticalization. 3rd edition. (Classics in Linguistics 1). Berlin: Language Science Press, 2015.
- Paul J. Hopper, Elizabeth Closs Traugott.* Grammaticalization. New York: Cambridge University Press, 2015.
- Косогорова М. А.* Предложные локативные конструкции в пулар: распределение оборотов с *e* и *ka* // Культурно-языковые процессы в Африке. М.: Ключ-С, 2015. С. 87–100.

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БАЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В балийском языке есть две формы переходного глагола — с назальным префиксом и с нулевым префиксом. Первая является активной формой переходного глагола, вторая — эргативной или пассивной в зависимости от Агенса. Также в балийском языке имеется форма глагола с префиксом ka-. Эта форма является пассивной. В статье рассматривается вопрос о канонических формах пассива в балийском языке и конструкциях, которые не соответствуют некоторым критериям канонического пассива.

Ключевые слова: балийский язык, активная конструкция, пассивная конструкция, эргативная конструкция, канонический пассив.

1. В балийском языке имеются две регулярные формы переходного глагола — с нулевым префиксом (Ø-глагол) и с назальным префиксом (N-глагол). Эти две формы различаются, в первую очередь, синтаксической функцией и референцией их актантов — Агенса и Пациенса. Пациенс при Ø-глаголе выполняет функцию подлежащего и в большинстве случаев имеет определенную референцию, а при N-глаголе — функцию дополнения и чаще имеет неопределенную референцию.

2. В балийском языке есть две формы глагола, соответствующие пассивной диатезе (Подлежащее=Пациенс, Дополнение=Агенс). Это указанная выше форма Ø-глагола и форма глагола с префиксом ka- (ka-глагол).

3. Считается, что форма ka-глагола была заимствована из яванского языка и раньше использовалась только в высоком стиле балийского языка¹. В настоящее время эта форма используется также в низком стиле балийского языка.

¹Балийский язык относится к языкам с уровневой дифференциацией. В нем выделяют три стиля — высокий, средний и низкий. Средний стиль представляет собой, в основном, сочетание характеристик высокого и низкого стилей. При повседневном общении используются средний и низкий стили, а в литературе в одном произведении могут быть использованы все стили.

Балийский язык относится к языкам с преимущественно фиксированным порядком слов. Однако относительное положение подлежащего и сказуемого в конструкции с *ка-глаголом* (так же как и в конструкциях с другими формами глагола) не фиксировано. Базовый порядок в конструкции с *ка-глаголом*: *Пациенс — Глагол — Агенс*.

В зависимости от стиля языка при *ка-глаголе* используются разные Агенсы. В низком стиле используется Агенс 3 лица (предложная группа), который является факультативным (1), (2). В высоком стиле балийского языка используется Агенс 1 или 2 лица (местоимение или прономинатив), который является обязательным (3).

- (1) Ka-piragi krentengan suara-n gelas lan botol mapalu.
PAS-слышать звон звук-Lig стакан и бутылка ударяться
'Послышался звон прикосновения бокала к бутылке'.
- (2) Cicing-e ka-matiang taken I Karta.
собака-DEF PAS-убивать Prep Art Карта
'Собака была убита Картой.'
- (3) Jinah-e puniki ka-tunas titiang.
Деньги-DEF этот PAS-дать я
'Деньги эти я дал.'

4. Конструкция с *Ø-глаголом* также соответствует пассивной диатезе. Однако ряд лингвистов рассматривают эту форму не как пассивную, а как эргативную (Artawa Ketut 2010; Pastika Wayan 1999).

Базовый порядок в конструкции с *Ø-глаголом*: *Пациенс — Глагол — Агенс*. Группа (*Глагол — Агенс*) неделима.

Так же как и в конструкции с *ка-глаголом*, в конструкции с *Ø-глаголом* выбор Агенса зависит от стиля языка. В низком стиле языка используется Агенс, относящийся к 1 или 2 лицу (местоимение или прономинатив) (4), (5). В высоком стиле языка используется Агенс 3 лица (местоимение или именная группа), хотя иногда он употребляется и в других стилях языка (6). Использование Агенса в этих конструкциях обязательно.

- (4) Plalianan ane paling tresnain iang ento madan Uncle Tom.
игрушка REL самый Ø-любить я тот называться дядя Том
'Игрушка, которая мне больше всего нравится, это дядюшка Том'.
- (5) ...taen Marno nglah plalianan ane tresnain Marno?
уже Марно иметь игрушка REL Ø-любить Марно
'...у тебя была когда-нибудь любимая игрушка (досл. игрушка, которую ты (Марно) любил)?'
- (6) Marno tumuli nlektekang(N-tlektekang) piyama sane bakta
Марно потом АСТ-смотреть.пристально пижама REL Ø-нести
ipun punika.
он этот
'Марно посмотрел пристально на пижаму, которую она держала в руках'.

5. В балийском языке есть клитика личного местоимения 3 лица, которая может иметь только одну роль — роль Агенса при Ø-глаголе — =*a*. В этой конструкции она выполняет функцию дополнения (7).

- (7) Cicing-e matiang=*a*.
Собака-DEF Ø-убивать=3.Ag
'Собака убита им.'

В той же конструкции Агенса 3 лица с определенной референцией может быть представлен в виде предложной группы (8). В данной конструкции морфема -*a* может рассматриваться в качестве показателя пассива глагола.

- (8) Nasi-ne ajeng-a taken anak-e ento.
Рис-DEF Ø-кушать-PAS Prep человек-DEF этот
'Рис ест этот человек.'

6. Каноническая пассивная конструкция должна отвечать следующим критериям: 1) противопоставляется активной конструкции; 2) подлежащее пассивной конструкции соответствует прямому дополнению активной конструкции; 3) подлежащее активной конструкции соответствует необязательному дополнению пассивной конструкции

или отсутствует; 4) морфологически маркирована в глаголе; 5) употребляется более ограничено, чем активная (Siewierska 2005).

6.1. Обе рассматриваемые формы глагола отвечают первым двум критериям, а также первой части третьего — соответствие подлежащего активной конструкции дополнению пассивной конструкции. Для дальнейшего сравнения приводится таблица с правилами использования Агенса при рассматриваемых формах глагола.

Таблица. Использование Агенса при Ø-глаголе и при ka-глаголе.

	Ø-глагол		ka-глагол
	Без морфемы -а	С морфемой -а	
Факультативный Агенси (предложное дополнение)		3 лицо	3 лицо
Обязательный Агенси (беспредложное дополнение)	1, 2 лицо 3 лицо (редко)		1, 2 лицо (высокий стиль)
	3 лицо (высокий стиль)		

6.2. Сравнение конструкций с Ø-глаголом и с ka-глаголом показывает, что основное различие касается использования Агенса. Факультативным Агенси (только 3 лица) является в конструкции с ka-глаголом (он ясен из контекста или является обобщенным/неопределенным). В конструкции с Ø-глаголом Агенси используется всегда — личное местоимение, клитика личного местоимения 3 лица =а или предложная группа.

Таким образом, критерий необязательности Агенса положительно реализуется при ka-глаголе. Ø-глагол отступает от этого правила.

6.3. Морфологическая маркированность характерна, в первую очередь, для ka-глагола. Для Ø-глагола показателем пассива можно считать суффикс -а (только при наличии предложного дополнения).

6.4. Исходя из текстов можно сказать, что чаще используется активный глагол (N-глагол). Обе рассматриваемые формы глагола используются реже. Однако, по мнению ряда исследователей балийского языка (Artawa Ketut 2010), которые нулевую форму глагола определяют как эргативную, эта форма используется так же часто, как и активная. Стоит, однако, сказать, что Ø-глагол с суффиксом -а и с предложным

дополнением-Агенсом используется все же намного реже, чем без дополнения-Агенса.

7. Из сказанного выше можно сделать вывод, что в канонической пассивной конструкции балийского языка используется *ка-глагол*, о чем говорилось не раз многими исследователями балийского языка (Artawa Ketut 2010). Конструкция с *Ø-глаголом* и суффиксом *-а* также отвечает требованиям пассивной конструкции при условии употребления в ней предложного дополнения-Агенса., а при его отсутствии сама морфема *-а* используется в качестве Агенса 3 лица. Следовательно, эта конструкция не является канонической пассивной.

Критерий факультативности не реализуется ни с одной из рассматриваемых форм глагола при наличии Агенса 1 или 2 лица. Таким образом, как *ка-глагол*, так и *Ø-глагол* здесь отступают от канонических норм.

Если расположить все рассмотренные случаи употребления двух форм глагола по шкале соответствия канонам пассивности, то это будет выглядеть следующим образом:

1) *ка-глагол* с факультативным Агенсом (соответствует всем критериям);

2) *Ø-глагол* с морфемой *-а* (не соответствует критерию факультативности Агенса);

ка-глагол с обязательным Агенсом (не соответствует критерию факультативности Агенса);

3) *Ø-глагол* без морфемы *-а* (не соответствует критериям факультативности Агенса и маркированности).

Список сокращений

Ø — нулевой префикс переходного глагола

3.Ag — клитика личного местоимения 3 лица Агенса

ACT — показатель актива переходного глагола

Art — артикль

DEF — суффикс определенности

Lig — лигатура

N — назальный префикс переходного глагола

PAS — показатель пассива

Prep — предлог

REL — относительное служебное слово

Литература

Artawa Ketut Grammatical relations and voice system in Balinese // Proceedings of the Workshop on Indonesian-type Voice System. TUFS, 2010. С. 83–90.

Pastika Wayan Voice selection in Balinese narrative discourse. Canberra: Australian National University, 1999.

Siewierska A. Passive constructions // Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.) World Atlas of Language Structure. Oxford, 2005. С. 434–437.

ВЕЖЛИВОСТЬ ЖЕНСКОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В современном японском языке вследствие изменений в обществе происходят изменения в категории вежливости и в стереотипном образе «вежливой японской женщины». Средний уровень вежливости речи японок понижается, а их речь уже не рассматривается как единая подсистема с общими особенностями в рамках японского языка. Изменения в степени знания, владения и использования форм и конструкций вежливости происходят во всех возрастных группах, но с разной скоростью и в разном объеме. Тем не менее, можно говорить о усиливающейся тенденции «усреднения» речи мужчин и женщин в японском языке.

Ключевые слова: категория вежливости, «преимущество», женская речь, тью:сэйка

Японский язык отличается большим количеством и разнообразием способов и средств выражения вежливости. В научной литературе принято использовать термин «вежливая речь» (яп. *кэйго*, англ. *honorific language*), но более правильным был бы термин «категория вежливости», поскольку под вежливостью в данном контексте подразумевается не только отношение и выражение почтительности и уважения к собеседнику, либо объекту/теме беседы, но все уровни отношений, возникающие между участниками речевого акта, основывающиеся на отношении высший-низший, и требующие особого оформления языковыми средствами, образующие сложную систему. В случае с японским языком говорим о существовании особой лексико-грамматической категории вежливости, поскольку в устной речи почти невозможно оформить высказывание без указания на общественные отношения между собеседниками, либо отношение автора речи к объекту/теме. Общественные отношения понимаются в самом широком смысле, и включают в себя как личностные, так и иерархические отношения. Для выражения тех или иных общественных отношений

используются особые грамматические и лексические конструкции, формы, соответствующие определенным уровням вежливости. Таким образом можно говорить о двух видах вежливости: собственно лингвистической или языковой, и общественной вежливости или этикете. Языковая вежливость понимается как уровень вежливости присущий конкретной грамматической конструкции или форме, или лексической единице. Этикет — это требования, существующие в данном обществе и соответствующие его нормам, касающиеся использования форм или слов определенного уровня вежливости, подходящих для конкретной ситуации, и знание и умение использования таких слов и форм.

Существуют две плоскости лингвистической вежливости: выражающая отношение говорящего к собеседнику (категория адрессива), и выражающая отношение говорящего к лицу, о котором идет речь, т. е. объекту/теме разговора (категория гоноратива) (Алпатов 1973: 13). В категории адрессива существует противопоставление адрессивных и неадрессивных форм. Категория гоноратива трехуровневая. Она содержит гоноративные («почтительные») и депрециативные («скромные») формы, а также нейтральные формы, т. е. формы не выражающие значение почтительности либо скромности. Например, *итадаку* — *табэру* — *мэси агару* (глагол «есть», соответственно скромно о себе, нейтрально (когда не требуется выражения скромности либо почтительности), почтительно о действиях второго или третьего лица, соответствует русс. «кушать», «отведать»). Плоскости лингвистической вежливости пересекаются в тех случаях, когда собеседник и объект/тема речи совпадают. Языковая вежливость может выражаться как формальными средствами, т. е. грамматическими и лексическими формами, принадлежащих *кэйго*, так и неформальными средствами, когда фразы, не содержащие подчеркнуто вежливых форм, воспринимаются как вежливые в данном контексте.

Какие формы лингвистической вежливости будут использованы в конкретной ситуации зависит от субъективной оценки говорящего и его знания этикета и языковой вежливости. Факторы влияющие на принятие решения о использовании той или иной формы и уровня вежливости можно поделить на три группы: 1) характеристики говорящего и собеседника (социальный статус, возраст, пол, степень близости и знакомства); 2) характеристики ситуации (степень формальности, обстановка, тема); 3) эмоционально-психологическая составляющая (ощущение близости, принадлежности к группе, вражды, солидарности, желание осуществить

сотрудничество и т. д.). Вышеприведенные факторы действуют одновременно, и участники речевого акта разделяются на «низших» и «высших», в зависимости от того, кто обладает «преимуществом» (англ. «power»). Обладание «преимуществом» относительное, оно заново перераспределяется в каждой конкретной ситуации. Участники речевого акта определяют, у кого «преимущество» в разговоре, и ведут себя в соответствии со своей ролью. Это определяет, прежде всего, использование форм, конструкций и слов соответствующего уровня вежливости при обращении к собеседнику (Brown, Levinson 1987: 74–84). Пол является лишь одним из факторов, определяющих кому из участников речевого акта принадлежит «преимущество». В японском обществе женщина традиционно рассматривалась как стоящая на более низкой ступени общественной иерархической лестницы, чем мужчины. Таким образом, предполагается, что при прочих равных условиях, «преимущество» в беседе будет принадлежать мужчине. Женщина как «нижестоящая» в разговоре, вынуждена использовать формы повышенного уровня вежливости. Фактор пола увязывается с фактором социального статуса и многовековой традицией, что приводит к созданию стереотипа «вежливой японской женщины». Данный стереотип работает и в другом направлении. В обществе от женщины ожидается более высокий уровень вежливости речи. Под этим понимается, что женщины должны использовать конструкции и слова более высокого уровня вежливости в общении с более широким кругом собеседников, чем мужчины (Гэндай но кэйго исики ни кан суру анкэ:то тё:са, 1965).

Примеры из литературных источников предыдущих эпох и данные исследований и опросов, проведенных во второй половине XX в. подтверждают гипотезу о более высоком уровне женской речи в целом. Но при этом на первый план выдвигается именно фактор пола, а другие факторы оказываются в тени. Иными словами, исследователи целенаправленно выделяли фактор пола, а потом искали примеры, подтверждающие гипотезу. При этом женская речь чаще всего воспринималась как гомогенная подсистема в рамках японского языка, внутри которой действуют общепринятые закономерности и тенденции. На различия в разных возрастных группах, индивидуальные различия в речи женщин стали обращать больше внимания с середины 80-х гг. XX в. В это время был принят Закон о равных возможностях при трудоустройстве, который должен был устранить гендерное неравенство при

приеме на работу и увеличить число работающих женщин в Японии. Это позволило некоторому, хоть и небольшому, числу женщин в последующие десятилетия не только продолжать трудовую деятельность после замужества и рождения ребенка, но занять и руководящие должности в компаниях. Подобным образом социальный статус этой группы женщин тоже повысился, что привело к большему расслоению внутри той, на первый взгляд, гомогенной группы, которая в языковых и социологических исследованиях обозначалась как «женщины». Речь уже шла о разных возрастных и социальных категориях и группах. Уже не исследуется «женская речь» в целом, а «речь учениц средней и старшей школы», «речь студенток», «речь молодых служащих», «речь женщин — начальниц», «речь домохозяек» и т. д. Степень вежливости в среднем, а также некоторые языковые формы выражения вежливости во всех этих группах сильно разнятся. Именно из-за общественных изменений стало понятно, что фактор пола играет не настолько важную роль в определении особенностей речи, сколько факторы возраста и статуса. И у мужчин, и у женщин на выбор степени вежливости влияют одинаковые механизмы. И мужчины, и женщины определяют тип поведения (в том числе и речевого) как «вежливый» или «невежливый», исходя из «преимущества» своего или собеседника в конкретной ситуации, основываясь на своих знаниях принятых общественных норм и правил этикета. Таким образом «речь студенток» оказывается ближе к речи их коллег-студентов, чем к «речи работающих женщин» или «пожилых женщин». Одновременно наблюдается и понижение уровня знания этикета и знания самих форм выражения вежливости среди молодого поколения. Об этом свидетельствует и большое количество самоучителей, созданных с целью обучения молодых японцев всему разнообразию категории вежливости. Данная литература нацелена на молодых японцев вообще без различия пола, и правила и формы, которые там приводятся презентуются как универсальные для всех.

Процесс «усреднения» языка (яп. *тю:сэйка*), о котором ученые начали говорить еще в 80-е гг. XX в. несомненно происходит (например, Т. Огино, С. Идэ, М. Усами и др.). Лексические единицы и грамматические конструкции, которые раньше считались принадлежащими исключительно мужской или женской речи, начинают использоваться и представителями противоположного пола. Средний уровень вежливости женской речи понижается по сравнению с предыдущими периодами, но

это происходит не равномерно во всех группах. Данное явление наиболее заметно в речи учениц и студенток, и наименее заметно в речи пожилых женщин. Женщины на руководящих постах оказавшись в ситуации обладания «преимуществом» в общении с подчиненными используют формы более низкого уровня вежливости (например, неадрессивные формы), чем традиционно в обществе ожидается от женщин. Их число пока не большое (всего около 9 % от всех высших должностей в компаниях занимают женщины), но они как личности, привлекающие внимание становятся «законодателями моды». Таким образом, давление на стереотипы оказывается как со стороны молодого поколения, так и женщин средних лет. Повышенный уровень вежливости в женской речи в современном японском языке постепенно превращается из ожидаемого и обязательного атрибута женской речи в особенность индивидуального стиля. Вежливые формы используются в качестве украшения собственной речи, для ее облагораживания и подчеркивания женственности, а не в качестве средства выражения подчиненного положения. Также вежливую речь можно использовать как часть языковой стратегии, для достижения определенных целей или чтобы произвести определенное впечатление на собеседника. Можно предположить, что изменения в актуальной языковой ситуации приведут постепенно и к изменениям в ожидаемом в обществе образе японской женщины.

Литература

Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М.: Наука, 1973.

Brown P., Levinson S. Politeness. Some Universals in language usage. Great Britain: Cambridge University Press, 1996.

Гэндай но кэйго исики ни кан сурү анкэ:то тё:са (Опрос общественного мнения по вопросам современного восприятия вежливой речи), Япония: Кокурицу кокуго кэнкю:дзё, 1965.

Itakura H. Conversational Dominance and Gender. Japan: Kanda University of Foreign Languages in Chiba, 2001.

Ide S. u op., Sex difference and politeness // International Journal of the Sociology of Language. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. С. 25–37.

Мията Ф. Нихонго богояси ни ёру мэйси но кэйгока — дансэй, дзёсэй но хикаку кара (Как делают вежливыми имена существительные носители японского языка с точки зрения разницы между мужчинами и женщинами) // Нихонго кэнкю: 26. Токио: Нихонго кэнкю:кай, 2006. С. 29–45.

Круглов В. В.

МГИМО, Москва

ОТЕЦ ЗВУКО-БУКВЕННОГО СТАНДАРТА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЖОУ ЮГУАН И ЕГО ВКЛАД В ПРОЦЕСС ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЦИУМА

В статье рассматривается вклад китайского лингвиста Чжоу Югуана в процесс лингвистической консолидации китайского общества. В 1958 году в КНР была законодательно утверждена фонемная буквенная письменность, создателем которой является Чжоу Югуан. Впоследствии звуко-буквенный стандарт китайского языка стал неотъемлемой частью социальной жизни Китая. Более того, этот алфавит имеет огромное научно-техническое значение, что в том числе способствовало наращиванию экономической мощи Китая. Автор поднимает проблему исторического развития алфавитов китайского языка, созданных как зарубежными, так и китайскими лингвистами.

Ключевые слова: китайский язык, звуко-буквенный стандарт, Чжоу Югуан, фонема.

Китайская идеографическая письменность насчитывает многовековую историю, которая начинается с гадательных надписей на панцирях черепах и лопатках крупного рогатого скота и продолжается по сей день. Безусловно, иероглиф является неотъемлемым элементом китайской культуры, философии и мышления китайского народа. Однако в настоящее время наравне с идеографической письменностью в Китае появилась инновационная система письма, а именно звуко-буквенный стандарт¹ (Алексахин 2010). Так, в 1958 году благодаря введению звуко-буквенного стандарта китайского языка путунхуа «великий немой» китайский иероглиф заговорил звуками пекинской речи. Автором этого

¹ Термин был введен профессором МГИМО МИД России, доктором филол. наук Алексеем Николаевичем Алексахиним

проекта, справедливо называемого самими китайцами «отцом звуко-буквенного стандарта», является выдающийся китайский лингвист Чжоу Югуан (1906–2017 гг.).

Стоит отметить, что подобных проектов создания алфавита китайского языка было несколько, начиная с 1605 года. Первая идея латинизации китайской идеографической письменности принадлежит итальянскому миссионеру Маттео Риччи (1552–1610 гг.), который составил первые в мире европейско-китайские и китайско-европейские словари. В этих словарях он разработал систему латинской транскрипции китайских слов и с помощью музыкального слуха своего соратника Лаццаро Каттанео создал систему диакритических знаков, обозначающих тоны китайских слогов. Следующая попытка была в 1625 году, когда французский иезуит Николас Триго в своей работе «Пособие для глаз и ушей западных литераторов» также использовал латинскую письменность для записи китайских иероглифов. Однако все попытки иностранцев создать латинский стандарт слова китайского языка не увенчались большим успехом. По мнению Чжоу Югуана, это были лишь проекты упрощения изучения китайского языка для иностранцев, и никакой дальнейшей пользы для развития китайского языка в целом не принесли (《汉语拼音方案》颁布60年 2018).

Успешные попытки создания звуко-буквенного стандарта китайского языка начинаются с середины XIX века. В 1867 году англичанин Томас Фрэнсис Уэйд (1818–1895 гг.) создает систему романизации китайского языка, известную как транскрипционная система Уэйда — Джайлза, используемую и по сей день на Тайване. В его работе «Курс разговорного китайского языка» впервые предлагается использовать такие буквы, как *i*, *u*, *ü*, которые сохранились и в нынешнем звуко-буквенном стандарте. Однако в системе Уэйда — Джайлза, в отличие от общепринятого стандарта Чжоу Югуана, используются *k k' p p' t t'* вместо *g k b p d t*. Основной целью создания транскрипционных систем было не преодоление «Великой китайской иероглифической стены», а распространение религиозных идей, миссионерская деятельность, поэтому эти идеи не получили большой поддержки китайской интеллектуальной элиты.

Проекты создания звуко-буквенного стандарта китайцами для китайцев начинаются накануне и в ходе «Движения 4 мая» (1919 год). Одним из передовых направлений этого движения было реформирование

национального языка, создавались специальные комиссии, отвечающие за разные аспекты. В работу орфоэпической комиссии входили разработка и создание орфоэпической нормы государственного языка. Так называемое правильное чтение фонетических словарей по фаньце (反切) не обеспечивало единообразного чтения иероглифов во всех диалектах. В 1913 году Министерством просвещения Китайской республики была созвана конференция для разработки единого произношения иероглифов, на которой обсуждалась фонетика современных китайских диалектов и отбирались их наиболее общие черты, которые должны были составить орфоэпическую норму государственного языка. В 90-х годах XIX века появились первые проекты алфавитного китайского письма, преследовавшие практические цели. Многие китайские языковеды, такие, как Лу Ханьчжан, Ван Чжао, Лао Найсюань, Чжан Биньлин выступали с проектами реформы китайского письма. Например, Ван Чжао в 1900 г. составил фонетический алфавит, состоящий из 62 букв и отражающий пекинское произношение. Проект реформы письма, подготовленный Лао Найсюанем в 1907 году, предусматривал создание алфавитов не только для пекинского диалекта, но и для трех других основных диалектов. Он разработал алфавит из 81 буквы для языка у (吴), из 103 букв для языка минь (闽) и из 71 буквы для языка Нанкина. Практическим результатом обсуждения Конференции для выработки единого произношения иероглифов в 1913 году, стал китайский фонетический алфавит чжуинь цзыму (注音字母) и список примерно из 7000 иероглифов, чтения которых были приняты и утверждены Конференцией. В апреле 1919 года Министерство просвещения также учредило Подготовительный комитет объединения национального языка. В рамках работы комитета в сентябре 1919 года Конференция по унификации чтений официально издала «Словарь национального произношения» («国音词典»), в котором чтение каждого иероглифа было описано с помощью знаков нового алфавита чжуинь цзыму. «Национальное произношение» представляло собой компромисс между северными и южными диалектами, поэтому получилось так, что оно не соответствовало ни одному из живых диалектов китайского языка. Для того чтобы школьные учителя могли услышать этот новый национальный язык, выпустили специальные граммофонные пластинки с упражнениями, разработанные и записанные Чжао Юаньжэнем. Однако непрактичность и несоответствие духу времени утвержденных

чтений иероглифов, которые носили название национального языка, были очевидны. Национальный язык должен был означать не только унифицированные чтения иероглифов, но также и реальное произношение живого китайского языка. Как реакция на это стало принятие языка Пекина в качестве национального стандарта, что и было принято в резолюции на VI съезде Всекитайского союза общества просвещения в Шанхае в 1920 году. Первая китайская алфавитная письменность на латинской графике, разработанная в начале 1920-х годов была утверждена министерством просвещения Китая в 1926 году и носила название «романизированного алфавита» (罗马字). Борьба за пекинский стандарт завершилась тем, что в 1932 году Министерство просвещения Гоминьдановского правительства официально опубликовало «Словарь наиболее употребительных иероглифов в стандартном национальном произношении», который отличался от «Словаря национального произношения» тем, что вместо искусственных чтений в нем содержались современные пекинские чтения иероглифов, однако эта система имела много недостатков с точки зрения особенностей фонологической системы языка Пекина.

Природной материей самостоятельно развивающегося языка человека является не что иное, как звуки речи, отражающие объективно существующую историческую систему фонем как элементарных структурных элементов фонетической системы конкретного языка. Важным считаем, что «буквенная кодификация фонем реализуется в алфавите данного языка» (Алексахин 2011: 247). И именно такой звуко-буквенный стандарт был создан на базе объективно существующей фонологической системы языка Пекина и принят на законодательном уровне в 1958 году как составная часть «Проекта транскрипции ханьского языка».

В алфавите китайского языка путунхуа, разработанного Чжоу Югуаном, для записи фонем используются 25 латинских букв и пять диакритиков, используемых для обозначения акустического коррелята соответствующего уклада голосовых связок. В китайском языке эти пять дифференцированных укладов голосовых связок «используются для серийного и коррелятивного размножения гласных фонем китайского языка» (Алексахин 2016: 37). Коррелятивное увеличение гласных значит, что любой дифференцированный уклад голосовых связок может сочетаться с каждым укладом надгортанного резонатора, артикули-

рующего различные тембры гласных, а именно широкорастворные, среднерастворные и узкорастворные. Проведя спектральный анализ гласных одноименной тоновой серии, обнаруживается, что эти гласные отличаются по своему тембру и для записи серии гласных фонем требуется пять разных букв, что получилось избежать Чжоу Югуану. Его уникальная концепция интеграции двух элементов, подобно инь и ян, — одинакового корпуса и знака акустического коррелята, позволила создать идеальную звуко-буквенную систему современного китайского языка.

Более того, основным типологическим признаком фонологической системы китайского языка путунхуа, учтенной Чжоу Югуаном, является вокальная доминанта, другими словами, количественное преобладание гласных над согласными и как следствие широкое использование наряду с сильными связочно-дифференцированными гласными слабых гласных для образования и различения слов. Новаторским проектом исчисления фонем в языках человека стала формула, разработанная российским профессором А. Н. Алексахиним. Так, в соответствии с его концепцией формула исчисления фонем китайского языка путунхуа (Алексахин 2015: 23) выглядит следующим образом:

Китайский язык (путунхуа) $25 \dots 1 <: 0: < 1 \dots 34$

В этой формуле слева от нулевой фонемы, которая является общей для всех языков, перечисляются количество согласных фонем, а справа — количество гласных. Таким образом, китайский алфавит, разработанный Чжоу Югуаном, построен по универсальному принципу звукобуквенных алфавитов, в нем количество букв алфавита меньше количества обозначаемых им фонем, что было огромным недостатком ряда предыдущих проектов реформы китайского языка. Благодаря этому происходит оптимизация количества используемых литер, и в итоге действует принцип экономии при печатании текстов.

Новаторский проект Чжоу Югуана стал новым шагом на пути консолидации китайского общества. В первую очередь, звуко-буквенный стандарт стал огромным помощником при изучении китайского языка в школе и дошкольных учреждениях в КНР (Круглов 2017: 308). В каждом отделе детской литературы любого книжного магазина в Китае можно найти книги с буквенными текстами на китайском

языке. Звуко-буквенный стандарт стал «ключом в мир знаний» для многомиллионного населения КНР, ведь в Древнем Китае образование было доступно лишь малой прослойке народонаселения. Во-вторых, создание этого алфавита во много раз ускорило процесс дигитализации и информатизации китайского общества: все иероглифические тексты печатаются с помощью буквенных клавиатур. Доходит даже до того, что часть населения, не зная иероглифов, может общаться в социальных сетях с помощью алфавита китайского языка, для чего существует даже специальная функция в самой популярной социальной сети Китая WeChat перевода идеографической письменности в фонографическую. С помощью введенного алфавита удалось цифровизировать огромное интеллектуальное наследие Поднебесной. Так, накопленные с V в. до н. э. данные о строении и движении литосферы и переведенные в электронный формат с помощью буквенного алфавита позволяют за достаточно долгое количество времени предсказывать землетрясения, вулканические процессы и другие катастрофы, что спасает множество человеческих жизней. Таким образом, разработка звуко-буквенного стандарта имела чрезвычайно важное значение для китайского социума: способствовало его культурно-просветительской интеграции, сыграло значительную роль в преодолении социального разрыва в Китае и повысило в разы скорость научно-технического прогресса.

Таким образом, Чжоу Югуан — выдающийся китайский лингвист, которому удалось создать уникальный проект звуко-буквенного стандарта китайского языка, отличающийся от прежних вариаций своей научностью и соответствием нормам универсальных алфавитов. Законодательно закрепившись в нормативных документах, этот проект сыграл значительную роль в интеграционных процессах внутри Китая и стал уникальным шагом на пути консолидации китайского социума. Несмотря на свои огромные заслуги, Чжоу Югуан в своем интервью американскому изданию “The Guardian” отметил, что он лишь развил идею, заложенную в начале XX века китайскими лингвистами. В конце он сказал: «Я не отец звуко-буквенного стандарта, а его сын» (Branigan 2008), на наш взгляд, который переработал концепцию, привнес в нее новое и сделал ее идеальной для своего народа и своей страны.

Литература

Алексахин А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук речи. Слог. Слово. // Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная книга, 2010. С. 95.

Алексахин А. Н. Две письменные формы слова китайского языка путунхуа в межкультурном контакте Востока и Запада // Гуманизация образования, №5, 2016. С. 34–39. URL: <https://cyberlinka.ru/article/n/dve-pismennye-formy-slova-kitayskogo-yazyka-putunhu-v-mezhtsivilizatsionnom-kontakte-vostoka-i-zapada> (дата обращения: 01.08.2018).

Алексахин А. Н. Китайские фонологические системы в межкультурном контакте Востока и Запада. // М.: ВКН, 2015. С. 457.

Алексахин А. Н. Современная политика КНР в отношении иероглифической и буквенной письменности // М.: Вестник МГИМО, №3, 2011. С. 243–252. URL: <https://cyberlinka.ru/article/n/sovremennaya-politika-knr-v-otnoshenii-ieroglificheskoy-i-bukvennoy-pismennosti> (дата обращения: 01.08.2018).

Круглов В. В. Методика обучения фонетике китайского языка.// Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство Академии наук РТ, 2017. С. 307–310.

Branigan T. Sound principles (Zhou Youguang's interview) // The Guardian, Topics: China, Asia Pacific. 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/feb/21/china> (дата обращения: 01.08.2018).

周有光。中国语文的现代化。// 上海教育出版社。1986年。页214。

《汉语拼音方案》颁布60年 你可知它当年如何产生? URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1592245531647155134&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 01.08.2018).

ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКОЙ ACGN-СУБКУЛЬТУРЫ НА ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Япония является лидером в мире по производству так называемых «ACGN-продуктов» — манга¹, аниме², компьютерных игр, сериалов, модных журналов, развлекательных телепрограмм, чьей целевой аудиторией является молодежь. Подобные реалии и их лексические обозначения оказали влияние не только на культуру современной китайской молодежи, но и на пополнение китайской лексики новыми словами. Они могут быть как фонетическими и графическими заимствованиями, так и аббревиатурами или разговорными выражениями. Лексика такого типа представляет собой жаргон или сленг и отличается от основного массива японизмов тем, что неподготовленному и далекому от ACGN-реалий человеку трудно понять смысл слов такого рода, даже если он знаком с составляющими иероглифического или буквенного сочетания. Однако именно такие слова составляют значительную часть современных японских заимствований.

Ключевые слова: Китай, Япония, манга, анимэ, японизм, заимствования.

ACGN (англ. аббревиатура Animation, Comic, Game, Novel) — одно из основных современных понятий в китайском языке, обозначающее популярное культурное течение, сформировавшееся под влиянием японских манга, аниме, компьютерных игр и современной японской литературы. Образовалось в результате расширения понятия ACG

¹ Мánга (яп. 漫画, マンガ) — японские комиксы, иногда называемые комикку (コミック)

² Аниме (яп. アニメ, от англ. animation — анимация) — японская анимация. В отличие от мультфильмов других стран, предназначенных в основном для просмотра детьми, большая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудиторию.

(англ. аббревиатура Animation, Comic, Game) включением в него японских романов в жанре ранобэ — лайт-романов с иллюстрациями. ACGN-культура и относящиеся к ней понятия в интернете даже выделяются в отдельную коммерческую торгово-развлекательную индустрию, у которой появляется все больше и больше потребителей. Продукты ACGN-культуры предоставляют неограниченные возможности для бизнеса по всему миру, в особенности в самой Японии (которая и является основным производителем ACGN-продуктов), а также в соседних Макао, Гонконге и Тайване, через которые, в свою очередь, японские манга, аниме, компьютерные игры и романы и проникают и в материковый Китай. Культурно-торговый обмен такого рода способствует обогащению современного китайского языка за счет ACGN-слов, которые выделились в самостоятельный лексический пласт — ACGN-терминологию — и представляют собой разные типы заимствований.

1. Заимствования с функцией словообразовательного компонента

(1) 御宅族 yùzháizú — «отаку» — обсессивный любитель компьютерных игр и видеоигр и/или ранобэ. В китайский язык оно проникло благодаря японскому сериалу «Мальчик в электричке» (яп. 电车男) и в результате успешной адаптации и частого использования сократилось до компонента 宅 zhái (яп. お宅), который дал множество производных: 宅男 zháinán — ‘домосед, молодой человек, много времени проводящий за компьютером, «ботан, задрот» (также встречается вариант 阿宅 āzhái); 宅女 zháinǚ — ‘домоседка, девушка, много времени проводящая за компьютером, «задротка».

(2) 次元 cìyuán (яп. じげん) — «измерение». Производные: 二次元 èrcìyuán (яп. にじげん) 2D-измерение, 2D-пространство (обобщающий термин для комиксов, новелл, иллюстраций, косплея и т. д.); 三次元 sāncìyuán (яп. さんじげん) — трехмерное пространство — в понимании любителей манги — реальный мир (синоним — 三维空间 sānwéi kōngjiān).

(3) 腐 fǔ (яп. 腐 fu) — ‘гниющий, деградирующий’. В нормативном японском языке означает ‘неизлечимо больной’. В интернете стало использоваться в качестве словообразовательного компонента для слов или выражений, имеющих отношение к гомосексуальности, например:

卖腐 ménɡfǔ — ‘квирбейтинг’¹ и 腐国 fǔguó — жаргонизм ‘страна геев’ (об Англии); 腐女 fǔnǚ — так называют любительниц аниме и литературы с гомосексуальным содержанием, а также соответствующий женский архетип в аниме, изображаемый в виде носящей очки стеснительной девушки, приходящей в восторг при виде любых явных и не очень гомоэротических намеков, своеобразный женский вариант отаку. Впоследствии это слово также стало обозначать лесбиянок.

(4) 控 kòng ‘испытывать привязанность, питать пристрастие, быть фанатом’. Восходит к японскому プレックス (англ. complex ‘комплекс’), образовано от сокращения コン соn. Как и свой японский аналог, 控 kòng участвует в образовании ряда слов, например: 萝莉控 luólikòng (ロリコン Lolita complex) ‘лоликон’²; 恋母控 liànmǔkòng (マザコン mother complex) ‘синдром мамочки’ (Wang Fang 2013); 兄贵控 xiōngguìkòng (ブラコン) ‘синдром качка’. Слово 兄贵 xiōngguì (яп. 兄貴 あにき aniki) дословно переводится как «большой брат» и содержит семантику, близкую по значению к сленговому «качок», обозначая молодых людей с развитой мускулатурой и физической силой, в том числе (чрезмерно) увлекающихся фитнесом и бодибилдингом. Постепенно произошла подвижка семантики, в интернете и в ACGN-сообществах слово стали также применять по отношению к гомосексуалистам.

(5) 萌 ménɡ (яп. 萌え) — ‘милый, симпатичный’. Употребляется по отношению к молодой красивой девушке. В литературном японском языке это слово является глаголом, обозначающим процесс всхода молодых ростков или почек травы или деревьев. Впоследствии слово обросло производными — 卖萌 màiménɡ ‘кокетничать’, получившего негативную коннотацию — ‘прикидываться дурочкой’. Также дериват 萌 ménɡ лег в основу понятия 萌属性 — дословно “милые характеристики” — черты, присущие многим персонажам из ACGN-мира, например:

(6) 无口 wúkǒu (яп. むくち mukuchi) — дословно «отсутствие рта, асотомия». В ACGN-субкультуре обозначает молчаливость как

¹ Квирбейтинг — прием намеренного использования авторами произведений массовой культуры намеков на гомосексуальность персонажей в целях усиления привлекательности своего продукта для представителей ЛГБТ без явного показа однополых отношений. Термин в английском языке происходит от сочетания слов «странный» (англ. queer) и «приманка» (англ. bait).

² Жанр аниме или манги, содержащие эротические или романтические сцены с участием несовершеннолетних девушек.

милую (чаще всего женскую) черту характера или модель поведения, заключающуюся в скромности и воздержания от болтовни и пустых разговоров.

(7) 中二病 zhōngèrbìng (или 初二症) — буквально «люди с уровнем второго класса средней школы», наивный, недалекий. Шутливое прозвище для ограниченных людей, которые не интересуются глубокими вопросами жизни и смерти, космоса и мироздания, самопознания.

(8) 天然呆 tiānrándāi — «врожденная тупость». Применимо по отношению к представителям отаку-группы (御宅族 yùzháizú).

2. Графические заимствования

(9) 乙女 yǐnǚ (яп. おとめ o to me) — девушка, имеет несколько значений:

1) прямое значение — зодиакальный знак Девы (яп. おとめざ (кит. 处女座));

2) 姑娘 gūniang; 丫头 yātou — девушка, девочка, девчушка (японские эквиваленты — ガール、ギャル). Ласковое или шутливое обращение к лицу женского пола. В ACGN-субкультуре это слово применимо по отношению к 御姐, 女王, 萝莉.

3) 少女, 处女 — молодая незамужняя девушка, не достигшая совершеннолетия; девственница (японский эквивалент — おとめご (кит. 乙女子)).

(8) 御姐 yùjiě (яп. 御姊) — ‘взрослая привлекательная женщина’. В японском литературном языке это слово обозначает вежливое обращение к лицу женского пола. У обращения также есть аналог — 大姐. В ACGN-субкультуре и в современном китайском языке под этим словом понимаются девушки ростом выше 160 см и с размером груди 36D. Их также описывают как «зрелых дам» (они должны достичь совершеннолетия — в Японии это возраст 20 лет) и противопоставляют милым «лолитам».

(9) 猫耳娘 māo'ěrníang (также встречаются варианты 猫耳 и 猫女) — «нэкомусумэ» (яп. 猫娘) девушка с кошачьими ушами и/или хвостом для создания образа, который часто встречается в аниме, манга, компьютерных играх, ранобэ, а также используется для косплея. Аналогично существует образ девушки-кролика, для которого есть обозначение 兔耳娘.

(10) 工口 gōngkǒu — «эротика, эротичный, развратный» (яп. エロチズム). В японском языке «его» записывается катаканой エロ, что в системе китайской письменности (яп. Кандзи) соответствует интернет-слову 工口 gōngkǒu. Синонимом является нормативное 色情 sèqíng, которое также обозначает эротику и родственные ей понятия, в т.ч. фильмы и книги с эротическим содержанием и порнографию, в AGCN-культуре обозначаемые как «Н».

(11) 鬼畜 guǐchù — первоначальный смысл слова — жестокий и беспощадный. Впоследствии значение расширилось и стало обобщающим словом для различных видов девиантного поведения — начиная с сексуальной девиации (зоофилии, некрофилии, в этот ряд ставят также гомосексуальность) или просто поведения или привычек, которые считаются из ряда вон выходящими. 鬼畜 guǐchù близко по значению к сленговому слову 重口味 zhòng kǒuwèi — ‘странный, необычный, своеобразный, извращенный (о пристрастии к чему-то необычному), на любителя’.

3. Фонетические заимствования

(12) 萝莉 luólì (яп. ロリ/るおいた) — ‘маленькая милая девочка, малышка’ — восходит к имени главной героини романа «Лолита». Изначально понятие 萝莉 luólì было близко к слову «幼女 yòunǚ», обозначающему малолетнюю (до 14 лет, в отличие от несовершеннолетней) девушку. Впоследствии в интернете произошла семантическая девиация, и «лолитами» стали называть девушек, примеряющих на себя образ инфантильных милашек. Слово и обозначаемый им социальный феномен впоследствии повлияли на развитие в Японии новой субкультуры, представительниц которой также называют 洛丽塔 luòlìtā и lol娘.

(13) 女王 nǚwáng — дословно ‘императрица’ — обозначение сильных независимых девушек молодого возраста (от 16 лет), работающих и решающих проблемы и задачи в одиночку. «Императрицам» приписывают мужественный характер и отсутствие привычек капризничать и устраивать истерики (поведение, которое также можно описать словом 卖萌 maiméng). Обычно «императрицы» одновременно являются 御姐.

(14) 正太 zhèngtài (яп. ショタ) — «маленький милый мальчик» — понятие, равнозначное «лолите», но применяемое по отноше-

нию к лицам мужского пола. Слово восходит к имени главного героя манги «Железный человек #28» (яп. 鉄人28号 tetsujin 28 gou) — Канэда Сетаро (яп. 金田正太郎 kaneda syootarou).

(15) 萝太 luótài — трансвестит «в начальной степени» — обозначение юноши, который внешне очень напоминает девушку и не обладает внешними маскулинными признаками (не носит бороды, имеет миловидное лицо), может носить женскую одежду. Образовано слово по схеме: 萝莉 (loli) + 正太 (shota) = lotai.

(16) 傲娇 àojiāo (яп. ツンデレ) — в путунхуа устоялось значение ‘высокомерный (гордый) и испорченный (излишне разборчивый; избалованный)’. В ACGN-субкультуре это слово стоит в ряду синонимов 外冷内热 (холодный снаружи, горячий внутри), 蛮横娇羞 (дикий и грубый, но застенчивый и стыдливый) и обозначает двойственную модель поведения человека, который при разных обстоятельствах проявляет себя по-разному: то он держится холодно, высокомерно и отстраненно, то становится добрым и покладистым. Это слово происходит из кругов бисёдзё (яп. 美少女; びしょうじょ) — красивых молодых девушек, чаще всего школьниц старших классов.

(17) 杀必死 shābìsǐ (яп. ファンサービス фан са:бису, англ. fan service — бесплатные услуги, бесплатное дополнение), также service cut (яп. サービスカット са:бису катто) или просто «сервис» (яп. サービス са:бису). サービス) — «фан-сервис» — прием в современном изобразительном искусстве, ключевой особенностью является включение в сюжетный ряд определенных сцен или ракурсов, которые не являются сюжетообразующими, но рассчитаны на определенный отклик у основной целевой аудитории с целью повышения заинтересованности и/или привлечения потенциальных зрителей. Термин происходит из фэндомы манги и аниме, но сейчас он используется и относительно других медиа, например, видеоигр, комиксов и фильмов. К примеру, обычный фансервис для сёнэн-аниме (то есть аниме, рассчитанного на юношей и подростков) — панцу или красочные боевые сцены. Часто термин используют только для обозначения самого популярного и дешевого вида фансервиса — панцу, подбора ракурсов и кадров таким образом, чтобы ненароком продемонстрировать детали нижнего белья персонажей женского пола (Корнеев 2006: 33–38). Фансервисы созданы с расчетом на то, что в AGCN-культуре также обозначается аббревиатурой YY (кит. 意淫 yíyín) — сексуальные фантазии.

4. Аббревиатуры

(18) kuso (яп. くそ) — фонетическая транскрипция японского 糞, что в китайском языке имеет значения «кал, помет, навоз» (кит. 糞 fèn). В письменном японском языке kuso также соответствует слову 可惡, что в путунхуа означает «отвратительный, ненавистный, гадкий» (кит. 可惡 kěwù). Kuso относится к ненормативной лексике и употребляется как универсальное ругательство по аналогии с английским shit.

(19) Н — сокращение записанной латиницей транскрипции японского слова 変態 hentai (или ヘンタイ), которое обозначает жанр японской анимации (аниме) и комиксов (манги), основным элементом которых являются содержащиеся в них эротические или порнографические сцены (Huang Aimin 2010).

(20) NTR (яп. 寝取る netorare; также ねとり ne to ri) — поджанр хентая, когда женщина систематически изменяет мужчине.

5. Речевые обороты и разговорные выражения

В отличие от отдельных слов терминологического и описательного характера, которые в основном заимствуются из японской культуры, разговорные выражения, а также новые слова, обозначающие недавно появившиеся социальные феномены, могут происходить не только из японских, но и из тайваньских и гонконгских СМИ. Примеры:

(20) 大好 dàhǎo (яп. だいすき; 大好き) — ‘прекрасный, замечательный’.

(21) 素敌 sùdí (также 素晴 sùqíng) (яп. さいこう) — ‘крутой, классный’, появилось благодаря основной музыкальной темы японской ролевой игры «Final Fantasy X» «素敌だね».

(22) 口胡 kǒuhú (также 口古月) — ‘чушь, чепуха’, ‘нести ерунду’. Появилось благодаря гонконгским манга в результате расчленения иероглифа 嘲 hú, которое используется как междометие, вопросительная реакция на на тупость, сказанную собеседником: «что? чё?». В путунхуа появилось словосочетание 口胡说 — ‘говорить беспардонную чепуху’. 口胡 kǒuhú также близко по значению и звучанию к универсальному китайскому ругательству 靠 kào (尙 cào).

(23) 口桀 kǒujié — происходит из созданных в Гонконге анимэ и изначально было звукоподражательным словом, обозначавший деспотический дьявольский смех (桀 jié — Цзе — фамилия послед-

него монарха мифической династии Ся, отличавшегося жестокостями и деспотизмом). Со временем это слово также стали соотносить с ругательством *kuso* ввиду созвучности этих двух слов.

(24) 吐槽 *tǔcáo* ‘насмехаться, язвить’. Слово, пришедшее из японского традиционного комедийного жанра мандзай (яп. 漫才), который подразумевает выступление двух человек на сцене — цуккоми и бокэ, шутящих с большой скоростью. В китайской культуре есть равнозначный традиционный комедийный жанр сяньшэн (相声 *xiàngsheng*). Японский эквивалент слову 吐槽 *tǔcáo* — ツツコミ — найти в поведении или словах собеседника промах и испустить вздох, выражающий вопрос или разочарование глупостью собеседника. В путунхуа этот прием обозначается как 捧哏 *pěnggēn*.

(25) 废柴 *fèichái* — «никчемный, бесполезный, неудачник» — появилось благодаря анимэ «Гинтама» («Серебряная душа»), где один из героев по имени Мадао постоянное употребляет это слово по отношению к себе. Также существует китайский комедийный сериал «废柴兄弟» («Неудачник»). Слово может иметь как негативный оттенок (депрессивный, как в первом случае), так и передавать самоиронию.

(26) 领便当 *líng biàndāng* — дословно «получить коробочку бэнто» — в AGCN-культуре обозначает смерть одного из героев аниме. Понятие связано с тем, что после смерти персонажа аниме озвучивающий его сэйю фактически теряет полномочия и в качестве небольшой компенсации перед уходом получает коробочку бэнто — простейшее традиционное японское блюдо из риса и овощей с рыбой или мясом.

(27) 好人卡 *hǎorenkǎ* — появилось в 1990-е в тайваньском интернете, дословно переводится как ‘карточка «хороший парень»’ — то же, что и «френдзона» — вежливый отказ от личных отношений: «Ты хороший парень, но мы не можем быть вместе».

(28) 干物女 *gānwùnnǚ* ‘женщина-вобла’ (домоседка без личной жизни). Это слово пришло в китайский язык и стало модным благодаря популярному японскому сериалу «Мерцание светлячков» (яп. 蛍の光 *hotaru no hikari*).

(29) 败犬 *bàiquǎn* ‘неудачник’, человек, принимающий участие в споре или конфликте, и заранее обреченный на провал. Слово используется для описания женщины тридцати лет, которая без замужества превращается в подобие побитой собаки. Появилось в китайском языке благодаря японскому заимствованию из тайваньского сериала

«Моя королева» (тайв. 敗犬女王 bàiquǎn nǚwáng), после чего стало популярным выражением нового социального феномена.

ACGN-культура все увереннее внедряется в современное китайское общество и обрастает все большим количеством последователей, а ACGN-слова все прочнее закрепляются в современном китайском языке, что объясняет интерес к их дальнейшему исследованию.

Литература

Явление: фансервис // АнимеГид / Гл. ред. В. Корнеев. 2006. № 12 (февраль). С. 30–33.

黄爱民. 网络语言中的日语外来语 // 湖北广播电视大学学报. 2010. № 11. 113–114 页.

王芳. 日源ACG 网络流行语构词类型分析 // 河北北方学院学报 (社会科学版). 2013. № 3. 41–44 页.

张, 亮 (2003–02–23). “日本动漫产业启示录”. 南风窗 (广州日报报业集团): 60–64.

动漫术语. 百度百科[引用日期2018–05–27].

日本动漫. 百度百科[引用日期2018–05–27].

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГУРО: ТАКСИС, УСЛОВИЕ, ПРИЧИНА¹

В работе описываются средства языка гуро, используемые для оформления таксисных, словных и причинных конструкций. Лишь ограниченное число служебных слов и глагольных форм в гуро являются специализированными средствами выражения таксисных, условных или причинных значений. Прочие глагольные формы и служебные слова получают ту или иную интерпретацию в определенных сочетаниях. Таким образом, различными отношениями оказываются связанными средства выражения времени, таксиса, топика и фокуса, условия и причины. Прослеживается связь между выражением причинных значений с таксисным значением предшествования и топиком.

Ключевые слова: гуро, манде, условие, причина, таксис, топик.

0. Язык гуро

Язык гуро относится к южной группе языковой семьи манде; на нем говорят около 500 000 человек в центральной части Кот-д'Ивуара. В данной работе будут использованы данные, полученные от жителей супрефектуры Зуэнуля, расположенной в восточной части ареала распространения гуро.

1.1. Общие сведения

В гуро фиксированный порядок слов. Структура простого глагольного предложения представима в виде схемы: S (PM) O V OI (PP), где PM — предикативный показатель, участвующий в выражении грамматических значений вида, времени, модальности и полярности, а PP — послелог, вводящий косвенное дополнение или сирконстант:

¹ Исследование поддержано грантом РФФ 18–18–00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология».

- (1) $\acute{E}$ $y\acute{il}\acute{i}$ $p\acute{a}$ $\acute{e}$ $b\bar{e}\grave{a}p\acute{a}$ $\bar{l}\bar{a}$
 3SG.SBJ дерево класть\PFV 3SG.REFL плечо на
 ‘Он положил бревно себе на плечо’.

В гуру значения из зоны ТАМ кумулятивно выражаются в рамках единой категории, относящейся ко всей клаузе. В ее выражении участвуют не только глагольные аффиксы и/или супraseгментные морфемы-операции на глагольной словоформе, но и предикативный показатель, а в некоторых случаях и вспомогательные глаголы. В отдельных случаях значения из сферы ТАМ и полярности также выражаются кумулятивно с значениями лица и числа подлежащего. Таким образом, при описании глагольной системы гуру имеет смысл говорить не о парадигме *форм*, а о парадигме *конструкций*.

Табл. 1. Глагольные конструкции

	Утвердительные			Отрицательные			
Перфектив	S	$\emptyset$	O	V\PFV	S	$k\acute{a}$	O V $\bar{l}\bar{e}$ $\bar{l}\bar{o}$
Имперфектив	S	$\acute{e}ipfv$	O	V-suff	S	$k\acute{a}$	O V-suff $\bar{l}\bar{o}$
Ирреалис	S	$\acute{e}irr$	O	V- $\emptyset$	$t\bar{e}$ S	$\acute{e}irr$	O V- $\emptyset$ $\bar{l}\bar{o}$
Прогрессив	S	$\grave{a}$	O	V- $\hat{l}\hat{a}$	S	$k\acute{a}$	O V- $\hat{l}\hat{a}$ $\bar{l}\bar{o}$
Результатив	S	$\grave{a}$ ($\acute{e}pr$)		V- $\bar{l}\bar{i}$	S	$k\acute{a}$ ($\acute{e}pr$)	V- $\bar{l}\bar{i}$ $\bar{l}\bar{o}$
Будущее время	S	$\acute{e} d\bar{a}\bar{q}$	O	V $\bar{l}\bar{e}$	S	$k\bar{a}$ $d\bar{a}\bar{q}$	O V $\bar{l}\bar{e}$ $\bar{l}\bar{o}$
Кондиционалис-1	S	$\acute{e} v\bar{o}$	O	V- $\hat{l}\hat{a}$			
Кондиционалис-2	S	$\acute{e} v\bar{o} \acute{e}$	O	V- $\bar{l}\bar{i}$			

Примечание: полужирным шрифтом помечены конструкции, в которых лексические тоны глагола заменяются на грамматические; -suff обозначает имперфективный суффикс либо аблаут. Предикативные показатели $\acute{e}_{ipfv}$ и $\acute{e}_{irr}$ формально различаются только при прономинальном подлежащем.

В основном глагольные конструкции гуру выражают аспектуальные значения, но у большинства из них есть предпочтительные временные значения, которые конструкции реализуют в отсутствие дополнительных средств маркировки временной отнесенности — «дефолтная временная локализация». С ними связаны таксисные значения, приобретаемые конструкциями в придаточных предложениях: конструкции по умолчанию относящиеся к настоящему (прогрессивная, имперфективная, результативная) выражают таксисное значение одновременности, а перфективная конструкция — таксисное значение предшествования.

Табл. 2. Основные значения глагольных конструкций

Конструкции	Независимые употребления	Придаточные предложения	Дефолтная временная локализация
Перфективная	пунктив, инцептив, комплетив; результатив, перфект	предшествование	прошедшее, настоящее
Имперфективная	итератив, хабитуалис, (дуратив), будущее время, оптатив	одновременность (процесс)	настоящее, будущее
Ирреальная	оптатив, императив, прохибитив	контрфактическое условие; итератив, хабитуалис, будущее	—
Прогрессивная	прогрессив (дуратив), проспектив, интенционалис	одновременность (процесс)	настоящее
Результативная	результатив	одновременность (состояние)	настоящее
Будущее время	будущее	будущее	будущее
Кондиционалис	—	контрфактическое условие	—

Помимо глагольных конструкций в гуро представлены типы высказываний, где носителем предикативности являются неизменяемые связки (отдельный класс служебных слов, морфологически и синтаксически отличных от глаголов), выражающие локативное, презентативное и прочие подтипы бытийных значений.

1.2. Полипредикативные конструкции¹

Клаузы в языке гуро связываются при помощи союзов или соположением. Количество союзов относительно невелико, они многозначны и часто факультативны. Нередко при формировании полипредикативной конструкции используется комбинация из союзов или союзных выражений.

Конструкции фонового таксиса, т. е. такие, где клаузы связаны не только таксисными, но и логическими отношениями, в гуро трудно

¹ Далее будут рассмотрены полипредикативные конструкции с финитными глагольными формами (см. табл. 1). В качестве полипредикативной ТК в гуро также могут употребляться герундий и причастия, но особенности их употребления остались за рамками этого текста.

отделить от таксисных конструкций в узком понимании. Особенно тесно с выражением таксисных отношений оказываются связаны значения условия и причины: союзы, основной функцией которых, по всей видимости, следует считать оформление таксисных конструкций, могут выражать также и логические отношения.

2. Таксисные конструкции

Гуро относится к тем языкам, где в передаче таксисных значений союзы играют второстепенную роль. Например, в русском языке для выражения конкретных таксисных отношений могут использоваться специализированные союзы (*пока, как только, перед тем как, после того как* и т. д.). В гуро число союзов невелико, большинство из них имеет самое общее временное значение (типа *когда*) и часто совмещает его с другими значениями, такими как условие, причина, или с указанием на прагматический статус клаузы. Основную нагрузку при обозначении временных отношений между ситуациями несут видо-временные глагольные конструкции и лексические единицы, указывающие на временную локализацию событий.

При описании таксисных отношений будет использоваться концепция, изложенная в (Храковский 2009). Категория таксиса реализуется в бипропозитивных конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация одной (зависимой, P_1) ситуации относительно другой (опорной, P_2) ситуации, которая ориентирована относительно времени речи. Одновременность подразделяется на полную (обе ситуации совершаются в один и тот же интервал времени) и неполную (интервал времени совершения одной из ситуаций вкладывается в интервал времени совершения другой; выделяется два типа: неполная одновременность₁ — P_2 вложена в P_1 и неполная одновременность₂ — P_1 вложена в P_2). Среди значений предшествования и следования выделяются прерываемое предшествование/прерывающее следование (одна ситуация следует за другой, прерывая ее), контактные предшествование/следование (одна ситуация следует после естественного завершения другой), дистантные предшествование/следование (одна ситуация следует через некоторое время после естественного завершения другой).

В гуро союзы и союзные выражения, участвующие в формировании таксисных конструкций, могут занимать начальную позицию в клаузе (*yē, dè, té*) или различные позиции внутри клаузы (*âwv̄, bēlēí âvā*).

2.1. Союз *yē*

Yē ‘и’, ‘затем’ — наиболее частотный союз; помимо временного значения (‘затем’) может обозначать противопоставление (‘но’) или цель (‘чтобы’). В клаузах с *yē* не может употребляется имперфективная конструкция, она замещается ирреальной. Поэтому в таких клаузах нейтрализуются оппозиции между значениями хаби́туалиса, будущего времени, цели. Чаще всего используется для соединения клауз, описывающих последовательные действия.

- (2) *Yè lé yī dū bā yē yā bā kú*
 3SG.SBJ PCOP день INDF на затем агути на хватать\PFV
yā-lī bā yē è lē é lā lē lē lē
 болеть-GER на затем 3SG.SBJ QUOT 3SG.REFL жена для QUOT для
é gū à fī kōbìlì lē é bā à
 3SG.IRR идти 3SG.NSBJ говорить крыса QUOT 3SG.LOG на COP
yā-lā lā yē bē gū à fī lē kōbìlì lē.
 болеть-PROG затем тот идти\PFV 3SG.NSBJ говорить SUP крыса для
 ‘Однажды Агути заболел, и он сказал своей жене: «Иди скажи Крысе, что я болен», и его жена пошла сказать это Крысе’.

Союз *yē* широко используется в таксисных конструкциях в комбинации с другими союзами, однако в таких случаях он чаще всего факультативен. В таксисных конструкциях, за счет факультативности в них союза *yē*, иногда возможна вариативность между отсутствием союза между клаузами (в сочетании с имперфективной конструкцией) и его употреблением (в сочетании с ирреальной конструкцией).

2.2. Союз *té*

Зависимая клауза с союзом *té* ‘когда’, ‘поскольку’ следует за главной. Союз используется в таксисных конструкциях со значением одновременности, а также в конструкциях со значением причины, и в условных конструкциях. В таксисных конструкциях придаточное с *té* обозначает фоновое действие или состояние.

Как правило, в первой части таксисных конструкций с *té* употребляются союз *āwū* или оборот *bēlēī ā vā*. По происхождению

союз $\hat{q}w\bar{v}$, вероятнее всего, восходит к сочетанию фокализатора $\hat{q}$ и служебного глагола ($w\bar{v}$), служивших частью конструкции, обозначавшей коммуникативное выделение глагольной группы (‘Х именно сделал что-л.’) (Кузнецова 2014); $b\bar{e}l\bar{e}i \hat{q} v\bar{a}$ представляет собой релятивизированную послеложную группу с существительным $b\bar{e}l\bar{e}i$ ‘время’ (‘во время, в которое’). Первый из них указывает на новую информацию, а второй — на уже известную:

Ты придешь ($b\bar{e}l\bar{e}i \hat{q} v\bar{a}$) домой, [когда все будут есть]_{тема}.
[Когда ты придешь ($\hat{q}w\bar{v}$) домой]_{тема}, все будут есть.

- (3) *Talá wálà kóbíṣì bēlēi q̂ vā té à*
Тра входить\PFV комната время REL в когда 3SG.NSBJ
bē lú à à lē wī fī-lq̂
друг PL COP 3SG.NSBJ POSS дело говорить-PROG
‘Когда Тра вошел в комнату, [его друзья говорили о нем]_{тема}’.

Табл. 3. Глагольные конструкции, употребляемые в ТК с *té*

		Зависимое предложение		
		предшествование		одновременность
		контактное, дистантное	прерывающее	неполная ₁
Главное предложение	Хабитуалис: IPFV	—	—	IPFV, PROG /RES
	Будущее: IPFV, FUT, GER	PFV	—	IPFV, PROG /RES
	Прошедшее: PFV, GER	PFV	—	IPFV, PROG /RES

Примечание: через запятую указаны альтернативные варианты форм, через косую черту — варианты форм, зависящие от акциональных характеристик глагола.

В главной части ТК с *té* со значением полной одновременности употребляется прогрессивная конструкция, по умолчанию относящая действие к настоящему. Несколько реже в таких контекстах употребляется и имперфективная конструкция. Таким образом, ТК полной одновременности в принципе допустимы любые комбинации конструкций

прогрессива и имперфектива, но комбинация с прогрессивом в первой клаузе и имперфективом во второй частотнее остальных.

- (4) *Tāālā à s̄ zùlù-lā bēlēi à vā té à lú*
 Тана COP одежда мыть-PROG время REL у когда COP дочь
é f̄ z̄
 IPFV футу толочь-IPFV

‘Тана [сейчас] стирает одежду, в то время как ее дочь толчет футу’.

2.3. Союзы *dè* и *âw̄*

âw̄ может выступать и как самостоятельный союз. Придаточное с *âw̄* предшествует главному предложению, порядок следования клауз фиксированный. Придаточные с *âw̄* имеют таксисное значение предшествования (5) или, реже, одновременности (6). Между двумя частями таксисной конструкции может помещаться союз *yē*, но его наличие/отсутствие не влияет на значение конструкции. Помимо таксисных значений, *âw̄* может выражать значение причины.

- (5) *Tālāyīè gǔ âw̄ yālā lā lēlī wōlé fié jìè*
 Траие идти\PFV когда работа на час кость два идти\PFV
fāá yē Tāālā gǔ fēlēi.
 сперва затем Тана идти\PFV рынок.на

‘Через два часа после того как Траие ушёл на работу, Тана отправилась на рынок’.

- (6) *Tāālā cī âw̄ k̄z̄ f̄ z̄-lā (yē)*
 Тана SCOP когда HOD футу толочь-PROG затем
bēlē w̄lā wò lē gòlǒ.
 собака входить\PFV 3PL POSS двор.в

‘Когда Тана толкла футу, во двор вбежала собака’.

В конструкциях с *dè* зависимая клауза с союзом также предшествует главной, порядок следования клауз фиксированный. Союз *dè* имеет широкое значение, часто конструкции с этим союзом могут интерпретироваться двумя способами: и как таксисные, и как условные. В большинстве случаев главная клауза в таксисных конструкциях с *dè*

обозначает повторяемую ситуацию или ситуацию, локализованную в будущем; в ней употребляется имперфективная конструкция.

- (7) *Dè Yīl'ě dǎ tǔ̄ tǔ̄ kó' zǎlǎ jǎ.*
 когда Ирие приходит\PFV тотчас 1PL.EX.IPFV игра бить.IPFV
 ‘Как только приезжает Ирие, мы устраиваем праздник’./ ‘Как только приедет Ирие, мы устроим праздник’. (/‘Если приезжает Ирие, мы тотчас устраиваем праздник’. / ‘Если приедет Ирие, мы тотчас устроим праздник’.)

Между двумя частями конструкции может вставляться союз *yē*, и при его наличии имперфективная конструкция заменяется на ирреальную. Между таксисными конструкциями с союзом *yē* и ирреальной конструкцией и, с другой стороны, бессоюзными таксисными конструкциями с имперфективом есть небольшие различия. При употреблении союза с ирреальной конструкцией степень уверенности говорящего в реализации события P_2 выше, и в этом случае на первый план выступает таксисное, а не условное значение конструкции.

- (8) *Dè ī dǎ Bǎ àē tō kǐlǐ*
 когда 2SG приходит\PFV Ман 3SG.NSBJ>перед заря резать\PFV
yē gǎà gō gǎà lē bǐ lǐ và fǎlá.
 затем 1PL.INC.IRR идти 1PL.INC.REFL POSS человек PL у в.деревне
 ‘На следующий день после того как ты вернёшься в Ман, мы [точно] поедem в деревню к родственникам’.

Упоминавшийся выше оборот *bēlēi á và* может сочетаться с союзом *dè* и вызывать временное прочтение конструкции (без него предложение могло бы иметь и условное значение: ‘Если ты увидишь птицу, бросай сеть’).

- (9) *Dè ī bǐǎl'ě yí bēlēi á và, í*
 когда 2sg птица видеть\PFV время REL у 2SG.IRR
sēlǐ wēǎ
 сеть опрокидывать
 ‘Когда ты увидишь птицу, бросай сеть’.

Конструкции с *dè* и *âwv̄* находятся в дополнительном распределении в зависимости от времени, к которому относится опорная ситуация. Союз *dè* используется в случаях, когда опорная ситуация относится к будущему или настоящему (имеет хабитуальное значение), а также в конструкциях со значением прерываемого предшествования, относящихся к прошлому. Союз *âwv̄* используется тогда, когда главная часть такисной конструкции описывает единичное событие в прошлом, но не употребляются для обозначения прерываемого предшествования.

Табл. 4. Глагольные конструкции, употребляемые в ТК с *âwv̄* и *dè*.

		Зависимое предложение								
		предшествование			одновременность			следование		
		дистантное	контактное	прерываемое	неполная ₁	полная	неполная ₂	прерывающее	контактное	дистантное
Главное предложение	Хабитуалис: IPFV							PFV. NEG	PROG	PROG
	Будущее: IPFV	PFV	PFV	PROG	PROG	—	—		—	—
	Прошедшее: PFV	PFV	PFV	PROG	PROG	—	—	—	—	—

Примечание: серым цветом помечены ячейки, соответствующие конструкциям с *âwv̄*, прочие ячейки соответствуют конструкциям с *dè*.

2.4. Комбинация союзов *dè...té*

Эта комбинация используется в такисных конструкциях со значением полной одновременности, описывающих ситуации в будущем или повторяемые ситуации. В первой части конструкции чаще всего также присутствует частица *lu̇*, которая является одним из немногих специализированных средств выражения такисных отношений — она употребляется только в конструкциях со значением одновременности. Как и в конструкциях полной одновременности с союзом *té*, в обеих частях может использоваться прогрессивная или имперфективная конструкция.

- (10) *Dè lɛ́lɛ́ lē bɛ́lɛ́ lɛ́ à yɛ́lɛ́*
 когда ребёнок.PL POSS человек.PL SIM COP работа
pá-lá fēi té wò à zálá jē-lá gòlò.
 класть.B-PROG в.поле когда 3PL COP игра бить-PROG забор.в
 ‘Когда родители будут работать на поле, дети будут играть во дворе’./
 ‘[Обычно] когда родители работают на поле, дети играют во дворе’.

Табл. 5. Служебные слова, входящие в состав таксисных конструкций

	предшествование			одновременность			следование		
	дистантное	контактное	прерываемое	неполная ₁	полная	неполная ₂	прерывающее	контактное	дистантное
Хабитуалис	<i>dè</i>	<i>dè</i>	<i>dè</i>	<i>dè</i>	<i>dè (lɛ́) ... té</i>	<i>té</i>	<i>dè</i>	<i>dè</i>	<i>dè</i>
Будущее время	<i>dè</i>	<i>dè/ té</i>	<i>dè</i>	<i>dè</i>	<i>dè (lɛ́) ... té</i>	<i>té</i>	<i>dè</i>	-	-
Настоящее время	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>	<i>té</i>	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>	<i>N/A</i>
Прошедшее время	<i>q̣w̄ / té</i>	<i>q̣w̄ / té</i>	<i>dè</i>	<i>q̣w̄</i>	<i>té</i>	<i>té</i>	-	-	-

3. Условные конструкции

Зависимая часть условных конструкций (УК) в большинстве случаев оформляется союзом *dè*, но в нереальных УК, где употребляются специализированные глагольные формы, однозначно указывающие на нереальность ситуации, союз *dè* может опускаться. В начале главной части условной конструкции может стоять коррелятивный союз *té*. Он маркирует прежде всего нереальные УК, но может факультативно использоваться также и в реальных, прежде всего, в тех, где и условие, и следствие относятся к плану прошедшего. Обязательность *té* можно считать признаком нереальных условных конструкций.

Реальное условие: dè УСЛОВИЕ (té) СЛЕДСТВИЕ

Нереальное условие: (dè) УСЛОВИЕ té СЛЕДСТВИЕ

Для большинства УК, выражающих реальное условие, верно, что видо-временная форма в главной клаузе (следствии) получает интерпретацию, характерную для нее в независимом предложении, и указывает на временную локализацию конструкции, в то время как форма в зависимой клаузе выражает таксисные значения (прогрессивная конструкция обозначает одновременность, а перфективная — предшествование). Таким образом, часто видо-временные конструкции в реальных УК совпадают с формами в соответствующих таксисных конструкциях, и различить условное и временное значения грамматическими средствами оказывается невозможно (7).

Под это правило не попадают конструкции, у которых условие относится к плану настоящего, а следствие — к будущему (12). Форма в условии таких конструкций, как и форма в следствии, получает временную интерпретацию, характерную для неё в независимых предложениях. Прогрессивную конструкцию в условии конструкций одновременности, где обе части относятся к настоящему (11) тоже можно интерпретировать как форму, выражающую временную отнесенность, а не таксисное значение одновременности. Поэтому правило употребления видо-временных конструкций можно сформулировать и в другом виде: временную интерпретацию получают глагольные конструкции в следствии УК, а также формы в условии, если они относятся к настоящему.

Табл. 6. Формы в реальных УК

Таксисная зависимость	Временная отнесенность (условие, следствие)	Условие	Следствие
одновременность	буд, буд	PROG	IPFV
предшествование	буд, буд	PFV	IPFV
предшествование	наст, буд	PROG/PFV	IPFV
предшествование	прош, буд	PFV	IPFV, FUT
одновременность	наст, наст	PROG	PROG/RES (IPFV)
предшествование	прош, наст	PFV	PROG/PFV (IPFV)
одновременность	прош, прош	PROG	PFV
предшествование	прош, прош	PFV	PFV

Примечания: через запятую указаны альтернативные варианты форм, через косую черту — варианты форм, зависящие от акциональных характеристик глагола. В скобках указаны формы, употребляющиеся в отрицательном контексте, если они не совпадают с теми, что употребляются в положительном.

- (11) *Dè è ká yīē-lā lō té è à yā́á*
 когда 3SG.SBJ NEG спать-PROG NEG когда 3SG.NSBJ COP работа
pá-lā k' lēé, è ká dṑ
 класть.В-PROG дом перед 3SG.SBJ NEG прогулка
wò lō.
 носить.IPFV\IPFV.NEG NEG

[Я уверен, что мы застанем его дома.] ‘Если он не спит, он работает дома, он не гуляет’.

- (12) *Dè à gāà lé' bē-lā é dṑdṑ, té*
 когда быть 1PL.INC перед ждать-PROG ADV все-таки когда
à billi à é filí-lī
 3SG.NSBJ печень быть PR кипеть\RES-GER
 ‘Если он нас все еще ждет, он сильно сердится’.

В нереальных УК возможны две стратегии выражения условия: специализированные глагольные конструкции (кондиционалис-1, кондиционалис-2, ирреальная конструкция), при которых употребление союза *dè* факультативно (13), и союз *dè* в сочетании с неспециализированными глагольными конструкциями (14)-(15).

- (13) *Dè yīlí é vō é sí-lī tēlé' bā bāá,*
 когда солнце IRR оставлять PR уходить-GER земля на далеко
té vō-lī é yūé' bā ká tēlé' tā lō.
 когда оставлять-GER 3SG.REFL глаз на NEG земля на NEG
 ‘Если бы солнце было дальше, на Земле не было бы жизни’. (‘жизнь’ = досл. «пребывание на своих глазах»)

- (14) *Dè á' vō yūū bā, té á'*
 когда 1SG.IRR оставлять большая.вода на когда 1SG.IPFV
pā jā yī fáá bā
 рыба бить.IPFV день весь на
 ‘Если бы я жил рядом с рекой, я бы ловил рыбу каждый день’.

- (15) *Dè è ká k̄̀̀́ yáqá yī lē Bijá lō,*
 когда 3SG.SBJ NEG HOD работа видеть PFV.NEG Абиджан NEG
té è l̄̀̀́lá é pá jì fálá.
 когда 3SG.SBJ переворачиваться\PFV 3SG.REFL след внутри деревня
 ‘Если бы он не нашёл работу в Абиджане, он вернулся бы в деревню’.

Помимо специализированных глагольных конструкций и обязательности союза *té* в следствии УК, на нереальный статус высказывания может указывать также оператор временной дистанции *k̄̀̀́*. В независимых предложениях он обозначает недавнее прошедшее, но в составе УК указывает на нереальное условие (15). Таким образом, нереальные УК оказываются отграничены от реальных УК (и таксисных конструкций).

4. Причинные конструкции

Для выражения причинного значения помимо специализированных средств (послелог *bq* ‘на, из-за’, оборот *béjī lē* ‘вот почему’, союз *àzàbá* ‘по причине’) в гуро используются и союзы, служащие для оформления таксисных конструкций.

Причинное прочтение могут приобретать конструкции с союзом *té*, при этом в них употребляются видо-временные глагольные конструкции и между частями предикации сохраняются временные отношения, характерные для таксисных конструкций, не связанных логическими отношениями.

- (16) *È ká à l̄́ yī lē lō,*
 3SG.SBJ NEG DEF ребенок видеть SUP NEG
té à l̄lī à é yóv-lī à lèè.
 когда 3SG.NSBJ тень COP PR прятать\RES-GER 3SG.NSBJ y
 ‘[Но когда они прибыли на этом самолете, он не увидел души его ребенка,]
 он₁ не увидел ребенка, поскольку его душа была скрыта от него₁’.

- (17) *È v̄ é yáqá-lē bèlè yìlì*
 3SG.SBJ оставлять-PFV pr садиться\RES-GER анона дерево\GEN
d̄v wūō té è ká é dēlē s̄̀̀̀à
 indf под когда 3sg.sbj neg adv новый нравиться\ipfv.neg-ipfv

táá wv̂-lī yā̂ lō.

ходить носить-GER с NEG

‘Он продолжал сидеть под деревом аноны, потому что не мог идти дальше’.

Придаточные с *q̂wv̂* также могут выражать причинное значение, причём в них могут использоваться как конструкции, характерные для ТК с этим союзом (18), так и конструкции, с которыми *q̂wv̂* в узко таксисном значении не сочетается (19).

- (18) *Ā lū jē yī fié kēlé q̂wv̂ è k̄v̄éé*
1SG дочь болезнь день два делать\PFV когда 3SG.SBJ худеть\PFV

‘Проболев два дня, моя дочь похудела’.

- (19) *Be' lū é k̄l̄l̄-q̄ q̂wv̂, wv̂v̂ wī*
тот PL IPFV бояться-IPFV когда 3SG.FOC мясо
lū k̄v̂ lū lēé bē, bē' lū ē jī wī à d̄v̄.
PL этот PL у здесь тот PL свое нутро дело сор один

‘[А что касается бушбока с антилопой и с козой,] поскольку они боятся этих [гиена и леопард] животных, они заодно (досл. нутро их дела — одно)’.

5. Соотношение таксисных, условных и причинных конструкций

В гуру лишь ограниченное число служебных слов и глагольных форм являются специализированными средствами выражения таксисных, условных или причинных значений. Из рассмотренных выше случаев к ним можно отнести частицу *lū* (таксис одновременности), специализированные глагольные формы, употребляемые в нереальных УК, отдельные средства выражения причины (послелог *bq* ‘на, из-за’, оборот *bē' jī lē* ‘вот почему’, союз *àzàbq* ‘по причине’).

Прочие глагольные формы и служебные слова получают ту или иную интерпретацию в определённых сочетаниях. При этом можно выделить следующие закономерности.

В общем случае оформление предикатов клауз скорее несёт информацию о временной локализации событий, а служебные слова указы-

вают на характер связи (временной, причинный, условный и т. п.) между клаузами и/или информационную структуру высказывания.

Изменение порядка следования частей как будто бы не используется для выражения таксисных значений или значений логической обусловленности.

С выражением значения причины теснее всего связан союз $\hat{q}w\bar{v}$, который оформляет таксисные значения предшествования, а в таксисных конструкциях ограничен временным планом прошедшего. Он также является средством выражения топика и тем самым противопоставляется обороту $b\bar{e}l\bar{e}i\ \hat{q}v\bar{a}$, который обозначает фокус и предполагает отсутствие значений логической обусловленности (см. 2.3. (9)).

Союз $d\bar{e}$, в таксисных конструкциях связанный с планом будущего и итеративными значениями, напротив, используется для оформления условных конструкций, подтверждая тем самым типологически прослеживаемую связь между условным значением и итеративными/генерализованными конструкциями (Храковский 1998: 53).

Некоторые комбинации союзов и видо-временных форм (прежде всего, придаточные с $d\bar{e}$, но также, по всей видимости, и придаточные с $t\bar{e}$) в отсутствие дополнительных средств маркирования таксисных/логических отношений принципиально многозначны. То или иное значение будет выбираться в зависимости от наличия/отсутствия между предикатами конструкции естественной причинно-следственной связи, известной говорящему.

Сокращения

ТК — таксисная конструкция;

УК — условная конструкция;

СОП — связка;

GER — герундий;

GEN — генерическая (нереферентная) форма существительных;

EX — эксклюзивное местоимение;

FOC — показатель фокуса/ фокализованное местоимение;

FUT — будущее время;

HOD — оператор временной дистанции со значением ‘сегодня’;

INDF — неопределенный артикль;

INC — инклюзивное местоимение;

IRR — показатель ирреальной конструкции/ оппозитивное местоимение;

LOG — логофорическое местоимение;

NSBJ — несубъектное местоимение;
PCOP — презентативная связка;
PFV — перфектив;
PL — множественное число;
POSS — посессивный показатель;
PP — послелог;
PR — предлог;
PROG — прогрессив;
REFL — рефлексивное местоимение;
REL — релятивизатор;
RES — результатив;
SIM — показатель одновременности;
SBJ — субъектное местоимение;
SG — единственное число.

Литература

Кузнецова О. В. О грамматикализации релятивизатора $\hat{q}$ в гуру // Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г.). / Отв. ред. О. В. Кузнецова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 103–105.

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1998. С. 7–96.

Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

СОМАТИЗМЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе на основе антропоцентрического подхода мы рассматриваем соматизм 腹 хара «живот». Лексема 腹 хара является полисемантической и может использоваться в свободных и идиоматических словосочетаниях с прямым и переносным значением. По мнению японских и российских исследователей живот может рассматриваться как емкость для нахождения моральных сил человека. Лексема 腹 хара в значении «душа» образует идиомы следующих тематических групп: мысль, сопровождающая чувство; разнообразные чувства, начиная от злости и заканчивая смехом. Идиомы с лексемой 腹 хара в значении «чувства» связаны с эгоистическими чувствами индивида.

Ключевые слова: японский язык, соматизм, идиома, живот

Соматизмы являются древним пластом лексики любого языка. Это имена, обозначающие тело в целом или его части и специфические для них действия, которые несут в дополнение к их природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры (БФСРЯ 2006: 772). Интерес исследователей к соматической лексике происходит на основе антропоцентрического подхода. Человек познает окружающий мир через себя, через свои ощущения, которые возникают на основе органов чувств и частей собственного тела.

В японском языке соматическая лексика часто используется в идиоматических выражениях, которые передают качественно-оценочные характеристики, физическое и психологическое состояние человека, относятся к его практической деятельности.

Рассмотрим далее признаки идиомы. Ито Макото считает, что идиома состоит как минимум из двух или более слов; синтаксически и семантически представляет собой единое образование и функционирует как слово, т. е. обладает идиоматичностью, устойчивостью,

воспроизводимостью и имеет четко выраженное метафорическое значение (Ито 1989: 382). Коикэ Сэйдзи указывает, что в зависимости от частеречной принадлежности главного компонента идиомы могут быть именными, глагольными и адъективными (Коикэ 2003: 28).

Нас интересуют глагольные и адъективные идиомы, состоящие из двух и более компонентов; имеющие прямое значение и метафорический перенос; связанные с психофизическим состоянием человека.

Цель данной работы — описать семантику идиом с компонентом 腹 *хара* «живот» в японском языке.

Из японских словарей (Японско-русский словарь Кэнкю:ся, Толковые онлайн словари японского языка Weblio и Goo, Словарь идиом с примерами) методом сплошной выборки были отобраны примеры идиом с компонентом *хара* «живот» в количестве 40 единиц.

По мнению Т. М. Гуревич в японской национальной традиции отсутствует противопоставление души и тела, свойственное христианской традиции. Телесное и духовное начала воспринимаются в единстве. Духовные, моральные качества человека не концентрируются в одном месте и не ассоциируются с конкретным положением на теле человека, поэтому анатомические органы могут выступать в языке в качестве ‘вместилищ, емкостей’ для душевных сил (Гуревич 2006: 49–57).

В японском языке существуют выражения с прямым и переносным значением 腹の中 *хара-но нака* «в животе; в душе, в глубине сердца, про себя». Живот в японской культуре издавна считается средоточением жизненных сил, местом нахождения физических и моральных сил человека.

Рассмотрим далее семантику идиом с соматизмом 腹 *хара*.

Лексема 腹 *хара* является полисемантической. В словаре «Кэнкю:ся» отмечены следующие значения: живот (желудок, кишечник, утроба); корпус, внутренняя часть; душа (сердце, намерение, эмоции) (Кэнкюся 2000: 893).

В «Большом словаре японского языка» приводятся значения: у животных — нижняя часть туловища, у млекопитающих — часть (место), где находятся внутренние органы, такие как желудок и кишки; орган пищеварения, в частности, кишечник; материнская утроба; душа (намерения, чувства) (Большой словарь 1989: 1590).

В том случае, если живот рассматривается как орган пищеварения, внимание концентрируется на функции, т. е. на переваривании,

усвоении. Если живот рассматривается как место, где находятся органы, внимание концентрируется на емкости,местилище. Баба Норико считает, что живот может рассматриваться как емкость, в которой сосредоточен внутренний душевный мир личности (Баба 2002: 41).

Лексема 腹 *хара* со значением «живот» используется в свободных и идиоматических сочетаниях с прямым и переносным (метафорическим) значением.

Примеры свободных сочетаний: 腹が大きい *хара-га оокий* «с большим животом», 腹が痛い «живот болит»,

Примеры идиоматических сочетаний: 腹を切る *хара-о киру* «сделать сэппуку; нести ответственность за неудачу, например, в фирме», Существуют идиомы, связанные с животом как органом пищеварения, например, 腹が減る *хара-га хэру* (すく *суку*) «проголодаться», 腹がいっぱい *хара-га иппай* «быть сытым». Существуют идиомы, связанные с животом как емкостью, например, 腹が立つ *хара-га тацу* «сердиться», 腹を読む *хара-о ёму* «предполагать, что думает партнер»,

Далее рассмотрим семантику идиом с соматизмом 腹 *хара* в значении «душа». Поскольку опорное слово в идиоме имеет переносное значение, значение идиомы в целом также является переносным.

Мы выделили две тематические группы:

1. «Мысль, сопровождающая чувство». К этой группе относятся идиомы, описывающие характеристики индивида, такие, как решимость, понимание, терпимость, и намерение. Например, 腹は太い *хара-га футой* «досл. живот толстый; терпимый, великодушный, не придирается по пустякам», 腹を割る *хара-о вару* «досл. разрезать живот; раскрыть истинные намерения, быть откровенным с собеседником», 腹を決める *хара-о кимэру* «решиться на что-то».

Примеры. 彼はあれでなかなか腹が太いところがあるから、案外、部下たちともうまくやっている。Карэ ва арэ-дэ наканака хара-футой токоро-га ару кара, ангай, букатати томо умаку яттэ иру. «Т. к. он в этом деле достаточно великодушный, вопреки ожиданиям, он хорошо ладит с подчиненными».

その件につきましては、腹を割って話すことにしましょう。Соно кэн-ни цукимаситэ ва, хара-о ваттэ ханасу кото-ни симасё:. «Что касается этого случая, давайте поговорим откровенно».

2. «Чувства». К этой группе относятся идиомы, выражающие такие чувства, как досада, обида, злость и смех. Например, 腹に持つ *хара-ни моцу* «в глубине сердца затаить обиду», 腹が立つ *хара-га тацу* «сердиться», 腹が黒い *хара-га курой* «досл. живот черный; зловердный, упрямый», 腹が揺れる *хара-га ёдзирэру* «надрываться от смеха». К этой группе примыкают идиомы, выражающие изменение настроения, как правило, исчезновение злости, например, 腹が癒える *хара-га иэру* «злость и досада проходят, и настроение улучшается, быть удовлетворенным».

Примеры. いつものことながら、彼の無愛想な対応には腹が立つ。 *Ицумо-но кото нагара, карэ-но муайсо:на о:тай-ни ва хара-га тацу*. Хотя это как и всегда, но в ответ на его неприветливое поведение, сержусь.

あの男が一度頭を下げたぐらいで、僕の腹が癒えるわけではない。
Анохито-га итидо атама-о сагэта гурай дэ, боку-но хара-га иэру вакэ дэ ва най. Только потому, что он наклонил голову (поклонился), моя досада не прошла.

あの男は腹が黒いと評判だから、君も十分注意したほうがいい。
Ано отоко ва хара-га курой то хё:бан да кара, кими мо дзю:бун тю:и сита хо: га ий. Т. к. у него репутация зловердного человека, тебе тоже нужно быть достаточно осторожным.

Танака Сатоко считает, что в идиомах с соматизмом 腹 *хара* наблюдаются чувства, обусловленные инстинктом самосохранения и тенденция к противостоянию с окружающими (Танака 2003: 120).

Идиомы с компонентом 腹 *хара* связаны с эгоистическими чувствами, которые могут выступать в качестве предпосылки для конфликта интересов. Рассмотрим идиому 腹を探る *хара-о сагуру* «попытаться выведать, о чем думает партнер».

冗談に見せかけて、彼の腹を探ろうとした。 *Дзё:дан-ни мисэкакэтэ, карэ-но хара-о сагуро:-то сита*. «Под видом шутки я попытался понять его истинные намерения».

Глаголы, нейтральные с точки зрения сочувствия, 明かす *акасу* «раскрывать», 読む *ёму* «читать», 見抜く *минуку* «видеть насквозь», 見透かす *мисукасу* «видеть насквозь, хорошо понимать» употребляются

с лексемой 腹 *хара*, образуя идиомы 腹の中を明かす *хара-но нака-о акасу* «делать достоянием окружающих то, что на сердце», 腹を読む *хара-о ёму* «читать в душе у кого-то», 腹を見抜く *хара-о минуку* и 腹を見透かす *хара-о мисукасу* «узнать то, что скрывает собеседник». В том же случае, если нужно передать эгоистичные, расчетливые чувства, японцы используют сочетание 腹を探る *хара-о сагуру* «прощупывать намерения, настроение партнера».

Итак, мы провели анализ идиом с компонентом-соматизмом *хара* «живот» и пришли к следующим выводам.

Лексема 腹 *хара* являясь полисемантической, может использоваться в качестве опорного слова в свободных сочетаниях и в идиомах с прямым и переносным значением.

Лексема 腹 *хара* в значении «душа или емкость для души» образует идиомы следующих тематических групп: мысль, сопровождающая чувство; разнообразные чувства, начиная от злости и заканчивая смехом.

Идиомы с соматизмом 腹 *хара* в значении «чувства» связаны с эгоистическими чувствами индивида.

Литература

Баба Норико. «Хара-га тацу»-но до:кидзукэ-ни кансуру хитоко:сацу 「馬場典子. 「腹が立つ」の動機付けに関する一考察」. Наблюдение относительно мотивов использования идиомы «сердиться». Issues in language and culture. Университет Нагоя. 2002. № 3. Р. 31–44.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Большой словарь японского языка. 日本語大辞典. Токио: Kodansha, 1989. 2302 р.

Гуревич Т. М. Представление о душе в японской лингвокультуре // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 49–57.

Ито: Макото. Канъё:ку но ими ко:дзо: [伊藤眞. 慣用句の意味構造. 言語文化論集]. Семантическая структура фразеологизмов // Сборник по языку и культуре. 1992. № 35. С. 108–193.

Коикэ Сэйдзи. Канъё:ку-но бунсэки то соно о:ё: [小池清治. 慣用句の分析とその応用. 宇都宮大学国際学部研究論集]. Анализ идиом и их практическое использование // Сборник исследований международного отдела университета Уцуномия, 2003, № 16. С. 89 – 92.

Словарь идиом с примерами. Рэйкай канъё:ку дзитэн [例解慣用句辞典. 東京: 創拓社]. Токио: Со:такуся, 2001, 625 с.

Танака Сатоко. Кокоро тоситэ-но синтай. Канъё:хё:гэн кара мита атама, хара, мунэ [田中聡子. 心としての身体. 慣用表現から見た頭・腹・胸. 言葉と文化] Тело как сердце. Голова. Живот. Грудь. Через призму идиом]. Котоба то бунка. №2. Нагоя: Нагоя Дайгаку, 2003. С. 111–124.

Толковый онлайн словарь японского языка Weblio. URL: <http://www.weblio.jp/content/> (дата обращения 12.04.2018).

Толковый онлайн словарь японского языка Goo. URL: <http://dictionary.goo.ne.jp/srch/jn/> (дата обращения 12.04.2018).

Японско-русский словарь. Токио: Кэнкюся, 2000. 1183 с.

Осминина М. А.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет, Нижний Новгород

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ ГАНЫ

В настоящее время Северную Гану населяют крупные племена, составляющие приблизительно 50 % населения Северного региона. Остальные племена — это малые группы и этнические группы из других регионов, а также не ганцы по происхождению. В языковом плане народы Северной Ганы относятся к «группе языка мол», включающей в себя четыре подгруппы, а именно: мол-дагбани, гурма, груси и гуан.

Ключевые слова: Гана, Северная Гана, этнос, народ, нация, Африка, языки Африки, племя, народы Африки

Краткое описание народов Северной Ганы

Согласно этнографическим исследованиям народов Африки, Северная Гана относится к региону ниже Круга Вольты (Volta Circle). Исторически социальная организация большинства народов Круга Вольты — передающееся по мужской линии централизованное управление под водительством сильного короля, например, королевства мол-дагбани. В современном политическом дискурсе этнические группы мол-дагбани называют «крупными племенами» («major tribes») Северной Ганы. Однако есть не организованные в государство или лишенные государственности (ацефальные) этнические группы, например, конкомба и талленси. К не организованным в государство этническим группам также относятся аборигены в Северной Гане, большинство из которых говорит на языке гур. Эти неорганизованные народности получили название «малые племена» («minor tribes») Северной Ганы. Так как в прошлом в Северной Гане земля не считалась дефицитным ресурсом, эти малые этнические группы не имеют четко очерченных территориальных и административных единиц. За принятие решений

и урегулирование конфликтов в прошлом были ответственны главы клана. Существовали также жрецы, считавшиеся хранителями земли.

В дальнейшем аборигены были захвачены племенами из Северной и Северо-Западной части Ганы. Эти племена были потомками этнических групп мол-дагбани и гонджа и были лучше организованы в плане административного управления. Мол-дагбани и гонджа — северные народы, отличительной чертой которых является то, что они, а особенно их вожди, ездят на лошадях, а это не характерно для этнических групп, не организованных в государства. Захватчики были лучше вооружены и имели хорошо структурированную политическую организацию. Они установили свой контроль над большинством коренных народов, однако не препятствовали жрецам выполнять свои функции. Нужно отметить, что были захвачены не все ацефальные этнические группы этого региона, например, конкоба не вступали в войну с мол-дагбани до конца 1970-х — начала 1980-х и 1990-х гг.

Будучи маргинализированы в культурном плане, малые этнические группы были вынуждены бороться за статус своего племени. Очень важным элементом у североганских племен было наличие вождя. Символически и на практике наличие вождя свидетельствовало о благополучии этого племени. В 1994 г. конкомба вступили в войну за верховенство с дагомба, нанумба и гонджа. Трое из этих североганских народов были крупными племенами, имеющими своих вождей.

Языковая ситуация в Северной Гане

В языковом плане народы Северной Ганы относятся к «группе языка мол», включающей в себя четыре подгруппы, а именно: мол-дагбани, гурма, гуси и гуан.

Группа мол-дагбани говорит на языке мисси и дагомба, и все члены этой группы говорят на одном языке. Племена талленси, гуренси и набдам, в настоящее время населяющие Болгатангу в Верхне-восточном регионе (Upper East Region), в колониальную эру были известны как фрафра. Они имели схожие культурные черты. Другие члены группы — это дагомба, дагарты, кусасы, нанканни, мампруси, бусила, вала, мосси и нанумба.

Группа гурма населяет территорию, близкую к границам с Того и Буркина Фасо. К ней относятся народы конкомба, мбоа и базаре (ацефальное общество).

Третья этническая группа включает народы исала, сиссала и кассена, а также тамполенс, вагала и мо (деге). Народы этой группы говорят на языке груси и кассен-исал.

Наконец, – группа гуан, включающая народы гонджа, нчумуру и навури. Они населяют район, в настоящее время носящий название Восточный Гонджа (East Gonja District).

Кроме того, существуют разрозненные этнические группы, такие как чокоси и бусанга. Племя чокоси, говорящие на похожем на нзима диалекте акан, населяет часть района Дагомба (Dagomba District). Члены этого племени являются потомками наемников, работавших на королевства Дагомба и Мампруси в XVIII в. Племя бусанга населяет область Кусаси (Kusasi area) и говорит на языке манде. Основная этническая группа живет вдоль границы с Буркина-Фасо.

Литература

<https://www.ghanaweb.com>.

АДЛОГИ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ¹

В статье рассматриваются адлоги в языке акебу семьи ква. В акебу представлены два основных полифункциональных предлога — комитативный и локативный, — а также ряд послеложных лексем. Три лексемы употребляются как послелог и как служебные слова с другими синтаксическими функциями. Ряд лексем — реляционные имена — с морфологической и синтаксической точки зрения сохраняют свойства существительных, но функционально близки послелогам и служат для выражения локативных значений и значения причины. Одна лексема имеет особый статус и сохраняет синтаксические, но не морфологические свойства имени. Послелог всех типов употребляется как самостоятельно, так и в сочетании с предлогом.

Ключевые слова: языки ква, адлог, предлог, послелог, реляционные имена, грамматикализация

1. Введение

Язык акебу принадлежит к группе кебу-анимаре семьи ква (Западная Африка; входит в макросемью нигер-конго) и распространен в префектуре Акебу республики Того. Материал исследования, включающий элицитированные данные и естественные тексты, был получен в рамках экспедиций в деревню Джон (с выходами в деревни Котора и Джитраме) в 2012, 2013 и 2016 гг. (авторы, П. А. Коваль, Н. А. Муравьев, Д. С. Шаварина).

В настоящей работе рассматривается система адлогов (предлогов и послелогов) в языке акебу. Во многих языках ква, как известно (Амека 2003; Aboh 2010; Osam et al. 2011; Шлуинский 2017), присутствуют одновременно и предлоги, являющиеся результатом грамматикализации глаголов (что естественно при порядке слов SVO в клаузе), и послелог, являющийся результатом грамматикализации существительных (что естественно при порядке слов Poss N в именной группе). Различие

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РНФ №17-78-20071.

двух серий адлогов, которые способны сочетаться друг с другом, представлено и в некоторых других языковых семьях Тропической Африки (Heine 1989), но именно в языках ква оно скоррелировано с линейным положением адлога относительно зависимой именной группы.

Язык акебу не является исключением: синтаксические и семантические функции именных групп в нем маркируются и предлогами, и послелогами, и их комбинациями. В то же время адложная система имеет и ряд особенностей. Если в языках гбе (Амека 2003; Aboh 2010) и в акан (Osam et al. 2011) два класса адлогов устроены более или менее симметрично и по объему, и по степени грамматикализации, и по способности самостоятельного употребления, то в акебу класс предлогов включает всего две лексемы и в то же время является более грамматикализированным и более употребительным классом, а класс послелогов разнороден, но в основном включает лексемы, сохраняющие морфологию существительных, а употребляется в основном в сочетании с предлогом.

2. Предлоги

Как уже было сказано, класс предлогов в языке акебу включает две широкоупотребительных лексемы. Если комитативный предлог *mā* имеет только широкий спектр самостоятельных употреблений, то локативный предлог *tā*, помимо них, сочетается с послелогами (см. раздел 3).

2.1. Предлог *mā* выражает следующие значения. Во-первых, это комитатив (1), в том числе в контексте симметричных предикатов (2). Помимо приглагольного комитатива, *mā* употребляется и в функции применного комитатива (3). С таким употреблением связано использование *mā* как средства сочинения именных групп (4).

- (1) *né-yé* *kà-nāné-ká* *mā mā* *kéé-yā*
 1SG.PFV-делать кэ-работа-кэ с 1SG.POSS друг-ДУ
 ‘Я работал со своим другом.’

- (2) *nātā-wā* *wā-mātā* *mā* *dōŋ-tā*
 дом-вэ вэ-быть_рядом_{ЕСТ} с дорога-тэ
 ‘Дом рядом с дорогой.’

- (3) *kəpə-wə m̄ ə-fəŋ-pə*
 стакан-*wə* с *пə*-вино-*пə*
 ‘стакан с вином’
- (4) *ci kɛɛ-yə m̄ pəʔɔɔ-yə pə-kpɪi fɛɛ-wə sɛŋsɛŋ*
 собака-*ɔɔ* с *кошка-ɔɔ* *пə*-находиться_{ЕСТ} место-*wə* один
 ‘Собака и кошка рядом.’

Во-вторых, это значение инструмента (5), в том числе расходуемого средства (6).

- (5) *nə-kpə zɑɑ-tə m̄ kə-sɔɔ-kə*
 1SG.PFV-тесать стул-*tə* с *кə*-топор-*кə*
 ‘Я вытесал стул топором.’
- (6) *nɑ-kālɑ m̄ kə-kpɑ-kə m̄ ŋɛɛ-wə*
 1SG.PFV-шить 1SG.POSS *кə*-одежда-*кə* с *нитка-wə*
 ‘Я сшила свое платье ниткой.’

В-третьих это, при определенных предикатах, значения стимула (7) и экспериенцера (8).

- (7) *nɑ-fəŋ m̄ kə-nənɛ-kə*
 1SG.PFV-уставать с *кə*-одежда-*кə*
 ‘Я устал от работы.’
- (8) *kəʔɔ-yə sɑ Ø-pɔɔni m̄ m̄*
 девушка-*ɔɔ* DEM *ɔɔ*-быть_хорошим_{ЕСТ} с 1SG.O
 ‘Эта девушка мне нравится.’

В-четвертых, это обстоятельственные значения времени (9) и образа действия (10).

- (9) *nɑ-pəʔɔ m̄ dúmɪ-tə*
 1SG.PFV-блевать с *ночь-tə*
 ‘Меня тошнило ночью.’

- (10) *né-yé* *wō* *mā* *kə̀-pū̀tū̀-kā*
 1SG.PFV-делать WƏ.O с глупость-кƏ
 ‘Я поступил глупо.’

2.2. Основным значением *предлога* *t̃i* является локативное без спецификации направления: эссивное (11), элативное (12), аллативное¹ (13), транслативное (14), в том числе приименной локатив (15). Помимо собственно пространственной локализации, данный предлог выражает и локализацию метафорическую, в частности, временную (16).

- (11) *à-kə̀láátíá-pə́* *pə́-láá-fáá* *t̃i* *cíi-làŋ-wā*
 PƏ-банан-PƏ PƏ-3.НАВ-висеть в дерево-ветка-WƏ
 ‘Бананы висят на ветке.’

- (12) *nə́-fə́* *júnjúkúlún-tə́* *t̃i* *kplō-yā*
 1SG.PFV-брать котел-тƏ в стол-пУ
 ‘Я взял котел со стола.’

- (13) *díi-tə́* *lā-tə́* *t̃i* *kítə̀-wā*
 калѣбаса-тƏ 3.PFV-падать в земля-WƏ
 ‘Калѣбаса упала на землю.’

- (14) *lē-sítí* *t̃i* *t̃iŋtə̀-wā*
 3.PFV-гулять в деревня-WƏ
 ‘Он прошелся по деревне.’

- (15) *ò-tù-yā* *t̃i* *wə̀-tàà-kpā* *yā̀-kpēēlī*
 YƏ-вещь-YƏ в KРƏ-рынок-KРƏ YƏ-лежать_{ECT}
 ‘Вещи с рынка здесь.’

- (16) *t̃i* *jì* *té* *pə́-lā̀sə́* *lò* *yū̀-tā*
 в день INDF PƏ-3.PROSP-рубить 2SG.POSS голова-тƏ
 ‘Однажды тебе отрубят голову.’

¹ Как и в других языках ква, в акебу для аллативного значения широко используется также нулевое маркирование. Распределение между локативным предлогом и его отсутствием, видимо, является лексическим и зависит от конкретного глагола движения.

Кроме того, предлог $\tilde{t}$ выражает значения источника (17), содержания мысли или речи (18), агенса или каузатора (19).

- (17) $n\acute{a}-p\acute{í}$ $k\grave{o}\grave{o}q\acute{u}-y\acute{a}$ $\tilde{t}$ $ti\grave{e}-y\bar{a}$
 1SG.PFV-просить банан-НУ в женщина-НУ
 ‘Я попросил банан у женщины.’
- (18) $\eta-y\bar{a}$ $n\acute{o}\acute{o}-p\grave{u}$ $\tilde{t}$ $n\acute{a}$ $\grave{a}-w\bar{e}\bar{e}\bar{l}\acute{í}-k\acute{a}$
 1SG-PROG 1SG.НАВ-думать в 2PL.POSS КЭ-разговаривать-КЭ
 ‘Я думаю о вашем разговоре.’
- (19) $\mu\grave{i}-y\bar{a}$ $w\acute{e}$ $l\bar{a}-w\acute{o}$ $\tilde{t}$ $k\rangle\grave{a}n\bar{a}-w\bar{a}$
 человек-НУ DEM 3.PFV-быть_унесенным в река
 ‘Этого человека унесло рекой.’

2.3. На *прочие* предлоги акебу в наших данных представлены лишь единичные примеры, нуждающиеся в дальнейшем исследовании. В (20) представлен предлог $\acute{a}\acute{t}$ со значением предела. Ниже в (25) показан предлог $t\grave{a}\eta$ со значением сравнения.

- (20) $\grave{o}-y\bar{i}-t\bar{o}\bar{o}-y\bar{a}$ $s\bar{a}$ $w\acute{e}$ $\acute{a}\acute{t}$ $k\acute{í}t\grave{a}\bar{a}-w\bar{a}$
 УЭ-голова-перо-УЭ DEM DEM до земля-WЭ
 ‘волосы до пола’

3. Послелог

В акебу представлены, во-первых, относительно периферийные в собственно послеложной функции служебные слова с неопределенной категориальной принадлежностью; во-вторых, грамматикализованные реляционные имена, сохраняющие морфосинтаксические свойства существительных; в-третьих, примыкающая к ним лексема $k\rangle\bar{a}\eta$ с особыми свойствами.

3.1. В наших материалах зафиксировано три *послелога*: $k\rangle\acute{e}\eta$, выражающий предшествование во времени (21); $k\grave{u}t\grave{o}$, выражающий причинное значение (22); и $k\bar{a}t\acute{a}$, имеющий сравнительное значение (24). Последние два способны функционировать как самостоятельно, так и в составе предложно-послеложных конструкций с предлогами $\tilde{t}$ (23) и $t\grave{a}\eta$ соответственно (25).

(21) *ŋɔ̃ kɾɛ́ŋ'*

пѹ.о перед

‘перед ним, до него’

(22) *ná-mɔ̃ kə̀-fɔ̃ɛ̃ɛ̃-kā sā kùtò*

1SG.PFV-смеяться кə-письмо-кə DEM из.за

‘Я рассмеялся из-за этого письма.’

(23) *lóó-pù ñi-yā sā f̃ nòó ò-tù-cì-yā kùtò*

3.НАВ-думать человек-пѹ DEM в пѹ.POSS yə-вещь-знать-yə из.за

‘Он уважает этого человека за его знания.’

(24) *nə́ kātá*

пѹ.POSS¹ как

‘как он’

(25) *ālāá-nə̃ mə̃ lə́ tá-yá kātá*

2SG.НАВ-петь как 2SG.POSS отец-пѹ как

‘Ты поешь, как твой отец.’

Все три единицы сочетаются с зависимыми именными группами без каких-либо маркеров синтаксической связи, но имеют более широкую дистрибуцию, нежели послелог. Так, *kɾɛ́ŋ'* употребляется в позиции временного наречия, а *kùtò* и *kātá* могут функционировать как союзы, присоединяя клаузуальные зависимые (см. подробнее: Муравьев 2015).

3.2. Для выражения различных типов локализации, а также некоторых других значений в акебу используются посессивные конструкции с грамматикализированными реляционными именами в позиции вершины. В табл. 1 представлены все имеющиеся в наших материалах лексемы данного типа.

Эти лексемы обладают также морфологическими свойствами имени: они имеют классные показатели и способны инкорпорировать прилагательное в позицию между основой и суффиксальным показателем

¹ Как можно видеть, в отличие от двух других лексем, *kātá* сочетается не с объектным, а посессивным местоимением; вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Табл. 1. Реляционные имена, выступающие в адложной функции

Реляционное имя	Значение	Основное значение в функции адлога
<i>mì-tā</i>	нутро, живот	локализация IN
<i>kà-lēēlī-kā</i>	бок	локализация APUD
<i>ò-ŋūŋ-kā</i>	верх	локализация SUPER
<i>kà-nīŋ-kā</i>	зад, задница	локализация SUB
<i>pòlō-wā</i>	низ	локализация SUB
<i>kà-màà-kā</i>	зад, спина	локализация POST
<i>kà-nīŋ-kā</i>	перед	локализация ANTE
<i>yī-tā</i>	голова	причина

именного класса (26b). Синтаксические свойства конструкции с ними также совпадают со свойствами именной посессивной конструкции, имеющей левое ветвление и маркированной показателем посессивной связи.

- (26) а. *kà-nīŋ-kā* б. *kà-nīŋ-mīŋmīŋ-kā*
 кə-низ-кə кə-низ-большой-кə
 ‘под, низ, зад’ ‘толстый зад’

В зависимости от модели управления глагола, такая посессивная именная группа может вводиться (27) или не вводиться (28) локативным предлогом *tī*.

- (27) *yíli-wá* *wà-līŋ-kpí* *tī* *ò-yú-pá* *wé lá* *mì-tā* ?
 перец-вə вə-3.NEGHAB-находиться в рə-союз-рə DEM POSS нутро-тə
 ‘В этом соусе нет перца? (т. е. не кладут перец)’

- (28) *ká* *nō-kó* *nē-fí* *tīŋtāà-wā* *lá* *mì-tā* *wé*
 когда 3.PFV.JNT-идти 3.PFV.JNT-входить деревня-вə POSS нутро-тə DEM
 ‘Когда он вошел в деревню...’

Нелокативные значения локативных реляционных имен практически не представлены, но помимо пространственной локализации они выражают и временную (29).

- (29) *né-yé kə̀-pānḗ-kə́ t̪̃ ò-pùŋ̀-ʉ̃ è-yí l' m̀-t̪̃*
 1SG.PFV-делать кə-работа-кə в ʉ̃-час-ʉ̃ ʉ̃-два POSS нутро-тə
 ‘Я работал два часа.’

3.3. Особняком стоит лексема *krə̃̃̃*, выражающая локализацию APUD. Эта лексема проявляет синтаксические свойства имени и присоединяет зависимую именную группу при помощи показателя посессивной связи, однако, с точки зрения морфологических свойств, демонстрирует существенную степень грамматикализации, так как лишена показателей именного класса и не может принимать правые зависимые. Как и реляционные имена, данная лексема представлена без локативного предлога (30) или с ним (31).

- (30) *m̪̃ ñ-kó náá-w' l' krə̃̃̃ w'*
 если 3.JNT-идти огонь-wə POSS около SUB
 ‘Если он подойдет к огню...’

- (31) *ə̀-sə̃̃̃-kə́ ló-kū̃ t̪̃ òtōgá l' krə̃̃̃*
 кə-вчера-кə 1PL-собираться_{FCT} в Отога POSS около
 ‘Вчера мы собирались у Отога.’

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо;

кə, крə, ðʉ, рə, тə, wə, ʉ̃ — показатели именных классов и согласования по ним;

DEM — демонстратив;

FCT — фактатив;

HAВ — хабитуалис;

INDF — показатель неопределенности;

JNT — сопряженная серия;

NEGHAВ — отрицательный хабитуалис;

о — объектное местоимение;

PFV — перфектив;

PL — мн. число;

POSS — показатель посессивности, посессивное местоимение;

PROG — прогрессив;

PROSP — проспектив;

SG — ед. число;

SUB — показатель клаузуального подчинения.

Литература

Муравьев Н. А. О некоторых служебных единицах с неопределенной категориальной принадлежностью в языке акебу // Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-С, 2015. С. 201–221.

Шлуинский А. Б. Предложно-последовые конструкции в языках ква // Африканский сборник 2017. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 449–463.

Aboh E. O. The morphosyntax of the noun phrase // Topics in Kwa syntax Dordrecht etc.: Springer, 2010. P. 11–37.

Ameka F. K. Prepositions and postpositions in Ewe (Gbe): empirical and theoretical considerations // Typologie des langues d'Afrique et Universaux de la grammaire. Paris: L'Harmattan, 2003. Vol. 2. P. 41–67.

Heine B. Adposition in African languages // Linguistique Africaine. 1989. Vol. 2. P. 77–127.

Osam E. K., Duah R. A., Blay A. M. The so-called postpositions in Akan: A reconsideration // Journal of West African languages. 2011. Vol. 38 (2). P. 107–118.

МАРКЕРЫ НЕОДНОКРАТНОСТИ СИТУАЦИИ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

*Статья посвящена способам выражения предикативной множественности в кхмерском языке при помощи служебных слов. Рассматриваются слова *sehtae*, *taeŋtae*, *cræŋtae*. Описывается их семантика, также кратко этимология и история. В конце статьи ставится вопрос о категориальной принадлежности этих и схожих с ними «служебных» слов в кхмерском языке, а также о том, выражают они грамматические или лексические значения.*

Ключевые слова: кхмерский язык, грамматика, служебные слова, глагольная множественность, итеративность

1. Семантическая зона неоднократности ситуации и способы ее выражения

Каждая ситуация, описываемая высказыванием в речи, обладает несколькими важнейшими характеристиками: она предполагает определенный набор участников и ряд онтологических свойств, в частности аспектуальных. Аспектуальные значения можно определить как описывающие «характер протекания и распределения действия во времени» (ТФГ 1987: 40–41).

Одним из основных семантических аспектуальных доменов является количественность ситуации, выражающая одно- или многократность действия. Терминологически важно различать *микроситуацию*, единичное действие или «квант» действия и *макроситуацию* (о которой говорит высказывание в целом), которая может включать в себя одну или несколько микроситуаций. Ниже вместо термина «макроситуация» будет использоваться «ситуация».

Значения неоднократности ситуации можно классифицировать. Далее мы будем придерживаться классификации, предложенной в работах (Шлуинский 2005) и (ТИК 1989), специально посвященных

данному вопросу. В первом приближении она выглядит следующим образом:

Действие может быть представлено как набор квантов, объединенных общим набором актантов и периодом времени (*Он постучал по столу*). Такие значения называют **мультипликативными**.

Микроситуация может повторяться через некоторый интервал времени (*Она каждое утро выходит в сад*), это **итеративные** значения.

Может акцентироваться свойство участника, проявляющееся регулярно в ходе повторения какой-либо микроситуации (*Мой сосед пьет по-черному*). Для этого случая используется термин «**хабитуалис**», который часто включают в состав итератива.

Наконец, бывают случаи, когда, независимо от того, происходит ли действие в рамках одной ситуации или нет, имеется один общий для всех микроситуаций актант, а в каждой микроситуации — единичный представитель этого актанта: *Выстрелы раздавались то здесь то там*. Это **дистрибутив**.

Возможна дальнейшая классификация, которая будет представлена ниже.

Как и все аспектуальные значения (Падучева 2010), множественность ситуации выражается в результате взаимодействия лексического значения предиката (так называемого акционального класса), значения предикативных граммем, денотативного статуса актантов и лексических средств, прежде всего, обстоятельств.

2. Показатели неоднократности ситуации в кхмерском языке

Наше исследование посвящено трем весьма частотным служебным словам, выражающим значения, связанные с неоднократностью ситуации: *cehtae*, *taeŋtae* и *craəntae*.

Каждое из этих слов состоит из двух слогов: первый соотносится с некоторым знаменательным словом, существующим в современном кхмерском языке, а второй является общим для трех перечисленных слов: это формант *tae*, входящий в состав значительной части служебных слов кхмерского языка (Haiman 2011: 257).

Рассмотрим основные значения, которые выражают эти слова. Вопрос о взаимодействии семантики этих слов с акциональным классом предикатива мы затрагивать не будем.

2.1. Первая часть показателя **craəntae**, craəp, совпадает со словом **craəp** ‘много’. craəntae, как правило, переводится на русский язык как ‘большей частью, обычно’ и т. п.:

- (1) *cə:nciet k^hmae craəntae rə:k si: t^hvə:*
 народ кхмерский большей.частью искать еда делать
srae jə:k srəv maok səpɛəm ci:vɪt
 поле братъ рисъ приходить кормить жизнь
 ‘Кхмеры обычно/по большей части зарабатывают себе на жизнь выращиванием риса’.

От прочих показателей, которые будут рассмотрены ниже, craəntae отличается меньшей вариативностью значений. Анализ материала показывает, что употребление этого показателя предполагает соблюдение двух условий:

1) имеется совокупный первый актанта, разбиваемый на отдельных участников, большая часть которых выполняет действие, обозначаемое предикативом. Подчеркивается (в отличие, например, от *sehtae*), что оставшиеся представители совокупного актанта не выполняют данное действие/не несут называемый признак.

2) действия, выполняемые участниками, могут иметь место как одновременно, так и в разное время.

Это подтверждается комментариями носителей языка, а кроме того возможностью (также подтвержденной носителями) замены craəntae определением *p^hiek craəp* ‘большая часть, большинство’, которое можно ввести в состав группы подлежащего.

В большинстве рассмотренных примеров имеет место повторяемость (а не однократность) ситуации в течение продолжительного периода времени. Действие осуществляется отдельными представителями совокупного множества и во многих случаях носит вневременной характер: описывается ситуация характерная для данного класса, называемого именем, то есть выражает генерическое значение.

Наиболее подходящим для этого значения термином будет *субъектный дистрибутив*, описывающий одновременное или разновременное множество микроситуаций, в которых участвуют разные субъекты (Шлуинский 2005: 16).

2.2. Показатель *sehtae* чаще всего выражает *итеративные значения*. Без поддержки дополнительных лексических средств или индивидуальной семантики глагола, показатель имеет фреквентативное прочтение: интервал между повторяющимися в разные периоды времени микроситуациями оказывается меньше некоторой условной нормы (2).

- (2) *cbap ca:ra:ca: ʔaʔniʔvoat k-miən*
 правило дорожное.движение выполнять NEG-иметь
prasətap^hiep baə sə:n baŋka: bok tənɪh
 успех если люди создавать задавить человек
slap sehtae dahlɛ:ŋ
 умереть постоянно освобождать
 ‘Правила дорожного движения не будут эффективно соблюдаться, если водителей, которые сбивают людей насмерть, будут постоянно отпускать’.

В (3) этот же показатель имеет узитативное прочтение, которое подкреплено лексически, с помощью обстоятельства *pe:lyup* ‘по ночам’. Это значение подразумевает повторение ситуации в соответствии с какой-либо закономерностью:

- (3) *sehtae krahaɥ sə:ŋ pe:l yup?*
 постоянно болеть нога время ночь
 ‘Постоянно болят ноги по ночам?’

Во многих случаях *sehtae* выражает *хабитуальное значение* (4):

- (4) *yɪʔveaʔcəən tɪəɥ camniən toɔc dæl sehtae*
 молодежь один количество маленький который постоянно
trihsdəɥ kvah ka:-ʔaʔniʔvoat
 стоять.на.своем не.хватать NMLZ-выполнять
 ‘Некоторые молодые люди, которые постоянно стоят на своем и которым недостает послушания’.

Реже выражается значение актуально длящейся ситуации, которое называют *прогрессивным*. *Прогрессив* во многих других языках мира выражается тем же показателем, что и *хабитуалис*, а конкретное про-

чение показателя будет зависеть от контекста (Плунгян 2011: 66). Как показывают наши примеры, *cehtae* реализует прогрессивное значение в сочетании с глаголами, обозначающими интенсификацию признака (5):

- (5) *bamnol kampricə cehtae kaən¹ laəŋ²*
 долг Камбоджа постоянно увеличиваться^{1,2}
 ‘Долг Камбоджи постоянно растет’

Гораздо реже исследуемое слово выражает мультипликативное значение *sepetiva*: интервал между микроситуациями меньше условной нормы (6).

- (6) *k^hnom cehtae luəc mə:l koat ciəriəyriəy*
 я постоянно украдкой смотреть она часто
 ‘Я часто украдкой поглядывал на нее’

Интересно обстоятельство *ciəriəyriəy*, которое лексически дублирует значение *cehtae*. По мнению информантов, предложение может употребляться или без *cehtae*, или без *ciəriəyriəy*. Однако отмечается, что такое предложение воспринимается как «слишком короткое».

Наконец, *cehtae* может выражать *дистрибутивные* значения. Так, согласно комментариям информантов, в примере (1) возможна замена показателя *сraəntae* на *cehtae* (7).

- (7) *cə:nciet k^hmae cehtae rə:k si: t^hvə: srae*
 народ кхмерский всегда искать еда делать поле
jə:k srəv maok cəncəm ci:vīt
 брат рис приходить кормить жизнь
 ‘Все кхмеры зарабатывают себе на жизнь, выращивая рис’

Разница между (1) и (7) заключается в том, что в ситуации принимают участие все представители совокупного актанта. Употребляемый именно в таком контексте показатель оказывается наименее грамматизованным. *seh* в определенной степени сохраняет здесь свое лексическое значение, ‘знать’, ‘уметь’, ‘обладать навыком’. Возможно, так же и частица *tae*, употребляющаяся самостоятельно в значении ‘только’.

Таким образом, во всех этих случаях использование *sehtaе* необходимо чтобы подчеркнуть дополнительную интенсивность ситуации, например, ее увеличенную, по сравнению с нормой, частоту.

2.3. Последний показатель — *taeŋtaе* (вариант — *taeŋ*). Его семантика покрывает основные значения, выражаемые показателями *sehtaе* и *saеŋtaе*. Наиболее частотные значения — *фреквентатив* и *хабитуалис*. Этот показатель может также выражать обычный *итератив*, *узитатив*, *сепетив*, *прогрессив*, *субъектный* (как со значением выделения большей части представителей актанта, так и без него) и *объектный* *дистрибутив*.

Широкий спектр значений, выражаемых *taeŋ taе*, имплицитует, вероятно, наибольшую частоту его употребления, в несколько раз превышающую частоту употребления остальных показателей. Однако возможна и обратная закономерность.

3. Статус исследуемых слов

Несмотря на то, что перечисленные слова выражают значения, которые в большинстве языков мира относятся к грамматическим, их статус в кхмерском языке является дискуссионным.

Причина этого в том, что данные элементы (как и большинство других «грамматических» слов) не образуют парадигм, а их употребление не является обязательным.

Тем не менее, нам кажется, что есть, по крайней мере, два основания, позволяющие интерпретировать их именно как грамматические, а не как лексические элементы.

Во-первых, все потенциальные грамматические показатели кхмерского языка образуют закрытый список. Кроме того, значительную часть таких показателей объединяет элемент *taе*, входящий в их состав (в ряде случаев он опционален). При этом все слова с *taе* занимают одинаковую позицию в группе предикатива и исключают друг друга. Во-вторых, все они занимают фиксированную позицию непосредственно перед предикативом, что противопоставляет их обстоятельственным группам, тяготеющим к левой или к правой границам предложения (перед подлежащим или после дополнения).

Важно также то, что все описываемые слова неспособны употребляться в предложении самостоятельно (единственный найденный пример топиализации может быть отнесен к ошибке при наборе). Экс-

перименты, проведенные с информантами, показывают, что к данным словам невозможно задать вопрос и, самое главное, эти элементы неспособны иметь никаких зависимых слов.

Литература

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 311 с.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.

Шлуинский А. Б. Типология предикативной множественности: количественные аспектуальные значения: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 372 с.

Haiman J. Cambodian: Khmer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2011. 425 p.

Мозоль Т. С.

МГЛУ, Москва

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ СТАНДАРТНЫМ ЯЗЫКОМ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КУЛЬТУРНЫМ ЯЗЫКОМ КНДР

В настоящее время между северокорейским и южнокорейским вариантами языка сформировались значительные различия. Наибольшее количество расхождений отмечается в лексике. Лексические различия обусловлены рядом причин: использование разных диалектов, разные социально-политические условия, разная политика по упорядочению языка и пр. В данной статье предложена классификация основных типов лексических различий между стандартным языком Республики Корея и культурным языком КНДР. В качестве основных типов лексических различий было выделено: 1) лексика разная по форме, но одинаковая по смыслу, 2) лексика одинаковая по форме, но различная по смыслу, 3) лексика одинаковая по форме, но различная по сфере и частоте употребления, 4) безэквивалентная лексика.

Ключевые слова: стандартный язык, культурный язык, КНДР, Республика Корея, лексические различия

В настоящее время на Корейском полуострове используется два варианта корейского языка: культурный язык КНДР и стандартный язык РК. Культурный язык КНДР — это язык, который «отражает предпочтения и чувства рабочего класса», и «представляет собой модель социалистического национального языка, за основу которого взят говор революционной столицы Пхеньяна» (현대조선말사전 1981: 1812). С другой стороны, стандартный язык РК — это «широкоупотребительный современный язык образованных людей, основанный на сеульском говоре» (한국어문규정집 2011: 72). Наибольшее количество расхождений между культурным и стандартным языками в настоящее время отмечается в лексике, поскольку лексические различия наиболее полно и быстро отражают те изменения, которые происходят в жизни общества, в то время как для изменения фонологического

или грамматического строя языка требуется гораздо больше времени. Язык не может существовать отдельно от общества, а существование разных общественно-политических систем на Севере и Юге не могло не оказать влияния на язык и прежде всего на его словарный состав: изменялись значения слов, происходило наращение новой семантики и стилистическое переосмысление слов, что наряду с возникновением новых слов усугубляло лексические различия между разными вариантами корейского языка.

В настоящее время между языковыми вариантами Севера и Юга сформировались значительные лексические различия в силу разных причин: культурный язык Севера и стандартный язык Юга основаны на разных диалектах и используются в разных социальных системах, на Севере и Юге упорядочение заимствованных и ханмунных слов шло разными путями, принимались разные языковые нормы. Можно выделить несколько основных типов лексических различий между культурным и стандартным языками.

1. Отличная по форме, но одинаковая по смыслу лексика

1.1. Диалектная лексика

Примерно 4000 слов из северо-западных и северо-восточных диалектов вошло в состав культурного языка (최용기 2010: 228).

Диалектное слово	Провинция	Южнокорейский вариант	Значение
가깝다	평안, 강원	가깝다	близкий
망탕	평안	마구	как попало
게사니	평안, 황해, 함경	거위	гусь
마스다	함경	부수다	сломать
인차	함경, 평북	이내, 곧	вскоре
지내	함남	너무	слишком
쟁개비	평남, 황해, 함남	냄비	кастрюля

1.2. Упорядоченная лексика

После освобождения от японской оккупации на Севере и Юге началось движение по упорядочению лексики с целью освобождения от влияния японского языка, однако его результаты не всегда

совпадали на Севере и Юге. В КНДР рассматривали эпоху Чосон как эпоху феодализма, поэтому от использования иероглифических слов, отражающих в себе элементы феодального сознания, также старались отказаться, в то время как в РК объектом упорядочения стали лишь малоупотребительные или слишком сложные иероглифические слова. (조조현 외 2003: 161–162). Кроме того, в отличие от Юга работа по упорядочению лексики на Севере носила более системный характер, а ее результаты активно внедрялась в жизнь. Ряд слов был упорядочен на Севере и Юге одинаково (매점 — 가게, 색인 — 찾기, 찾아보기; 주석 — 풀이, 자승 — 제공 и т. д.)¹. Однако большая часть слов была упорядочена по-разному.

Слово	Север	Юг
날조하다 (фальсифицировать)	꾸며내다, 지어내다	가짜 만들다, 생으로 꾸미다
편성하다 (формировать)	짜다, 묶어짜다	짜다, 엮다
벤또 (ланч-бокс)	밥곽, 곱밥	도시락
연륜 (годичное кольцо)	해돌이, 해무늬	나이테
경사도 (угол наклона)	비탈도	기울기
빙점 (точка замерзания)	얼점, 얼음점	어는점
화기엄금 (осторожно с огнем)	불엄금	불조심

При этом ряд слов был упорядочен только на Севере, в то время как на Юге эти слова остались в неизменном виде: 주스-과일단물 (сок), 햄버거-고기겉빵 (гамбургер), 샴푸-머리비누 (шампунь), 프라이팬-볶음판 (сковорода), 대기실-기다림칸 (приемная), 분유-가루젓 (сухое молоко)².

1.3. Разные способы словообразования

Способы образования пассива и каузатива в северокорейском и южнокорейском вариантах языка отличаются.

¹ Согласно «Сборнику упорядоченной на Севере и Юге лексики» (2002) среди 22655 упорядоченных на Юге и 38307 упорядоченных на Севере слов 705 из них совпадают.

² Здесь и далее в тексте первым приведен южнокорейский вариант, вторым — северокорейский.

Каузатив		Пассив	
Север	Юг	Север	Юг
벗기우다 (раздевать)	벗게 하다, 벗기다	갈히우다 (быть в заточении)	갈히다
감기우다 (вымыть)	감기다, 감게 하다	밟히우다 (попираться)	밟히다
놀래우다 (удивлять)	놀라게 하다	생각히다 (вспоминаться)	생각나다
자래우다 (растить)	자라게 하다	가리우다 (заслоняться)	가려지다
빛내우다 (освещать)	빛내다	볶이우다 (обжариваться)	볶이다

В северокорейском варианте аффиксация и объединение корней являются более продуктивными, чем в южнокорейском варианте языка, что обусловило появление отличий в производных и составных словах.

Суффикс	Север	Юг	Суффикс	Север	Юг
-아/어대다	고아대다 (кричать)	고함치다	-히	살랑히 (легко)	살랑
-아/어들다	쏟어들다 (нахлынуть)	몰려들다	-롭/-겹	고르롭다 (ровный) 자랑겹다 (похвальный)	고르다, 자랑 스럽다
-아/어맞다	급해맞다 (срочный)	급하다	-아/어 싸다	남자싸다 (мужествен- ный)	남자답다
-아/어나다	부러워나다 (завидовать)	부러워하 다	-지다	주렁지다 (быть увешенным)	주렁주렁 매 달리다
-아/어나 서다	도와나서다 (приходить на помощь)	돕기 위하 나서다	-차다	성차다 (быть доволь- ным)	성(에/이) 차다

1.4. Ономатопозитические слова

Среди звукоподражательных слов не отмечается особых отличий, а вот среди образоподражательных слов появилось достаточно различий: 딸랑딸랑 — 왈랑질랑 (бряцать, позвякивать), 두근두근, 벌렁 벌렁 — 후둑후둑, 후두둑후두둑 (биться, стучать), 우쭐거리다 — 우

쫄렁거리다 (задаваться, хвастаться), 굵실굵실 — 굵석굵석 (подобострастно), 구석구석 — 고삿고삿 (везде, повсюду), 드문드문 — 도간도간 (с промежутками).

1.5. Орфографические различия

В качестве основных орфографических различий можно выделить правило написания первого согласного в словах иероглифического происхождения (노동 — 로동 (труд), 양심 — 량심 (совесть)), написание составных слов (나뭇가지 — 나무가지 (ветка дерева), 냇물 — 내물 (ручей), грамматических форм (деепричастие предшествования от глагола 기다 (ползти): 기어 — 기여, прошедшее время: 기었다 — 기엸다).

1.6. Слова иероглифического происхождения

На Севере и на Юге существуют разные способы чтения иероглифов: 개진 — 개준 (раскаяние), 오류 — 오유 (ошибка), 왜곡 — 외곡 (искажение), 경신 — 갱신 (обновление), 췌장 — 취장 (поджелудочная железа), 발췌 — 발취 (выдержка, отрывок). Кроме того, в ряде слов изменен порядок слогов: 상호 — 호상 (взаимный), 왕래 — 래왕 (посещение), 가부장 — 부가장 (патриархат).

1.7. Заимствования

Заимствования представляют собой пласт лексики, который содержит большое количество различий. На Юге используется большое количество заимствованных слов, которые непонятны на Севере. В северокорейском варианте языка также есть заимствованные слова, однако, во-первых, их гораздо меньше, чем в южнокорейском варианте, а во-вторых, пути заимствования и способы передачи заимствованных слов отличаются от южнокорейского варианта. На Север заимствования зачастую попадали через русский, а на Юг — из английского. Одним из важнейших различий является использование на Севере сильных взрывных согласных в написании заимствованных слов. Имена собственные в северокорейском варианте передаются максимально близко к языку оригинала, в южнокорейском варианте — близко к тому языку, через который они попали в корейский.

Слово	Север	Юг
Венгрия	마자르	헝가리
трактор	뜨락또르	트랙터
энергия	에네르기	에너지
смартфон	타치폰 (지능형손전화)	스마트폰
стакан	꼬뿌	컵
колбаса	칼파스	소시지
точка	또치까	(마침표)
самообслуживание	(자체로)	셀프

1.8. Естественное развитие языка

Естественный процесс развития языка на Севере и Юге шел в условиях длительного разделения и изоляции. Формирование разных языковых предпочтений нашло свое отражение в лексике. 맞벌이부부 — 직장세대 (работающие супруги), 가정주부 — 가두녀성 (домохозяйка), 맛소금 — 맛내기 소금 (соль с пищевыми добавками), 선수촌 — 체육촌 (олимпийская деревня), 화장실 — 위생실 (туалет), 양로원 — 양생원 (дом престарелых).

2. Одинаковые слова с разным значением

Данные слова вызывают наибольшие затруднения в процессе коммуникации при отсутствии знаний о существовании смысловых различий.

2.1. Слова с разным значением

Слово	Значение на Севере	Значение на Юге
수갑	перчатки	наручники
분주하다	шумный	занятой
오징어	осьминог	кальмар
낙지	кальмар	осьминог
야근	работать в ночную смену	работать допоздна
청결	уборка	чистота
수표	подпись	банковский чек
하늘소	осел	жук-усач

2.2. Слова с разной эмоциональной окраской

Под влиянием разных идеологий, а также под влиянием языковой изоляции изменилась эмоциональная окраска отдельных слов. При этом та часть лексики, которая связана с буржуазным капиталистическим обществом и используется на Юге с положительным оттенком, стала в свою очередь архаизмом в КНДР, зачастую получив негативный оттенок.

Слово	Север	Юг
고용	арх. эксплуатация (–)	наем на работу (+)
백만장자	арх. капиталист-эксплуататор (–)	миллионер (+)
부자	арх. богач — эксплуататор (–)	богатый человек (+)
동무	товарищ (+)	товарищ (–)
소행	поступок (+, –)	поступок (–)
늙은이	пожилой человек (+)	старик (–)
방조	помощь, поддержка (+)	пособничество (–)

Кроме того, на Севере отмечается использование резких выражений и сниженной лексики, которые не входят в состав культурного языка, однако часто используются при обращении к врагам Северной Кореи. На Юге, напротив, использования подобной лексики стараются избегать.

Слово	Сниженная лексика	Стандартная лексика
разговаривать	지껄이다	말하다
голова	대가리, 대갈통	머리
американец	미제놈	미국 사람
японец	왜놈	일본 사람
разгромить	까부시다, 쳐부수다, 때려부시다	부수다

2.3. Слова с дополнительным значением

За годы разделения у отдельных слов появились дополнительные значения, в том числе под влиянием существующей в стране идеологии.

Слово	Север	Юг
바쁘다	1. занятой, 2. трудный	1. занятой
대상	1. объект, 2. жених, невеста	1. объект
산보	1. прогулка, 2. свидание	1. прогулка
교시	1. наставление, 2. наставления Ким Ир Сена	1. наставление
청결하다	1. чистый, 2. делать уборку	1. чистый
철거	1. снос, 2. вывод (войск)	1. снос (здания)
담다	1. чистить, 2. жарить	1. чистить

3. Одинаковая по форме, но отличная по частоте и сфере использования лексика

3.1. Лексика с разной сферой использования

Слово	Север	Юг
머리	голова человека	голова животных, людей
살찌다	толстеть (животные)	толстеть (животные, люди)
된장	соевая паста, изготовленная на заводе	соевая паста
억제력	контроль (чувства, военная сфера)	контроль, сдержанность в чувствах
여위다	худеть (животные, равные или нижестоящие по положению)	худеть (вежливое выражение)
미성년자	несовершеннолетний (до 16 лет)	несовершеннолетний (до 19 лет)
학년도	учебный год (с 1 апреля до 31 марта)	учебный год (с начала марта до конца февраля)
보루	блок сигарет из 30 пачек	блок сигарет из 10 пачек
쌈	пачка из 20 иголок	пачка из 24 иголок

Кроме того, в КНДР часть лексики, которая связана с капиталистическим или феодальным укладом общества, перешла в разряд архаизмов: 복덕방 (агентство недвижимости), 고지서 (извещение), 관공서 (государственные ведомства) и пр.

3.2. Лексика с разной частотой использования

Существует ряд лексики, которая сохранив одинаковое значение на Севере используется с разной частотностью. Так, к примеру, среди двух синонимов, один чаще используется на Севере, а другой — на Юге.

Слово	Север	Юг
прогулка	산보	산책
недостаток	부족점	단점
подстрекательство	사촉	사주
арахис	락화생	땅콩
праздник Тано	수리날	단오
праздник Чусок	한가위	추석

4. Безэквивалентная лексика

Данный тип лексики, наряду с одинаковой лексикой, приобретшей разное значение на Севере и на Юге, вызывает наибольшее затруднение в процессе коммуникации между северянами и южанами, поскольку помимо простого непонимания слов, как правило, отсутствует представление о самой реалии, которую она обозначает.

В Республике Корея появился большой пласт лексики, связанной с укладом капиталистического общества. Например, 신용카드 (кредитная карта), 인터넷 뱅킹 (интернет-банкинг), 퀵서비스 (экспресс-доставка), 실버산업 (сфера товаров и услуг для пожилых людей), 재테크 (способы обогащения). Кроме того, немалое влияние на корейский язык оказывает развитие информационных технологий, способствующее формированию особого языка интернета. Например, 망가 (рад(а)), 엄친아 (сын маминой подруги), 안습 (грустно до слез). Большой пласт лексики сформировался под влиянием современных социокультурных реалий южнокорейского общества, сформировавшихся после разделения: 주말 농장 (ферма выходного дня), 특수목고 (специализированная старшая школа), 효도관광 (туристическая поездка для родителей), 녹색어머니 (движение «зеленые матери») и пр.

В КНДР, в свою очередь, под влиянием коммунистической идеологии появилась новая лексика, непонятная на Юге: 생활총화 (собрание для подведения итогов), 선진분자 (передовик), 평양속도 (пхеньянская скорость), 혁명가정 (семья, преданная идеям революции), 선군정치 (политика сонгун), 마식령 속도 (скорость Масика) и пр., а также лексика, отражающие социокультурные реалии северокорейского общества: 인민배우 (народный артист), 인민기자 (народный журналист), 5장6기 (богатое приданное, 5 шкафов и 6 электроприборов), 합의제 식

당 (ресторан с договорными ценами), 외화식당 (валютный ресторан), 밥공장 (столовая-распределитель).

Таким образом, на Севере язык развивается под большим идеологическим влиянием, в то время как на Юге корейский язык в значительной степени испытывает влияние иностранных заимствований и современной интернет-культуры. Разные пути развития языка на современном этапе еще больше усугубляют разницу между языками Севера и Юга, изначальной предпосылкой для которой стало различие северных и южных диалектов. В качестве основных типов лексических различий было выделено 1) лексика разная по форме, но одинаковая по смыслу, 2) лексика одинаковая по форме, но различная по смыслу, 3) лексика одинаковая по форме, но различающаяся по сфере и частоте употребления, 4) безэквивалентная лексика.

Литература

- 현대조선말사전. 평양: 과학, 백과사전출판사, 1981.
조조현 외. 남북한 언어의 이해. 서울: 도서출판 역락, 2003.
최용기. 한국어 정책의 이해. 서울: 한국문화사, 2010.

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР КИТАЙСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена дискурсивным словам в современном китайском языке – это единицы особого типа, которые обеспечивают связность и целостность текста и отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего. В статье с опорой на эмпирический материал дается общая таксономия и краткая характеристика классов наиболее употребляемых дискурсивных слов в современном китайском языке, также отмечается наличие аналогичных классов дискурсивов в древнем китайском языке. Исследование дискурсивных слов на материале китайского текста показывает, что в перспективе возникает задача создания словаря дискурсивных слов китайского языка.

Ключевые слова: дискурсивные слова, дискурсивные маркеры, коннекторы, эмфаза, модальность, китайский язык

Дискурсивные слова – это довольно новая, подвижная, сложная, еще малоизученная область лингвистики, точного определения и общепринятого названия в традиционной лингвистической терминологии для этого класса слов до сих пор не сложилось. В нашем исследовании в этой области мы пользуемся терминами «дискурсивное слово», «дискурсив», «дискурсивный маркер», обращаясь к фрагменту лексической системы языка, который служит средством фиксации отношений между отдельными компонентами дискурса. Эти термины вошли в лингвистику сравнительно недавно, чаще всего под ними понимается некая коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» фрагменту дискурса, обладающая определенной дискурсивной семантикой, передающая коммуникативно-прагматическую информацию.

Для лингвистики научный интерес представляет исследование путей появления и функционирования дискурсивов в языке. В современной науке о языке они рассматриваются как класс неизменяемых лекси-

ческих единиц, объединенных общими функциональными характеристиками. Дискурсивы не имеют денотата в общепринятом смысле, их значения непредметны, и изучение их представляется возможным только через употребление. Часто они бывают трудно переводимыми или вообще не переводимыми на другие языки за неимением точных эквивалентов. Кроме того, эти единицы играют важную роль не только в процессе построения и понимания текста, но и в ходе овладения языком. Также и при утрате языка начинается все именно с потери этого класса слов, в исчезающих языках носители полностью утрачивают их раньше, чем слова других семантических классов (Викторова 2014: 13).

В настоящее время имеется довольно большое количество описаний отдельных дискурсивных слов, но, несмотря на огромный интерес современной лингвистики к дискурсивным словам, в исследовании этих единиц существуют лакуны. Типологически ориентированное изучение этих слов как класса является одной из наиболее насущных и востребованных в настоящее время областей дискурсивного анализа. Большинство исследований проводилось на материале английского, немецкого, русского, французского языков. Исследование же дискурсивных слов в восточных языках, в частности, в китайском языке, представляется довольно непростым, но весьма перспективным. На предмет наличия и функционирования этих слов пока не исследовался и древнекитайский язык, в связи с этим в нашем исследовании мы обращаемся не только к современным текстам, но и к древним.

Китайский текст изобилует словами, которые по своим функциям относятся к дискурсивам. Дискурсивные маркеры не являются обязательными элементами китайского предложения, но, очевидно, облегчают восприятие и интерпретацию высказывания, повышают экспрессивность речи. В этой связи исследование дискурсивов на материале китайского современного и древнего текста в перспективе поставит перед лингвистами задачу составления словаря дискурсивных слов китайского языка.

В настоящее время интерес к изучению дискурсивных слов неуклонно растет, как следствие, в отечественной лингвистике также появилось немало работ, связанных с изучением дискурсивных слов на материале конкретных текстов разной тематики и содержания. Что касается работ отечественных лингвистов по изучению дискурсивных слов на материале восточных языков, то здесь мы обращаемся

к проекту группы лингвистов СПбГУ «Линейные и нелинейные способы обеспечения целостности и связности текста на языках Азии и Африки» под руководством В. Б. Касевича (Касевич 2014). К дискурсивным словам в рамках этого исследования были отнесены четыре разряда единиц:

- 1) коннекторы (коннективы);
- 2) единицы, передающие семантику сильной эмфазы;
- 3) единицы, передающие семантику слабой эмфазы;
- 4) единицы, выражающие контрастивную тему.

С опорой на эту классификацию дискурсивных слов нами был проведен анализ восточных текстов, который показал, что практически во всех рассмотренных в рамках проекта текстах на восточных языках, включая СКЯ, чаще всего встречаются слова с семантикой слабой эмфазы и коннекторы, в то же время общее количество дискурсивных слов в текстах на разных языках существенно различается. К примеру, в китайском нарративном тексте может встретиться около пятнадцати различных дискурсивных слов, в то время как в японском всего лишь два (Кобозева 2004). В китайском тексте часто встречаются слова, которые по функциям можно отнести к дискурсивным словам, а по семантике — к модальным, то есть дающим логическую или эмоциональную оценку ситуации.

В китайском языке мы выделяем следующие группы дискурсивных слов.

1. Слова с эпистемической модальностью.

Как показали исследования, китайский текст изобилует словами, которые по своим функциям относятся к дискурсивным словам, а по своей семантике — к модальным, дающим логическую или эмоциональную оценку ситуации (Колпачкова 2014: 94). Сюда относятся слова с такой модальностью, которая связана с информацией об источнике знания. Такие слова либо подчеркивают, либо смягчают степень уверенности говорящего в истинности высказывания:

其实 qí shí ‘по сути же дела, на самом же деле, фактически же’, 也许 yě xǔ ‘возможно, может быть’, 好像 hǎo xiàng ‘кажется, казалось бы’, 可能 kě néng, 有可能 yǒu kě néng, 定 kěn dìng, 当然 dāng rán, 未必 wèi bì, 不到(得) bù dào (dé) и другие.

2. Слова, совмещающие оценочную и связующую функции.

Особым средством выражения субъективной модальности являются дискурсивные слова, которые совмещают в себе и оценочно-интерпретирующую, и связующую функции. К таким мы отнесем следующие дискурсивные слова:

反正 fǎn zhèng ‘так или иначе, во всяком случае’, 难道 nán dào (难道说 nándào shuō) ‘неужели, разве’, 毕竟 bì jìng ‘в конце концов, наконец, все-таки, все же, как-никак’, 无论 wú lùn ‘вне зависимости от...; не взирая на...’, 哪怕 nǎ pà ‘хотя бы, пусть даже’ и другие.

3. «Чистые» коннективы.

Говоря о коннекторах в китайском языке, мы обращаемся к так называемым «чистым» коннекторам, которые не несут в себе оценочно-интерпретационной функции, а лишь выполняют связующую функцию в тексте. Под коннектором в современном китайском языке мы подразумеваем тип дискурсивных слов, функции которых определяются в первую очередь текстовыми целями. В текстах нарративного характера такие слова обеспечивают продвижение повествования вперед, представляют нужную фоновую информацию, конкретизируют детали происходящего, обеспечивают общую связность и логичность текста, а также соединяют в одно целое отдельные части текста (Колпачкова 2014: 92).

Чистые коннективы в свою очередь можно распределить на более мелкие классы:

- Коннекторы, выражающие логические, причинно-следственные отношения между составляющими дискурса.

所以 suǒyǐ, 因此 yīncǐ, 因而 yīnéng ‘поэтому’, 因为 yīnwèi, 于...原因 yú... yuányīn, 由于...因 yóuyú... yīn ‘потому что, по этой причине’, 那 nà, 那么 nàme ‘таким образом, соответственно’, 这样一来 zhèyàngyīlái, 这么着 zhèmezhe ‘таким образом, следовательно, соответственно’, 从而 cóngér ‘следовательно’.

- Коннекторы аддитивной семантики, которые прерывают смысловую часть и/или начинают новую тему.

对 duì, 对了 duìle ‘между прочим, кстати говоря, а вот еще’, 而且 érqiě, 并且 bìngqiě ‘к тому же’, 再说 zàishuō, 也 yě ‘к тому же, также и’, 顺便说 shùnbiniànshuō, 说话回来 shuōhuà huílái ‘кстати говоря’,

况且 kuàngqiě ‘к тому же, притом’, 加之 jiāzhī, 再加 zàijiā, 再加上 zàijiāshàng ‘к тому же, притом, вдобавок’, 何况 hékuàng ‘что же и говорить, тем более, что’.

- Маркеры переключения.

但是 dànshì, 但 dàn, 可是 kěshì, 可 kě ‘но’, 然而 ránér ‘но, однако, все же, все-таки’, 不过 bùguò ‘однако’, 还是 hái shì ‘все равно’, 虽然 suīrán, 虽说 suīshuō, 虽 suī ‘хотя’, 即便 jìbiàn, 尽管 jǐnguǎn ‘пусть даже, если даже, допустим’.

К маркерам переключения мы также отнесем составные конструкции: 尽管…还是 jǐnguǎn...háishì, 即便 … 还是 jìbiàn ... háishì ‘пусть даже, хоть и, хотя бы даже...все равно, все-таки, все же’, 即便…也 jìbiàn ... yě ‘пусть даже...все равно’.

- Детализирующие коннекторы.

换句话说 huàn jùhuà shuō ‘иными словами’, 具体来说 jùtǐ láishuō, 具体地讲 jùtǐde jiǎng ‘говоря конкретно, в частности’, 特别是 tèbié shì, 尤其是 yóuqíshì ‘в частности, особенно’.

4. Слова, передающие семантику эмпазы.

К классическим дискурсивным словам с семантикой эмпазы относятся частицы, являющиеся важным средством эмоционально-логического выделения структурных элементов предложения, увеличивают смысловую значимость слов и словосочетаний. Мы выделяем следующие классы дискурсивных слов, передающих семантику эмпазы в современном китайском языке.

1. Выделительные или усилительные дискурсивы:

就 jiù, 就是 jiùshì, 便 biàn, 便是 biànshì ‘именно, именно это и есть, именно, буквально, как раз’, 才 cái, 即 jí ‘именно, как раз’, 甚至 shénzhì, 乃至 nǎizhì ‘даже и, а то и даже’.

Составные конструкции с семантикой сильной эмпазы:

就是…也 jiùshì... yě, 就连…也 jiù lián... yě, 连…也 lián... yě, 连…都 lián... dōu, 甚至…也 shénzhì... yě, 甚至…都 shén zhì... dōu ‘даже, и то’

2. Ограничительные дискурсивы:

只 zhǐ, 只是 zhǐshì, 只有 zhǐyǒu, 仅 jǐn, 光 guāng, 惟 wéi ‘только, только лишь, всего, всего-навсего, единственно’, 不过 bùguò ‘не более, не больше, чем’.

5. Частицы, служащие для выделения контрастивной темы.

К этому типу относятся дискурсивные слова, использование которых связано с нарушением каких-либо ожиданий, допустим, нарушен обычный порядок изложения и имеется переход к новой теме: 嘛 ma, 啊 a, 呢 ne, 吧 ba (Колпачкова 2014: 91–94).

Дискурсивные слова в древнекитайском языке.

Помимо исследования текстов современного китайского языка, мы также предприняли попытку анализа эмпирического материала древнекитайского языка на момент наличия в нем дискурсивных слов. Под древним языком в работах разных авторов понимаются разные периоды развития китайского языка. В нашем исследовании мы в основном обращались к материалам классического взньяня (с V по II вв. до н. э.). Тексты, написанные на древнекитайском языке, как и любые другие древние тексты, сложны для понимания. Основные трудности, прежде всего, связаны с функциональной неоднозначностью служебных слов, когда, например, одно и то же служебное слово может относиться и к отдельному знаменательному слову, и к целому предложению (Зограф 1990: 8).

М. В. Крюков и Хуан Шу-ин в своей работе «Древнекитайский язык» выделяют следующие категории слов: знаменательные слова, служебные слова, полуслужебные слова. Особый интерес для нас представляют слова второй и третьей категории, которые авторы объединяют в один класс «служебных слов», куда они относят, в том числе, и местоимения, наречия, модальные предикативы (Крюков, Хуан Шу-ин 1978: 8).

Мы попытались выявить дискурсивы в ДЯ и приложить к единицам этого класса описанную нами выше классификацию, которая подразумевает деление дискурсивов на модальные дискурсивы, «чистые» коннекторы и дискурсивы со значением эмфазы.

В древнекитайском языке мы обнаружили все типы дискурсивных слов, которые мы выделили в современном китайском языке. Связано

это, по-видимому, с фактом происхождения большинства служебных слов, сохранившихся в китайском языке с древности до наших дней. Важной их особенностью является то, что в текстах разных периодов и при различном окружении они могут выполнять функцию дискурсивного слова, а могут и не иметь ее. Конечно, их состав дискуссионен, но факт наличия дискурсивов в древнекитайском языке сомнению не подлежит, а перед нами стоит задача более подробного описания дискурсивных слов древнего китайского языка.

В ходе всего исследования мы выяснили, что китайский текст изобилует дискурсивными словами. Такие языковые единицы не являются обязательными элементами китайского предложения, но очевидно, что они облегчают восприятие и интерпретацию высказывания, повышают экспрессивность речи. В связи с этим детальное рассмотрение системы дискурсивных слов в китайском языке представляется нам перспективным и интересным, и, как следствие, возникает задача разработки в дальнейшем комплексной классификации дискурсивных слов китайского языка и, возможно, разработка специального словаря дискурсивных слов современного и древнего китайского языка.

Литература

Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Изв. Саратовского университета Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 10–15.

Зограф И. Т. Официальный вэньянь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 342 с.

Касевич В. Б., Берникова О. А., Гроховский П. Л., Инюшкина Е. И., Колпачкова Е. Н., Шубная Д. И., Яхонтова Н. С. Дискурсивные слова восточного текста // Сборник материалов XI Международной научной конференции Языки стран Дальнего Востока Юго-Восточной Азии и Западной Африки. СПб., 2014. С. 86–90.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Доклады международной конференции Диалог. М., Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 292–297.

Колпачкова Е. Н. Модальные и дискурсивные слова в современном китайском языке // Сборник материалов XI Международной научной конференции Языки стран Дальнего Востока Юго-Восточной Азии и Западной Африки. СПб., 2014. С. 9194.

Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 512 с.

Нагибина И. Г.

Сибирский федеральный университет, Красноярск

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается концепция оригинального дискурсивно-коммуникативного направления в китайском языкознании, китайского культурологического дискурс-анализа, имеющего собственную специфику и базирующегося на традиционном философско-мировоззренческом фундаменте и уникальной языковой картине мира. В рамках статьи представлены основные культурно-коммуникативные ориентиры/векторы, детерминирующие конвенции дискурсивного взаимодействия в китайской языковой культуре.

«Грамматика и стилистика позволяют сделать высказывание изящным, размышления над высказыванием позволяют разглядеть смысл, а знание культуры позволяют отыскать его истинное разумение».

Шао Юн¹

Становление новой междисциплинарной формы знания в китайской науке, специализирующейся на изучении различных типов дискурса, началось в конце 80-х годов XX века, со времени начала проведения политики реформ и открытости, интеграции китайской экономики во внешний мир, повлекших за собой и академическую интеграцию. В целом, дискурсивное направление в рамках китайского языкознания развивается по траектории адаптации «западных» концепций, посвященных теории дискурса и дискурс-анализу, к собственному лингвистическому опыту. Китайские ученые осуществляют попытки применить методы анализа связанной речи на материале своего национального дискурсивного пространства.

¹ Философ, ученый, поэт династии Северная Сун, 1011–1077 гг.

Однако, китайская дискурсология далеко не копирует полностью чужие образцы. В традиции изучения китайского языкового общения особо выделяется научная школа профессора Ши Сюя, имеющая собственное теоретическое лицо и уже утвердившаяся в роли самостоятельных исследовательских практик, обладающих собственной методологией (Shi 2005, 2009, 2013, 2014).

Культурологический дискурс-анализ (文化话语研究), новое направление, формирующееся в китайской дискурсологии с начала XXI века, использует идеи и методы критического анализа дискурса. В свою очередь критический анализ дискурса представляет собой «разновидность дискурс-аналитической процедуры, направленной на изучение, главным образом, способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах» (Дейк 2013: 111).

Однако для исследователей дискурса в русле культурологического дискурс-анализа, в первую очередь, культура является той основой, которая специфицирует общение в целом и его частное дискурсивное воплощение. При этом понятие «культура» определяется как «свойственная конкретной цивилизации система восприятия действительности, символов, способов самовыражения, ценностей, правил, речевых моделей, социальных интеракций» (Shi 2014: 27). В целом, культурологический подход призван дешифровать культурную информацию, скрытую в знаках определенной культуры, и вскрыть реальные причины коммуникативного поведения участников дискурса, интерпретировать их согласно собственным культурным конвенциям и ориентирам.

Социальный контекст, заданный культурными ориентирами каждого сообщества, является основой проводимых исследований «восточной» коммуникации. В противном случае, по мнению лингвистов, мы рискуем неверно истолковать текст или устное высказывание, интерпретируя их в перспективе собственных культурных кодов и языковых норм (Lu 2000; 邢福义 2000; 曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈 2001; 陈汝东 2004; 陈国明 2004; 施旭, 冯冰 2008; 施旭 2010; 杨娜 2014).

Теоретики китайского культурологического дискурс-анализа определяют дискурс как важнейшую составляющую культуры, духовным стержнем которой выступает китайская философия, и оценивают китайскую коммуникацию в первую очередь с учетом фактора

проявления собственной системы знаний и мировоззренческих идей. Эти идеи определяют своего рода «правила» выстраивания и наполнения китайского языкового взаимодействия, имеют глубокое обоснование в идеологии конфуцианства, буддизма, даосизма, моизма. Китайские философские постулаты выполняют роль «цензора» по отношению к участникам дискурса, определяя правила общения: нормы стиля и тональности, социальные и психологические установки. Однако китайские языковеды только намечают перспективу развития дискурсивного направления в лингвистике с учетом собственной культурной традиции, но не предлагают детального аналитического инструментария, четких параметров, позволяющих изучать и описывать формы и содержание дискурсивно-коммуникативного взаимодействия в китайской языковой культуре.

Анализ значительного теоретического и эмпирического материала позволил нам смоделировать китайское культурно-дискурсивное пространство через совокупность культурно-коммуникативных ориентиров или векторов, характеризующих особенности общения и коммуникативного стиля в китайской лингвокультуре.

Культурно-дискурсивное пространство определяется при этом как континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и функциональное единство.

Культурно-коммуникативный вектор, в свою очередь, как традиционный архетипически обусловленный ориентир, имея социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. При этом культурно-коммуникативный вектор может проявляться в интеракции неодинаковыми способами, которые мы именуем модусами его реализации

Авторская модель дискурсивного пространства китайской лингвокультуры как совокупности культурно-коммуникативных векторов представлена в следующем виде:

- 1) культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» (чжунхэ) — целеполагающий вектор китайской коммуникации;
- 2) культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面» (ляньмянь);
- 3) культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» (лимао);

- 4) культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и);
- 5) культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй);
- 6) культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси);
- 7) культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй);
- 8) культурно-коммуникативный вектор «Патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и).

В моделировании китайского культурно-дискурсивного пространства с необходимостью обозначаем еще один конституент китайской коммуникации — «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюу шэньмэй), определяющий априорность красоты и изящества плана выражения — всей совокупности фонетических, лексических, синтаксических средств языка как ресурса для выражения нравственного и морального.

Несмотря на возможную многоплановость интерпретации эстетической категории в китайской лингвокультуре мы считаем правомерным определить ее по отношению к языку или речи как тесно связанную с универсальной категорией прекрасного, проявляющуюся в благозвучии, изобразительности, выразительности, эстетически значимой ассоциативности. Как показывают эмпирические наблюдения, эстетический фон китайской коммуникации на начальных этапах погружения в китайскую лингвокультуру воспринимается иностранцами достаточно неоднозначно — создается впечатление чрезмерной «высокопарности» слога, а безукоризненная структурная организация кажется «неестественной».

Важность стремления к эмоциональной выразительности и чистоте речи постулирована в авторитетных произведениях китайской канонической и философской литературы:

- «君子进德修业，忠信所以进德也，修辞立其诚，所以居业也» / «Благородный муж должен предельно ответственно и с благоговением подходить к выбору формы воплощения задуманного» (周易传文白话解).
- «言之无文，行而不远» / «Не обладающая изяществом речь далеко не разнесется» (周易传文白话解).

- «名不正，则言不顺；言不顺，则事不成» / «(Если) имя не исправлено, то слово не соответствует (с делом); слово не соответствует, то дело не сделается» (论语原文译文集赏析).

Эстетизация языка, придание ему изысканности и изящности, происходит посредством включения ритма, группировки знаков по рифмам, структурной организации текста, стилистических фигур, имеющих сжатую форму выражения, но обладающих глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия.

Культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» является неотъемлемым вектором китайского дискурсивного пространства, изобилующего имплицитностью, где план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения. Данный вектор имеет три модуса, или варианта, реализации: «Умалчивание»; «Имплицитность, скрытость высказывания» и «Множественный повтор мысли» как способ продуцирования истинного смысла высказывания.

Модус «Имплицитность, скрытость высказывания» предполагает дискурсивное конструирование смыслов посредством аллюзий и метафор, когда адресат вынужден «читать между строк» и делать собственные умозаключения из сказанного, по-своему его интерпретировать.

Способы передачи и постижения скрытого, эзотерического смысла сформулированы в китайской фраземике:

- «旁敲侧击» / «стучать сбоку и бить со стороны»;
- «立象尽意» / «собирать обобщенный образ из всего сущего»;
- «依经立意» / «утверждаться в мысли через канонические книги»;
- «以少总多» / «в малом сконцентрировать много»;
- «寻象求意» / «постижение смысла через понимание символа».

Архетипом культурно-коммуникативного вектора «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй) является одна из составляющих китайского мировоззрения — «диалектическое мышление», которая базируется на парадоксальной парадигме, где противоположности не взаимоисключают друг друга, а взаимозависят, находятся в вечной борьбе и единстве. Взаимосвязь и взаимозависимость антиподов описывается в основополагающих трактатах китайской философии «Дао дэ цзин» и «Каноне перемен».

Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» лексикографически закреплен в устойчивых выражениях, используемых в современном китайском языке:

- «天下没有不散的筵席» / «все дела имеют время окончания»;
- «良言逆耳» / «добрый совет приятен слуху»;
- «以柔克刚» / «использовать мягкость для преодоления жесткости»;
- «塞翁失马，焉知祸福» / *букв.* «старик с границы потерял лошадь, не к счастью ли это (лошадь вернулась, приведя с собой еще одну)»; *обр.* «нет худа без добра; не было бы счастья, да несчастье помогло; никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь»;
- «你中有我，我中有你» / *букв.* «ты — часть меня, а я — часть тебя; мы неотделимы друг от друга»;
- «福兮祸所依，祸兮福所至» / *букв.* «счастье есть продолжение беды, а беда — продолжение счастья; *обр.* за горем следует радость»;
- «否极泰来» / «когда гексаграмма «Пи» («Упадок») доходит до своего предела, приходит гексаграмма «Тай» («Прорыв») — продолжение счастья; *обр.* за горем следует радость»;
- «祸福相倚» / «счастье и горе взаимосвязаны; *обр.* за горем следует радость».

Типичными способами выстраивания коммуникации по культурно-коммуникативному вектору «Диалектический подход» можно считать следующие:

- максимальное ограничение использования резких утверждений;
- включение в дискурс положительных сторон сложившейся негативной ситуации;
- глобальное описание ситуации;
- моделирование позитивного изменения ситуации;
- включение критической оценки своих действий;
- объективное восприятие происходящего.

Выстраивание языкового взаимодействия по этому вектору с включением в культурно-дискурсивное пространство вектора «Смысл вне пределов языковой формы» закрепило за представителями китайской лингвокультуры стереотип «уклончивых, скользких и хитрых» собеседников.

В действительности же руководствуясь этими постулатами, носители китайской лингвокультуры стараются воздержаться от критического оценивания любых ситуаций и событий, так оно априорно субъективно, ведь согласно гармоничному устройству реального мира каждый фрагмент действительности содержит две противоположности, как положительную, так и отрицательную.

Культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» / «辩证思维» реализуется в формах производства и понимания китайского дискурса, типизируемого такими ситуациями, как катастрофы, чрезвычайные ситуации, ошибочность действий, регрессы, кризисы и поиск выхода из них, а также представление собственных достижений. В случае необходимости критической оценки действий сторонних лиц, в первую очередь носители китайского языка эксплицитно укажут на действия этих лиц, достойные похвалы, либо выделяют положительные характеристики сложившейся ситуации.

Китайская коммуникация стремится к диалектической репрезентации происходящих событий и, следовательно, стремится к их полярному отображению в лексической и синтаксической структурах дискурса с целью сохранения баланса оппозиций, выдвижения на первый план положительных сторон несчастных случаев, негативных событий, кризисов и конфликтов.

Более того, культурно-коммуникативный вектор «Диалектический подход» присутствует не только в дискурсе, репрезентирующем ситуации и события негативного характера. В китайском культурно-дискурсивном пространстве также присутствует иной, противоположный вариант рассматриваемого вектора — «При благополучии не забывать об опасности» / «居安思危». Данная философская мысль зафиксирована в комментариях к «И цзину», или «Канону перемен»: «安而不忘危，存而不忘亡，治而不忘乱» / «В мирные времена нужно помнить о существующей опасности во избежание краха» (周易传文白话解). Такое построение дискурса согласно этому модусу имеет своей целью повысить осознание адресатом необходимости помнить о постоянно изменяющемся порядке вещей и носит прагматический характер предупреждения, нежели устрашения и запугивания.

Вышесказанное демонстрирует, что культурно-коммуникативные векторы, имеющие глубокое и многостороннее обоснование в классических философско-религиозных канонических произведениях Китая, не утратили своей детерминирующей силы в актуальном культурно-дискурсивном пространстве. Положения древних китайских канонов, лежащие в основе выделенных нами базовых ориентиров китайской лингвокультуры, постулируют принципы природного и цивилизационного развития китайского общества. Они и сегодня цементируют китайское культурно-коммуникативное пространство, являются его

теоретико-методологической матрицей, или параметрическими элементами, согласно которым выстраивается сам китайский дискурс и формируется модель его анализа.

Литература

Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Lu S-m. Chinese perspectives on communication // Chinese Perspectives in Rhetoric and Communication / ed. R. Heisey, 2000. P. 57–65.

Shi X. A cultural approach to discourse. New York: Basingstoke, 2005. 223 p.

Shi X. Reconstructing eastern paradigms of discourse studies // Journal of Multicultural Discourses, 2009. № 4. P. 29–48.

Shi X. Discourse and culture: From discourse analysis to cultural discourse studies. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2013. 420 p.

Shi X. Chinese Discourse Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 223 p.

邢福义 (Син Фу'и). 语篇语言学 (Лингвокультурология). 武汉: 湖北教育出版社, 2000.

曹顺庆, 李清良, 傅勇林, 李思屈 (Цао Шуньцин, Ли Цинлянь, Фу Юнлинь, Ли Сыцюй). 中国古代文论话语 (Дискурс китайских литературных произведений). 成都: 巴蜀社会, 2001.

陈国明 (Чэнь Гомин). 中华传播理论与原则 (Теория и принципы китайской теории коммуникации). 台北: 五南图书出版股份有限公司, 2004.

陈汝东 (Чэнь Жудун). 当代汉语修辞学 (Риторика современного китайского языка). 北京: 北京大学出版社, 2004.

施旭, 冯冰 (Ши Сюй, Фэн Бин). 当代中国话语的主题分析 (Анализ современного китайского дискурса) // 中国社会语言学, 2008. № 10. 1–14页.

施旭 (Ши Сюй). 文化话语研究: 探索中国的理论、方法与问题 (Культурологический дискурс-анализ: в поисках китайской теории, методов и проблематики). 北京: 北京大学出版社, 2010.

杨娜 (Ян На). 妇女人权的文化话语研究—剖析与评估中国政府计生话语的特质、策略和原则 (Культурологический анализ дискурса прав женщин: анализ, стратегии и принципы). 杭州: 浙江大学出版社, 2014.

КОНЦЕПТ «ОПТИМИЗМ» (乐观 *lèguān*) КАК ФРАГМЕНТ КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

*Объектом данного исследования является позитивное (оптимистичное) мироощущение современных китайцев как специфическая черта их национального характера. Предмет исследования — ключевое слово 乐观 *lèguān* «оптимизм», а также устойчивое словосочетание с ним 积极乐观的人 *jījīlèguānderén* «оптимист» в его лексикографической фиксации, употреблении в дискурсе и отражении в обыденном сознании носителей языка. Основная цель работы — показать, что концепт 乐观 *lèguān* является культурно-специфичным для китайцев. Теоретическую основу исследования составили понятия языковой картины мира, ключевых слов, концепта, национального характера, менталитета, ментальности, разработанные российскими и зарубежными исследователями. Материалом для исследования послужили данные словарей разного типа, корпусные данные и данные пилотажного психолингвистического эксперимента.*

Ключевые слова: китайский язык, языковая картина мира, национальный характер, ключевые слова, оптимизм

Известно, что «язык — одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления» (Спешнев 2011: 101). Иначе говоря, «существуют знания, закодированные оппозициями словаря и грамматики, это языковые знания, а их совокупность — *языковая картина мира*» (Касевич 1996: 179). В данной работе мы предполагаем, что 乐观 *lèguān* является ключевым словом китайской культуры, ее языковой картины мира. Под *ключевым словом*, вслед за А. Вежицкой, мы понимаем значимое для данной культуры частотное слово, участвующее в создании большого количества устойчивых выражений и имеющее сложную семантиче-

скую структуру (Weirzbicka 1997). Под *концептами*, вслед за В. И. Карасиком, будем понимать ментальные образования, которые хранятся в памяти человека в виде значимого, осознаваемого и типизируемого опыта. Содержательно все концепты можно разделить на параметрические и непараметрические ментальные образования. *Параметрические концепты* выступают как классифицирующие категории при сравнении реальных характеристик объектов (например, время, пространство). *Непараметрические концепты* (они нас и интересуют) представляют собой концепты с предметным содержанием. В свою очередь непараметрические концепты можно поделить на *регулятивные* (имеется ценностный компонент, например, «счастье» и т. д.) и *нерегулятивные* (ментальные образования различного характера, например, «путешествие», «подарок» и т. д.). Именно концепты-регулятивы представляют наибольший интерес для выявления особенностей менталитета народа (Карасик 2005). Понятие *национального характера* вслед за С. Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2004) мы рассматриваем как специфический набор универсальных черт культурно-национальной общности. Понятие *ментальности*, трактуемое в этнологии как коллективное бессознательное, особенно важно для данного исследования, так как оно приближает нас к этническим константам. Исследователи выделяют следующие константы центральной зоны культуры как адаптивного механизма: локализация источника добра (мы-образ); локализация источника зла (они-образ); представление о способе действия, при котором добро побеждает зло (конфронтация; компромисс) и представление о вероятности, с которой добро побеждает зло, добавленное позже Т. Г. Стефаненко. Культуры, где эта вероятность наиболее высока, автор характеризует как оптимистичные, а те, у которых она незначительна, — пессимистичными (Лурье 1998; Стефаненко 2003: 139–140).

Китайцы по своей натуре оптимисты, даже в самых стесненных жизненных условиях они находят, чему радоваться. Жизненный идеал — это 全生 цюань шэн («целостность жизни»), что значит единение души с телом и способность сполна наслаждаться жизнью. Китайцы стараются любой критике придать юмористическую окраску, и даже негодую, они никогда не позволят себе полностью разочароваться в жизни (см.: Малявин 2002; Спешнев 2011; Линь 2010). «Какое бы несчастье ни разразилось над китайской семьей, ее глава не падал духом, продолжал упорно трудиться, не теряя оптимизма, настойчиво

искал выход из создавшегося положения. Под стать мужчинам были и женщины, которые с исключительной стойкостью и мужеством переносили боль, страдания и все превратности судьбы» (Сидихменов 2010: 468). В 1970-х годах в Китае считали, что «пессимизм присущ только капиталистическому обществу» (Юй 2013: 99), поэтому во многом благодаря политике Коммунистической партии, а также работе подконтрольных ей СМИ, люди продолжают сохранять оптимистичный настрой и целеустремленность, а Китай остается в рейтинге самых счастливых стран мира (Helliwell, Layard, Sachs 2018).

Перейдем теперь непосредственно к анализу ключевого слова 乐观 lèguān. Оно состоит из двух морфем «веселый, радостный» + «взгляд, подход» и обладает достаточно высокой частотностью (4 584 по данным БКРС). Впервые 乐观 lèguān встречается в 礼记 «Ли-Цзи»¹. Примечательно, что морфема 乐 lè отличается собственной высокой продуктивностью. Так, например, в китайско-русском словаре (Ся 2000) насчитывается порядка 20 вокабул, в состав которых она входит.

К производным от 乐观 lèguān относятся: 乐观主义 lèguānzhǔyì / 乐观论 lèguānlùn «оптимизм»; 乐观主义者 lèguānzhǔyìzhě / 乐观者 lèguānzhě / 乐观论者 lèguānlùnzhě «оптимист»; 乐观的 lèguānde / 乐观主义的 lèguānzhǔyìde «оптимистичный».

Согласно словарным дефинициям, 乐观 lèguān это:

- бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в светлое будущее, в успех. Обращает на себя внимание заимствованный из американской лингвокультуры призыв улыбаться и радоваться вопреки всему: 别悲观，常笑笑 biébēiguān, chángxiàoxiào ‘не будь пессимистом, чаще улыбайся’; 保持微笑 bǎochí wēixiào keep smiling! ‘улыбайся во что бы то ни стало’ (БКРС).
- быть оптимистом, оптимистический: 乐观的看法 lèguāndekànfa ‘смотреть с оптимизмом’. Интересно, что в словаре близким по смыслу предлагается считать слово 大观 dàguān ‘принимать жизнь такой, какая она есть; относиться ко всему по-философски’ (Китайско-русский словарь 2000; Толковый он-лайн словарь Zdic).

Теперь, согласно принятой процедуре описания ключевых слов, мы проведем контекстуальный анализ слова 乐观 lèguān. Для удоб-

¹ 礼记 «Ли-Цзи» («Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») — одна из книг конфуцианского 五经 «Пятикнижия» в эпоху 春秋战国 Чуньцзо и Сражающихся царств (примерно VIII в. до н. э.)

ства подсчета повторных словоупотреблений, обобщим результаты Сбалансированного корпуса китайского языка и Корпуса китайского языка Лидского университета. Всего нами было отобрано 272 примера:

乐观 *lèguān* + *сущ.*: 精神 *jīngshén* ‘оптимистичный дух’ (10), 情绪 *qíngxù* ‘позитивные чувства, эмоции’ (9), 估计 *gūjì* ‘оптимистичные планы’ (5), 革命精神 *gémìng jīngshen* ‘оптимистичный революционный дух’ (5), 人 *rén* ‘оптимист’ (4), 态度 *tàidu* ‘оптимистичный подход’ (4), 前景 *qiánjǐng* / 前景 *qiánjǐng* ‘положительные перспективы’ (3), 方面 *fāngmiàn* / 一面 *yīmiàn* ‘позитивный аспект’ (2), 情调 *qíngdiào* ‘позитивный настрой’, 色彩 *sècǎi* ‘особенности оптимизма’, 大度 *dàdù* ‘благосклонное великодушие’, 天性 *tiānxìng* ‘оптимистичная натура’, 精神状态 *jīngshén zhuàngtài* ‘позитивное моральное состояние’, 情趣 *qíngqù* ‘склонность к оптимизму’, 方式 *fāngshì* ‘позитивный метод’, 情况 *qíngkuàng* ‘положительная обстановка’, 想头 *xiǎngtóu* ‘радостная мысль’, 信念 *xìnniàn* / 信心 *xìnxīn* ‘вера в лучшее’, 气氛 *qìfēn* ‘положительная атмосфера’, 逗人 *dòurén* ‘весельчак’, 口气 *kǒuqì* ‘в оптимистичном тоне’, 性情 *xìngqíng* ‘позитивный характер’, 形势 *xíngshì* ‘выгодное положение’, 心情 *xīnqíng* / 心态 *xīntài* ‘радостные чувства’, 派 *pài* ‘в оптимистичной манере’, 原因 *yuányīn* ‘повод быть оптимистом’, 分析 *fēnxī* ‘оптимистичный анализ’, 民族性格 *mínzú xìnggé* ‘оптимистичный национальный характер’, 表示 *biǎoshì* ‘оптимистичное заявление’, 讲话 *jiǎnghuà* ‘оптимистичное заявление’, 看法 *kànfǎ* ‘позитивная точка зрения’.

Глаг. + 乐观 *lèguān*: 保持 *bǎochí* / 抱 *bào* ‘сохранять оптимизм’ (6), 向上 *xiàngshàng* ‘стремиться к оптимизму’ (5), 充满 *chōngmǎn* ‘быть преисполненным оптимизма’ (2), 不容 *bùróng* ‘исключающий оптимизм’ (2), 起 *qǐ* ‘поддерживать оптимизм’, 总 *zǒng* ‘концентрировать позитив’, 杀 *shā* ‘искоренить оптимизм’, 受到 *shòudào* ‘встречать с оптимизмом’, 不赞 *bùzàn* ‘не поддерживать оптимистический взгляд’, 吸引 *xīyǐn* ‘притягивать хорошее’, 培养 *péiyǎng* ‘воспитывать в себе оптимизм’, 转趋 *zhuǎnqū* ‘резко перейти к оптимизму’, 感到 *gǎndào* ‘испытывать оптимистические чувства’, 表示 *biǎoshì* ‘выражать оптимизм’, 传染 *chuánrǎn* ‘заражать оптимизмом’, 讲话 *jiǎnghuà* ‘говорить с оптимизмом’, 认为 *rènwéi* ‘полагать лучшее’, 持 *chí* ‘придерживаться оптимистических взглядов’, 构筑 *gòuzhù* ‘строить оптимизм’, 显示 *xiǎnshì* ‘демонстрировать оптимизм’, 自信 *zìxìn* ‘верить в себя, быть уверенным в себе’, 说来 *shuōlái* ‘высказываться в позитивном ключе’, 展望 *zhǎnwàng* ‘смотреть в будущее с оптимизмом’, 产生 *chǎnshēng* ‘порождать оптимизм’.

Прил./Нап.+乐观 lèguān: А) сочетание с другим признаком: 盲目 mángmù ‘слепой оптимизм’ (2), 开朗 kāilǎng ‘светлый, яркий, открытый’ (2), 活泼 huópo ‘активный, живой’ (2), 相当 xiāngdāng ‘с достаточным оптимизмом’ (2), 坚强 jiānqiáng ‘твердый оптимизм’ (2), 憨厚 hānhòu ‘простодушный, прямой’ (2), 健康 jiànkāng ‘здоровый оптимизм’, 愉快 yúkuài ‘веселый’, 成熟 chéngshú ‘зрелый взгляд на вещи’, 自信 zìxìn ‘самоуверенный’, 爽直 shuǎngzhí ‘искренний оптимизм’, 难 nán ‘трудно быть оптимистичным’, 谨慎 jǐnshèn ‘осторожно проявлять радостные чувства’; Б) интенсивность признака: 最 zuì ‘самый оптимистичный’ (4), 比较 bǐjiào ‘относительно оптимистичный’ (2), 更 gèng ‘еще более позитивный’ (2), 很 hěn ‘очень оптимистичный’ (2), 过份 guòfèn / 太 tài ‘чрезчур оптимистичный’, 十分 shífēn ‘весьма позитивный’, 非常的 fēichángde ‘чрезвычайно оптимистичный’, 更加 gèngjiā ‘еще более позитивный’, 越来越 yuèlái yuè ‘все более и более оптимистичный’, 总是 zǒngshì ‘всегда оптимистично’.

Как мы можем видеть, данное слово имеет очень широкую сочетаемость и, как можно предположить на основе выборки, используется в разных типах дискурса. Приведенные данные позволяют говорить о высокой степени лексической разработанности данного понятия в китайском языке.

Ключевое слово 乐观 lèguān имеет как минимум 7 синонимов: 乐天 lètiān ‘быть довольным своей судьбой; быть жизнерадостным оптимистом’, 积极 jījī ‘положительный, позитивный, прогрессивный, активный’, 正面 zhèngmiàn ‘положительный, позитивный, конструктивный’, 豁达 huòdá ‘широкий взгляд на вещи’, 开朗 kāilǎng ‘приветливый, жизнерадостный’, 肯定 kěndìng ‘положительный, утвердительный’, 良好 liánghǎo ‘прекрасный, хороший, позитивный’; и 3 антонима: 悲观 bēiguān ‘видеть все в черном свете, пессимизм’, 消极 xiāojī ‘отрицательный; пассивный, безразличный’, 颓废 tuífèi ‘упадок духа’.

Помимо этого в китайской языковой картине мира есть ряд устойчивых выражений, большая часть которых призывает не отчаиваться в трудной ситуации, сохранять терпение и радоваться жизни: 知足常乐 zhī zú cháng lè / 乐天知命 lètiān zhīmìng ‘радоваться тому, что есть’, 天助自助者 tiānzhù zìzhùzhě ‘Небо помогает тому, кто надеется только на себя самого’, 有志者事竟成 yǒuzhìzhě shì jìngchéng ‘кто хочет, тот добьется’, 迎难而上 yíng nán ér shàng ‘идти вперед, несмотря на трудности’, 既来之, 则安之 jìlái zhī, zéānzhī ‘раз это так, то с этим придется смириться’;

天无绝人之路 *tiān wú juérénzhìlù* ‘на свете не бывает абсолютно безвыходных положений’; 知足常乐 *zhī zú cháng lè* ‘тот, кто довольствуется своей участью, всегда веселым будет’; 随遇而安 *suí yù ér ān* ‘мириться с создавшимся положением’; 乐安天命 *lè ān tiānmìng* ‘радоваться тому, что есть’; 豁然开朗 *huò rán kāi lǎng* ‘выбраться из мрака к свету’; 泰然自得 *tàiránzìdé* ‘сохранять душевное равновесие’; 苦中作乐 *kǔ zhōng zuò lè* ‘радоваться несмотря на страдание’; 长乐观 *cháng lèguān* ‘вечная радость и веселье’; 及时行乐 *jíshí xínglè* ‘ловить миг удовольствия’.

Фраз, в которых говорилось бы об утрате оптимизма и веры в себя, гораздо меньше. Можно предположить, что в китайском обществе, основанном на конфуцианских ценностях, существует некая установка на позитивное отношение к жизни и на активные действия для достижения желаемого: 自怨自艾 *zì yuàn zì yì* ‘раскаяться в своих поступках и исправиться’; 自暴自弃 *zì bào zì qì* ‘потерять веру в себя’; 心灰意冷 *xīnhuī-yìlěng* ‘прийти в отчаяние, пасть духом’; 哀莫大于心死 *āimò dà yú xīnsǐ* ‘нет большего горя, чем потеря надежды’; 万念俱灰 *wànniàn jù huī* ‘все мечты обратились в пепел, совершенно пасть духом’; 杞人忧天 *qǐ rén yōu tiān* ‘необоснованные страхи’; 意志消沉 *yìzhì xiāochén* ‘опустить крылья, разочароваться’; 一蹶不振 *yījué bùzhèn* ‘отчаяться, опустить руки, пасть духом’; 怨天尤人 *yuàntiān yóurén* ‘роптать на Небо и винить людей’.

Перейдем к данным пилотажного эксперимента в форме интервью с китайскими информантами. Общее количество участников составило 18 человек, из них — 8 женщин (от 25 до 54) и 10 мужчин (от 27 до 56). Большинство опрошенных имеет высшее образование. Среди участников были студенты, преподаватели, инженеры, бизнесмены и пенсионеры. Эксперимент проводился в электронной форме по Интернету. Сперва информантам предлагалось дать ответ на три прямых вопроса: 1. Как бы вы описали человека, который мыслит позитивно? 2. Считаете ли вы себя оптимистом? Если да, то в каких сферах жизни и в чем это выражается? Затем их просили высказать свое мнение на тему: «Позитивное мышление и оптимизм не может решить всех моих проблем».

Таким образом, с точки зрения представителей китайской культуры,积极乐观的人 *jījīlèguānde rén* ‘оптимист’ — это уверенный в себе человек, имеющий свое любимое дело/работу/хобби, предпочитающий не жаловаться, а искать пути выхода из кризисной ситуации. Он умеет наслаждаться жизнью, стремиться к саморазвитию и находится в дру-

жеских отношениях с людьми. Однако, оптимизм, не подкрепленный делами, малопродуктивен. Стоит избегать крайнего его проявления, поскольку можно потерять связь с реальностью и сильно разочароваться, если ожидания будут не соответствовать действительности. 16 человек из 18 ответили, что они считают себя оптимистами и что позитивное мироощущение помогает им преуспевать в работе/учебе, наслаждаться жизнью, отношениями с людьми, преодолевать трудности и сохранять здоровье (微笑面对每一天 wēixiào miànduì měiyītiān ‘с улыбкой встречать каждый день’). Из двух информантов, которые не считают себя оптимистами, один говорит о желании им стать, а другой считает, что можно жить хорошо и не будучи оптимистом. Анализ полученных ответов подтвердил мысль о том, что, с одной стороны, позитивное мироощущение — норма жизни китайского общества, а с другой стороны, китайцы стараются сохранять баланс, чтобы не потерять трезвость суждений и ясность мысли: «Мы верим, что благодаря оптимизму можно достичь долголетия. Будь позитивным, и все хорошее притянется к тебе. Это как в тайцзи (太极) инь (阴) и ян (阳) дополняют друг друга, Великая гармония и баланс ведут к преумножению имеющегося»¹.

Итак, по мнению современных китайцев, позитивное мышление способствует личностному росту, установлению хороших отношений с окружающими тебя людьми, что, в свою очередь, может помочь в продвижении по карьерной лестнице. Усердный труд, сопряженный с оптимизмом, гораздо эффективней простой бездеятельной веры, а потому оптимизм активно пропагандируется Коммунистической партией Китая через подвластные ей СМИ. Как пишет Т. Фишмен, «в стране, где основная масса населения все еще прозябает в жалких лачугах практически без средств к существованию, оптимизм является очень важным залогом будущего благополучия» (Фишмен 2007: 390). Тем не менее, китайцы не склонны демонстрировать своего счастья или большой радости посторонним людям, некоторые даже могут стыдиться своих чувств, боясь показаться нескромными. Такое поведение говорит нам о том, что, несмотря на открытость к новым идеям, китайцы продолжают сохранять свои традиционные воззрения.

¹. ‘We believe optimism may lead to longevity and stay positive, good things and good people will be drawn to you. Just like Tai Chi (太极), 阴 (darkness) and 阳 (brightness) complement each other, the great harmony or balance make things grow’ (пер. К. Н.).

Подведем итог: исследование ключевого слова 乐观 *lèguān* показало, что позитивное мышление является частью китайского национального характера и, возможно, ментальности. Данные, полученные в ходе работы, подтвердили, что оптимизм является важнейшей ценностной установкой для китайцев, сопряженной с такими понятиями как «счастье», «трудолюбие», «долголетие».

Литература

- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. С. 179.
- Линь Ю.* Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Восточная литература, 2010.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1998.
- Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2002.
- Фишмен Т.* Китай Inc. Восход сверхмощного глобального конкурента. М.: Эксмо, 2007. С. 390.
- Сидихменов В. Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2010. С. 468
- Спешнев Н. А.* Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб., 2011. С. 101.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 139–140.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: SLOVO, 2004.
- Юй Х.* Десять слов про Китай, М.: Астрель, 2013.
- Helliwell J., Layard R., & Sachs J.* World Happiness Report 2018, New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Keywords. Oxford Univ. Press, 1997.

Список словарей и корпусов

- Большой китайско-русский словарь (БКРС). URL: <https://bkrs.info>.
- Китайско-русский словарь под. ред. Ся Чжунъи. Изд-во «Шанъу иньшугуань», 2000.
- Толковый словарь китайского языка Zdic. URL: <http://www.zdic.net>.
- Сбалансированный корпус китайского языка. URL: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx>
- Корпус китайского языка Лидского университета. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/internet.html>.

Николова В. В.

Софийский университет им. Святого. Климента Охридского,
София, Болгария

К ВОПРОСУ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Иероглифическое письмо в японском языке имеет свои преимущества и недостатки. Любое письмо является неотъемлемой частью развития определенного народа, его истории и культурного наследия. Обратимся к особенностям японского языка как графическому отображению социума, которое, несомненно, сказывается и на развитии языка как такового, и на носителях соответствующего языка.

Ключевые слова: *социолингвистика, японский язык, иероглифическое письмо, культура, письменность, значение, смысл.*

Язык и письмо неизменно взаимосвязаны, наглядное отображение сказанного всегда ведет к развитию дополнительного зрительного восприятия языка как средства общения и коммуникации. Коммуникация через образ и звук, изображение (письменность) — это высшая форма обогащения полноценного общения человека.

Существуют разные виды письменности, среди них и иероглифическое письмо. Иероглифика имеет свои особенности, и при изучении китайских иероглифов, которые дали основу и японской иероглифической системе отображения языка, а именно *кандзи*, следует учитывать специфику восточной культуры и восприятия окружающего мира.

Социолингвистика — раздел языкознания, который исследует взаимосвязь самого языка и влияние внешних факторов, внешней среды, социальных условий. Одной из ключевых фигур, положивших начало социолингвистике как науке, является американский лингвист Уильям Ламбов. В данной работе мы рассмотрим специфику изучения иерогли-

фического письма и его влияние на развитие мышления и восприятие, как У. Ламбов исследовал сдвиги гласных в разговорном американском английском, мы посвятим свое краткое исследование принципам восприятия языка через иероглифическое письмо — носителями японского языка и не-носителями языка. Речь пойдет о преимуществах и недостатках применения родного языка при усвоении иной письменной системы разными методами — через повторение и стимулирование ассоциативного мышления.

В целом лингвистические исследования с учетом социальных явлений и взаимодействия языка, языковых явлений с социальными проблемами общества, со средой бытования языка в той или иной мере велись еще с начала XX века.

При обучении иероглифам следует применять разные методы для их усвоения. Прежде всего, это очень важно при отсутствии языковой среды, т. к. обучение языку идет параллельно на разных уровнях перцепции: восприятие на слух, зрительное восприятие, т. е. чтение; письменное восприятие, т. е. воспроизводство письменных знаковых (в данном случае совершенно отличающихся от латиницы и кириллицы), а затем и говорение — воспроизведение мысли на иностранном языке. Коснемся только письменного воспроизводства языка — написания и запоминания иероглифов.

Итак, Е. Д. Поливанов заложил теоретические основы, фундамент социолингвистических исследований. Еще в конце 20-х годов XX века он составил программу социолингвистического подхода к языку (Михальченко, Крючкова 2002: 117), а именно:

- 1) определение языка как социально-исторического факта;
- 2) описание языков и диалектов с социологической точки зрения;
- 3) оценочный анализ данного языка как орудия общения;
- 4) изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями;
- 5) оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование;
- 6) создание общей типологической схемы эволюции языка в связи с историей культуры;
- 7) прикладные вопросы социальной лингвистики, языковую политику.

Применим этот подход к процессу обучения иероглифике в японском языке:

1) *Определение языка как социально-исторического факта.* Язык играет очень важную роль в процессе становления и формирования личности как таковой. Определяет образ жизни человека.

2) *Описание языков и диалектов с социологической точки зрения;* более полноценное знание языка предполагает овладение не только литературной нормой, но и понимание определенных диалектных форм.

3) *Оценочный анализ данного языка как орудия общения;* не надо забывать, что язык очень важный инструмент в процессе общения, изучению, как и обучению языку следует уделять должное внимание.

4) *Изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями;* среда функционирования того или иного языка определяет те языковые явления, которые тесно связаны с социально-экономическими процессами: появление новых слов, исчезновение старых, заимствования, влияние со стороны другого языка, миграции населения, привнесение иноязычных форм в национальный язык общности.

5) *Оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование;* язык — неотъемлемая часть жизни определенной общности или народа, та основная составляющая, которая связывает отдельных носителей общего национального самосознания между собой и воедино с традицией, что порождает общее:

6) *Создание общей типологической схемы эволюции языка в связи с историей культуры;* все, разумеется, взаимосвязано и имеет общие корни в процессе формирования языковой системы, объединяющим фактором в которой выступает именно человек, как существо мыслящее и нуждающееся в общении.

7) *Прикладные вопросы социальной лингвистики, языковая политика.* К таковым относятся: насколько язык позволяет выявить то или иное явление через существующие в нем средства, и можно ли изменить систему языка в целях более полноценного и активного общения на нем.

Вернемся к обучению языку, неотъемлемой частью процесса обучения является освоение письменности. Когда речь идет о японском языке — это овладение не только *каной* — *хираганой* и *катаканой*, но и, разумеется, *кандзи*. Обучение языку невозможно без освоения письменности, чтобы «прочувствовать» язык на всех уровнях. Возникает

вопрос, как запомнить графические элементы, настолько непохожие на письменность европейских языков, на латиницу и кириллицу? Как определить специфику запоминания графики — многократными повторениями, через упражнения или «зазубриванием»? Где грань между ними? Ответить на этот вопрос сложно и, думаю, каждый сам найдет подходящее решение проблемы.

Визуализация языка через иероглифическую письменность, на мой взгляд, развивает ассоциативное мышление, мотивирует искать ключи к запоминанию и интерпретации «скрытого», «зашифрованного» смысла за отдельными элементами, составляющими иероглифы.

Именно на основе развития, стимулирования ассоциативного мышления я ставлю перед учащимися задачу — через определенный иероглифический *ключ* или, как в англоязычной литературе принято называть, *радикал* иероглифа подобрать иероглифы, сочетания иероглифов — слова, в которых закодирован элемент или частица общего в содержании, смысле или чисто визуально и вывести свою работающую «формулу» запоминания столь отличающейся письменности.

При изучении иероглифического письма учащимся предоставляется возможность раскрыть свой потенциал в сфере развития ассоциативного мышления, расширить знания в области культуры и возникновения письменной системы языка.

Учащиеся на основе имеющихся базовых знаний по иероглифике составляют истории, способствующие поиску метода запоминания и усвоения особенностей формирования слов и их составляющих. Сухое зазубривание иероглифов не приводит к долгосрочному запоминанию и усвоению японской письменности. Любое новое знание, в данном случае совершенно новая графическая система записи языковых единиц — *кандзи* — легче усваивается и запоминается через своеобразную игру и составление наглядных презентаций учащимися. Запоминание *кандзи* через составление презентаций на основе знания родного языка и приобретенных сведений о японском языке и культуре, японцах в целом — приводит к более эффективному усвоению материала, улучшению навыков письма и зрительного восприятия японской графики.

Литература

- Алпатов В. М.* Япония: язык и культура. М. 2008.
- Берсирова С. А., Берсиров Т. Б.* Социолингвистические факторы воздействия на язык // Вестник АГУ. Вып. 3 (184) 2016. Раздел «Социология». С. 43–47.
- Виноградов В. В.* И. А. Бодуэн де Куртенэ // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. С. 6–20.
- Иэнага Сабуро.* История японской культуры / Пер. с яп. М.: Прогресс, 1972.
- Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
- Михальченко В. Ю., Крючкова Т. Б.* Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. Раздел Критика и Библиография. Обзоры. 2002. № 5. С. 116–142.

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МАЛАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В статье упомянуты основные моменты истории диалектов малайского языка и показаны возможности их классификации по признакам фонологической и морфологической структуры.

Ключевые слова: малайский, диалект, классификация, типология, фонология, морфология.

Диалекты малайского языка (включая те, что обычно именуются самостоятельными языками) значительно различаются по фонологической и грамматической структуре, что объясняется сложной историей одновременных и разнонаправленных миграций их носителей и множественными языковыми контактами. Предполагается, что общий предок этих диалектов существовал на Калимантане, откуда часть его носителей перешла на Суматру (вероятно, в первых веках н. э.) и далее на Малаккский полуостров. Другая часть дала начало группе языков, именуемых малайско-даякскими (по обобщающему названию аборигенных этносов Калимантана). Позже с установлением контроля малайцев над торговыми путями по Малаккскому и Зондскому проливам и образованием буддийской морской империи Шривиджайя происходила обратная миграция малайцев в прибрежные районы Калимантана, Явы (главным образом на запад острова) и, возможно, другие районы (Деопик, Членов 1971). В позднем средневековье на современную территорию штата Негри-Сембилан в центре Полуостровной Малайзии переселялись с западной Суматры носители близкого малайскому языка минангкабау.

Вместе с тем, параллельно формированию первой известной письменной формы малайского языка — древнемалайского VII–XV вв., шло распространение малайских пиджинов и креольских диалектов в местах торговых, литературных и культурных контактов малайцев и немалайцев — носителей родственных и неродственных языков.

Образовался обиходный малайский язык-посредник (койне), так называемый базарный или низкий малайский. Его местные варианты имеют большую общую часть с упрощенной аффиксацией и характерными синтаксическими моделями. Отчасти такие модели, вероятно, — кальки с диалектных китайских или, может быть, тамильских («низкий малайский» имеет еще одно название — китайско-малайский). Элементы креольских диалектов проникают в собственно малайские.

Исламизация архипелага в XIII–XVI вв. и позже была в значительной степени его малаизацией под влиянием арабописьменного (классического) малайского языка. Параллельно шло распространение базарного малайского. На этой основе в XX в. сложились в условиях продолжения контактных влияний нормы национально-государственных вариантов современного малайского — индонезийского и малайзийского (последний под прежним названием малайского является государственным в Сингапуре и Брунее).

В результате малайские диалекты имеют различный возраст и находятся в различных контактных ситуациях, подвергаясь воздействию разных государственных норм, «базарного» койне и этнических языков. Контакт с английским особенно значителен в Малайзии, Сингапуре и Брунее.

В малайской диалектологии эталонами сравнения обычно служат нормативный литературный язык (обобщение индонезийского и малайзийского вариантов, далее сокращенно МИЯ), иногда древнемалайский или языки-предки разного уровня — прамалайческий (Proto-Malayic) согласно реконструкции А. Аделара (Adelaar 1994) и праавстронезийский по реконструкции Р. Бласта (Blust 2009, ACD). К последней очень близка реконструкция Ю. Х. Сирка (Сирк 2008).

Далее мы пользуемся в основном данными обзора А. Аделара (Adelaar 2005) и других работ, отчасти и своими наблюдениями. Примеры МИЯ приведем в графике (курсивом), а диалектные в фонетической транскрипции либо следуя источнику.

Назовем некоторые черты структуры изучаемых диалектов — признаки их типологического сопоставления.

1. Инвентарь гласных фонем. Для праавстронезийского установлено 4 гласных: *i, *u, *a, *e (шва), то же в прамалайческом и в древнемалайском. В МИЯ добавились гласные среднего подъема [ɛ] и [ɔ]. Вокализм диалектов разнится в большом диапазоне. Всего 3 гласных — те же,

что в праязыках минус шва — различаются в двух диалектах Калимантана — брунейском на севере и верхнебанджарском (Banjar Hulu) на юге острова, — вероятно, как результат контакта с местными даякскими языками. Максимальное количество гласных — от 12 до 15 — отмечено на Полуострове, это, в частности, патани на юге Таиланда (Chaiyanaga 1983) и близко расположенный к нему келантанский на северо-востоке Полуостровной Малайзии. В этих диалектах, вероятно, сказывается контакт с тайским языком, появившимся в Индокитае в XIII в.

В диалектах с обилием гласных различаются чистые и назализованные, так в верхнемуарском (Ulu Muar, штат Негри-Сембилан) их 8 и соответственно 6. В диалектах востока Индонезии, где встречаются неавстронезийские предшественники австронезийских языков, близкие папуасским, гласных 6 или, как в амбонском диалекте, 5, так как в нем отсутствует гласная шва.

В главном говоре минангкабау на западе Суматры фонема шва тоже исчезла, но зато к 5 монофтонгам прибавились дифтонги последнего закрытого слога, отсутствующие в МИЯ и в праязыках: МИЯ *kampung* — мин. [kampu_əŋ] ‘деревня’, МИЯ *sirih* — мин. [sirɪ_əh] ‘бетель’, МИЯ *ratus* — мин. [ratu_ɪh] ‘сотня’, см. [Зарбалиев 1987]. Дифтонги этой позиции характерны для диалектов Суматры и Полуострова.

2. Словесное ударение. Наличие динамического ударения отмечается в диалектах на востоке архипелага. Так, в купангском диалекте на о-ве Тимор различаются слова [ba`rat] ‘запад’ — [bara`t] ‘тяжелый’ (Steinhauer 1983: 44). Гласная [a] предпоследнего безударного слога соответствует утраченной шва в МИЯ: *berat* ‘тяжелый’.

В МИЯ слова не имеют постоянного динамического ударения. Согласно общепринятому правилу ударение падает на предпоследний слог, если он не содержит гласной шва, в противном случае оно падает на последний, инструментальные и слуховые исследования показывают, что изолированных словах динамический контраст между слогами незначителен (Зубкова 1971). При разных интонациях одно и то же слово может произноситься с более сильным предпоследним или последним слогом либо не нести ударения (Алиева и др. 1972: 51–53, 68, 71–72; Halim 1974). Вероятно, такова же ситуация в большинстве диалектов Суматры, Малаккского полуострова и Калимантана, хотя для некоторых предлагается правило ударного последнего слога.

Действительно, при сокращении двуслога МИя до однослога сохраняется именно последний слог: *ini* > *ni* ‘этот’, *itu* > *tu* ‘тот’, *Hasan* > *San* ‘Хасан’. Из числительных *satu* ‘один’, *dua* ‘два’, *tiga* ‘три’, *empat* ‘четыре’ получается при счете *tu*, *wa*, *ga*, *pat* ‘раз, два, три, четыре’. Иначе в восточных диалектах: в них неодносложные слова высокой частотности могут терять последний слог, полностью или частично, например [sudah] > [su] ‘уже’, [dɔraŋ] < [dɔŋ] ‘они’, [deŋaŋ] ‘с’ (предлог совместности, МИя *dengan*, с первой гласной шва), [beta] — [bɛ], [bet], ‘я’.

3. Деление последнего слога слова на инициаль и финаль (рифму, по терминологии китайских словарей). Оно характерно для диалектов Суматры и Малаккского полуострова. В истории диалектов одновременно менялись гласная и конечная согласная закрытых последних слогов МИя. К примерам из минангкабау выше можно добавить данные говора петаланган на восточной Суматре. Примеры соответствий с МИя в табл. 1 приведены по изданию стихотворного эпоса (Effendy 1997). В этом говоре исчезла согласная “r” МИя (с задне- или переднеязычной артикуляцией), “e” передает гласные [ɛ] в исходе слова и шва в составе префиксов, как в слове *be-laje* [bəlaɟɛ] ‘учиться’; в других позициях гласной шва МИя соответствует “o” петаланган.

МИя	Говор петаланган	Значения
-is: <i>habis, tangis</i> -ir: <i>hilir, air</i> -ih: <i>putih, lebih</i> -it: <i>terbit</i>	-i: <i>abi, tangi</i> -ei <i>ilei, aei</i> -ei: <i>putei, lobei</i> -it или -ik: <i>tobit / tobik</i>	кончиться; плач низовье; вода белый; более взойти
-ur: <i>tidur, (air) liur</i> -us: <i>putus, lurus</i> -uh: <i>tujuh, tumbuh</i>	-ou: <i>tidou, (aei) liou</i> -ui: <i>putui, luui</i> -ou: <i>tujou, tumbou</i>	спать; слюна лопнуть; прямой семь; расти
-a: <i>nama, dua, -nya</i> -ar: <i>benar, belajar</i> -as <i>atas, emas</i> -ap: <i>hadap, lenyap</i>	-o: <i>namo, duo, -nyo</i> -e: <i>bone, belaje</i> -e: <i>ate, ome</i> -ap или -op: <i>adap, lonyop</i>	имя; два; его / ее правильный; учиться верх; золото перед; исчезнуть

Указанное деление на инициаль и финаль выявляется большей частью при сопоставлении диалектных форм с литературными. Но в говорах языка керинчи на западе Суматры финали последнего слога выделяются безотносительно к историческим сопоставлениям. Здесь большинство слов имеет по паре грамматических форм, абсолютной

(absolute) и косвенной (oblique), в которых эти финалы чередуются (Ernanda 2017; Steinhauer в печати). Гласные финалей различны в зависимости от характера предшествующих согласных, в частности звонких смычных или иных, ср. МИЯ *mudah* — керинчи [muduah] / [mudoh] ‘легкий, простой’, но МИЯ *tanah* — керинчи [tanah] / [tanoh] ‘земля’. Выбор абсолютной или косвенной формы определяется грамматическим контекстом (синтаксическим, морфологическим) и референцией (неопределенной, генерической, определенной) данного слова или слова, синтаксически связанного с ним. У части слов названные формы не различаются, в частности, у недавних заимствований.

4. Консонантная асимметрия последнего слога. При левой асимметрии набор допустимых конечных согласных в слоге по сравнению с начальными сильно ограничен. В МИЯ не допускаются конечнослоговые звонкие и среднеязычные смычные, но в минангкабау также глухие [-p], [-t] и щелевая [-s], плавные [-r], [-l]. В келантанском диалекте завершают слог лишь [-ŋ], [-h], [-ʔ], а начинать слог может почти любая из более чем 20 согласных и даже согласная гемината, см., например, (Оглоблин 2002). Напротив, при правоориентированной асимметрии в конце, но не в начале слога допустимы сложные согласные, в частности, назальные с неназальным приступом: [jalat_n] — МИЯ *jalan* ‘дорога’, [dalap_m] — МИЯ *dalam* ‘глубокий’, или преглоттализированные. Подобные формы встречаются на Калимантане и на о-ве Бангка у юго-восточного берега Суматры (Nothofer 1997).

Отметим также два признака морфологии.

5. Продуктивность суффиксов. Как известно, в австронезийских языках префиксация в целом преобладает над суффиксацией. Но в части диалектов, как и в МИЯ, суффиксы продуктивны, а в брунейском даже возможны сочетания суффиксов переходности глагола *-i* и *-kan* в одном слове (глаголе), в отличие от МИЯ:

(1) di-buntak-i-kan ‘укорачиваться, что-л. укоротили для (кого-л.; buntak ‘короткий’, см. (Оглоблин 2018: 187). Так же:

(2) basar ‘большой’ — tem-basar-i-kan ‘увеличивать для (кого / чего-л.’ (Collins 1994: 583; гласная префикса *tem-* произносится по брунейской орфографии как [a]). Аналогичное сочетание суффиксов (-i + -akang) возможно в диалекте о-ва Бачан (на востоке от Сулавеси), отделившемся от брунейского не позже XV в. (Ibid: 586).

Напротив, в келантанском, керинчи, восточных диалектах суффиксы утратили продуктивность. В джакартском вместо двух транзитивных суффиксов глагола *-i* и *-kan* МИЯ имеется только один: *-in*. Примеры (3–4) взяты из письменной передачи диалекта (газета *Berita Kota*, 30.VIII.2005).

(3) *tampang Bung Jul susah di-kenal-in* ‘Внешность Джула было трудно узнать’ (МИЯ *di-kenal-i* букв. ‘быть узанным’; *di-* — префикс пассива 3 лица агенса, *Bung* — социальный детерминатив, букв. ‘братец’).

(4) *Markum < nodong-in pisonya ke arah Bung Jul* ‘Маркум наставлял (свой) нож на Джула’ (МИЯ *menodong-kan* от корневой морфемы *todong*, фузионному префиксу активного залога *meN-* соответствует джакартский префикс *N-*).

6. Аффиксы залоговых форм глагола. В МИЯ залог и лицо агенса — важнейшие словоизменительные категории переходных глаголов, выражаемые префиксами, активным *meN-* и пассивным *di-*, см. предыдущие примеры (для пассива 1 и 2 лиц агенса служит нулевой префикс глагола). В некоторых диалектах активная и пассивная диатезы различаются только порядком слов и служебными словами (предлогами), а форма глагола одна и та же, как в следующих примерах из манадо (восточная оконечность северного полуострова на Сулавеси).

(5) *Arsi da beking ara?* ‘Что делает Арси?’ (Stoel 2005: 232, ex. 40; *da* — показатель актуальной длительности или перфектности).

(6) *Tu podeng Jane da beking* ‘Этот пудинг Джейн сделала / сделан Джейн’ (Ibid.: 233, ex. 50; *podeng* ‘пудинг’ — подлежащее).

Об аналогичных келантанских онструкциях см.: (Оглоблин 2011: 270–272).

Как представляется, указанные и, возможно, другие признаки могут служить для типологической классификации малайских диалектов. Можно условиться включать в один класс диалекты, в которых совпадают значения более половины признаков классификации. Как показывает табл. 2, язык минангкабау и келантанский диалект, сближаясь по четырем признакам из шести, относятся при данном условии к одному классу, несмотря на различия в их истории и контактной ситуации. Манадо явно относится к другому классу: он сближается с двумя другими только по одному признаку — с минангкабау по числу гласных, а с келантанским по отсутствию залога.

Табл. 2. Значения признаков классификации в трех диалектах

Признаки: 1 — число гласных-монофтонгов, 2 — словесное ударение, 3 — инициаль и финаль, 4 — консонантная асимметрия (левая), 5 — продуктивные суффиксы, 6 — залоговые формы.

	1	2	3	4	5	6
Минангкабау	5	—	+	+	+	+
Келантан	15	—	+	+	+	—
Манадо	6	+	—	—	—	—

Вероятно, креольские диалекты восточной Индонезии (включая манадо на Сулавеси) можно объединить в один из соответствующих классов. По происхождению они связаны в основном с «низким» малайским койне архипелага. Но в целом для построения диалектной классификации требуются дальнейшие исследования¹.

Литература

Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.

Деотик Д. В., Членов М. А. Топонимические детерминативы 'куала' и 'муара' как источник по этнической истории малайцев // Этнография имен. М., 1971.

Зарбалиев Х. М. Язык минангкабау. М., 1987.

Зубкова Л. Г. К вопросу о словесном ударении в индонезийском языке // Очерки по методике преподавания русского языка иностранцам. Т. III. Москва, Унив-т Дружбы Народов, 1971.

Оглоблин А. К. Заметки о малайских диалектах Калимантана // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XX. Ред., сост. В. А. Погадаев, В. В. Сикорский / М.: Общ-во «Нусантара», Ин-т востоковедения РАН, 2018.

Оглоблин А. К. Начальная геминация согласных в малайских диалектах // Востоковедение 22. Филол. иссл. Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб, 2002.

Оглоблин А. К. О залоговых соответствиях в языках Западной Австронезии (четыре фазы в истории пассивной конструкции) // Маклаевский сборник. Вып. 4. Филиппины прежде всего / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб: МАЭ РАН, 2011.

Сирк Ю. Х. Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.

¹ Автор признателен Хейну Стейнхауэру за копии статей по керинчи, включая его собственную еще не опубликованную, и студентам А. Грехову, Д. Забелиной и У. Матвеевой за книги с материалами по брунейскому диалекту.

ACD — Blust R[obert], Trussell S[tephen]. Austronesian Comparative Dictionary. Интернет-ресурс: <http://www.trussell2.com/acd>.

Adelaar A. Bahasa Melayik Purba. Rekonstruksi fonologi dan sebagian dari leksikon dan morfologi. Jakarta, 1994 (и предшествующие англоязычные версии 1992, 1985).

Adelaar A. Structural diversity in the Malayic subgroup // Adelaar A. and N. P. Himmelmann (eds). Austronesian languages of Asia and Madagascar. London, 2005.

Blust R. The Austronesian languages. Canberra, 2009.

Chaiyanara P. M. Dialek Melayu Patani. Satu kajian perbandingan dari segi fonologi, morfologi dan sintaksis. Disertasi <...> (M. A.), Universiti Malaya. Kuala Lumpur, 1983 [ротапринт].

Collins J. T. Sumbangan dialek Brunei dalam pengkajian sejarah bahasa Melayu // Dewan Bahasa. 1994, № 7.

Effendy T. Bujang Tan Domang. Sastra Lisan Orang Petalangan. Penyunting: Al Azhar & H[enri] Chambert-Loir / Seri Naskah dan Dokumen Nusantara, XII. Yogyakarta, 1997.

Ernanda. Summary of PhD thesis: Phrasal alternation in Kerinci // Wacana. 2017. Vol. 18 № 3.

Halim A. Intonation in relation to syntax in bahasa Indonesia. Jakarta, 1974.

Nothofer B. Dialek Melayu Bangka. Bangi: Universiti Kebangsaan Malaysia. 1997.

Steinhauer H. Notes on the Malay of Kupang // Collins J. T. (ed.). Studies in Malay dialects. Pt II. Jakarta, Seri NUSA, 1983.

Steinhauer H. Sound-changes and loanwords in Sungai Penuh Kerinci // в печати.

Stoel R. B. Focus in Manado Malay. Grammar, particles, and intonation. Leiden, 2005.

СОВРЕМЕННЫЕ КИТАЙСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О РОССИИ И РУССКИХ: «ВКРАПЛЕНИЯ» РУССКИХ СЛОВ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННО- ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ И ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

В исследовании предпринимается попытка установить роль использования затранскрибированных иноязычных (русских) слов в системе художественно-изобразительных и выразительных средств китайского публицистического текста на примере работ современных китайских публицистов о России, а также установить взаимосвязь данных слов с образом Другой нации в рамках имагологии. Данные слова представляют собой пример взаимного проникновения языков и культур в контексте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *иноязычные вкрапления, образ, стереотип, имагология, «Свой-Другой».*

Под «иноязычными вкраплениями» понимаются иносистемные языковые явления разного объема — слова иноязычной лексической системы и отрезки текста на чужом языке, — которые включаются как чужеродные элементы в текст (Лупачева 2005: 10). Появление в тексте элементов Другого, «чужой» лексической единицы является довольно устойчивой тенденцией в функционировании текстов разных коммуникативных сфер.

В рамках имагологического подхода к образу страны в предыдущих исследованиях образа России и русских в китайской публицистике (Хузиятова, Панина 2017) мы выявляли представленные стереотипами и имагемами составляющие образа России и русских как положительно или негативно оцениваемого Другого по отношению к автору — представителю китайского общества — Своему. Высказывания о Другом категоризировались тематически; затем, в зависимости от их эмоциональной окраски объединяются в концепты/имаготемы,

подразумевающие сравнение в рамках оппозиции «Свой — Другой». К базовому уровню образа можно отнести и такие элементы, как иноязычные вкрапления.

Применение иноязычных вкраплений в художественном и художественно-публицистическом тексте обеспечивает, с одной стороны, указание на специфические для китайского героя в России реалии, не имеющие общепринятых обозначений, «выходящих» за рамки языкового понимания, и с другой стороны характеризует представленных русских с точки зрения особенностей их существования. В то же время, современные исследования показывают, что в художественном тексте, посвященном иноязычной ситуации, роль иноязычных вкраплений не ограничивается задачами сообщения: они появляются в тексте не только в связи с номинативными потребностями, но и для выполнения художественно-эстетических функций и несут на себе отпечаток творческой индивидуальности автора (Лупачева 2005: 12). Поэтому заслуживающим внимания представляется изучение функционирования таких единиц в рамках изучения образа Другой страны: как указывают исследователи (Болотнова 2007: 466), концепты, входящие в состав образа страны, с одной стороны, этноспецифичны, и потому отражают общие характеристики восприятия, а с другой, проявляют своеобразие авторской индивидуальности.

Произведения о России и русских, опубликованные в 1990–2000-х гг. в журналах «Дандай цзоцзя» и «Баогао вэньсюэ» (Ма Фулинь, Инь Минмин, Кай Лу, Мэн Цзяньчжи), содержат примеры использования таких слов, затранскрибированных иероглифически. Реплики принадлежат не только русским, с которыми взаимодействуют герои, но и самим героям — китайцам. Это не только простейшие ‘да’, ‘нет’ (叻, 涅) и употребительные этикетные фразы (‘здравствуйте’ 兹德拉斯特维捷/日德拉斯多捷, ‘добрый день’, ‘до свидания’, ‘спасибо’, ‘очень рад с вами познакомиться’), но и оценочные слова (‘хорошо’ 哈拉少/哈拉索, ‘нормально’ 拿拉麻拉, ‘правильно’ 勃拉维丽那), слова, обозначающие статус человека (‘большой голова (в значении ‘высокий начальник)» 巴里绍依嘎啦瓦, ‘большой капитан’), российские реалии (‘ресторан’ 列斯特朗, ‘фактура’ 发克杜拉, ‘КГБ’), слова, передающие эмоции (‘ура’ 乌拉) и даже фразы «Я люблю тебя», «Китай — хорошо» и «Россия — Китай». Есть пример, когда автор нечаянно или сознательно выдает за слово уменьшительно-

ласкательный суффикс «-чка»: «В русском языке есть слово „чка“, означающее „мое сокровище“ (например, Володечка, Раечка)» (Ма Фулинь 2002: 96).

Чаше после приведенного в кавычках русского слова идет перевод или разъяснение смысла, но встречается и ситуация, когда слова (‘ура’ 乌拉, ‘КГБ’ 克格勃 и ‘орошо’ 哈拉少), вставлены в текст без перевода, видимо в ожидании на интуитивное понимание со стороны китайского читателя (Ма Фулинь). В нашем представлении, данные слова безусловно являются одним из приемов концептирования российской действительности и подтверждают факт взаимного проникновения языков и культур в контексте межкультурной коммуникации.

На эмотивном уровне данные вкрапления принадлежат положительно оцениваемым персонажам (Инь Минмин, Цао Гуанхуэй, Кай Лу) или нейтральным (Го Чэнь, Цзян Мэнчжи, Ма Фулинь). Есть также и примеры использования их в отрицательном контексте, когда речь русских воспринимается как неблагозвучная, длинная и нерасчлененная на фразы, ‘тарабарщина/бу-бу-бу’ (叽里咕噜的俄文) (Ма Фулинь 2002: 115). Не все авторы/ их герои знают русский язык (что подтверждается восприятием русской речи как «тарабарщины»); возможно поэтому они воспринимают российскую действительность в под влиянием уже сложившихся в китайском обществе стереотипов. У Ма Фулиня такая транскрипция используется также как художественный прием, ориентированный на китайцев, которые русского не знают, в подтверждение создаваемого образа «Дикой России» («В международном аэропорту (!) не говорят на иностранных языках»).

Эти концепты базовые, существуют в китайском сознании и в переложении на «другую» действительность просто приобретают некоторые дополнительные характеристики. Например, «ресторан», в русском языке вызывающий образ достаточно дорогого заведения, в китайском контексте используется для указания на общественную столовую. А «хорошо» используется как приветствие, обращенное для русским; также у слова появляется коннотация «красивый» (русские женщины), и одобрение российского лидера («Путин хорошо!»).

Вводя в китайский текст русские слова в транскрипции, автор указывает на другую реальность, на другую ментальность, выраженную недоступным для китайца способом. Поэтому и для автора, и для китайского читателя они остаются «русской тарабарщиной», «речью Другого». Но

такие слова важны сами по себе и не сводимы к своим китайским эквивалентам (в большинстве случаев в тексте всегда идет перевод слова на китайский), так как они отражают стереотипные и индивидуальные представления китайцев о русских. Функции этих слов можно лучше понять, если сравнить с аналогичными вкраплениями китайских слов в русском публицистическом тексте. В сборнике «Китай у русских писателей» это хун-мау-жинь («рыжий человек», название иностранцев белой расы), олосы/алосы/улосы/улусу («русские»), Огофу и огожэнь («русское посольство» и «русский»), «хэн хао» («Очень хорошо»), сулянин («советский человек»), тунчжи (товарищ). Аналогично китайским публицистам, русские писатели используют данные вкрапления с пояснением смысла. Однако, как правило, это реалии, относящиеся к Своему, а не Другому; в то же время, на наш взгляд, русских и китайских публицистов в данной ситуации сближает стремление показать дополнительные характеристики Своего в глазах Другого и общность своего и другого через общий смысл таких разных по звучанию слов.

Транскрибированием русских слов как составных частей образа Другого, китайские авторы не преследуют цель ввести в китайский язык новое заимствованное слово, потому что в такой транскрибированной форме слово остается «неудобоваримым» для носителя китайского языка и указывает прежде всего на культурное пространство Другого, в котором оказывается герой — посредник между Своим и Другим. В связи с тем, что китайское общество в большой степени подвержено влиянию традиций и стереотипов (что связано с историей развития китайского образования и культуры в целом), «вкрапления» русской речи передают также и стереотипные представления китайских авторов о России и русских. Это подтверждается повторяемостью наличием одних и тех же слов, слов и заключенных в них смыслов в разных текстах.

Прием вкрапления русских слов в произведениях китайских публицистов представляет собой пример взаимного проникновения языков и культур в контексте межкультурной коммуникации. С точки зрения имагологии это является подтверждением того, что «Другой» рассматривается и оценивается по наличию/отсутствию свойств «Своего». Если качества «Другого» представляют противоположность ценностям «Своего», он представляется как «Чужой», если обнаруживается единство приоритетов — «Другой» становится «Своим».

Источники

Китай у русских писателей / Сост. А. Д. Романенко. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.

马福林. 黑白俄罗斯 —— 一个中国人的十年亲历与见闻 (之一) // 报告文学. 2002年. № 08. 第89–96 页. (Ма Фулинь. Черно-белая Россия. Десять лет жизни китайца в России (часть 1) // Баогао вэньсюэ. 2002. № 08. С. 89–96.)

马福林. 黑白俄罗斯 —— 一个中国人的十年亲历与见闻 (之二) // 报告文学. 2002年. № 09. 第85–97 页. (Ма Фулинь. Черно-белая Россия. Десять лет жизни китайца в России (часть 2) // Баогао вэньсюэ. 2002. № 09. С. 85–97)

马福林. 黑白俄罗斯 —— 一个中国人的十年亲历与见闻 (之三) // 报告文学. 2002年. № 12. 第56–62页. (Ма Фулинь. Черно-белая Россия. Десять лет жизни китайца в России (часть 3) // Баогао вэньсюэ. 2002. № 12. С. 56–62.)

马福林. 黑白俄罗斯 —— 一个中国人的十年亲历与见闻 (之四) // 报告文学. 2003年. № 04. 第58–78 页. (Ма Фулинь. Черно-белая Россия. Десять лет жизни китайца в России (часть 4) // Баогао вэньсюэ. 2003. № 04. С. 58–78.)

殷明明. 等待中的女人 // 当代作家. 1994年. 02期. 第123 – 128 页. (Инь Минмин. Ждущая женщина // Дандай цзоцзя. 1994. № 2. С. 123–128.)

曹光辉. 阳光的嫩芽//当代作家. 1996年. 05期. 第148 – 149 页. (Цао Гуанхуэй. Росток под солнцем// Дандай цзоцзя. 1996. № 5. С. 148–149.)

开路. 哦, 俄罗斯//当代作家. 1998年. 06期. 第139 – 141 页.) (Кай Лу. О, Россия! // Дандай цзоцзя. 1998. № 6. С. 139–141.)

姜孟之. 赴俄罗斯采伐队散记 (去俄罗斯砍林) (Мэн Цзяньчжи. Записки о поездке в Россию с бригадой лесорубов. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5a06d41001001j4i.html)

Литература

Лупачева Т. А. Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы ЭМИ ТЭН: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2005. 192 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста М., 2007. 520 с.

Хузиятова Н. К., Панина М. Е. Образ России в художественной публицистике Фэн Цицзя (опыт концептуального анализа) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 4; Востоковедение. С. 79–84.

Khuziyatova N. K., Panina M. E. The image of Russia and Russians in contemporary Chinese publicist writings (literary aspects) // The 21-st International Conference of IAICS cum The 11-th Biennial International Conference of CAFIC. 2015. P. 141.

Порхомовский В. Я., Рябова И. С.

Институт языкознания РАН, Москва

ИМЕНА БОГА В ВЕРСИЯХ ВЕТХОГО ЗАВЕТА НА ЯЗЫКАХ ХАУСА И СУАХИЛИ (КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ)¹

В статье рассматриваются стратегии перевода имен Бога в Ветхом Завете на крупнейшие языки Тропической Африки, хауса и суахили. К исследованию были привлечены по три различные версии переводов Библии на каждый из этих языков, созданные в разное время. В работе содержится краткая подборка лексических материалов на хауса и суахили в рамках семантической группы «имена Бога» с привлечением источников на библейском иврите. Также приводятся параллели на русском, английском и французском языках. На основании анализа собранного материала делается вывод о принципиальных различиях между языками хауса и суахили в области стратегий перевода основной лексической единицы этой группы — библейского имени Единого Всевышнего Бога.

Ключевые слова: стратегии перевода, Библия, имена Бога, Ветхий Завет, хауса, суахили.

В настоящей работе представлен контрастивный анализ передачи имен Бога в Ветхом Завете на двух ведущих языках Африки, хауса и суахили. Выбор как лексического материала для анализа, так и собственно языков не может вызывать сомнений. В каноническом тексте *Biblia Hebraica* семантическая группа имен Единого Всевышнего Бога занимает особое место, что не требует каких-либо комментариев. Всего в этом тексте насчитывается несколько десятков различных обозначений для Единого Бога. Следует отметить, что именно здесь большое значение имеет сложная система соотношения письменного и устного вариантов канонического текста, известная как *qere* — *ktiv* (от арамейских глаголов «читать» и «писать»). В данном случае речь идет о передаче в переводах собственного имени Бога Израиля

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций» 2016–2018.

YHWH (обычно именуемого *тетраграмматон*). Это имя является основным в текстах *Biblia Hebraica*, однако начиная с эпохи Второго Храма его было запрещено произносить вслух. Традиция написания четырех букв (согласных) этого имени, *YHWH*, сохранилась, но при чтении вслух здесь требовалось произносить слово «Господь» (на иврите *'adonay*). В случае употребления одновременно обоих имен, *'adonay YHWH*, для устного обозначения тетраграмматона используется другое важнейшее имя, а именно *'elohim* «Бог», с тем, чтобы избежать повтора лексемы *'adonay*. Заметим также, что в отдельных версиях Ветхого Завета на разных языках для передачи тетраграмматона *YHWH* используются имена Яхве (*Yahveh/Yahvé*) и Йегова (*Yehovah/Jehovah*), являющиеся условными чтениями согласных букв тетраграмматона. Подробно о проблемах перевода имен Бога в Ветхом Завете см. (Кассюто; Порхомовский 2010; Cassuto; Porkhovskiy 2009).

В качестве источников для нашего анализа были привлечены масоретская версия *Biblia Hebraica*, три версии переводов Библии на язык хауса и три версии на языке суахили. Мы использовали следующие издания (в скобках указаны сокращенные наименования источников):

Масоретский текст Ветхого Завета: *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart. 1977.

Переводы на язык хауса:

- Hausa 1 (H 1) LITTAFI MAY TSARKI. Tsofon Alkawali da Sabon Alkawali. Lagos. The Bible Society of Nigeria. N.d. (*First published 1932*).
- Hausa 2 (H 2) LITTAFI MAY TSARKI duk da AFOKIRIFA. Lagos. The Bible Society of Nigeria. 2004. (*First published 1980*).
- Hausa 3 (H 3) LITTAFI MAY TSARKI. Juyi Mai Fitar da Ma'ana. Lagos. The Bible Society of Nigeria. 2014.

Переводы на язык суахили:

- Swahili 1 (SRB) BIBLIA Swahili Roehl Bible. BIBLIA ndio Maandiko Matakatiifu yote ya Agano la kale nayo ya Agano Jipya katika msemu wa Kiswahili Dodoma. Chama cha Biblia Tanzania. The Bible Society of Tanzania. 2004. (*first published 1995*).
- Swahili 2 (BHN) Biblia. Habari njema kwa watu wote. Dodoma. Chama cha Biblia cha Tanzania Nairobi. The Bible society of Kenya. 2001. (*first published 1995*).

- Swahili 3 (BUV) Maandiko Matakatiifu ya Mungu Yaitwayo Biblia yaani Agano la kale na Agano Jipya. Dodoma. Chama cha Biblia cha Tanzania Nairobi. The Bible society of Kenya. 2012. (first published 1997).

Работа над первым переводом Библии на язык хауса (Hausa 1) велась авторским коллективом под руководством Уолтера Миллера (Walter Richard Samuel Miller), в который входили как европейские, так и нигерийские участники. Эти последние были носителями хауса как родного или первого языка, хотя сами они, по всей видимости, не являлись этническими хауса. По некоторым источникам они относились к народу тангале.

Однако в дальнейшем этот перевод стал подвергаться критике за излишнюю сложность, что делало его недоступным для нигерийцев, использовавших хауса как второй язык. Следует принимать во внимание, что основной религией хауса является ислам, следовательно христианская миссионерская деятельность была преимущественно направлена на представителей других этнических групп Северной Нигерии, владевших хауса как лингва франка. Именно задача сделать хаусанский перевод Библии более доступным послужила основной причиной подготовки второй версии Библии на языке хауса (Hausa 2). Наконец, в первые годы нынешнего века был подготовлен новый перевод Библии (Hausa 3). Подробно об истории переводов Библии на язык хауса см. (Порхомовский 2015).

Что касается привлеченных нами переводов на суахили, ниже дается их краткая характеристика:

Суахили 1 [SRB] — Swahili Roehl Bible. BIBLIA ndio Maandiko Matakatiifu yote ya Agano la kale naayo ya Agano Jipya katika msemu wa Kiswahili (*Библия. Священное писание: Ветхий Завет и Новый Завет на языке суахили*). Текст основан на «Библии Розля» — переводе Библии с иврита на занзибарский территориальный вариант языка суахили, сделанный немецким миссионером, пастором Karl Roehl при содействии этнических христиан Занзибара и Танганьики. Впервые перевод опубликован в 1890 г. В 1937 и 1961 гг. Библия была издана Библейским обществом Wurttemberg в городе Stuttgart, Германия (первое и второе издания). Настоящее издание целиком повторяет текст немецких изданий, но осуществлено Библейским обществом Танзании с согласия Немецкого библейского общества, передавшего

Танзанийскому библейскому обществу авторские права в 1995 г. Здесь используется издание 2004 г. (впервые издано Библейским обществом Танзании в 1995 г.).

Суахили 2 [BHN] — The Bible in current Swahili. An Interconfessional Translation. 'Bible. Nabari njema kwa watu wote. (*Библия. Благая весть для всех людей*). Перевод на стандартный суахили *Biblia Hebraica Stuttgartensia* осуществлен общими усилиями католической и протестантской церквей, Библейскими обществами Танзании и Кении. Исходным текстом для перевода Ветхого Завета послужила *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, для Нового Завета — The Greek New Testament. Первое издание — в 1997 г., затем были переиздания. Здесь используется издание 2001 г. The Bible society of Kenya. Chama cha Biblia cha Tanzania.

Суахили 3 [BUV] — Biblia. The Holy Bible in Kiswahili, Union Version. Maandiko Matakatiifu ya Mungu Yaitwayo Biblia. (*Священное писание Бога, называемое Библия*) — это Библия на «современном» языке суахили, призванная заменить предшествующие переводы Библии с иврита на несколько территориальных вариантов суахили. Первое издание — в 1997 г. Здесь используется издание 2012 г. The Bible society of Kenya. Chama cha Biblia cha Tanzania.

Рамки настоящей публикации не позволяют привести здесь полный список имен Бога в Ветхом Завете и их переводов на языки хауса и суахили, а также комментарии к приводимой ниже сравнительной выборке лексических материалов, что будет представлено в докладе. Мы ограничимся наиболее показательным случаем для контрастивного анализа стратегий перевода этой лексической группы, а именно ситуацией с основным ветхозаветным именем Бога - 'elohim. В рамках *Biblia Hebraica* эта лексема употребляется на письме в собственной графике, а также как чтение тетраграмматона YHWH в определенных

Именно при передаче основного имени Бога 'elohim в версиях на языках хауса и суахили отмечаются конструкции в соответствии с правилами *gere* — *ketiv*. Отметим, что в оригинальном тексте *Biblia Hebraica* в первом стихе первой главы Книги Бытия: «*В начале сотворил Бог небо и землю*», употребляется именно имя 'elohim. Наиболее серьезные различия в стратегиях перевода на эти два языка. В языке хауса *Allah*, кораническое имя Единого Верховного Бога, воспринято и употребляется именно в качестве обозначения всеобщего Единого

Бога. Это определяется преобладанием ислама в землях хауса ко времени начала работы над переводом Библии. Причем ассимиляция этого имени в языке хауса оказалась настолько глубокой, что оно получило производные формы в полном соответствии с морфологией хауса — формы множественного числа (*alloli*, *allohi*) для обозначения традиционных языческих богов и духов, а также формы в сопряженном состоянии (*Allahn*) и с суффигированными притяжательными местоимениями (*allolinsu*). В первой версии перевода даже представлен единичный случай формы женского рода для обозначения языческой богини. Вероятно, в этом последнем случае можно предполагать определенное влияние нормы библейского иврита, т. е. языка-источника, где в целом ряде контекстов *'elohim* согласуется по женскому роду. Здесь следует особо отметить, что имя *'elohim* имеет грамматическую форму множественного числа, но в тексте *Biblia Hebraica* преимущественно обозначает Единого Бога. Однако представлены контексты, когда это же имя используется во множественном числе для обозначения языческих богов, т. е. в полном соответствии с грамматической формой. В результате в переводах одно и то же слово *'elohim* может передаваться лексемами в единственном числе (как обозначение Единого Бога), и во множественном числе (для обозначения языческих богов). В версиях на суахили в этом последнем случае употребляется лексема *miungu*, множ. ч. от *Mungu* 'Бог'.

Что касается суахили, то во всех трех версиях перевода имя *Allah* вообще не встречается, а используется собственный традиционный термин *Mungu*. Это может служить серьезным индикатором различий между социальными и религиозными парадигмами Западной и Восточной Африки, несмотря на очевидный параллелизм в развитии религиозных ситуаций в обоих случаях, что заслуживает специального изучения. Для перевода имени *'adonay* в обоих языках используются собственные лексемы со значениями 'хозяин, господин' — *Ubangiji* в хауса и *Bwana* в суахили.

Ниже приводится краткая выборка имен Бога в масоретском тексте с указанием на источник в тексте Библии. В квадратных скобках дается традиционное чтение непронизносимого имени Единого Бога *YHWH*, далее приводятся наиболее распространенные французские и английские варианты, а затем варианты во всех трех версиях на языках хауса и суахили с сокращенными указаниями источников на этих языках

(полные названия см. выше). Версии на языке хауса сопровождаются русским синодальным переводом. Для каждой версии на языке суахили дается пословный (насколько это возможно) авторский перевод на русский язык.

'elohim (*Genèse 1,1*)

'Dieu / God'

H1,2,3	Allah'; 'Бог'
[SRB], [BHN], [BUV]	Mungu 'Бог'

elohim (*Isaïe 37,19*)

'les dieux / gods'

H1	allolin(su) 'боги'
H2	gumakan(su)
H3	allolin
[SRB], [BHN], [BUV]	miungu 'боги'

YHWH 'adonay (*Genèse 2,4*)

'Yahvé Dieu / LORD God'

H1,2	Ubangiji Allah	'Господь Бог'
H3	Yahve Allah	
[SRB], [BUV]	Bwana Mungu	'Господь Бог'
[SHN]	Mwenyezi-Mungu	'Всемогущий Бог'

YHWH ['adonay] tseva'ot (*1 Samuel 4,4*)

'Iahvé des Armées, Yahvé Sabaot / The LORD of Hosts'

H1,2	Ubangiji mai-runduna	'Господь Саваоф'
H3	Yahveh Mai Iko Duka	
[SRB]	Bwana Mwenye vikosi	'Господь, имеющий войска'
[BHN]	Mwenyezi Mungu wa majeshi	'Всемогущий Бог армии'
[BUV]	Bwana wa majeshi	'Господь армии'

'adonay YHWH ['elohim] (*Genèse 15,2; Psaume 71,5*)

'Seigneur Yahvé / Lord God'

H1,3	Ubangiji Yahweh	'Владыка Господи'
H2	Ubangiji Allahna	

[SRB], [BUV] Bwana Mungu 'Господь Бог'
 [BHN] Mwenyezi-Mungu 'Всемогущий Бог'

YHWH ['elohim] 'adonay (*Habaquq 3,19*)

'Yahvé (mon) Seigneur / LORD (my) God'

H1 Jehovah Ubangiji Господь Бог

H2 Ubangiji Allah;

H3 Ubangiji Yahveh

[SRB] Bwana Mungu 'Господь Бог'

[BHN] Bwana Mwenyezi-Mungu 'Господь Всемогущий Бог'

[BUV] Yehuwa aliye Bwana 'Йегова, который есть Господь»

'el 'elohim YHWH ['adonay] (*Josué 22,22*)

'Le Dieu des dieux, Iahvé / The LORD, the God of Gods'

H1 Ubangiji Allah na alloli 'Бог богов Господь'

H2 Allah Mad'aukaki, Allah Ubangiji

H3 Allah Mai Iko Yahweh Allah

[SRB] Mungu Mwenyezi ni Bwana 'Бог Всемогущий это Господь'

[BHN] Mungu wa miungu ni Mwenyezi-Mungu 'Бог богов это Всемогущий Бог'

[BUV] Mungu, Mungu Bwana 'Бог, Бог Господь'

'elohe ha-'elohim wa'adone ha-'adonim (*Deutéronome 10,17*)

'Le Dieu des dieux et le Seigneur des seigneurs

/ God of gods, and LORD of lords'

H1,2,3 Allahn alloli da Ubangiji iyayengiji 'Бог-богови Владыка владык'

[SRB] Mungu wa miungu, Bwana wa mabwana 'Бог богов, Господь господ'

[BHN] Mungu wa miungu na Bwana wa mabwana 'Бог богови Господь господ'

[BUV] Mungu wa miungu na Bwana wa mabwana 'Бог богови Господь господ'

'el 'eliyon — (*Genèse 14,20*)

'Dieu Très-Haut / God Most High'

H1,2	Allah Mad'aukaki	'Бог Всевышний'
H3	Allah Mafi D'aukaka	
[SRB]	Mungu alioko huko juu	'Бог, который наверху'
[BHN]	Mungu Mkuu	'Бог Великий'
[BUV]	Mungu aliye juu sana	'Бог, который очень высоко'

Литература

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 363–375 .

Порхомовский В. Я. Переводы Библии на язык хауса (исторический и типологический аспекты) // Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Вып. 7. М.: Ключ-С, 2015. С. 92–104

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions masorétique et haoussa de la Bible // « Studi Magrebini », Nuova Serie, vol. VII, VIII Afro-Asiatic Congress. Napoli 2009. P. 135–143.

Румак Н. Г.

ИСАА МГУ / ИИЯ МГПУ, Москва

МЕТАФОРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена метафорическим описаниям в толковании значения оноματοпоэтических единиц японского языка. Утверждается, что, поскольку метафорический перенос является одним из средств сдвига значения полисемичных единиц, то для подобных единиц употребление метафоры может быть основным способом толкования значения.

Ключевые слова: лексикография, оноματοпоэтическая лексика, японский язык, метафора, толкование значения, полисемия.

При создании лексикографических описаний «Толкового японско-русского словаря оноματοпоэтических слов» (Румак-Зотова 2012) был использован подход, примененный в «Словаре употребления оноματοпоэтических слов» (Атода-Хосино 1995), который состоял в детальном описании значений средствами родного (в нашем случае — русского) языка и попытке выделить как можно больше семантических компонентов значения каждой единицы, например: *одзуодзу* — состояние нерешительности от страха или неуверенности в себе; *отаота* — состояние замешательства, паники при невозможности сразу продемонстрировать необходимую реакцию; *отиоти* — состояние беспокойства, невозможности сохранять спокойствие; *одоодо* — не находить себе места от страха, беспокойства; *орооро* — быть в растерянности, беспокоиться, не зная, как реагировать на необычную ситуацию (Румак, Зотова 2012: 26–28).

При подобном подходе родной язык становится мета-языком толкований, что, с одной стороны, облегчает работу пользователя словаря, с другой — усложняет как толкование, так и понимание, поскольку зачастую для толкования единиц с различным значением используются одни и те же лексические единицы мета-языка, не позволяющие в полной мере разграничить значения толкуемых единиц. Так, в перечисленных

примерах в толкование трех единиц включено слово «беспокойство (беспокоиться)», что, даже при подробном описании значения, может отрицательно повлиять на понимание.

Об этом говорит и А. Вежбицка, предлагая, во избежание подобных пересечений и «кругового» толкования единиц через самих себя, пользоваться Естественным Семантическим Метаязыком (ЕСМ) — языком семантических примитивов, где для толкования значений используется ограниченный набор неразложимых далее простых значений в различных сочетаниях (см, например: Вежбицка 1995 и др.).

Действительно, попытки применить подобный метод к оноματοпоэтическим единицам обнаруживаются, например, у Р. Хасады (Хасада 1994) и Ю. Асано-Кавана (Асано, Кавана 2014), которые с успехом пользуются ЕСМ для толкования значений японских оноματοпоэтических единиц со значением эмоций и со значением боли соответственно. Например, для описания второго — эмоционального — значения единицы *мут* (в нашем словаре эта единица имеет два значения: 1) затрудненность дыхания от неприятного запаха или жары и 2) подавление поднимающегося гнева (Румак, Зотова 2012: 454) Р. Хасада использует следующее построение:

*Х что-то чувствует
иногда человек чувствует что-то наподобие этого:
теперь я знаю: кто-то что-то сделал
я этого не хотел
я бы хотел, чтобы кто-то этого не делал
из-за этого я бы хотел сделать/сказать что-то сейчас, если бы мог
я не могу сейчас этого сделать/сказать
потому что другие люди почувствуют что-то плохое, если я сделаю/
скажу это
из-за этого этот человек чувствует что-то плохое в это время
этот человек чувствует себя, как кто-то, кто думает так:
«я сейчас в жарком месте, где плохо пахнет»
«я не могу раскрыть губы из-за этого»
Х чувствует себя так (Хасада 1994: 74, перевод наш).*

Бросается в глаза то, что описываемые эмоциональные ощущения уподобляются ощущениям физическим, которые являются первым,

«конкретным» значением этой единицы. Одиннадцать из двадцати трех рассмотренных работе Р. Хасады единиц включают в себя описания конкретных, непосредственных аудио-, визуальных или тактильных ощущений.

С идеей использования семантических примитивов не совсем согласны лингвисты московской школы, в частности, Ю. Д. Апресян, который, критикуя также разложение значения единицы на семантические компоненты, предлагает воспользоваться метафорическим описанием для толкования эмоциональных единиц, поскольку «эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то» (Апресян 1995: 455). Предполагается использовать метафору человеческого тела или физического состояния, которое возникает, когда человек испытывает ту или иную эмоцию, при этом должно удовлетворяться «хотя бы одно из следующих условий: а) по данному симптоматическому выражению, используемому и для описания реакции души, и для описания реакции тела, единственным образом реконструируется тип эмоции; б) имеется метафорическое выражение, которое само по себе, даже в отсутствие названия эмоции, способно ее обозначать» (Апресян 1995: 462).

Например, такая эмоция, как «гнев» в русском языке часто уподобляется горению и физическим ощущениям при нагревании, что отражается, в том числе, и в устойчивых словосочетаниях русского языка, описывающих эту эмоцию («вспышка гнева», «попасть под горячую руку», «довести до белого каления» и т.п. (Ожегов, Шведова 2003: 134, 141, 261)). Подобным образом Р. Хасада описывает единицы со значением «гнев» через повышающуюся температуру тела или через неприятное физическое ощущение тошноты, приводя в толкованиях следующие сравнения:

для единицы *кат* —

*...этот человек чувствует то же, что человек, который думает так:
«я сейчас нахожусь в очень жарком месте»* (Хасада 1994: 79);

для единицы *мут* —

*...этот человек чувствует то же, что человек, который думает так:
«что-то очень плохое в моем желудке сейчас выйдет наружу»* (там же, с. 83).

В «Толковом японско-русском словаре оноματοпозэтических слов» предлагаются следующие толкования этих единиц:

- *кат* 2. Состояние, при котором интенсивно ощущаются солнечный свет или жар; тж. резкое ощущение сильного жара внутри тела; 3. Внезапный гнев (Румак, Зотова 2012: 50);
- *мукат* 1. Плохое самочувствие, тошнота; 2. Ощущение поднимающегося гнева, неприятное чувство (Румак, Зотова 2012: 450).

В своей статье (Румак 2017) мы уже указывали на тот факт, что значение полисемичных оноματοпозэтических единиц (которых обнаруживается довольно много — 371 из 746 единиц в (Румак, Зотова 2012)) развивается по общим принципам метафорического и метонимического переноса, когда от конкретного значения (чаще всего звукоподражания, обозначающего конкретный звук) по принципу метонимии происходит сдвиг к описанию действия, при котором возникает этот звук, к указанию на движение, сопровождающее это действие, и далее — к описанию физического состояния, вызванного данным действием, и даже эмоций, сопровождающих подобное состояние. Последние два сдвига, очевидно, являются именно метафорическим переносом, например, *касакаса* 1. Звук, издаваемый сухими тонкими или небольшими предметами при соприкосновении друг с другом, при разрушении (*звукоподр.*); 2. Быть высохшим в результате отсутствия жидкости, жира; тж. употребляется при описании ощущений (*сост.*) (Румак, Зотова 2012: 35). Можно с уверенностью утверждать, что во втором значении описывается именно такая степень сухости, которая приводит к возникновению звука, описанного в первом значении.

Кроме того, нельзя забывать об одновременном включении в одно значение прямого и переносного значения, которое также является метафорическим, например: *гакун* 2. Резкое и сильное перегибание, оседание, падение, отсоединение (о падении тж. говорится в переносном значении в отношении темперамента, состояния духа); ощущение при сильном физическом или душевном потрясении (Румак, Зотова 2012: 34).

Как мы видим из описания значения единицы, упадок духа или упадок сил уподобляются резкому падению вниз тяжелого предмета, при этом та же единица может одновременно описывать не только факт подобного изменения состояния, но и ощущения, которые человек при этом испытывает. Можно предположить, что описание значений действия/

состояния и ощущений при совершении этого действия/достижении этого состояния совмещены в одном словарном значении именно по причине возможности их одновременной актуализации в речи.

О синестетическом эффекте, производимом онomatопoэтическими словами, которые «мгновенно вызывают образ в мозгу носителя языка» (Чен 1990: v), и об одновременной актуализации в одной единице сразу нескольких значений (по ассоциации) писали, Э. Чен (Чен 1990), Р. Хасада (Хасада 1994: 45–47) и др. Очевидно, именно это свойство является основой «лаконичности и емкости» онomatопoэтических единиц, что позволяет использовать их как в коротких стихотворениях из 17 слогов хайку, так и в броских рекламных объявлениях. Можно утверждать, что метафоричность должна рассматриваться как неотъемлемое свойство толкования значения по крайней мере некоторых полисемичных онomatопoэтических единиц, с тем, чтобы такое толкование демонстрировало как развитие значения, так и те ассоциации, которые в этом значении могут содержаться.

Литература

Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 453–465.

Румак Н. Г. Полисемичные онomatопoэтические слова в японском языке // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 4. С. 20–28.

Asano-Cavanagh Yu. Japanese interpretations of “pain” and the use of psychomimes // International Journal of Language and Culture, Volume 1, Issue 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 216–238.

Chang A. C. Waei gitaigo-giongo Bunrui Yo:ho: Jiten. Taishu:kan-shoten. Tokyo, 1990.

Hasada R. The semantic aspects of onomatopoeia: focusing on Japanese psychomimes. Australia, 1994. 163 p.

Wierzbicka A. Universal Semantic Primitives as a Basis for Lexical Semantics // Folia Linguistica. Amsterdam: De Gruyter Mouton, 1995. 29(1). P. 149–169.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

Румак Н. Г., Зотова О. П. Толковый японско-русский словарь онomatопoэтических слов. М.: Моногратари, 2012. 496 с.

Atoda T., Hoshino K. Giongo-gitaigo tsukaikata jiten, 2nd ed. Tokyo: Sotakusha, 1995.

Станюкович М. В., МАЭ (Кунсткамера) РАН,

Дмитренко С. Ю., ИЛИ РАН / СПбГУ

РИСОВАЯ БРАГА/КУВШИННОЕ ВИНО. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ФИЛИППИНСКИХ И БАХНАРИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ¹

1. Рисовое брага (rice beer/wine) или кувшинное вино (jar wine) является традиционным алкогольным напитком, распространенным на большей части территории Юго-Восточной Азии, как как островной, так и материковой. Производство и употребление рисовой браги имеет много-тысячелетнюю историю и ныне может считаться одним из культурных маркеров коренных народов Юго-Восточной Азии (наряду с жеванием бетеля и ритуальным использованием гонгов) (Станюкович 2018). Ниже рассматриваются две лексические единицы, обозначающие реалии, связанные с рисовой брагой: слово для обозначения собственно браги и слово для обозначения закваски. Исследование проводилось на материале филиппинских языков (австронезийская языковая семья) и бахнарических языков (австроазиатская языковая семья, восточные мон-кхмерские языки). Регулярных непосредственных контактов между филиппинскими и мон-кхмерскими языками никогда не было, хотя в древности, вероятно, могли иметь место спорадические — на почве морской торговли между материковой и островной частями Юго-Восточной Азии. При этом следует учитывать, что бахнарические языки в течение длительного времени (по-крайней мере, два последних тысячелетия) контактируют с языками тямской группы австронезийской семьи, носители которых живут в Индокитае (тямы, джарай, раглай, радэ, тьру и др.).

¹ Исследование поддержано в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» (I.25). Проект: Материалы к сопоставительному мультимедийному словарю «Материальная культура народов Юго-Восточной Азии». Авторы выражают глубокую признательность Н. Н. Казанскому, который ознакомился с первоначальным вариантом статьи и сделал ряд важных замечаний.

2. Рисовая брага готовится путем сбраживания вареного риса (клейкого — на Филиппинах, клейкого или рассыпчатого — в материковой ЮВА) с закваской из растительных компонентов (про состав заквасок см., например, исследование (Yamamoto, Matsumoto 2011)). Процесс созревания браги (брожения) осуществляется в запечатанном кувшине. В Камбодже, а также соседних Лаосе и Вьетнаме (эти три страны и составляют современный ареал распространения бахнарических народов) к вареному рису, предназначенному для сбраживания, добавляют крупную шелуху, оставшуюся после обрушивания зерен (тот же способ известен субанунам о. Минданао, Филиппины). Такая технология, при экономии риса, увеличивает объем бродящего сырья настолько, чтобы оно заполняло кувшин полностью, однако делает рисовую массу, оставшуюся после того, как выпито все вино, несъедобной (она может использоваться как корм для свиней, см.: Izikovitz 2001: 302). Там же, где использование рисовой шелухи не практикуется (Кордильеры Лусона), перебродившая масса съедается. В Индокитае шелуха является необходимым компонентом для получения браги, в то время как рис в крайних случаях может быть заменен (например, в случае неурожая) на бананы, клубни ямса или маниока. Объем алкоголя, получаемый из риса, смешанного с шелухой, естественно, меньше; перед тем, как приступить к его распитию, в кувшин доливают воды, то есть брагу всегда пьют разбавленной. По мере уменьшения браги в кувшине (вернее, браги, смешанной с водой), вода доливается вновь несколько раз (см. также: Кондоминас 1968).

В Ифугао же при приготовлении браги, *baya*, вареный рис, причем клейкий, то есть самый дорогой, наполняет почти весь объем кувшина. Наиболее престижной считается *pinghan di pahapa* — букв. ‘первая выжимка’, первач, первая порция браги, которую сливают сквозь рисовую солому из кувшина, прежде чем залить в оставшуюся рисовую массу сок сахарного тростника (Lambrecht 1978). Молодежи, не участвовавшей в охоте за головами, его пить никогда не давали. Зато юноша, впервые участвовавший в походе на охоту за головами, назывался на ритуальном языке *matanob an papahapa* (Barton 1946: 131 ff, fn 104, 125; Станюкович 1997: 147), что можно перевести как «дозревший первач». В худхудах — эпических сказаниях — статус героя определяется, в частности, выбором жидкости для доливания в кувшин: настоящий кадангьянг (представитель высшего ранга) доликает сок

сахарного тростника, недостойный претендент на этот статус выдает себя тем, что предлагает долить воду. В индокитайской традиции (по крайней мере, в том ее виде, в котором она существует у бахнарических народов) в кувшин с брагой доливается только вода. У тампуанов (центральные бахнары, пров. Ратанакири, Камбоджа) нами отмечены случаи долива в кувшин рисовой водки вместо воды, но это является, вероятно, новацией — равно как и доливание джина и добавка сахара в некоторых районах филиппинской Центральной Кордильеры.

Брага извлекается из кувшина двумя основными способами. Первый, ифугаоский — внутрь кувшина вставляется плотная плетенка цилиндрической формы с открытым верхом, стенки которой пропускают жидкость, но задерживают рисовую массу. Из плетенки вино черпается *таугом* — бамбуковым стаканом, специальным ковшом, а ныне иногда покупной поварешкой. Второй способ (субануны и другие лумад — горные народы Минданао, все народы Индокитая) предполагает использование «соломинок»: тонких стеблей бамбука, закрытых снизу междоузлем, в котором проделано узкое вертикальное отверстие длиной около сантиметра, не пропускающее шелуху и разбухшую рисовую массу.

Клейкий рис — очень тяжелая пища, его повседневно не едят нигде кроме некоторых районов Индокитая [Płaczek 2014: 320], (к которым относятся, в частности, Лаос и Вьетнам — два из трех государств, на территории которых проживают народы бахнарической группы). На Филиппинах, где вареный рис составляет основу рациона, горцы выращивают клейкий рис для приготовления алкоголя, а равнинные народы — для сладостей. Аналогичная ситуация характера также для Камбоджи: титульный народ — кхмеры — употребляют клейкий рис главным образом в составе кондитерских изделий, а малочисленные народы горных районов сохраняют традицию приготовления из него рисовой браги (хотя рассыпчатый рис также вполне может быть использован для этой цели).

Рис варят до полуготовности, раскладывают тонким слоем на горизонтальной поверхности — в широкой корзине, устланной банановыми листьями или на циновке — и посыпают закваской. У филиппинских ифугао рис оставляют в таком положении, пока он не забродит. Когда алкоголь уже начинает капать, рис помещают в кувшин для дальнейшего брожения и тщательно запечатывают, перекрывая доступ воздуху.

У крынгов (западнобахнарический народ на северо-востоке Камбоджи) мы наблюдали закладывание риса в кувшин непосредственно после смешивания его с закваской. По свидетельству М. Интасс, бахнарические народы Камбоджи могут добавлять в кувшин с рисом и шелухой перец-чили или иные вкусовые добавки. Наши собственные наблюдения, однако, такой практики не фиксируют. Через неделю брага готова к употреблению, но она может выдерживаться и дольше (до трех месяцев). Чем дольше выдержка, тем крепче брага. См. также (Intasse 2016: 172–173).

3. В филиппинских языках большинство названий кувшинной рисовой браги восходит к прото-западномалайско-полинезийскому (PWMP) **tapaу*, рефлексы которого в современных языках островной ЮВА означают ферментированный рис, закваску, тесто или даже хлеб (http://www.trussel2.com/acd/acd-s_t.htm#32104).

Другая группа австронезийских терминов для наименования браги восходит к PWMP протоформам **asi?*, со значением ‘ферментированный рис’, **maŋ-asi?* ‘делать рисовую брагу’ и **in-asi* ‘вареный рис’. Для каждой из протоформ имеются когнаты со всем перечисленным спектром значений в австронезийских языках Филиппин, Индонезии, Малайзии и Индокитая (бисайя, субанун, малайский, кадазан-дусун, каро-батак, джарай, раде и др.) (http://www.trussel2.com/acd/acd-s_a1.htm#313). В контексте нашего исследования следует обратить особое внимание на лексемы, обозначающие рисовую брагу, в австронезийских языках, локализованных на территории Индокитая (по преимуществу, Вьетнама и Камбоджи): *tapāy/tipāy* (тямский (Aimonier, Cabaton 1906)), *topai* (джарай (Lap Minh Siu 2009)), *tape* (бих (Nguyen Tam Thi Min 2013)). Существенно, что эти языки, сохраняющие исконную лексику, связанную с рисовой брагой, в течение долгого времени контактируют с бахнарическими языками.

Наиболее значительной публикацией, в которой рассматривается «винная» терминология в филиппинских языках, является «питейный» раздел работы (Mintz 2000: 2–12), где на основании источников начала XVII в. анализируется соответствующая лексика бикольского языка.

4. Лексика, имеющая отношение к изготовлению и употреблению рисовой браги, достаточно многообразна. Она включает слова и соче-

тания слов, обозначающие собственно рисовую брагу, брагу хорошего качества, брагу, отличающуюся от стандартной (недозревшую, перестоявшую), наименования посуды для приготовления браги (как названия стандартного кувшина и его частей, так и более специализированную лексику, например, существующий в языке бахнар плато Плейку термин *səto:k*, обозначающий особенно ценный кувшин для изготовления браги, имеющий собственного духа-покровителя), трубки, через которое пьется брага, закваски, особые сорта риса, используемые для приготовления браги, название рисовой шелухи, глаголы, обозначающие процесс изготовления (ферментации) продукта, процесс питья браги, ее ритуальное разбрызгивание и более специфичные лексемы (ср. тампуан *bro:p* ‘в одиночку выпить кувшин браги за один присест’). В приведенной ниже таблице мы попытались обобщить информацию по бахнарическим языкам, касающуюся двух базовых лексем интересующей нас области: ‘брага’ и ‘закваска’. Лексический материал взят из электронной базы данных по этимологии мон-кхмерских языков (<http://sealang.net/monkhmer/>) — проекта, реализованного под руководством П. Сидвелла. Для языков тампуан и кринг привлекались и наши собственные полевые материалы 2015–2017 гг. В таблице приводятся сведения по языкам всех пяти подгрупп бахнарической группы (центральная, северная, южная, восточная, западная). Названия языков в таблице выделены курсивом, а сами лексемы — полужирным шрифтом.

Представленная таблица требует нескольких комментариев и пояснений.

а) обращает на себя внимание присутствие лексем, исторически восходящих к PWMP **tapay* ‘рисовая брага’. Так, соответствующие когнаты имеются во всех западнобахнарических языках, что позволило П. Сидвеллу и П. Жаку реконструировать протозападнобахнарическую форму **tʔpeː*, которую они справедливо сопоставляет с прототямским **tapaj* и также указывают на ее австронезийское происхождение (Sidwell, Jacq 2003: 98). Мы находим когнаты данной лексемы и в двух центральнобахнарических языках: тампуан и алак. Историю появления данного термина для рисовой браги в языке алак (на территории Лаоса) мы на основе имеющихся данных точно реконструировать не можем. Вероятно, в данном случае имело место заимствование слова уже из одного из западнобахнарических идиомов. Что же касается

Табл. 1. Термины для браги и закваски и бахнарических языках

	‘брага’	‘закваска’
Центральные	tape: тампуан tapaj алак sik бахнар (плейку, контум) sədro:/tədro: бахнар (голар)	buəh тариенг bujh бахнар (плейку)
Южные	nə:m мнонг (рэлам) rənə:m мнонг (центральный) alak / tərnom сре	dəpe: тьру pa:j мнонг (рэлам) pej стиенг (було) məngruj / səra:t сре
Западные	təwe: брао, кринг t(ə)pe: лавен dwε: ньяхын tavε: ой tvε: чхенг	buh брао buh / puh кринг bəh / buh лавен buoh ньяхын
Восточные	lɛk-pi:-lɛk куа	tapε: / kapε: куа
Северные	pja: тариенг hpa: джех arom, ʔalak, drow, danan, laniʃε, pinar, ʔpa, teə седанг ¹	blo: халанг buəh джех plɔ седанг

тампуан, то известно, что этот язык долгое время существует в теснейшем контакте как с языками западнобахнарической группы (в последнее время – вплоть до проживания в одних деревнях), так и с джарайским языком, поэтому здесь появление данной лексемы естественно. В ряде южнобахнарических языков также обнаруживаются рефлексy формы **tapau*, но в значении ‘закваска’. Это не только очевидное слово *dəpe:* в языке тьру, но и формы типа *pa:j* в вариантах мнонгского языка. Они представляют собой результат обычного для мон-кхмерских языков падения пресиллаба и, как результат, моносиллабизации исходной двусложной формы. Также *tapε:/kapε:* в значении ‘закваска’ мы находим в восточнобахнарическом языке куа. Для РWMP формы **tapau* вообще характерен исключительно широкий ареал распространения. Даже в современном кхмерском языке обнаруживается восходящее к ней слово *dambae* ‘закваска’, известное уже в среднекхмерском: *tampae* (Pou Saveros 2017). Древнекхмерский вари-

¹ Большое количество терминов для браги в языке седанг не может не удивлять, однако прокомментировать как-либо этот факт мы сейчас не можем.

ант этого слова не сохранился. В диалектах языка куай (катуическая группа) в значении ‘закваска’ присутствует лексема *təpɛ:*, которую Дж. Диффлот трактует как старое заимствование из кхмерского или одного из южнобахнарических языков (Diffloth 2011: 77). Наконец, на дальней периферии мон-кхмерского ареала — Никобарских островах обнаруживается слово *topa* в значении ‘алкогольный напиток’ (язык нанковри). Здесь, однако, речь идет скорее всего о более позднем заимствовании из малайского.

б) Южнобахнарические формы *pə:m*, *rəpə:m* (мнонг) и *tərnəm* (сре) следует, вероятно, соотносить с лексемами со значением ‘снадобье, средство, зелье’ которые обнаруживаются в целом ряде мон-кхмерских языков разных групп. Ср.: чхонг (пераическая группа) *nam*, палаунг (палаунгическая группа) *səpəm*, кхму (кхмуическая группа) *sɾnɪm*, кхмерский (кхмерская группа) *thnam*. В бахнарических языках слово со сходным экспонентом и значением ‘снадобье, средство, зелье’ представлено чрезвычайно широко: *tanam* (алак), *nam* (ньяхын), *səpəm* (сре), *tram* (сапуан), *ʔnham* (тамбуан) и т. д.

Интересно, что кхмерская форма *thnam* (сохранившаяся среднекхмерская форма — *thnām* (Pou Saveros 2017: 144)) является морфологически сложной, представляя собой инфиксальный дериват либо от глагола *dam*₁ ‘сажать’ (древнекхмерская орфографическая форма этого глагола *tām* известна с IX в.), либо от глагола *dam*₂ ‘варить рис, кипятить жидкость’. Последний глагол фиксируется в древнейших кхмерских надписях в форме *tām*, и в морфологически производных от нее формах (в приведенном ниже примере из древнекхмерской надписи VII в. это форма *tatām*, образованная путем редупликации инициали корня). При этом древнекхмерский глагол, возможно, обозначал не только ‘варить рис’, как в современном языке, но и вообще ‘варить, готовить’ (гlossирование и перевод следующего примера опирается на чтение Ф. Дженнера, представленное в корпусе древнекхмерских текстов, размещенном на сайте <http://sealang.net/ok/corpus.htm>):

neḥ gi roḥ veda nu tatām carū kṣīra (K.689B:6)

этот COP способ Веды PREP варить чару молоко

‘Вот предписанный Ведами способ сварить молочную чару’ (чару (*carū*) пища из риса, молока, масла для подношений Шиве).

В контексте реконструкции Х. Л. Шорто, кхмерскую форму *dam*₁ ‘сажать, высаживать’ следует рассматриваться как «потомка» протоавстроазиатской формы **t₂am/*t₂əam/*t₂am*, рефлексy которой обнаруживаются не только в мон-кхмерских языках, но и в мунда. Также Шорто обратил внимание на австронезийские параллели (ср. малайск. *tanam* ‘сажать’) (Shorto 2006: 368), которые можно возвести к протоокеанийской форме **tanum/*tanom* ‘сажать, зарывать’ (http://www.trussel2.com/acd/acd-s_t.htm#30327).

Что касается формы *dam*₂ ‘варить’, то Х. Л. Шорто возводит ее к протомонкхмерскому **t₁aam/*t₁am/*t₁um/*t₁uəm/*t₁əam* ‘варить, подвергать дистилляции’ (Shorto 2006: 369) и именно с этой формой Шорто эксплицитно связывает обсуждаемые южнобахнарические термины для рисовой браги (типа *nə:m/rənə:m/tənom*). Со своей стороны, мы, тем не менее, не стали бы исключать и некоторой вероятности того, что эти термины могут восходить и к форме со значением ‘варить’.

Обратим внимание также на то, что в нескольких западнобахнарических языках словом (или одним из слов), обозначающих рисовую брагу, может служить бином, состоящий одновременно из двух единиц, которые обсуждались в пунктах а) и б): кынг *təwe: tənəm*, брао *təwe: tə:m*, ньяхын *dwe: tw:m*.

в) название браги *sədoro:/tədoro:* в языке бахнар (голар) и седангскую форму *drow* безусловно можно сопоставить со словом *pədpə* ‘закваска’ катуического языка куай (диалект куай мла) (Diffloth 2011: 77).

г) в сре и седанг среди прочих терминов для обозначения браги присутствует форма *alak* (есть вероятность, что наименование браги в восточнобахнарическом языке куа *lak-pi-lak* восходит к тому же корню, но образовано путем редупликации), которое можно сопоставить, например, с малайско-индонезийским *arak*¹. Это, возможно, самый распространенный в мире термин для спиртных напитков (согласно одной из гипотез, он имеет семитское происхождение), которым называют различные виды алкоголя в арабских странах, на Балканах (*ракия*) и вплоть до Южной Сибири, где *арака* — алкогольный напиток из перебродившего молока. В филиппинских языках *alak* применяется в первую очередь для крепкого алкоголя, однако любой спиртной напиток может быть обозначен словосочетанием с терми-

¹ Не исключено, что с этим же словом связана также лексема *?alak* ‘рисовая шелуха’ в катуическом языке пакох.

ном с *alak*: *alak sa ubas* ‘виноградное вино’, *alak sa sintunis* ‘вино из цитрусовых’ и т. д.

д) севернобахнарических языках явно выделяется форма типа **ja:*, которую мы находим в седанг, тариенг и джех. В других мон-кхмерских языках мы также встречаем единицы со сходным экспонентом: *ja:* ‘пить’ (поар, пеарическая группа), *ja:* ‘жевать, в т. ч. табак’ (понг, вьетская группа), *ja:* ‘жевать’ (пхонг, катуическая группа), *nha* ‘лист, **лист бетеля**’ (сре, бахнарическая группа). Кажется, есть основания сопоставлять с перечисленными единицами тайское/лаосское слово *ja:* ‘лекарство, снадобье, средство’ или шанское *ja:*³ ‘лекарственное растение, лекарство, средство, снадобье’ (чередование *j* ↔ *ɲ* нередко имеет место при переходах от тайских к мон-кхмерским словам и наоборот, ср. кхмер. *ɲa:t* — тай. *jam* ‘разновидность салата’, кхмер. *ɲe:k* — тай. *ue:k* ‘разделять, отделять’).

е) Термины для закваски делятся на четыре группы. К сожалению, термины языка сре, обозначающие закваску: *mənruj* /səra:t/ мы прокомментировать сейчас не сможем. О терминах, восходящих к австронезийскому корню **tapay* было сказано выше. Что касается двух оставшихся терминов, то с уверенностью выделяется корень **bVh* (ср. *buəh* в тариенг и джех, *boh* в лавен и т.д.). Напрашивающаяся аналогия — кхмерский глагол *puh* ‘кипеть, **пениться, пузыриться**’ (древнекхмерская форма реконструируется Ф. Дженнером как *buh* или *vuh*). Мон-кхмерская протоформа реконструируется Х. Л. Шорто как **buh*; **buuh*; **bus*; **buus*; **bi* [ʃs] (Shorto 2006: 517), а восходящая к ней протозападнобахнарическая форма восстанавливается как *buuh* (Sidwell, Jacq 2003: 517) (аналогично выглядит и форма для протокауту). Что касается форм *blo:* в халанг и *pl₂* в седанг то единственная параллель, которая напрашивается в данном случае, — это *bləŋ* в диалекте мла языка куай (катуическая группа), *bləŋ* в других диалектах этого же языка (куай ндуа, куай ндрое, куай ак, куай ое) (Diffloth 2011: 76) и в близком к куай языке бру — *bləŋ* [там же].

5. Безусловно, было бы интересно сопоставить собранные нами сведения о бахнарической лексике, относящейся к рисовой браге, с ситуацией в кхмерском языке, поскольку многие бахнарические народы давно контактируют с кхмерами и проживали как на территории Ангкорской империи, так и на территории современной

Камбоджи, но имеющиеся данные не позволяют этого сделать. Традиция производства и употребления рисовой браги у кхмеров сошла на нет в постангкорскую эпоху. При этом имеются достоверные сведения о том, что жители Ангкорской империи употребляли рисовую брагу и использовали ее в ритуальных целях. Так, кхмерские исследователи Пхынг Тара и Анг Тюлиан перечисляют храмы, в которых имеются барельефы с изображением сцен распития рисовой браги (пирующие сидят вокруг кувшинов и пьют вино через трубочки). К таковым относятся Та Саом (XII в.), Ангкор Ват (XII в.), Байон (XII–XIII вв.). Особый интерес представляют барельефы, на которых, как утверждают исследователи, пьющими брагу изображены не только кхмеры, но также тямь и китайцы (Pheung Tara, Ang Choulean 2016). Также отметим наличие в коллекциях Национального музея в Пномпене и Национального музея в Бангкоке керамических сосудов ангкорской эпохи, близких по размерам и форме к сосудам для рисовой браги, используемым и в наши дни малочисленными народами Индокитая. Что касается кхмерского термина для рисовой браги (и вообще алкоголя), то он заимствован из санскрита: санск. *surā* → совр. кхмер. *sra*: Древнекхмерское слово фиксируется в эпиграфических памятниках с X века (см., например: K.349: {N35}, K.353N: {32}, K.1068: {B4} и др.): кувшины с вином могли входить в состав имущества, которое отдавалось, например, в обмен за земельный участок. Кхмерский термин, обозначающий закваску — *dambae*, как уже было сказано выше, имеет австронезийское (тямское?) происхождение и впервые фиксируется только в текстах постангкорской эпохи. В современном кхмерском языке для обозначения закваски для браги используется также описательный термин *te: sra*: ‘мать браги, мать вина’.

Литература

Кондоминас Ж. Лес священного камня. М.: Наука, 1968.

Станюкович М.В. Охота за головами у ифугао: Практика и ритуал (по материалам начала XX в.) // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 141–150.

Станюкович М. В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии // Станюкович М.В. (отв. ред), Касаткина А.К. (ред.). Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. Сборник Музея Антропологии и Этнографии. СПб., 2018. Т. LXV. С. 29–49.

Aymonier E. F., Cabaton A. Dictionnaire čam-français (Publications de l'École Française d'Extrême-Orient, 7). Paris: Leroux, 1906.

Barton R. F. The Religion of the Ifugaos. Menasha, WI. American Anthropologist, N. C. Vol. 48. No 4, 1946, pt. 2, pp. 1-219. (American Anthropological Association Memoir; No. 65).

Diffloth G. Kuay in Cambodia. A Vocabulary with Historical Comments. Phnom Penh: Tuk Tuk Editions, 2011.

Intasse M. Eating in Northeastern Cambodia. A Socio-Anthropological Approach to Highland Food in Ratanakiri. Bangkok: White Lotus, 2016.

Izikovitz K. G. Lamet. Hill Peasants in French Indochina. Bangkok: White Lotus, 2001.

Lambrecht Fr. Ifugaw-English Dictionary. Quezon City, Philippines, 1978.

Lap Minh Siu. Developing the First Preliminary Dictionary of North American Jarai. MA thesis, Texas Tech University, 2009.

Mintz M. Food in late 16th and early 17th century Bicol society // Pilipinas, vol. 35 (autumn), published online. 2000. 44 p.

Nguyen Tam Thi Min. A grammar of Bih. Doctoral dissertation. Eugene: University of Oregon, 2013.

Pou Saveros. Un Dictionnaire du Khmer-Moyen. Phnom Penh: Institut Bouddique, 2017.

Pheung Tara, Ang Choulean. Sra: peut, 2016. <http://www.yosothor.org/yosothor2016/publications/khmerrenaissance/content-header/DrinkingWine.html>.

Placzek J. The origin of domestic rice: The case for Southeast Asia // The 20th Congress of Indo-Pacific Prehistory Association (IPPA) Hosted by The Royal Academy of Cambodia Conference Program and Abstracts. Siem Reap, 2014. P. 320.

Shorto H. L. A Mon-Khmer Comparative Dictionary. Canberra: Pacific Linguistics. Research School of Pacific and Asian Studies. The Australian National University, 2006.

Sidwell P., Jacq, P. A Handbook of Comparative Bahnaric: Vol 1: West Bahnaric. Canberra: Pacific Linguistics, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University 2003.

Yamamoto S., Matsumoto T. Rice Fermentation Starters in Cambodia: Cultural Importance and Traditional Methods of Production. Southeast Asian Studies, Vol.49, No. 2, September 2011. P.192-213.

Стрижак У. П.

Школа востоковедения НИУ ВШЭ, Москва

ГРАММАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ТОЖДЕСТВЕННОЕ И НЕТОЖДЕСТВЕННОЕ В КУЛЬТУРАХ

В данной статье в сопоставительном аспекте рассматривается грамматический материал японского и русского языков как транслятор представлений о мире соответствующей лингвокультурной общности. В этом ключе на примере материала переводных текстов анализируются механизмы смещения фокуса внимания и перераспределения синтаксических ролей в предложении. Особое внимание уделяется бытийным глаголам японского языка как средству снижения агентивности.

Ключевые слова: агентивность, бытийные глаголы, японский язык, параллельные тексты, языковая репрезентация, культурный транслятор.

Язык как средство трансляции культуры является предметом многих современных междисциплинарных исследований. При этом лексические единицы как средства репрезентации особенностей мышления носителей соответствующего языка (колоративы, топонимы, темпоральная / пространственная лексика и т. д.) изучены гораздо в большей степени, чем грамматические. В недавнем исследовании, посвященном анализу залоговых конструкций в русском языке (Гаврилова 2016: 105–106) постулируется справедливая мысль о том, что «в современном языкознании антропоцентрический подход стал привычным в области описания лексики. <...> Гораздо реже антропоцентризм, связанный с рассмотрением языка в диаде «язык и человек», распространяется на материал грамматических категорий». В рамках современных японских лингвистических и лингводидактических исследований с некоторым опережением по сравнению с отечественной наукой активно интегрируется когнитивный подход к изучению языковых явлений, а именно: рассмотрение не только лексических, но и грамматических катего-

рий (переходность, залоговость, множественность, направленность действия и др.) как мыслительных, понятийных, тесно связанных со структурой организации знания в языковом сознании говорящих. Здесь стоит упомянуть работы Андо С., Икэгами Ё., Морита Ё., Мория М. и др: так, например, лингвокультуролог Танабэ Ё. описывает и анализирует страдательный залог в японском языке как «показатель особого японского мировидения» (Танабэ 1981: 38).

При этом представляется интересным проанализировать не только отдельную грамматическую конструкцию, но и рассмотреть, например, такой семантический параметр как агентивность, репрезентируемый в японском языке различными лексическими и грамматическими средствами. В рамках данной работы будут рассмотрены языковые средства отображения степени агентивности субъекта высказывания с помощью японских бытийных глаголов *aru* и *iru* ‘иметься’, ‘находиться’. Под бытийными глаголами мы будем понимать такие глагольные единицы, которые означают существование (неодушевленных или одушевленных субъектов соответственно); наличие или присутствие где-либо; свойство; состояние субъекта; обладание чем-либо. Из данного перечня функций глаголов видно, что все они акцентируют внимание на отсутствии совершения активного действия или его неконтролируемости. Проследим на примере сопоставлений предложений из переводных параллельных текстов (русской художественной литературы на японский язык), какие фрагменты языкового высказывания в оригинальном тексте были лексически и/или грамматически трансформированы японскими переводчиками — исходя из вышеуказанного методологического положения о том, что язык репрезентирует особенности культуры и мировосприятия, мы сможем сделать выводы о наличии тождественного и нетождественного в разных культурах.

Следует отметить, что на сегодняшний день в научном сообществе нет единого метода или признанного методологического подхода, который бы достоверно доказывал корреляции между языковыми и культурными нормами нации. В. М. Алпатов неоднократно указывал на отсутствие такого общепризнанного подхода к анализу языковых явлений, например: «При современном уровне развития науки пока нет никаких строгих критериев доказательного подбора подобных фактов. Их всегда много и в языке, и в других компонентах культуры, но можно найти и немало противоположных» (Алпатов 2008а: 135).

В нашем исследовании мы предпринимаем попытку проанализировать особенности иноязычного восприятия окружающей действительности путем изучения общего / разного в параллельных текстах с целью выявления разности представления материала на уровне когнитивных структур говорящих. Здесь мы опираемся на следующие методологические положения Н. С. Автономовой: «В анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удастся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интересубъективной проверке» (Автономова 2016: 23) и О. К. Ирисхановой о том, что «значимым для освоения мира, в том числе посредством языка, является не только фокусирование, но и когнитивные механизмы дефокусирования. Под последним понимается выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью языковых единиц» (Ирисханова 2014: 13).

В отечественной японистике этими вопросами занимается Т. М. Гуревич, утверждая, в частности, что «Сопоставляя материалы японского и <...> русского языков, мы можем выделить то, что для характерно для каждой из рассматриваемых культур (Гуревич 2012: 211). Продолжая эту тему, рассмотрим грамматический материал как транслятор культурных норм с целью выделить общее и различное в них: мы считаем, что такое знание является необходимым в построении прагматически верного высказывания как в ходе коммуникации с представителями иной лингвокультурной общности, так и при изучении и переводе иноязычных текстов.

Рассмотрим случаи понижения агентивности субъекта (понимая под агентивностью способность носителя предикативного признака совершать активные действия) за счет использования бытийных глаголов *aru* и *iru*. В японском языкознании эти глаголы относят к группе 状態動詞 *joutai doushi* ‘стативные глаголы’, при этом определяя их и как бытийные глаголы. Х. Араки отмечает, что в японском языке существует множество средств, способствующих перемещению фокуса внимания с производящего действие (высокая степень агентивности) на состояние или результат совершившегося действия (низкая степень агентивности), что свидетельствует о стремлении японского языка смещать акцент с действующих лиц на процесс (Араки 1986: 65–68, 73–75) — так

достигается «японскость языковой репрезентации» (Араки 1986: 69). Эту же позицию разделяют и доказывают многие другие японские исследователи, перечисленные нами выше. В отечественной японистике В. М. Алпатов говорит о том, что *aru* и *iru* «придают синтаксеме стативный характер» (Алпатов и др. 2008а: 90) — получается, что в таких случаях, согласно похожему определению Т. С. Яцко со ссылкой на концепцию перекатегоризации Н. Н. Болдырева, высказывания с агентивными глаголами «перекатегоризовывается в стативные» (Яцко 2010: 12). Под стативностью в обоих случаях понимается «обозначение состояния, а не процесса или активного действия» и связывают с этим понятие низкой агентивности субъекта, а именно: обозначение данными предикатами состояний и свойств, «в принципе, не зависящих от воли субъекта» (Алпатов и др. 2008в: 60).

При создании собственного рабочего корпуса параллельных текстов данная особенность была выявлена нами случайно по мере накопления примеров смещения фокуса при грамматической трансформации в японских переводах; иными словами, мы изначально не ставили задачи обнаружить в японском языке тенденцию к пассивизации, а увидели ее в местах смещения фокуса при передаче содержания на другой язык. Мы считаем такой исследовательский подход верным, т.к. он дает нам возможность работать с объективно существующим и верифицируемым материалом — языковыми конструкциями. Проанализируем существующие варианты перевода на японский язык произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», примеры из которого приводятся в двух переводных вариантах: перевод Мидзуно Тадао 2008 года (а) и перевод Наката Тадаси 2016 года (б).

Пример 1. В тот час <...> никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, <...>

1а. ～にやってくる者もいなければ、ベンチに腰かけている者もなく...

～*ni yatte kuru mono mo inakereba, benchi ni koshi kakete iru mono tote naku, ...*

Досл. перевод: Не было и кого-нибудь, кто пришел ..., и кого-нибудь, кто присел на скамейку, ...

1б. ～にやって来る者も、ベンチに腰をおろす者もなく、...

～*ni yatte kuru mono mo, benchi ni koshi wo orosu mono mo naku, ...*

Досл. перевод: Не было и кого-нибудь, кто пришел ..., и кого-нибудь, кто присел на скамейку, ...

В первом примере в результате грамматической трансформации акциональный предикат ‘приходить’ сменился бытийным глаголом ‘находиться’; соответственно, все высказывание стало носить стативный характер.

Пример 2. В нашей стране атеизм никого не удивляет.

2a. 無神論に驚く者なんて、わが国では一人もいませんよ。

Mushinron ni odoroku mono nante, wagakuni de ha hitori mo imasen yo.

Досл.: Человека, которого бы удивил атеизм, в нашей стране ни одного нет.

26. 無神論に驚く者なんて一人もいませんよ。

Mushinron ni odoroku mono nante hitori mo imasen yo.

Досл.: Человека, которого бы удивил атеизм, ни одного нет.

Этот пример также демонстрирует нам снижение меры агентивности по той же схеме: атеизм, который ‘удивляет’ в оригинальном тексте, в обоих переводных вариантах вместе со своим агентивным компонентом перемещается на периферию высказывания, а субъектно-объектная основа высказывания формируются опять по принципу ‘такого человека не имеется’.

Пример 3. Кирпич ни с того ни с сего, <...> никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в каком случае не угрожает.

3a. 煉瓦が理由もなく誰かの頭上に降って来る者ではありませんよ。とりわけあなたの場合、請け合いますけど、そんな危険はまったくありません。

Renga ga riyuu mo naku dare ka no zujou ni futte kuru mono de ha arimasen yo.

Toriwake anata no baai, ukeaimasu kedo, son'na kiken ha mattaku arimasen.

Досл.: Не существует людей, кому бы кирпич свалился на голову безо всякой причины. Особенно в вашем случае, уверяю, подобной опасности вовсе нет.

36. 煉瓦なんて、青天の霹靂みたいに、誰の頭上にも決して降ってはきません。特にあなたの場合、請け合ってもいいですが、あなたが煉瓦で危険な目にあうことは決してないでしょう。

Renga nante, seiten no hekireki mitai ni, dare no zujou ni mo kesshite futte ha kimasen. Toku ni anata no baai, ukeattemoii desu ga, anata ga renga de kiken na me ni au koto ha kesshite nai deshō.

Досл.: Кирпич никогда не падает на чью-то голову внезапно, как гром среди ясного неба. Особенно в вашем случае можно гарантировать, что вовсе не будет такого, чтобы вы попали в опасную ситуацию из-за кирпича.

Следующие несколько примеров последовательно демонстрируют нам изменение степени агентивности различных субъектов: кирпича, который в японском видении не ‘падает’ и не ‘угрожает’ в синтаксической роли агенса (пример 3); Ивана Николаевича, который не ‘повинен’ (пример 4); Воланда, который не ‘не спешит’, а у него ‘отсутствуют срочные дела’ (пример 5), звонящих людей (примеры 6 и 7), которые в переводе смещаются на периферию, а агенсом становится ‘ответ’, которого ‘не было’ (причем далее в оригинальном повествовании встречается похожая конструкция ‘Никто не отозвался’, которая тоже в обоих вариантах переводится на японский язык путем замены агенса: ‘Ответа не было’):

Пример 4. Недоразумение было налицо, и повинен в нем был, конечно, Иван Николаевич.

4a. 誤解は明らかで、もちろん原因はイワンにあった。

Gokai ha akiraka de, mochiron gen'in wa iwan ni atta.

Досл.: Недоразумение было очевидно, и, конечно, причина его была в Иване.

4б. 思い違いは明らかで、言うまでもなく非はベズドームヌイのほうにあった。

Omoichigai ha akiraka de, iu made mo naku hi ha bezudōmunui no hōu ni atta.

Досл.: Недоразумение было очевидно, и не стоит и говорить, что вина за него лежала на Бездомном.

Пример 5. <Здесь так хорошо под липами,> а я, кстати, никуда и не спешу.

5a. それに、べつに急ぎの用もありませんから。

Sore ni, betsu ni isogi no you mo arimasen kara.

Досл.: Кроме того, особо срочных дел у меня тоже и не имеется.

56. それに私は別に急ぎの用なんてありませんから。

Sore ni watashi ha betsu ni isogi no you nante arimasen kara.

Досл.: Кроме того, у меня каких-то особенно срочных дел и не имеется.

Пример 6. Позвонил <...>, но, как сами понимаете, ответа не получил.

6a. ご承知のとおり、返事はなかった。

Go shouchi no toori, henji ha nakatta.

Досл.: Как вы понимаете, ответа не было.

6б. ご承知の通り、返事はなかった。

Go shouchi no toori, henji ha nakatta.

Досл.: Как вы понимаете, ответа не было.

Пример 7. Позвонили в комиссию по изящной словесности <...> и, конечно, никого там не нашли.

7a. 文学委員会を呼び出してみたが、もちろん応答はなかった。

Bungaku iinkai wo yobidashite mita ga, mochiron outou ha nakatta.

Досл.: Попытались дозвониться в литературный комитет, но, конечно, ответа не было.

7б. 文学委員会に電話してみたが、もちろん誰も出なかった。

Bungaku iinkai ni denwa shite mita ga, mochiron dare mo denakatta.

Попытались дозвониться в литературный комитет, но, конечно, никто не взял трубку.

Следующий пример показывает тот же механизм дефокусирования, что и в примере 1 (где вместо ‘никто не пришел’ мы обнаружили ‘нет того, кто пришел’): ниже вместо человека на синтаксической позиции агенса в предложении ‘Кто скажет...?’ в японском переводе обнаруживается конструкция ‘Есть ли некто, кто выскажется...?’, что также принципиальным образом меняет распределение синтаксических ролей в предложении:

Пример 8. Кто скажет что-нибудь в защиту зависти?

8a. 羨望に肩入れしてなにか発言しようとする者など、どこにいるだろうか。

Senbou ni kataire shite nani ka hatsugen shiyou to suru mono nado, doko ni iru darou ka.

Досл.: Есть ли где некто, кто выскажется в защиту зависти?

86. 人のねたみに肩を持つような者などどこにいるだろうか。

Hito no netami ni kata wo motsu you na mono nado doko ni iru darou ka.

Досл.: Есть ли где некто, кто выскажется в защиту зависти?

Нельзя однозначно утверждать, что такие трансформации происходят во всех случаях перевода высказываний с интенсивным агентивным компонентом, см. ниже:

Пример 9. <...>, и все теперь предвещало нехороший день <...>

9a. 今日はなにかよくないことが起きるのではないかと、いやな予感がしてならなかった。

Kyou ha nani ka yokunai koto ga okiru nodewanai ka to, iya na yokan ga shite naranakatta.

Досл.: Нельзя было отделаться от плохого предчувствия, что сегодня, пожалуй, произойдет что-то нехорошее.

9б. 今日は何かいやな日になりそうだという予感がしてならなかった。

Kyou ha nani ka iya na hi ni narisou da to iu yokan ga shite naranakatta.

Досл.: Нельзя было отделаться от предчувствия, что сегодняшний день, похоже, будет каким-то нехорошим.

Пример 10. Так свидетельствуют люди.

10a. そのような証言がある。

Sonoyou na shougen ga aru.

Досл.: Есть такие свидетельства.

10б. そのように人々が証言しているのだ。

Sonoyou ni hitobito ga shougen shite iru no da.

Досл.: Так свидетельствуют люди.

Видно, что в примере 9 в обоих переводах сохраняется акциональность предиката даже при замене субъекта, а в примере 10 наблюдается расхождение в позиции переводчиков и в использовании ими переводческих приемов. Тем не менее, частотность и типичность собранных примеров и данные предварительного статистического анализа результатов подобного исследования показывают, что данное явление заслуживает внимательного отношения к нему исследователей. Даже на примере относительно малого количества примеров нами были выявлено как тождественное в обоих языках (частотность безличных

предложений, дефокусировка агенса и др.), так и различное — большее по сравнению с русскоязычными высказываниями стремление японского языка к пассивизации и подчеркиванию состояния субъекта, а не его активной позиции.

Итак, мы убедились, что язык как транслятор культурных норм убедительно требует детального и системного его изучения в рамках когнитивного подхода. Как указывает Танабэ Ё. (Танабэ 1981: 266), для понимания иноязычных конструкций необходимо «вплести в себя грамматику иностранного языка, окруженную совершенно иной культурой, уравновесить и адаптировать ее, приспособить к себе». Только при условии, что изучение языка будет сопряжено с выходом исследователя в языковое сознание представителей иной лингвокультурной общности, мы сможем приблизиться к пониманию сущности рассматриваемых языковых явлений.

Литература

Автономова Н. С. Познавание и перевод. Опыты философии языка. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

Алпатов В. М. [2008а] О языковой картине мира японцев // Историческая психология и социология истории. Волгоград: Учитель, 2008. Т. 1. № 1. С. 133–141.

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. [2008б] Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 1]. М.: Наталис, 2008а. 559 с.

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. [2008в] Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 2]. М.: Наталис, 2008. 448 с.

Араки Х. Нихондзин-но эйго-но канкаку. Токио, РНР, 1986. 162 с. (Японское ощущение английского языка)

Гаврилова В. И. Антропоцентрические аспекты грамматической категории залога в русском языке // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык. Общество. Наука. К 70-летию члена корреспондента РАН В. М. Алпатова. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 105–135.

Гуревич Т. М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО Университета. М.: МГИМО, 2012. №2. С. 208–212.

Ирсаханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Танабэ Ё. Эйгорасиса то нихонгорасиса. Токио: Гуробю, 1981. 275 с.

Яцко Т. С. Компонентно-предикационный анализ категориальных значений отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Иркутск, 2010. 19 с.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ХАУСА

*В статье идет речь о новой словообразовательной модели, возникшей в языке хауса за последние несколько лет по примеру выражения *a hausance* ‘на хауса, по-хауса’.*

Ключевые слова: хауса, наречие, суффикс, имя состояния

В последнее время в языке хауса появился ряд неологизмов, созданных по единой модели, которая раньше не была задействована в словообразовании.

В роли этой модели выступило наречие *a hausance* ‘по-хауса’, которое, впрочем, практически не употребляется. Вместо данного выражения чаще всего употребляется конструкция *da hausa*, имеющая то же значение: ‘на хауса, по-хауса’. В середине 70-х годов прошлого столетия появилось созданное по этой модели наречие *a Turance* ‘по-английски’, однако и оно встречается лишь эпизодически, когда дается английский вариант того или иного термина: ‘...*ta hanyar salula ko mobile a turance*... ‘...по мобильному телефону’. В этой фразе сначала используется заимствование из английского языка *salula* < *cellular phone*, которое затем объясняется ‘т. е. мобильный телефон по-английски’.

В середине первого десятилетия нашего века в языке СМН на хауса стало все чаще появляться выражение *a hukumance* ‘официально’, образованное от существительного *hukuma* ‘орган власти’ по модели *a hausance*: *Shi ne karo na farko da shugaban ‘kasa ya ba da labarin nan a hukumance*. ‘Первый президент сообщил об этом официально’.

Вслед за этим неологизмом появились и другие, образованные по той же модели: *a tarihince* ‘исторически’ < *tarihi* ‘история’, *a iyalance* ‘частно, частным образом’ < *iyali* ‘семья’, *a al’adance* ‘по обычаю’ < *al’ada* ‘обычай’, *a diflomasiyance* ‘дипломатически’ < *diflomasiya*

‘дипломатия’, *a addinance* ‘религиозно, с точки зрения религии’ < *addini* ‘религия’, *a jimlance* ‘в итоге’, ‘общим числом’ < *jimila* ‘итог’, *a gargajiyanse* ‘традиционно’ < *gargajiya* ‘традиция’ и др. Например: *Ina ganin har a addinance ma ba zai zama laifi ba in har aka gane yiwuwar yaran da za a haifa su zama masu wannan cuta*. ‘Я думаю, что даже с точки зрения религии не будет преступлением определить, будут ли дети, которые должны родиться, носителями этой болезни’. *A birnin Geneva ana 'ko 'karin samun mafita a diflomasiyanse*. ‘В Женеве пытаются найти выход дипломатическим путем’.

По своему звучанию эти неологизмы очень похожи на второе отглагольное имя или имя состояния (Noun of State), где в том случае, если основа глагола оканчивается на -t-, это -t- палатализуется перед суффиксом -e: *kwanta* ‘ложиться’ — *kwance* ‘лежащий’. Имя состояния может выступать в предложении не только в качестве предиката, но в качестве обстоятельства образа действия. В последнем случае ему предшествует предлог ‘a’. Например:

Wani mutum yana kwace a gindin wani itace. ‘Какой-то человек лежал/лежит у дерева’.

Na ga wani mutum a kwance. Я увидел лежащего человека.

Но имя состояния может быть образовано только от глагола, тогда как выше приведенные неологизмы образованы от существительных, как и само выражение *a hausance*, поскольку в языке хауса нет глагола *hausanta*. Предположение, что в языке существует несколько фантомных глаголов, от которых могли быть образованы данные noun of state, на наш взгляд, не выдерживает критики.

Встает вопрос о выделении некоего словообразовательного форманта. Морфологический анализ показывает, что можно выделить основу al’ad-, iyal-, addin-, jimil- и словообразовательный суффикс -ance и его алломорф -ince.

Как было сказано, практически все приведенные примеры были взяты из текстов радиопередач на языке хауса радиостанции «Немецкая волна». Но подобные неологизмы стали появляться и в текстах других жанров, например, в научных статьях: *A gargajiyanse, Bahausha a fagen soyayya mutum ne mai kunya da ha'kuri da dauriya...* ‘Традиционно хаусанец в любви — человек скромный, терпеливый и спокойный...’ (Gidan

Dabino 2011: 2). Можно со всем основанием предположить, что словообразование по данной модели уже закрепилось в языке хауса. Насколько данная словообразовательная модель будет продуктивной — покажет время.

Литература

Ado Ahmad Gidan Dabino. Littafan soyayya: samuwarsu da bun'kasarsu da kuma tasirinsu ga al'ummar Hausawa a Nijeriya // From Oral Literature to Video. The Case of Hausa. Ed. by Joseph McIntyre & Mchthild Reh. Köln. 2011

<http://www/dw.com/hausa-batutuwa>.

Чиронов С. В.

МГИМО, Москва

ЯПОНСКИЕ КОНТРАСТИВНЫЕ ДИСКУРС-МАРКЕРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

В работе освещены основные проблемы изучения японских маркеров дискурса с противительным значением, связанные с их структурным разнообразием, функциональными различиями, условиями употребления, а также вопросом об упорядоченном описании семантико-прагматических функций. Обосновывается целесообразность привлечения для этой цели корпусных данных.

Ключевые слова: японский язык, противительность, союз, дискурс-маркер, корпусные данные

Выпускникам с японским языком, начинающим переводчикам знакома особая фрустрация, когда цепочка правильно построенных предложений не достигает ожидаемого эффекта у слушателей и, наоборот, звучащую речь не получается верно прогнозировать, уловить, к чему говорящий *клонит*. Насколько можно судить, обусловлено это относительной (по сравнению со знанием базовой грамматики) неразвитостью компетенций в порождении и обработке продолжительных связных высказываний — за чем, в свою очередь, очевидно, стоит незавершенная систематизация знаний о строении текста. Последние годы ознаменовались рядом этапных исследований в этой области (Басс 2004, 2016), но все же до окончательного решения проблемы пока далеко.

В данной работе предпринимается попытка обозначить основные сложности изучения такого важного средства обеспечения текстовой когезии и разметки речевого материала, как дискурс-маркеры — лексические единицы комментарийного плана с преобладанием процедурного (прагматического) значения, указывающие на связь между сочлененными фрагментами текста (Fraser 1990, 1999: 931). Ими обозначается субъективная позиция говорящего (Г) о связи между внеязыковыми явлениями (Нака 1988), которая, будучи отражена в пропозициональном

содержании, вообще-то доступна адресату (А) и без маркировки, что, однако, сильно повышает нагрузку по «расшифровке» высказывания и делает его прагматически непрозрачным (Ямасита 2003: 74).

Мы ограничиваемся маркерами (ДМ) с противительным значением как одной из семантических «универсалий» в любых классификациях (Итикава 1978; Танака 1984; Нагано 1986; Ито 1991). В некоторых типах текстов такие ДМ заметно преобладают над коннекторами с иной семантикой (Исигуро 2009: 82), что можно объяснить диалектической природой мышления человека. Материалом нам служит относительно компактная часть доступного корпуса письменных источников японского языка — публикации в газетах за несколько лет в начале 2000-х гг. Причина обращения к газетному тексту — его риторичность и насыщенность манипулятивными средствами, включая ДМ, консервативность отбора, а также мультимедийность материала, предусматривающая возможность «вклеек» кусков текста различной природы.

1. Первую сложность представляет формальная неоднородность ДМ. Обычно они рассматриваются в составе союзов, где японские источники (с разной нюансировкой) выделяют собственно союзы (*setsuzokushi*, часто сюда включаются остальные группы), расположенные до аподозиса S2, и союзные морфемы (*setsuzoku-joshi*) т.н. алтайского типа, завершающие протазис S1. Называются также союзные слова (*setsuzoku-go*), сходные с понятием союзных наречий в ряде языков. Они включают предложные группы с вербализованным указанием на антецедент, напр. *sono hamten* (=с другой стороны «этого»). Выделяются и более протяженные союзные выражения, представляющие собой словосочетания с устойчивым прагматическим значением (*setsuzoku-hyooen*). Немалая часть их имеет метаязыковую природу, задействуя речевые и ментальные глаголы, например *to itte mo* (=даже если сказать), *ka to omou to* (=только было подумал, как...).

Это деление само допускает дополнительную детализацию, где позиция той или иной единицы в синтаксической структуре предложения определяется в «классическом» ранжире по степени независимости подчиняемых отрезков (Минами 1974). По нему наиболее связанными, обладающими минимальной сферой действия, являются морфемы типа *-temo* и *-tsutsu(mo)*. Присоединять застывшие формы непростедевшего времени (ср. инфинитив, «имя действия») способны *ippoo* и *dooji-ni*, конвербные формы *-te* — *tada* и *ka to itte* (при этом уже теряется воз-

можность заглубления пары S1+S2 с противительной связью внутри сложного предложения). Канонические союзы могут или замыкать финитную форму S1 (как *monono*), или отделяться от него интонационно и на письме, примыкая к S2 (как *tokoroga*), а также появляться в обеих позициях (как *ga*). Дополнительно градуированы союзы еще и по приемлемости адрессива в S1 — с *ga/kedo*, но не с *monono*. С показателями иллокутивной силы сочетаются лишь немногие единицы (например, *shikashi* с побуждением, *noni* с вопросом). При этом интуитивная посылка о более простом выражении противопоставления для единиц низшего уровня не срабатывает: контраст между однородными предикатами, а также «присоединение» (Селюнина 2012) обставляется как парцелляция — через введение в качестве эрзац-предиката связки *da/de aru*: *そうした認識は徐々にはあるが出てきている*. // *Такое понимание медленно, но проявляется* (Kotonoha, «Майнити» 12.11.2003).

Серьезно запутывает ситуацию, однако, вариативность проявлений одних и тех же элементов в различных позициях. В массиве данных, помимо «чистых» перечисленных вариантов, мы обнаруживаем разнообразные «игры» с формой, включая как «отсечение» ДМ, производного от сложного послелога или конверба, от его подчиненного и переподключение к «недозволенному» отрезку, так и, напротив, «воскрешение» анафоры в аподозисе. Для ряда ДМ в финальном положении без вербализуемого S2 трактовка их как омонимичных союзам частиц (Алпатов 2014: 467) не отменяет вопроса о семантической связи за этим развитием (Сиракава 1996; Утида 2001). Видим мы и сочетания ДМ, чей строгий порядок (союз+союзное слово в *ga+shikashi*, но также *shikashi+ippool/sore nimokakawarazu*) говорит об их иерархии (Морита 1967).

Такая картина поднимает несколько проблем. Прежде всего, как влияет эта парадигма употребления слова на вариативность его значения? По крайней мере в двух случаях (отмеченных в таблице заливкой) можно говорить о нетривиальном семантическом развитии. Так, *sore-ga* как маркер контраста между состояниями идентичного субъекта до и после перемены (Хамада 1993) объясним, но не предопределяем текстовой функцией анафора (Ан 1996), ср. случаи с *sore-o* в отсутствие контраста: *自分が歌うことを楽しむだけで、お客さんと共有できてなかった」と振り返る。それが、数々の恩師との出会いを通して、いつの間にか消えていた*. // *Я просто пел в свое удовольствие, а зрителю это пере-*

Табл. 1. Синтаксические позиции употребления ДМ в корпусе

	N ..., S2	S1..., S2	S1-te, ... S2	S1-ga, ... S2	S1. ..., S2	S1. Sore/ sono..., S2	S1. Da..., S2	S... .	Всего
<i>Monono</i>		96							96
<i>Demo</i>		607			123	47			777
<i>Ga</i>		>5000			30	10	267	62	>5000
<i>Keredomo</i>		6			6			1	13
<i>Noni</i>	11	100				5	(5)	4	125
<i>Kuseni</i>		2						1	3
<i>Tokoroga</i>					53				53
<i>Shikashi</i>				4	430				434
<i>Tada</i>			8	3	162				173
<i>Tadashi</i>					32				32
<i>Nagara</i>	15	249							264
<i>nagaramo</i>		72							72
<i>Tsutsu</i>		29							29
<i>nimokaka-warazu</i>	16	25			5	4			41
<i>Hammen</i>		1			1	2			4
<i>Ippoo</i>				5	93	5			313
<i>Ni taishite</i>		6				6/2			14
<i>(to) dooji-ni</i>	15	19			26	1			61
<i>Kara to itte</i>		10		2			1		13
<i>Ka toitte</i>			2		1				3
<i>To itte</i>			1		2				3
<i>Ka to omou to</i>					1				1
<i>To wa ie</i>	15	42			7				68
<i>To itte mo</i>	10	26	1		5				43
<i>To shite mo</i>	1	9							10
<i>Ni shite mo</i>	29	10				7			46
<i>De ite</i>						1			1

дать не умел, — вспоминает он. **Но** благодаря встрече с мастером это постепенно изменилось. (Kotonoha, «Кобэ симбун» 16.01.2003). Аналогично, трактовка *soredemo* через вербализацию антецедента, что, в отличие от *demo* с маркируемым контрастом инференций, контрастирует пропозициональное содержание P1 и P2 (Акабанэ 2001), упускает из виду в *soredemo* сему «преодоления препятствия», связанную с акциональностью: 今は造船所で船内清掃をしている。それでも、なぜ店を続けるのか。// Сейчас он чистит суда на верфи. **И все равно** не закрывает магазин — почему же? (Kotonoha, «Асахи» 17.10.2004). Не объясняется и полное отсутствие подобных последствий для других схожих пар, например (*sore*) *ni mo kakawarazu*, (*sono*) *ippoo*.

Вообще вопрос о семантическом размежевании между основными формальными моделями ДМ едва ли можно назвать решенным. Лежащие на поверхности обобщения о возможности более широких сопоставлений в отдельных предложениях (Като), а также о том, как союзные морфемы, не требующие реализации финитных показателей предиката, тяготеют к выражению гипотетических, а союзы — реальных положений дел (Асаи 2003), не покрывают всего разнообразия выражений, хотя и верны в отдельных ДМ. Так, для ряда *-temo* след многовариантности из уступительного значения связанной морфемы как будто сохраняется в прагматике нежесткого противопоставления *demo* и «застывает» в фактивности лишь в *soredemo*. Но такой же связанный *-nagara* вовсе не подразумевает ирреалис и, более того, в формальном плане не вполне последовательно «двоится» по оппозиции одновременности и (селективно более свободного) контраста (Икэгами 1997).

Что вообще определяет возможность того или иного варианта употребления? Почему, например, «тактовую черту» оказывается возможным провести перед послелогом *-ni* в *ni mo kakarawazu*, но не в *ni taishite*, почему допустим без антецедента «обрубок» *nanoni*, но не **nakuseni*, а после анафоры и в начале реплики в устной речи (не отражено в нашем материале) различна приемлемость его с цитатным *-to* в *ni/*to shite mo* (=и тем не менее)? Распутать сплетение структурных и прагматических факторов здесь задача не из легких.

2. Многоаспектен вопрос о рамках класса контрастивных ДМ. Известна проблема ограничения союзов от смежных классов. Так, из влиятельных традиционных морфологических классификаций весь

данный класс в наречия помещают Ё. Ямада и Д. Мацусита, а вслед за ними и более поздние авторы (Кога 1982). Оппоненты этой точки зрения указывают на различное поведение наречий и союзов в про-тазисе: в частности, союз допускает перемещение только в конец S2 (не все такие примеры вполне естественны), тогда как наречие передвигается свободнее, например, в слот после тематической части, ср. рус. *однако* (Морита 1967). Как синтез, предлагается считать такие наречия «прагматическими союзами» (Исигуро 2009). Отмечается близость ДМ-союзов к междометиям в изоляции и начале реплики (Такахаси 1994). Важность этих вопросов — в их влиянии на порядок и объем подачи материала в широких исследованиях, строящихся по формальному принципу. Значимость диахронического плана изучения ДМ заложена в отголосках траекторий грамматикализации единиц в их прагматических функциях.

С функциональной же точки зрения больший вес приобретает внутреннее разграничение массива ДМ. Ясно, что однозначного решения проблема не имеет уже ввиду и развитой полисемии единиц, и онтологической близости и пересечения зон значения, обслуживаемых ими. Среди прочего, противительность тесно увязана с условностью — в контексте уступительности как контраста конкретное-общее (Урысон 2011), а также независимости от условия (Тогаси 2005), с причинностью, сплав с которой имеет место в *kara to itte* «отрицания причины» (Симидзу 2016), категориями линейного развития аргументации (не зря М. Токиэда называл ДМ «маркерами развития мысли»). Ряд единиц, обсуждаемых в литературе, тем не менее, приходится оставить за рамками рассуждений о противительности. Так, *datte*, допустимое в начале реплики в возражение против не только слов А (Такахаси 1994), но и третьей, в том числе воображаемой, позиции, логичнее все же отнести к маркерам объяснения причины — как и происходит в единственном примере корпуса.

3. Предыдущий из поднятых вопросов тесно связан с масштабной задачей построения целостной семантической таксономии контрастивных ДМ. Необходимый этап в этом — их исчисление с учетом целостной взаимосвязи различных прагматических типов контраста (Schiffrin 1989: 177):

- пропозициональный, то есть действительности и презумпций (связан с представлениями о норме (ср.: Санников 1989; Иоанесян

2014) и т. н. семой «обманутых ожиданий» (вербализуемой в *ka to omoeba/otoiki ya*);

- референциальный, со сдвигом «угла зрения», неприемлемых для требующих кореферентности субъекта *-nagara, -tsutsu, hammen*. Крайним случаем здесь может считаться смена темы (Ивасава 1985; Мураками 1995);
- функциональный (планов высказывания), в т.ч. переход от изложения фактов к их оценке (Нака 1988), от общего плана к фокусу (Алпатов 2014), от метатекстового зачина к телу высказывания (Ямасита 2003; Иоанесян 2014);
- акциональный (различной иллокутивной природы) — в основном для *ga / keredo*, ср. с одной из функций рус. *но* и *только* (Санников 1989: 53 и далее);
- прагматический — между прагматическими инференциями, особенно продуктивен с учетом высококонтекстности японской речи (Onodera 2003). Особенно интересен случай реакции на побуждение, когда после *shikashi* и *demo* оспариваются условия успешности речевого акта, включая статус Г, способность А совершить действие (Такахаси 1994). Сюда же, вероятно, имеет смысл отнести «конфликт оценок» между P1 и P2 (Сайто 2009);
- когнитивных состояний Г и А — для *tokoroga* (Хамада 1995, Нака 1988), в случае смены темы, а также безантецедентных *shikashi* и *demo*. Логическое продолжение этого — контраст интенций коммуникантов, «умалчиваемый» в финальных *ga / keredo* ради смягчения категоричности как собственных суждений, так и ответственности за передаваемую чужую речь (Ли 2002).

Отсюда вытекают основные функции ДМ, представленные в табл. 2.

Как видим, анализ функционала единиц далеко не объясняет всего их разнообразия. Тем более востребована работа по различению отдельных пар синонимов, обобщая которую, можно выделить его основные критерии:

- важность P1 относительно P2, как в *tada, tadashi* (Кадзима 2005), дискуссионно — *топопо < ga* (Сатакэ 1984), ср. рус. *только* (Санников 1989);
- известность информации, как (-) P2 для А в *tokoroga* (Хамада 1995), или требование вербализации P1 ранее в дискурсе для *to itte* (Такахаси 1994) — в отличие от *ka to itte*, где речевое значение

Табл. 2. Основные прагматические функции ДМ контраста

	Введение оговорок, условия	Противоречие презумп- ций	Смещение фокуса	Присоединение / разви- тие линии	Фон-фокус	Смена РА	Смена темы	Введение метатекста, комментария	митигация
<i>ga/ keredomo</i>		+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Shikashi</i>		+	+	+			+		
<i>Demo</i>		+	+				+		
<i>Tokoroga</i>		+	+						
<i>Tada</i>	+	+							+
<i>Tadashi</i>	+	+				+			
<i>Ippoo</i>		+	+						
<i>Soredemo</i>		+				+			
<i>Nagara/tsutsu</i>		+	+	+					
<i>(to) dooji-ni</i>		+		+					
<i>Monono</i>		+							
<i>Nimokakawarazu</i>		+							
<i>Hammen</i>		+							
<i>Noni/ kuseni</i>		+							
<i>Ka toitte/ kara to itte</i>		+							
<i>Ka to omou to</i>		+							
<i>To wa ie/ To itte mo</i>		+							
<i>To/Ni shite mo</i>		+							
<i>Sore de ite</i>		+							
<i>Ni taishite</i>			+						

глагола совершенно выветривается: 素材の味を邪魔せず、かといっ
て素材に負けない。// «Вкусу ингредиентов он не мешает, **притом**
и они его не заглушают» («Санкэй симбун» 26.02.2005)

- темо-рематический статус информации, напр., тематическое P1 для *noni* при сдвиге фокуса на P2 в *monono*, *ga*, *nagara* (Имао 1994; Икэгами 1997);

- «вовлеченность» Г как личное участие в получении информации — например, как препятствие употреблению *tokoroga* (Китано 1989);
- эмоциональная реакция Г на контраст, см. *tokoroga* (Ивасава 1985);
- оценочность как абсолютный показатель (*noni, kuseni*), ср. рус. *только* (Санников 1989), и как направление в *monono, demo* (Маэда 1995, Сайто 2009);
- уверенность Г в утверждении (сильнее *shikashi*, чем *ga*) (Сиосава 2003);
- сила противопоставления как в субъективно-эпистемическом плане (энциклопедические vs. менее устойчивые представления), так и в объективно-внеязыковом (Апресян 2015), в первую очередь с учетом степени каузальной зависимости между явлениями, которая может быть представлена как вероятность. Этот фактор сопряжен с эмоциональностью — максимальной при жестком «сбое» в *noni, nagara* (Накадзато 1997), и снятой в *monono, dooji-ni*, в повествовании о событиях в условиях многофакторной неопределенности, оценка чьей противоречивости не входит в задачи автора — как в новостной статье: タジク人、ウズベク人、ハザラ人が主体の北部同盟はカブールを制圧したものの、内部に分裂の芽を抱えている。// «Северный альянс», в основном из таджиков, узбеков и хазар, овладел Кабулом, **но** в нем уже наметились признаки внутреннего раскола (Kotonoha, «Кобэ симбун 1.12.2001)

При всей ценности приведенных параметров следует помнить, что приблизиться к комплексному описанию семантики ДМ возможно лишь уточнив и верифицировав их «сквозным» образом на всем массиве данных.

4. Отдельную задачу представляет собой прояснение условий употребления ДМ. Во многом это производный показатель от их значения. Скажем, *tokoroga*, являясь маркером смены картин/ситуаций, предъявляемых для А, всегда появляется в подготовленной речи, нарративе (Хамада 1995). В то же время для отдельных единиц с различной историей формирования допустимо дублирование функций и перераспределение их в условиях постоянного переупорядочивания языковой системы. Например, это касается маркеров низкого пропозиционального контраста *monono*, характерного для письменной речи, и разговорных *ka to itte, sore de ite*: 光線の具合でクリーム色にも緑がかっても見える車体は、シンプルかつスポーティー。それでいて力

強い。// *Корпус, на свет поверх кремового отливающий в зелень, простой и спортивный. И притом мощный.* (Kotonoha, «Коти симбун» 28.09.2004). Такая концентрация единиц в зоне значений, отражающей плюралистические социальные практики, — столь же важная прагматическая тенденция, как и предпочтение «плоской» сочинительности в устной речи (Поволна 2009). В свою очередь, широко признается исключительно регистровая оппозиция между двумя основными каноническими союзами — *ga* и *ke(re)do(mo)* (Мио 1942). С другой стороны, стилистическое различие между *tada* и *tadashi* (Кадзима 2005) влияет на их прагматический профиль, где первое слово, более разговорное, употребляется как тактическое средство для облегчения негативного воздействия возражения путем «формальной» подачи его как имеющего меньший вес, тогда как с *tadashi* подобного не происходит.

Дополнительно прояснить эти аспекты должны наблюдения по жанрам в продолжение уже предпринятых на различном материале — блогов (Сайто 2009), газетных текстов (Сиосава 2003), ученических эссе (Симидзу 2016).

При изучении дистрибуции ДМ по типам контекстов, как это делается по сочетаемости с финальными грамматическими показателями S1 и S2, типами предикатов предикатами, см. для *shikashi* (Симидзу 2016), *demo* (Утияма), иллюкутивными индикаторами (Накадзато 1997), модальными выражениями (Акабанэ 2001), при всем внимании к формальным показателям оцениваться должен скорее статус сопряженных фрагментов, включая случаи косвенных речевых актов, а также то, с каким именно фрагментом соотнесено противопоставление. В примере ниже констатив соотносен с констативом, как во втором варианте русского перевода, а не напрямую с императивом, к которому как будто «перепрыгивает» Г: 何も知らないくせに、いかげんなことは言わないで // Ты ж ничего не знаешь, нечего говорить ерунду! (ср. рус. с союзом ...*а говоришь!* (Kotonoha, «Асахи» веч. вып. 21.08.2001). Отдельно должно изучаться место ДМ в продолжительном высказывании, как, например, сделано с анализом появлений ДМ в зачине, теле или концовке текста (Симидзу 2016), в монологе и диалоге (Като).

Сказанное подводит к модели изучения контрастивных ДМ на основе многомерной матрицы, построенной по признакам формальной позиции, семантики единицы по приведенным компонентам, ее речевой функции из широкого набора как «исходных», так и «производных»

(Одани 2003), а также характеристик ситуации употребления. Оперировать такими объемными данными, избегая «ловушек» интроспекции, позволяет использование корпуса, хотя при этом остается сложная задача их интерпретации. Все это поможет упорядочить наши представления о контрастивных ДМ японского языка.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка (в 2-х кн.) М.: Наталис, 2008. Т. 1. 464 с.

Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. 2015. 288 с.

Басс И. И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 371 с.

Басс И. И. Противительные союзы в русском и японском языке (русский союз *но* и японские союзы *ga, tokoroga*) Японский язык в вузе: материалы конференции преподавателей японского языка (октябрь, 2015 г.). М.: Ключ-С 2016. С. 9–21.

Иоанесян Е. Р. Семантика русских противительных союзов *но* и *только*. 2014 URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2014_06/3.pdf.

Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М. 1989, 266 с.

Селюнина О. А. Полипредикативные конструкции с вторичной связью, формализованной релятивами и *то, да и то, но и то, да еще*. Мир русского слова №3, 2012 с. 12–20.

Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

Fraser B. Contrastive discourse markers in English. In: Jucker A. H. and Yael Z. (eds.) Discourse Markers. Description and Theory. Amsterdam: John Benjamins, 1998, p. 301–326.

Fraser B. What are discourse markers? Journal of Pragmatics #31, 1999, p. 931–952

Kotonoha 現代日本語書き言葉平均コーパス URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form.

Onodera N. Japanese Discourse Markers: Synchronic and Diachronic Discourse Analysis. John Benjamins, 2004. 253 p.

Povolna R. On contrastive relations in academic spoken discourse. Brno Studies in English Volume 35, No. 2, 2009 pp. 93–105.

Shiffrin D. Discourse markers. Cambridge UP, 1988. 364 p.

赤羽根義章. 接続助詞の形態と対応する接続語-「けれども, そうするけれども, たけれども」「が, そうするが, だが」「それが」. 宇都宮大学教育学部紀要 (アカбанЭ Ё. Союзные частицы и союзы *keredomo, soosurukeredomo, dakeredomo, ga, soosuruga, daga, sorega*. Труды педагогического факультета университета Уцуномия) № 51/1. 2001. С. 67–104.

庵功雄『「それが」とテキストの構造：接続詞と指示詞の関 係に関する一考察』阪大日本語研究. (Ан Н. Текстовые функции *sorega*: к вопросу о связи союзов и указательных местоимений, исследования по японскому языку) № 8. 1996. С. 29–44.

浅井美恵子『論說的文章における接続詞について — 日本語母語話者と上級日本語学習者の作文比較』言葉と文化 / 名古屋大学大学院国際言語文化研究科 日本言語文化専攻 編 (Асаи М. Союзы в научном тексте — сравнение употребления у родных носителей японского языка и обучающихся продвинутой ступени обучения. Язык и культура. Изд. центра изучения международной коммуникации аспирантуры ун-та Нагоя) 2003. С. 87–97.

岩澤治美『逆説の接続詞の用法』『日本語教育』(Ивасава Х. Употребление противительных союзов) № 56 1985. С. 39–50.

池上素子.「のに」・「ながら」・「ものの」・「けれども」の使い分けについて.北海道大学留学生センター紀要 (Икэгами М. О различении *noni*, *nagara*, *monono* и *keredomo*. Труды центра студенческих обменов ун-та Хоккайдо)1997. С. 18–29.

今尾ゆき子「条件表現各論」『ガ/ケレド/ノニ/クセニ/テモー談話語用論からの考察—』日本語学 (Имао Ю. Дискурсивные функции *ga*, *keredo*, *noni*, *demo*. Нихон-гогаку) 1994. С. 13–18.

石黒圭 et al.『接続表現のジャンル別出現頻度について』一橋大学留学生センター紀要, (Исигуро К. и др. О союзных выражениях в текстах различных жанров. Записки центра студенческих обменов ун-та Хитоцубаси) №12, 2009. С. 73–85.

市川孝『国語教育のための文章論概説』教育出版 (Итикава Т. Основы стилистики для преподавания японского языка. Кёйку-сюппан) 1978. 236 с.

伊藤俊一・阿部純一「接続詞の機能と必要性」(Ито С, Абэ Дз. Функции и рамки использования союзов)The Japanese Journal of Psychology, № 62/5, 1991. С. 316–323.

鹿嶋恵『接続詞の「ただし」と「ただ」：先行研究における問題点』三重大学日本語学文学(Кадзима М. Союзы *tadashi* и *tada*: проблемы предшествующих исследований. Японский язык и литература в ун-те Миэ) №16, 2005. С. 118–106.

加藤薫『逆接』の接続詞についての一考察—『しかし』系の接続詞を中心として—『国語学研究と資料』(Като К. О противительных союзах — на примеры группы *shikashi*. Исследования и материалы по японскому языку) № 15. 1991. С. 33–45.

加藤重広. 照応現象としてみた逆接 (Като С. Противительность как анафора) Journal of the Faculty of Humanities, University of Toyama № 34, 2001 URL = <http://www.hmt.u-toyama.ac.jp/kenkyu/kiyo34/katoh34c.pdf>.

北野浩章「「しかし」と「ところが」- 日本語の逆説系接続詞に関する一考察」『言語学研究 (Китано Х. *Shikashi* и *tokoroga*: о японских противительных союзах. Гэнгокаку кэнкю) № 8, 1989. С. 39–52.

李徳泳・吉田章子「会話における「んだ+けど」についての一考察」『世界の日本語 教育』(Ли Дэюн, Ёсида А. О сочетании *nda+kedo* в разговорной речи. Преподавание японского языка за рубежом) №12, 2002. С. 121–154.

前田直子「逆接を表す『～のに』の意味・用法」『東京大学留学生センター紀要』(Маэда Н. Значение и употребление противительного *noni*. Записки Токийского центра студенческих обменов) №5, 1995. С. 21–30.

南不二男『現代日本語の構造』大修館書店 (Минами Ф. Структура современного японского языка. Дайсюкан) 1974. 325 с.

森田良行「接続詞の機能」『国文学研究』(Морита Ё. Функции союзов. Коку-бункаку кэнкю) №35, 1967. С. 14–24.

村上恵・熊取谷哲夫「談話トピックの結束性と転換構造」『表現研究』(Мураками М., Куматоритани Т. Топиковая когезия в дискурсе и структура смены топика. Хэгэн кэнкю) №62, 1995. С. 101–111.

村田年『多変量解析による文章の所属ジャンルの判別 — 論理展開を支える接続語句・助詞相当句 を指標として —』統計数理 第 (Murata T. Анализ жанровой принадлежности текстов по количественным признакам — на основе показателей клауз, вводимых союзами и частицами) №48/2, 2000. С. 311–326.

永野賢『文章論総説』朝倉書店 (Нагано С. Основы стилистики. Асакура) 1986. 379 с.

仲真紀子. 接続詞「だけど」の使用に見られる推論枠組みの利用とその発達. 教育心理学研究 (Нака М. Инференция в употреблении союза *dakedo*. Кёiku-синригаку кэнкю) № 36/3, 1988. С. 220–228.

中里理子「逆接確定条件の接続助詞一ガ・ノニ・モノノ・デモ・ナガラについて—」言語文化と日本語教育 (Накадзато М. Фактивные противительные союзы *ga, noni, monono, demo, nagara*. Нихон-бунка то нихонго) №13, 1997. С. 160–170.

尾谷昌則. 主体化に関する一考察: 接続詞「けど」の場合. 日本認知言語学会論文集2003 (Одани М. К вопросу о субъективизации — на примере союза *kedo*. Собрание трудов японского общества когнитивной лингвистики) №3 2003. С. 85–95.

斉藤香里 et al.『心の状態と言語的特徴: ブログにおける商品紹介文の分析』情報知識学会誌 (Сайто К. и др. Лингвистические особенности выражения эмоций: анализ описания товаров в блогах. Записки общества информатики) №19/2, 2009. С. 144–151.

佐竹久仁子「~もので/~ものの/~ものを. 日本語学 (Сатакэ К. *Monode, monono, monoo*. Нихонгогакү) №1, 1986. С. 3–10.

清水由貴子 et al.『中級日本語学習者の意見文にみられる「しかし」の分析』東京外国語大学留学生日本語教育センター論集 (Симидзу Ю. и др. Анализ употребления *shikashi* в выражениях авторского мнения в сочинениях обучающихся японскому языку на среднем уровне. Сборник работ центра преподавания японского языка Токийского ун-та иностранных языков) № 41, 2016. С. 41–56.

塩澤和子『逆説型 シカシとダガの意味分析試論--朝日新聞「社説」を資料として』筑波大学文藝・言語学系 (Сиосава К. Семантический анализ противительных *shikashi, daga* — на материале редакционных статей «Асахи симбун». Филология и лингвистика в университете Цукуба) №13, 2003. С. 1–41.

白川博之「「けど」で言い終わる文」『広島大学日本語教育学科紀要』(Сиракава Х. Предложения с финальным *kedo*. Записки педагогического факультета ун-та Хиросима) №6, 1996. С. 9–17.

高橋太郎. < 論説 > 会話の展開のなかでの接続詞 (Такахаси Т. Союзы в диалоге-рассуждении) The journal of the Department of Literature, Rissho University, 1994. С. 1A–19A.

田中章夫「接続詞の諸問題—その成立と機能」鈴木一彦・林巨樹編『研究資料 日本文法第4巻修飾句・独立句編』明治書院 (Танака А. Вопросы происхождения и функций союзов. В: ред. Судзуки К., Хаяси О. Материалы по японской грамматике: т.4. Определители и изоляты). 1984. С. 81–123.

富樫純一『複合助詞「にしろ」「にせよ」「であれ」—その意味と諸用法をめぐって—』筑波日本語研究 (Тогаси Дз. Составные частицы *nishiro*, *niseyo*, *deare* — значение и употребления) Исследования японского языка в ун-т Цукуба № 10, 2005. С. 1–18.

内田安伊子「接続語 ～日本語文法3～」(Утида А. Союзные слова — лекции по японской грамматике №3) <http://web.ydu.edu.tw/~uchiyama/bunpo/conj.pdf>.

芳賀綏『新訂日本文法教室』教育出版(Хара Я. Японский язык в аудитории. Кёйку-сюппан) 1982. 283 с.

浜田麻里「ソレガについて」『日本語国際センター紀要』第3号国際交流基金日本語国際センター (Хамада М. *O sorega*. Записки международного центра изучения японского языка при Японском фонде) № 3, 1991. С. 57–69.

浜田麻里. トコロガとシカシ: 逆接続語と談話の類型. 世界の日本語教育. 日本語教育論集 (Хамада М. *Tokoroga* и *shikashi*: противительные союзные слова и типы дискурса. Преподавание японского языка за рубежом, сборник трудов) № 5, 1995. С. 193–207.

山下直『接続助詞「が」の機能分析 一文法学習の観点から—』人文科教育研究 (Ямасита Т. Союзная частица *ga* — функциональный анализ с позиций изучения литературы) № 30, 2003. С. 69–79.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕДАКТИРОВАНИЯ СЛОВНИКА МАНЬЧЖУРСКИХ СЛОВАРЕЙ (1717–1771)

В статье рассматриваются типы редакторской правки словарных статей, которая вносилась в тематические словари, составленные в XVIII в. в Пекине на основе первого, маньчжурского, толкового словаря (1708 г.). Кроме очевидного добавления новых языков, в них последовательно увеличивалось количество заглавных слов, и первое значительное увеличение заметно в словаре 1771 г. Это увеличение — результат редакторской работы составителей словаря, направленной на упорядочивание тематической структуры словаря. Значительное число добавлений новых слов в словаре 1771 г. в разделах, лексику которых можно считать устойчивой к политическим переменам, было взято из дополнительных толкований словаря 1717 г., перемещено в тематически более подходящий раздел и «переведено в ранг» заглавных в словаре 1771 г. Кроме того некоторая правка затронула лексику (замена китайских слов на маньчжурские, добавление пояснений) и грамматику (унификация глагольных форм) толкований; также в словаре 1771 г. были исправлены немногие ошибки, сделанные еще в исходном, маньчжурском, словаре (1708 г.).

Ключевые слова: маньчжурская лексикография XVIII в., словарная статья, толкования слов.

На протяжении XVIII в. в периоды правления двух императоров династии Цин (1644–1911) в Китае: Канси (1662–1722) и Цяньлуна (1736–1795) было создано несколько словарей, которые можно объединить в своеобразную серию. Все они имеют в своем названии слова «изданный по высочайшему повелению», и все по структуре и содержанию восходят к первому — маньчжурскому тематическому толковому словарю, изданному в 1708 г. Полное название словаря — «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению»¹

¹ Этот традиционный перевод названия используется в русских работах со времен И. И. Захарова.

(маньчж. *Han-i araha manju gisun-i buleku bithe*). На его основе на протяжении XVIII в. было составлено еще 7 тематических словарей (шесть — издано ксилографически, один — известен только в рукописном варианте), в которых постепенно увеличивалось число языков (максимальное — пять), маньчжурский язык присутствовал в каждом, в некоторых словарях приводились записи произношения слов, толковыми из них были только два: словарь 1717 г. (маньчжуро-монгольский)¹ и частично словарь 1771 г. (в этом, маньчжуро-китайском, словаре толкование сопровождает только маньчжурские слова).

Все словари построены по тематическому принципу, слова охватывают три большие тематические группы, относящиеся к небу (маньчж. *abka*), земле (маньчж. *na*) и человеку (маньчж. *niyalma*), что является традиционным для китайской культуры. Слова, связанные с человеком, занимают значительно больше места, чем две другие тематические группы. Эти три группы формально в словарях не выделены, но видно, что словари организованы именно в таком порядке. Самой крупной единицей деления словаря является глава (маньчж. *šoŋohon*), во всех главах есть разделы (маньчж. *hacin*), во многих разделах есть подразделы (маньчж. *teyen*). Внутри этих структурных единиц также сохраняется единство тематики слов, в них представленных. Лексика, которую составители включали в словари, очень разнообразна, разделы охватывают все стороны жизни, начиная с устройства маньчжурской империи и кончая национальными играми. Главы и разделы имеют названия, которые позволяют ориентироваться в тематике слов, в них представленных.

Словари из этой серии отличаются не только по количеству языков в них представленных, но и по количеству заглавных слов. Немецкий ученый Оливер Корф, руководитель группы, подготовившей к изданию пятиязычный словарь (Corff 2013), в небольшой статье приводит данные сопоставления количества заглавных слов (*lemmata*) в трехязычном маньчжуро-монгольско-китайском словаре, 1780 г., материалы которого были изданы см. (Kuribayashi, Hurelbator 2006; 2008) и в пятиязычном, с привлечением данных из маньчжурского словаря 1708 г. и значительно более позднего, уже алфавитного, монгольско-китайско-маньчжурского словаря 1891 г. Основные результаты, касающиеся количества заглавных слов в словарях, входящих в серию «изданных по высочайшему пове-

¹ Словарь 1717 г. был переиздан в 1743 г. без каких-либо текстуальных изменений.

лению», по данным Корфа, следующие: маньчжурский 1708 г. — около 12 000 слов, трехязычный 1780 г. — около 13 800 слов, пятиязычный 1794 г. — 18 761 слово. Считая разницу в количестве слов между первыми двумя несущественной, он более внимательно анализирует состав дополнений, сделанных в пятиязычном словаре, и делает следующий вывод: новые заглавные слова были добавлены в очень небольшое количество разделов, и их появление в словаре 1794 г. связано с двумя причинами. Первая причина — это расширение административной системы империи Цин, в результате были включены слова, называющие новые правительственные учреждения, виды дел и бумаг, входящих в их компетенцию. Вторая — это использование достижений западной науки, в первую очередь, астрономии, что повлекло появление в словаре названий астрономических приборов и математических терминов, связанных с вычислением периодов солнечных затмений и составления календарей. Для новых слов к старым разделам добавлялись новые (Corff 2017: 357–363).

Три словаря — 1708, 1717 и 1771 г., которые не дают столь ярких количественных противопоставлений, тем не менее, представляют интерес, поскольку все они включают толкования маньчжурских слов, а словарь 1717 г. еще и толкование монгольских. Это обстоятельство определяет их особое место в серии словарей «изданных по высочайшему повелению». Материалы из них использовали составители более поздних, уже европейских, словарей, как маньчжурских, так и монгольских. Указание на это есть в словарях: маньчжуро-русском И. И. Захарова (Захаров 1875), маньчжуро-английском Дж. Нормана (Norman 1978), и монгольско-русско-французском О. М. Ковалевского (Ковалевский 1844–1849), причем последний автор для каждого использованного слова дает ссылку на том и страницу словаря 1717 г. Этот же словарь 1717 г. указан как один из источников для краткого толкового словаря современного монгольского языка монгольского лингвиста Я. Цэвэла (Цэвэл 1966).

Для анализа редакторской работы над тремя словарями было выбрано несколько разделов: «Небо», «Различные цвета», «Я и ты» (т. е. местоимения), «Тело человека», «Звук и шум» (т. е. звукоподражания) и некоторые другие, лексика которых представляется наименее подверженной каким-либо временным изменениям. Тем не менее, по сравнению со словарем 1708 г. количество слов в последующих словарях увеличилось и в этих разделах тоже, а словарные статьи обнаруживают и другие следы редакторской работы.

Подсчет заглавных слов в четырех разделах в пяти словарях (два из них использовал Корф), показывает, что первое существенное пополнение их количества в выбранных разделах произошло в словаре 1771 г. В следующий словарь, 1780 г., вошли не все новые слова, тогда как пятиязычный словарь 1794 г. точно повторяет количество слов в словаре 1771 г.

	1708 г. маньчж.	1717 г. маньчж.- монг.	1771 г. маньчж.- кит.	1780 г. маньчж.- кит.-монг.	1794 г. пятиязыч- ный
Я и ты	64	64	67	67	67
Разные цвета	61	61	90	72	90
Тело человека	123	123	140	137	140
Звук и шум	124	124	150	142	150

Объяснение увеличения заглавных слов частично кроется в толкованиях, которые сопровождают маньчжурские слова в словарях 1708, 1717 и 1771 гг. Все последующие словари не являются толковыми, а только переводными, поэтому, используя только их, обнаружить точный источник новых заглавных слов, появившихся в словаре 1771 г., невозможно.

Словарная статья трех толковых словарях выглядит следующим образом: словарь 1708 г. — маньчжурское заглавное слово¹ и его толкования; словарь 1717 г. — маньчжурское заглавное слово и его толкования, монгольский перевод заглавного слова и его толкований; словарь 1771 г. — маньчжурское заглавное слово и его толкование, китайский перевод заглавного слова, китайская транскрипция маньчжурского слова, и маньчжурская — китайского. Эти три словаря объединяет наличие в составе словарной статьи кроме маньчжурского слова маньчжурских же толкований, и именно эти толкования и рассматриваются ниже с точки зрения различий, внесенных в результате редакторской работы.

При слове может быть несколько толкований, из которых первое мы будем называть «основным», а все остальные, число которых может доходить до четырех-пяти (во всяком случае, в рассматриваемых раз-

¹ Заглавное слово — это либо одно слово, либо словосочетание, состав которого может быть различным. Во всех словарях оно выделено жирным шрифтом.

делах) — «дополнительными». Основное толкование обычно строится по стандартной схеме. Оно представляет собой отдельную клаузу, оформленную винительным падежом, затем обязательный повтор заглавного слова с глаголом *sembi* 'говорить, называть'. Например, для слова «гул» (маньчж. *uran*), основное толкование построено так: маньчж. *jilgan sireneme genere be, uran sembi* '[Когда] звук продолжительно звучит, [это] называют «гул»'. Дополнительные толкования (которые не обязательно присутствуют у каждого слова), вводятся словами «также» (маньчж. *jai*), «еще» (маньчж. *geli*), их формулировки не строятся по определенной схеме и могут содержать различную дополнительную информацию: значения, близкие значению заглавного слова, переносные значения, синонимы, конкретные виды понятия, переданного заглавным словом, его разговорные варианты, омонимы, словосочетания с участием заглавного слова и др.

Количество заглавных слов в словарях 1708 и 1717 г. совпадает, и то же можно сказать и о тексте толкований, за исключением одного: в словарь 1717 г. не вошли все дополнительные толкования, которые известны как цитаты из классических книг и исторических сочинений (Волкова 1988: 103). То есть словарь 1717 г. — это тот же словарь 1708 г., но с добавленным монгольским переводом, и никакой редакторской работы (кроме удаления цитат) при его составлении не проводилось.

Значительно более существенной была работа составителей словаря 1771 г. Взяв за основу словарь 1717 г., они планомерно убирали дополнительные толкования при заглавных словах, ориентируясь на тематику раздела, в котором находилось заглавное слово, добиваясь точного тематического совпадения темы раздела и значения слова, объясняемого в толковании. Например, в разделе «Небо» при слове «капля» (маньчж. *sabdan*) было оставлено только основное толкование, объясняющее значение «капля дождя» (маньчж. *aga emke emken-i tuhenjire be, sabdan sembi* '[То, что] падает по одной [во время] дождя, называют «капля»'), а дополнительное — «капля любой воды» (маньчж. *yaya muke heni majige be, inu emu sabdan sembi* 'Маленькую-маленькую [часть] любой воды называют так же — «одна капля»') было убрано. Таких примеров в рассмотренных разделах достаточно много: у слова «нога» (маньчж. *bethe*) из раздела «Тело человека» убрали значение «ножка стола», из того же раздела у слова «мозг» (маньчж. *fehi*) было убрано значение для сочетания слова «мозг» с отрицанием — «безмоз-

глый» (маньчж. *fehi akū*), а у слова «сок» (маньчж. *simen*) — сочетание его с глаголом «иссякать», имеющее переносное значение «замерзать» (маньчж. *simen gociumbuha* букв. ‘сок иссяк’). Казалось, что, стремясь к тематической четкости построения словаря, составители лишали читателя дополнительной информации, и это обедняло словарь. Однако последнее утверждение оказалось совершенно несправедливым, потому что очень многие из «неподходящих» значений были не убраны бесследно, а перенесены с повтором заглавного слова в другой, более подходящий по тематике раздел словаря, образуя новую словарную статью и увеличивая количество заглавных слов. Так, слово «капля» с толкованием «капля любой воды» было переставлено в раздел «Земля», а «замерзший» — в раздел «Замерзать и дрожать». Увеличение количества заглавных слов за счет других «внутренних резервов» хорошо видно в разделе «Тело человека», в котором в словаре 1771 г. было добавлено 17 заглавных слов, из которых 12 — взяты из дополнительных толкований. Типичный пример — слово «горло» (маньчж. *mongyon*). Одна словарная статья для этого слова в словаре 1717 г. в словаре 1771 г. превратилась в пять. Дело в том, что первоначально в статье содержалось не только объяснение этого слова в основном толковании, но и информация о его двух видах (дыхательное горло и глотка), а также синонимы для каждого из этих видов — в дополнительных. В словаре 1771 г. каждое из дополнительных толкований было превращено в отдельную словарную статью, что увеличило число заглавных слов в словаре и не изменило количество полезной информации, имевшейся в нем.

Параллельно, как можно предположить, обнаруживалось, что в некоторых случаях слово с неподходящим толкованием, намеченное к перемещению в раздел тематически ему близкий, в последнем уже имелось. Как правило (но не всегда), в обоих разделах совпадают и формулировки толкований, значение же толкований всегда одинаковое. В таких случаях дополнительное толкование при слове в тематически несоответствующем разделе просто убирали, оставляя только основное — тематически выдержанное. Например, слово «подмышка» (маньчж. *oho*) является омонимом формы причастия прошедшего времени от глагола *ombi* ‘становиться, быть’. В словаре 1717 г. значения обоих омонимов объясняются в толкованиях при слове «подмышка» в разделе «Тело человека» (первое — в основном, второе — в допол-

нительном). В словаре 1771 г. в этом разделе осталось только основное толкование, соответствующее слову «подмышка», второе (для причастной формы) было убрано, а не переставлено, потому что в обоих словарях в другом разделе — «Пустые слова» (в нем собраны служебные слова), причастие *oho* ‘стал, был’ уже и так присутствовало. Толкование, объясняющее значение причастной формы, в двух разделах словаря отличаются по формулировке, но совпадают по значению. В разделе «Тело человека»: маньж. *jai wajiha šanggaha ba be, uttu oho, tuttu oho sembi* ‘Также [когда что-то] свершилось, закончилось, говорят: «так стало, этак стало»’. В разделе «Пустые слова»: маньж. *wajiha šanggaha sere gūnin. Sain oho, ehe oho sere jergi gisun de baitalambi* ‘Смысл [этого слова] — свершилось, закончилось. Употребляется со словами «хорошо стало, плохо стало» и другими подобными’. Очевидно, что второе объяснение более точное, поэтому ему и было отдано предпочтение.

Что касается редактирования собственно текста толкований, то его целью было сделать текст более понятным, а зачастую, одновременно сузить значение слова до общей тематики раздела. Например, с помощью добавления поясняющих слов «солнце и луна» (маньж. *šin biya*) в толковании к слову «сияние» (маньж. *foson*) дает точное указание на то, откуда это сияние исходит, и именно такое значение ожидаемо в разделе «Небо».

Еще одна тенденция в редактировании — замена китайских слов, употребленных в толковании, маньчжурскими. В рассматриваемых разделах китайских слов немного, например, в толковании общего названия двух звезд (маньж. *juru sirha*) в созвездии Большой Медведицы в словаре 1717 г. было употреблено китайское название одной из них: маньж. *di sing* — запись кит. *dì xīng* ‘император’. В словаре 1771 г. китайское название не только поменяли на маньчжурское (*han*), но и добавили поясняющее слово «звезда» (маньж. *usiha*): маньж. *han usiha* ‘звезда [называемая] «Император»’.

Поправки, внесенные в грамматическую структуру толкований, очень невелики: местами была проведена унификацию грамматических форм в составе одного толкования, в отдельных случаях добавили показатель падежа, присутствие или отсутствие которого носит факультативный характер. Такие виды правки не изменяли смысл толкования.

И, наконец, любое редактирование не обходится без исправления ошибок предыдущего текста. В словаре 1771 г. были исправлены некоторые такие ошибки, которые, скорее, можно назвать опечатками.

Например, в толковании слова «розовый» (маньчж. *jamu*) в словаре 1717 г. при прилагательном «красный» было использовано слово «темно-» (маньчж. *tumin*): маньчж. *genggiyen tumin fulgiyan be, jamu sembi* ‘Сияющий темно-красный [цвет], называют «розовый»’. Тогда как должно быть употреблено слово «светло-» (маньчж. *gelfiyen*), что и было исправлено в словаре 1771 г.: *genggiyen gelfiyen fulgiyan be, jamu sembi* ‘Сияющий светло-красный, называют «розовый»’. Эта неточность восходит к словарю 1708 г., а словарь 1717 г. ее повторил.

В целом, очевидно, что редактирование словаря 1771 г. было направлено на уменьшение количества дополнительных толкований и одновременно упорядочивание распределения лексики в соответствии с тематикой разделов. При этом допускался повтор одного слова в разных разделах, что вело к увеличению заглавных слов, даже в разделах с «политически-устойчивой» лексикой.

Литература

Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Изд-во Типография Императорской Академии наук, 1875.

Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1–3. Казань: Изд-во Университетская типография, 1844–1849.

Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь (Краткий толковый словарь монгольского языка). УБ.: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хороо, 1966.

Corff O., Maezono K., Mirsultan A. Auf kaiserlichen Befehl erstelltes Wörterbuch des Manjurischen in fünf Sprachen — „Fünfsprachenspiegel“. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.

Corff O. Two Centuries of Manju-Mongolian Multilingual Lexicography: a Comparison of the Lexicon of Three Multilingual Dictionaries. // Монгол судлал ба тогтвортой хөгжил. Олон Улсын Монголч эрдэмтний XI их хурлын “Монгол хэл бичиг судлал” I салбар хуралдааны илтгэлүүд. Улаанбаатар, 2017. С. 357–363.

Gorelova L. M. Manchu Grammar. // Handbook of Oriental Studies. Vol. 7. Leiden-Boston-Köln: Brill Press, 2002.

Kuribayashi H., Hurelbator. Manchu-Mongolian-Chinese Trilingual Dictionary of 1780 Arranged by Mongolian Words. Sendai: Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2006.

Kuribayashi H., Hurelbator. Manchu-Mongolian-Chinese Trilingual Dictionary of 1780 arranged by Manchu Words. Sendai: Center for Northeast Asian Studies Tohoku University, 2008.

Norman J. A Concise Manchu-English Lexicon. Seattle and London: University of Washington Press, 1978.

О ЗАГАДОЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БИРМАНСКОГО ЯЗЫКА

В статье делается попытка объяснить некоторые фонологические процессы и явления, происходящие сейчас, а также ведущие свое начало с древности. В частности, обсуждается предыстория коррелирующей пары инициалей s - s^h , находящейся в процессе распада. Делается попытка объяснить причины непоследовательной передачи бирманской гортанной смычки с помощью латиницы. Затрагивается проблема ранжирования переднерядных гласных.

Ключевые слова: система инициалей, корреляты, гортанная смычка, палийские заимствования.

В последнее время бирманские СМИ выражают обеспокоенность в связи с тем, что в речи людей, особенно молодежи, происходит смешение инициалей s - s^h в пользу s -. Иными словами, у инициали s - исчезает аспирированный коррелят. Авторы публикаций приводят многочисленные примеры того, как замена аспирированной инициали на простую полностью исключает возможность правильной идентификации значения слов. Судя по алармистскому тону публикаций, процесс утраты инициали s^h — зашел настолько далеко, что есть все основания предполагать, что он необратим.

Вся система инициалей бирманского языка базируется на коррелирующих парах — неаспирированный/ аспирированный, где шумные согласные имеют постаспирированный коррелят, а сонанты — преаспирированный. В древнебирманский период в языке было лишь две инициали, существовавшие вне такого противопоставления: h - и s -. В современном языке уже 4 инициали не имеют аспирированных коррелятов, а именно: h -, s' -, j -, θ . За исключением h - все они имеют недавнее происхождение и так или иначе имеют отношение к наблюдаемому сейчас процессу деаспирации инициали s^h . Рассмотрим подробнее, как реально это происходило.

Инициаль $\acute{s}$ - возникла, как это ни покажется странным, в результате эволюции велярной пары ky — k^hy , которая произошла примерно в XV в. и выразилась в переходе этой пары в простые палатальные $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$. На тот момент в системе существовала пара j — hj . С переходом ky — k^hy в $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$ фонологическая система стала интерпретировать инициаль hj - из пары j — hj не как аспирированный коррелят j -, т. е. hj , а как палатализованную фарингальную инициаль h^j — с фонетической точки зрения оба варианта равновозможны. Как следствие, такая инициаль оказалась вовлеченной в процесс ky — k^hy > $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$ и перешла в $\acute{s}$ -. ky > $\acute{c}$ → h^j > $\acute{s}$. Соответственно, оппозиция j — hj перестала существовать, ибо инициаль j - лишилась аспирированного коррелята. Но одновременно с этим возникла новая инициаль $\acute{s}$ < hj , и она вместе с j - пополнила список «ущербных» инициалей, т. е. не имеющих аспирированного коррелята. Как видим, произошло распадение коррелирующей пары j — hj на две, ни по каким признакам не связанные между собой новые инициали, что, в принципе, необычно для системы, ибо аналогичных процессов мы не встречаем на протяжении всей доступной для наблюдения истории бирманского языка.

На момент $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$ < ky — k^hy в системе уже существовала пара коррелятов $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$, которая стала вытесняться новой парой, и результатом этого процесса стала трансформация прежней пары $\acute{c}$ — $\acute{c}^h$ в s — s^h . Как видим, пара s — s^h , существование которой в прежнем виде вызывает сейчас сомнения у бирманцев, изначально является «вынужденной» в системе, а не естественной для нее. При этом эта пара просуществовала в фонологической системе на протяжении около пяти веков без какой-либо видимой специфики в сравнении с другими, традиционными, парами шумных коррелятов. И тем не менее, система нашла возможности для возвращения к своему прежнему состоянию, которое, по-видимому, соответствовало ситуации в других тибето-бирманских языках. В частности, в тибетском у инициали s - нет аспирированного коррелята.

Последняя «ущербная» инициаль θ определяется как интердентальный смычный и как таковая должна была бы иметь аспирированный коррелят, однако такового нет. Это объясняется следующими обстоятельствами. Изначально эта инициаль существовала в системе в виде s - без придыхательного коррелята (как в тибетском и других фонологических системах родственных языков), однако когда в системе

возникла пара s — s^h , прежняя одинокая s - была реинтерпретирована как экзотическая θ .

Такой выглядит предыстория нынешнего фонологического процесса. Без такого анализа происходящая сейчас деаспирация инициали s^h выглядела бы абсолютно необъяснимой и странной на фоне того, что все остальные коррелирующие пары остаются на протяжении многих веков стабильными, да и сама пара s — s^h на протяжении не менее пяти веков функционировала как вполне органичная для системы наряду со всеми другими коррелирующими парами.

Следующее, на первый взгляд необъяснимое, явление бирманской фонологической системы заключается в неадекватной передаче латиницей иностранцами, а также и самими бирманцами, одного и того же фонетического явления.

Слоги бирманского языка, записывающиеся с конечными p , t , k и $\acute{c}$, реализуются с гортанной смычкой на месте этих согласных. Когда звучание слов, записывающихся с конечными p , t , k , передается латиницей, то вместо смычки европейцы, да и сами бирманцы обычно пишут и произносят k . Такая передача гортанной смычки является естественным способом максимально приближенной передачи бирманской смычки, ибо велярный k является ближайшим к смычке по месту и способу образования. Например, бирманское *hut* [*hou?*] ‘да’ в латинице передается как *houk*, бирманское *pək* [*pau?*] ‘появляться’ передается как *pauk*, бирманское *lip* [*lei?*] ‘сворачивать’ передается как *leik*. При этом слоги, записывающиеся с конечным $\acute{c}$ и, соответственно, произносящиеся с гортанной смычкой, передаются в латинице с конечным t , а не с ожидаемым k , например: *mrac* [*mji?*] ‘река’ передается как *myit*, бирм. *sac* [*si?*] ‘война’ передается как *sit*, бирм. *pac* [*pji?*] передается как *pyit*. Возникает вопрос, что может стоять за такой непоследовательностью в передаче одного и того же фонетического явления.

Здесь можно рассуждать следующим образом. Слоги с конечным $-c$ реализуются только с центральной $-i-$, т. е. с самым верхним передним гласным, а k принадлежит заднерядным согласным. Отсюда, произнесение переднерядного t на месте смычки представляется более естественным, нежели k . Такое объяснение описываемого явления особенностями артикуляционного аппарата представляется логичным, если бы не следующее обстоятельство. Выше приводился пример с центральной $-ei-$ (*lei?* ‘сворачивать’), где смычка передается через k ,

хотя гласный *ei* в бирманском очень закрытый, до такой степени, что некоторые слова с этимологическим *-ei-* произносятся с центральной *-i-*. Таким образом, возможное объяснение данного явления через особенности артикуляции вряд ли можно признать состоятельным.

Возможно, на отображение смычки через *-t* вместо *-k* влияет графика — терминали *-č* нет в фонологической системе, но она есть в графике, поэтому говорящий (или пишущий латиницей) использует в качестве терминали согласный *-t* как ближайший по акустическим параметрам к *-č*. При этом нужно понимать, что такая фонологическая интерпретация возможна лишь со стороны грамотных людей. Ясно, что неграмотный произносит конечный *-t*, а не *-k* в нашем случае по каким-то иным причинам.

Что в данной ситуации заслуживает внимания? Графическая финаль *-ac* не имеет никакого отношения к фонетическому содержанию этой финали. Дело в том, что эта финаль восходит к протофинали *-iet*. Это можно считать установленным фактом. Отобразить финаль с таким сложным гласным средствами бирманской графики было невозможно, поскольку знаков для сложных гласных в бирманском алфавите нет, а упрощенная передача этой финали с простым гласным привела бы к смешению ее с другой финалью, а именно *-it*. Отсюда, после долгих колебаний и различных попыток найти максимально приближенный графический вариант для передачи финали *-iet*, бирманцы остановились на нынешнем варианте графического отображения ее. Логика бирманцев в этом случае понятна — коль скоро нельзя адекватно передать значение терминали, то вся графема может быть отраженной условно. Естественно, ближайшим к *-t* был избран *-c*, и коль скоро адекватная передача значения финали нарушена, нет необходимости пытаться отобразить значение централи, тем более, что именно это вызывало сложности, и именно из-за этого древним писцам пришлось искать специальную графическую форму для этой финали.

Итак, мы приходим к выводу, что какого-либо разумного объяснения использования согласного *t* вместо естественного *k* нет. С другой стороны, исторически такая кажущаяся нелогичной особенность системы предстает как оправданная.

Следующее заслуживающее внимания явление в бирманской фонологической системе — интерпретация гласного *i* как единицы более высокого ранга по сравнению с другими передними гласными, а именно — *e* и *ε*.

Бирманский язык функционирует в двух стилях — литературном и разговорном. Существуют разные наборы грамматических показателей, приуроченных к конкретному стилю, а также некоторые специфические для конкретного стиля лексические элементы. Некоторые общие для обоих стилей грамматические показатели и слова могут теоретически произноситься по-разному. В этом случае в литературном стиле данное слово или грамматический показатель будет произноситься с гласным *i*, а в разговорном — с *e* или *ε*. В частности, слова, содержащие финаль *-aŋ* могут произноситься с гласными *i*, *e* и *ε*. При этом какой-либо закономерности в том, какое из слов или служебных элементов должно произноситься с тем или иным гласным, нет. Однако в литературном стиле они будут произноситься только с гласным *i*, а в разговорном — с одним из двух других гласных. Например, слово *laŋ* ‘тоже, также’ теоретически может произноситься с любым из трех передних гласных, однако в литературном стиле оно произносится только с *i*. Показательно, что для того, чтобы не возникало возможности произнести данное слово в литературной форме с иным, чем *i* гласным, была осуществлена орфографическая реформа — для этого слова было введено написание, исключающее чтение с гласным *i*, а именно — *lay*, которое может произноситься только с гласным *ε* и, соответственно, используется в разговорном стиле. Имеются и другие случаи использования разных графических форм для одного и того же слова или грамматического элемента, например: слово *na tai* ‘имя’, которое теоретически может реализоваться как *na ti*, *na te*, *na tε*, имеет вариант написания *na tau*, который может произноситься только с гласным *ε* и таким образом исключает вариант произнесения с *i*, который предназначен для литературной формы.

Применительно к статусу *i* показателен принцип передачи бирманцами палийских заимствований. Обычно заимствуя многосложное палийское слово бирманцы сокращают последний слог до инициали, которую используют в качестве терминали предшествующего слога, напр.: палийское *takkasila* становится *takkasiul* ‘университет’, *kusalo* становится *kusiul* ‘добродетель, заслуга’. Следуя этому принципу палийское *vinayo* ‘Виная питака’ должно было бы в бирманском иметь форму *vinay*, однако реально это слово существует в форме *vinaiŋ*. Аналогичным образом, палийское *paŋo* ‘путь, способ’ вместо ожидаемой формы *paŋ* функционирует в форме *paiŋ*, слово *rasaŋo* ‘вера, доверие’

выступает в форме *рассай*. С другой стороны, палийское *antarayo* ‘опасность’ приобрело форму *antaray*, т. е. заимствовано «по-правилам». Также обстоит дело и со словом *adhippayo* ‘значение, желание’, которое в бирманском имеет форму *adhippayu*.

Данная непоследовательность в передаче палийских заимствований объясняется следующим обстоятельством. Графическое *au* в бирманском языке имеет только один вариант чтения — *ε*, тогда как *-añ*, как мы помним, может реализоваться с любым из трех передних гласных. Как правило, палийские заимствования принадлежат сфере духовности, и те из них, которые по представлениям бирманцев являются стилистически более высокого ранга, чем остальные, должны отличаться от других произношением. Передача некоторых палийских слов «по-правилам» не позволяла каким-то образом отразить такое различие в статусе. Поэтому была осуществлена орфографическая реформа для написания отдельных заимствований. Используя написание *añ* вместо *au* не нарушает возможности прочтения слова «по-правилам», т. е. с гласным *ε*, но допускает произношение с гласным *i* и тем самым позволяет отмечать слова как более высокого ранга в сравнении с остальными. Естественно, в настоящее время все палийские заимствования, записывающиеся с *añ*, произносятся только с *i*.

Итак, налицо факты, убедительно свидетельствующие об особом статусе гласного *i*. Трудно однозначно ответить на вопрос каковы корни такого статуса. Однако отметим, что в древнебирманском языке был представлен только один передний гласный — *i*, остальные два появились позже, при этом современное *e* в графике передается с помощью знака для *i*. Соответственно, все слова современного языка, произносимые с *e*, в древнем языке произносились с *i*. В древнем языке не было разделения на стили, и по мере формирования разговорной формы языка работал принцип — правильно то, как было раньше, и отсюда особое отношение к *i*.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>David Sehna</i> . Иерархические соотношения между классами знаменательных слов в древнекитайском языке.....	3
<i>Tsankova A. D.</i> Quantitative Survey on the Correlation of Basic Factors for the Functioning of the Aspect-Tense Markers in Modern Chinese.....	11
<i>Stella T. Zhivkova</i> . Sound Symbolism of Japanese Onomatopoeia as a Determining Factor for the Effectiveness of Kuchishoga (Solfege-Mnemonic System for Traditional Japanese Musical Instruments).....	26
<i>Андреева В. А.</i> Исконно вьетнамские фразеологизмы.....	35
<i>Антонян К. В.</i> О статусе феномена «космополитический китайский язык»	42
<i>Банкова Л. Л.</i> К вопросу о функционировании 天干地支 в качестве числительных в китайском языке.....	46
<i>Быкова С. А.</i> Западные диалекты японского языка и их грамматические особенности	51
<i>Виноградова Т. И.</i> Фонетические штудии академика В. М. Алексеева: по материалам его «Синологической картотеки».....	59
<i>Дмитренко С. Ю., Спатарь Н. М.</i> Союз daoj-sa: в кхмерском языке: история и функционирование.....	65
<i>Зацева Е. В.</i> О лабильности некоторых глаголов китайского происхождения в японском языке.....	74
<i>Капарушкина Д. И.</i> Основные формы и методы постановки произношения русских звонких и глухих согласных корейским учащимся.....	84
<i>Касевич В. Б., Костина Е. А., Мазарчук А. В., Яхонтова Н. С., Инюшкина Е. И.</i> Целостность и связность текста: некоторые предварительные соображения.....	92
<i>Клименко С. Б.</i> К вопросу о выборе залога в тагалог на материале глагола 'бояться'	98
<i>Колпачкова Е. Н.</i> Ирреальность в современном китайском языке	108
<i>Коровина Е. В.</i> Между папуасами и австронезийцами: чего больше в базисной лексике языка маисин?	124
<i>Косогорова М. А.</i> Грамматикализация адлогов в гвинейском пулар	134
<i>Крамарова С. Г.</i> Пассивные конструкции в балийском языке.....	142
<i>Крнета Н. Д.</i> Вежливость женской речи современного японского языка.....	148
<i>Круглов В. В.</i> Отец звуко-буквенного стандарта китайского языка Чжоу Югуан и его вклад в процесс лингвистической консолидации китайского социума	153

<i>Круглова Е. Д.</i> Влияние японской AGCN-субкультуры на пополнение лексики современного китайского языка	160
<i>Кузнецова О. В.</i> Полипредикативные конструкции в гуро: таксис, условие, причина	169
<i>Кутафьева Н. В.</i> Соматизмы в японском языке	185
<i>Осминина М. А.</i> Социокультурная организация и языковая ситуация народов Северной Ганы	191
<i>Макеева Н. В., Шлуинский А. Б.</i> Адлоги в языке акебу	194
<i>Марченко А. В.</i> Маркеры неоднократности ситуации в кхмерском языке	203
<i>Мозоль Т. С.</i> Типы лексических различий между стандартным языком Республики Корея и культурным языком КНДР	210
<i>Муравьева В. А.</i> Дискурсивные слова как системообразующий фактор китайской речи	220
<i>Нагибина И. Г.</i> Дискурс-анализ в китайской лингвистической традиции	227
<i>Наумова К. М.</i> Концепт «оптимизм» (乐观 lèguān) как фрагмент китайской языковой картины мира	235
<i>Николова В. В.</i> К вопросу иероглифического письма как социолингвистического феномена в процессе изучения японского языка	243
<i>Оглоблин А. К.</i> Структурные различия малайских диалектов	248
<i>Панина М. Е.</i> Современные китайские публицисты о России и русских: «вкрапления» русских слов в системе художественно-изобразительных и выразительных средств	256
<i>Порхомувский В. Я., Рябова И. С.</i> Имена Бога в версиях Ветхого Завета на языках хауса и суахили (контрастивный анализ)	261
<i>Румак Н. Г.</i> Метафора в лексикографическом описании ониматопоэтических единиц японского языка	269
<i>Станюкович М. В., Дмитренко С. Ю.</i> Рисовая брага/кувшинное вино. Сопоставительный анализ лексики филиппинских и бахнарических языков	274
<i>Стрижак У. П.</i> Грамматический материал японского и русского языков: тождественное и нетождественное в культурах	285
<i>Суетина Ю. Г.</i> Новые тенденции в словообразовании хауса	294
<i>Чиронов С. В.</i> Японские контрастивные дискурс-маркеры: проблемы и возможности исследования с использованием корпусных данных	297
<i>Энхбат Мунхцэцэг, Яхонтова Н. С.</i> Основные направления редактирования словника маньчжурских словарей (1717–1771)	311
<i>Янсон Р. А.</i> О загадочных явлениях в фонологической системе бирманского языка	319

Научное издание

ХIII Международная научная конференция
ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Сборник материалов

Отв. редактор Е. Н. Колпачкова
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Все статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,1. Тираж 100 экз.
Заказ № 1015

Центр содействия образованию
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
center2065@gmail.com

Отпечатано в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199

Санкт-Петербург
2018

ISBN 978-5-906623-34-8

9 785906 623348 >